

ISSN 1810-1909

Вестник

ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 3 2024

Исторические науки

Научный журнал

Основан в марте 1995 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

А.Ю. Александров, кандидат экономических наук, доцент (Чебоксары, Россия)

Заместитель главного редактора

Е.К. Минеева, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Члены редакционной коллегии

И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

П. Верг, доктор наук (PhD), профессор (США, Лас-Вегас)

Е.С. Данилко, доктор исторических наук, профессор РАН (Россия, Москва)

И. Зимони, доктор наук, профессор (Венгрия, Сегед)

А.Г. Иванов, доктор исторических наук, профессор (Россия, Йошкар-Ола)

Т.Н. Иванова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

А. Каппелер, действительный член философско-исторического отделения Австрийской академии наук, доктор истории, университетский профессор (Австрия, Вена)

Л.А. Королева, доктор исторических наук, профессор (Россия, Пенза)

С.Ю. Михайлова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Л.П. Репина, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

А.К. Салмин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Россия, Санкт-Петербург)

О.Н. Широков, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, в базы данных ВИНТИ РАН, Научной электронной библиотеки (elibrary.ru), электронной библиотеки «Cyberleninka», международную справочную систему «Ulrich's International Periodicals Directory», индексируется в базе данных «Российский индекс научного цитирования».

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15,
тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)
e-mail: vestnik210@mail.ru
<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

ISSN 1810-1909

Vestnik

CHUVASHSKOGO UNIVERSITETA

№ 3 2024

Historical Sciences

Scientific Journal

Since March, 1995

Founder:
Federal State Educational Budgetary Institution
of Higher Education
the Ulyanov Chuvash State University

Editor-in-Chief

A.Yu. Aleksandrov, Candidate of Economics, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

E.K. Mineyeva, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)

Editorial Board

I.I. Boyko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)

P. Werth, PhD, Professor (USA, Las Vegas)

E.S. Danilko, Doctor of Historical Sciences, RAS Professor (Moscow, Russia)

I. Zimoni, Doctor of Science, Professor (Szeged, Hungary)

A.G. Ivanov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Yoshkar-Ola, Russia)

T.N. Ivanova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

A. Kappeler, Full Member of the Division of Humanities and the Social Sciences of Austrian Academy of Science, Doctor of History, Professor (Vienna, Austria)

L.A. Koroleva, Doctor of Historical Sciences, Professor (Penza, Russia)

S.Yu. Mikhailova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

L.P. Repina, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

A.K. Salmin, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher (St. Petersburg, Russia)

O.N. Shirokov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

The journal is included in the list of journals which are regarded as academic publications by the State Commission for Academic Degrees and Titles (VAK), in the Abstract Journal and VINITI databases, Ulrich's International Periodicals Directory, Scientific Electronic Library (elibrary.ru), Cyberleninka Electronic Library. The journal is indexed in Russian Science Citation Index.

Address: 15, Moskovskiy pr., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015, Russia

Tel. +7(8352)45-20-96, 58-33-63 (2030)

E-mail: vestnik210@mail.ru

<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ЧУВАШИИ О МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В РЕСПУБЛИКЕ*

Ключевые слова: межнациональные отношения, молодежь, Чувашская Республика, сопоставительные исследования, этнокультурная инаковость.

Актуальность исследования определяется важностью сохранения межэтнического согласия в России, когда ее противники пытаются использовать рычаг национализма для расшатывания межнационального мира в стране. В условиях стремительно меняющейся действительности важно учитывать эти процессы в ходе научного анализа межэтнических отношений.

Цель исследования – сравнительный анализ данных социологических опросов, выявление динамики оценок межэтнических отношений со стороны студенческой молодежи в современных условиях, определение положительных и негативных трендов.

Материалы и методы. Источниковой базой послужили материалы опросов студентов Чувашии, выполненные по единой методике. В первую очередь имеются в виду обследования 2021 и 2024 гг., в которых участвовали по 150 студентов вузов и средних профессиональных образовательных учреждений Чебоксар и Новочебоксарска. Полученные данные были обработаны в программе SPSS Statistics 22.

Результаты исследования. Сравнение материалов 2021 и 2024 гг., а также сопоставимые данные более ранних исследований показали, что в Чувашии, с точки зрения студенческой молодежи, сохраняются ровные отношения между представителями различных этнических групп. При этом сравнение оценок применительно к России и Чувашии показывает уверенность молодых людей в более благополучной обстановке в республике. Динамика оценок отличается незначительным уровнем варьирования, при этом нет заметной разницы в ответах студентов вузов, с одной стороны, техникумов и колледжей – с другой.

Выводы. В среде студентов Чувашии остается устойчивой позиция о достаточно благополучном отношении дел в сфере межнациональных отношений в республике. В то же время уровень негативного восприятия некоторых народов, проживающих в Чувашии, в том числе и граждан России, остается достаточно высоким. Такое положение дел ставит задачи по укреплению общегражданской идентичности студентов.

Введение. Исследование межнациональных отношений в России в целом и в ее отдельных регионах является важной задачей не только для теоретического осмысления этих проблем, но и для использования полученных сведений в реальной деятельности управленческих структур разного уровня, общественных объединений, представляющих интересы отдельных этнических групп и т.д. Эти взаимосвязанные направления стали особенно актуальными после принятия в декабре 2012 г. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. В декабре 2018 г. указом Президента России в ранее принятый текст были внесены изменения, развивающие его основные положения. В документе одним из приоритетов государственной национальной политики определены «гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений, профилактика экстремизма и предупреждение

* Статья написана в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (второй трехлетний период реализации 2023–2025 гг.), разработанной Министерством науки и высшего образования Российской Федерации при участии Российской академии наук во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 16 января 2020 г. Пр-71, п. 6.

конфликтов на национальной и религиозной почве»¹. Понятно, что эту задачу невозможно решить, не исследуя практику межнациональных и межконфессиональных отношений, в том числе ее общие черты и особенности в различных социальных группах. С этой точки зрения оценки студенческой молодежью практики межэтнических отношений представляют значительный интерес, и к этой проблеме регулярно обращаются исследователи различных регионов. Одним из первых масштабных проектов такого рода стал коллективный труд 2013–2014 гг., когда в 22 субъектах страны было опрошено свыше 5,5 тыс. студентов. Это обследование проводилось и в Чувашской Республике. Один из блоков анкеты содержал вопросы, в которых выявлялись оценки молодых людей межэтнических отношений, уровней толерантности и конфликтности. [5. С. 205–264]. Свои наблюдения о ситуации с изучением межэтнических отношений в Приволжском федеральном округе и предложения по совершенствованию таких исследований высказали эксперты девяти республик и областей Приволжского федерального округа [6]. В Чувашской Республике в 2014 г. увидела свет книга, посвященная гражданским ценностям и этнокультурной позиции студенческой и учащейся молодежи республики. Авторы опирались на материалы двух опросов (март 2014 и октябрь 2014 гг., $n = 600$)². Один из разделов книги посвящен анализу оценок молодежью межэтнических отношений в республике и восприятия мигрантов. В статье коллектива авторов, вышедшей в 2019 г., использованы наряду с другими материалы опроса свыше 300 студентов Чувашии. Опираясь на мнения студентов, авторы делают вывод о республике 2000–2010 гг., как привлекательной площадке для молодежи с точки зрения межэтнических отношений [4]. В цикле статей преподавателей Чувашского университета, посвященных этнокультурным проблемам населения Чувашии, прежде всего студенческой молодежи, анализируются особенности ее гражданской и этнической, а также этнической и языковой идентичности [2].

Из изданий начала 2020-х гг. отметим экспертный доклад, в котором рассматриваются межнациональные отношения в оценках молодежи республик Башкортостана, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии и Чувашии [9]. Молодежным проблемам этих же пяти республик, среди которых присутствуют и межэтнические отношения, посвящена статья В.С. Воронцова и А.Е. Загребина [1]. Свою модель гражданско-патриотического воспитания студентов, в которой свое место занимает и корректное отношение к «иным», предлагают преподаватели из Саранска [3]. Имеются и другие труды, в том числе вышедшие в Чувашии.

Цель исследования – сравнительный анализ данных социологических опросов, выявление динамики оценок межэтнических отношений со стороны студенческой молодежи в современных условиях, определение положительных и негативных трендов.

Материалы и методы. Для написания данной статьи мы опирались в основном на обследование 300 студентов высших и средних профессиональных учебных заведений, которое было проведено в апреле-мае 2024 г. Опрашива-

¹ О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666: Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2018 г. № 703 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843/page/2> (дата обращения 20.06.2024).

² См.: *Бойко И.И., Харитонова В.Г.* Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии: гражданские ценности, социокультурные ориентиры / ЧГИГН. Чебоксары, 2014. С. 35–56.

лось по 150 человек в каждом типе учебного заведения, в том числе в Чувашском государственном университете, Чувашском государственном педагогическом университете, Чувашском государственном аграрном университете, а также в Новочебоксарском химико-технологическом техникуме, Чебоксарском техникуме строительства и городского хозяйства, Чебоксарском электромеханическом колледже, Чебоксарском педагогическом колледже имени Н.В. Никольского. По направлениям обучения студенты делились на две равные по численности группы: «техники» и «естественники», с одной стороны, и «общественники», с другой. Участники обследования были поровну распределены по годам обучения: 150 человек пришлось на I–II курсы, остальные 150 человек составили студенты старших курсов. В общем составе опрошенных 48% составили юноши, 52% – девушки, но среди участников опроса в вузах это распределение выглядело следующим образом: 41 и 59%, в техникумах и колледжах – 55 и 45% соответственно. Отметим, что в октябре 2021 г. в вузах и техникумах Чувашии по однотипной программе также проводился опрос 300 студентов, и у нас есть база для сравнения оценок тех или иных этнокультурных сюжетов, высказанных молодежью в 2021 и 2024 гг.¹

Результаты исследования. Во-первых, отметим, что, по данным практически всех опросов, этничность другого человека для студентов Чувашии в ходе общения не представляется актуальным обстоятельством. Например, по данным обследования 2024 г., практически 80% респондентов заявили, что они при общении с человеком не придают никакого значения его национальности. В 2021 г. такой же вариант ответа выбрали 83%. Каждый десятый в 2024 г. предпочитал не общаться с лицами некоторых национальностей, тремя годами ранее таким же образом высказались 12% студентов вузов и техникумов. Общение с людьми «своей» национальности отмечено у 5% в 2024 г. и у 3% в 2021 г. Затруднились дать определенный ответ 6 и 2% участников опроса соответственно. Эти материалы свидетельствуют о стабильных установках молодежи на восприятие в ходе общения людей разных национальностей. Отметим также, что эти установки в основном положительно нейтральны, они не несут негативного отношения к людям других этнокультурных особенностей, по крайней мере, за исключением лиц, представляющих отдельные этнические группы. Более подробно с особенностями такого восприятия можно ознакомиться в материалах специального исследования, изданного коллективом авторов в Институте этнологии и антропологии РАН. В нем есть данные и по Чувашской Республике [7]. Сравнение ответов студентов вузов и учреждений среднего профессионального образования показывает, что дистанция между ними является незначительной, составляя максимум 3-4 процентных пункта (варианты «предпочитаю не общаться с людьми некоторых национальностей» и «затрудняюсь ответить»).

Переход от собственного восприятия конкретных людей, представляющих другие этнические группы, к оценкам отношений между людьми различных национальностей в Российской Федерации и Чувашской Республике показывает, что опрошенные видят ряд особенностей, которые проявились в конкретных оценках (табл. 1). Отметим, что изменений практически нет, особенно это относится к Чувашии. Для России немного заметней перемены в оценках

¹ См.: Студенты высших и средних профессиональных учебных заведений Чувашии о самоидентификации и этнокультурном развитии / И.И. Бойко, О.В. Карпова, И.В. Муравьева и др. // Вестник Чувашского университета. 2022. № 4. С. 12–21. DOI: 10.47026/1810-1909-2022-4-12-21.

уровня доброжелательности, но в целом (доброжелательные + нормальные) разница составляет всего два процентных пункта. Следует подчеркнуть, что в этот период началось проведение специальной военной операции, но нарастания негативного отношения к иностранным гражданам также не зафиксировано. Как и три года назад, наблюдались более жесткие оценки межэтнических отношений в целом по стране сравнительно с Чувашией. Сравнение оценок студентов вузов и техникумов показывает, что дистанции с этой точки зрения между ними нет, разница по всем показателям по России не достигает пяти, а применительно к Чувашии – двух процентных пунктов. Если речь вести о более негативных оценках межэтнических отношений в России, то, наверное, следует предположить, что в данном случае причинами могли быть реальные факты конфликтов на национальной почве, о которых сообщали различные общероссийские СМИ. Если вести речь о Чувашии, то следует констатировать ровные и сдержанные отношения между людьми разных национальностей, в первую очередь старожильческого населения. Безусловно, встречается бытовое неприятие отдельных сторон традиций, обычаев некоторых этнических групп, приехавших в республику из регионов Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии и др. О проявлениях положительного и негативного восприятия «иных» нам приходилось писать с начала второго десятилетия XXI в., когда ЧГИГН начал мониторинговые обследования этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике [8. С. 16–25, 61].

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Каковы, на Ваш взгляд, отношения между людьми различных национальностей?», %

Варианты ответов	2021 г.		2024 г.	
	в России	в Чувашии	в России	в Чувашии
Доброжелательные, способствующие общественному согласию	22	25	17	26
Нормальные, бесконфликтные	39	54	41	54
Напряженные, бывают конфликтные ситуации	32	14	32	14
Взрывоопасные, способные перейти в открытые столкновения	2	–	1	–
Затрудняюсь ответить	6	7	8	6

Если перейти от общей оценки межнациональных отношений в республике к собственному опыту респондентов в этой сфере, то окажется, что реальные конфликты, обиды встречаются еще реже, и об этом свидетельствуют данные табл. 2. И в этом случае необходимо добавить, что подобный уровень личностного восприятия конфликтных ситуаций, связанных с этнокультурными особенностями отдельных людей, наблюдается достаточно продолжительное время, что является отражением реально сложившейся ситуации. При этом следует иметь в виду, что некоторые респонденты отмечали не один, а два варианта ответов. Иначе говоря, они испытали негативное к себе отношение, например, из-за языка и национальности и т.д. Всего такие опрошенные составили около трети от всех студентов, испытавших подобные к себе чувства. То есть фактически их суммарная доля составляет не 7, а 5% как в 2021, так и в 2024 г. Если вести речь о конкретных проявлениях негативного отношения, то проявляется это в бытовой обстановке, чаще всего на улице, в магазинах, транспорте, больницах и т.п.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «За последний год приходилось ли Вам испытывать негативное к себе отношение из-за языка, на котором говорите, своей национальности, религии?», %

Варианты ответов	2021 г.	2024 г.
Да, из-за языка	3	3
Да, из-за национальности	3	3
Да, из-за религии	1	1
Не было никакого негативного отношения	91	92
Затрудняюсь ответить	4	2

Примечание. Сумма ответов превышает 100%, поскольку можно было выбрать несколько вариантов.

Тем не менее, если перейти к ответам на вопрос о возможности потенциальных конфликтов в республике на межнациональной почве, то окажется, что значительная доля опрошенных (29%) допускает такую возможность, а еще 2% полагают, что они уже происходят. Более 60% уверены, что такие конфликты практически невозможны, и остальные 8% не дали определенного ответа. Примерно такое же распределение ответов на этот вопрос зафиксировано и в 2021 г., и можно вести речь о некоторой тенденции. То есть реальная ситуация с личными межэтническими конфликтами не трансформируется в общественное пространство, что может означать более критическое отношение как к близкому, так и отдаленному окружению респондентов с точки зрения их отношения к «другим». Если более конкретизировать это предположение, то вполне возможно, что речь идет не о старожильческом населении (чуваши, русские, татары, мордва, марийцы и др.), а о лицах, приехавших в республику в последние десятилетия из государств Закавказья, Средней (Центральной) Азии, а также из российских регионов Северного Кавказа. В свое время нам приходилось писать о восприятии таких групп людей жителями Чувашии¹. К сожалению, материалы данного и других исследований свидетельствуют о негативном отношении не только к гражданам иностранных государств, но и к россиянам – выходцам из республик Северного Кавказа. С этой точки зрения еще актуальнее становится проблема укрепления общегражданской идентичности.

Выводы. Материалы, полученные в ходе опроса студентов высшего и среднего профессионального образования, свидетельствуют о достаточно устойчивом мнении молодежи о характере межэтнических отношений в республике. Сравнение этих данных с ответами подобной группы студенческой молодежи, выявленных в 2021 г., а также в ходе более ранних исследований, дают возможность вести речь о тенденции, которая свидетельствует о положительном восприятии молодежью межнациональных отношений в Чувашии. Особо отметим, что начало и ход специальной военной операции не оказали на восприятие этнокультурной инаковости негативного воздействия. В то же время остается достаточно критическое отношение молодежи к лицам, представляющим государства Закавказья, Средней Азии, а также российские республики Северного Кавказа.

Литература

1. Воронцов В.С., Загребин А.Е. Молодежные проблемы в социологическом измерении (на материалах республик Башкортостан, Марий Эл, Удмуртия, Мордовия, Чувашия // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 59–73.

¹ См.: Бойко И.И. Общественные воззрения на культурную инаковость в Чувашии // Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования) / ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 153–177.

2. Карпова О.В., Павлова А.Н., Соколова В.И., Ткаченко Е.В. Этническая и языковая идентичности студентов вузов Чувашии // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2018. № 1. С. 113–118.

3. Модель гражданско-патриотического воспитания в вузе: опыт Мордовского государственного педагогического университета / А.В. Мартыненко, Т.Д. Надькин, Е.З. Грачева и др. Саранск: МГПУ, 2023. 109 с.

4. Путьшев И.В., Минеева Е.К., Королева Л.А., Романов В.В. Этнокультурное развитие и межэтническое взаимодействие в Чувашской Республике в 2000-х – 2010-х гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 1(49). С. 168–174.

5. Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / под общ. ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2014. 342 с. EDN: TIFR JL.

6. Состояние научной экспертизы межэтнических и конфессиональных отношений в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.; Ижевск; Оренбург: Ин-т компьютерных исследований, 2013. 124 с. EDN: RYZDEV.

7. Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования) / ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2014. 364 с.

8. Этнокультурное развитие и межэтнические отношения в Чувашской Республике: научный отчет по материалам социологического обследования 2011 г. / ЧГИГН. Чебоксары, 2012. 88 с. EDN: MAIOTV.

9. Этнополитические тренды, идентичность и межнациональные отношения в молодежной среде (республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия): экспертный доклад / под ред. А.Е. Загребина. Научный Совет РАН по комплексным проблемам этничности, Удмуртский госуниверситет. Ижевск: Ин-т компьютерных технологий, 2022. 152 с.

БОЙКО ИВАН ИВАНОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет; главный научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (boyko2003@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9202-615X>).

МУРАВЬЕВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (irina17-04@bk.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9368-3258>).

МЯСНИКОВА АЛЛА БОРИСОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (lekomalla@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2119-6863>).

Ivan I. BOYKO, Irina V. MURAVYEVA, Alla B. MYASNIKOVA
STUDENT YOUTH OF CHUVASHIA
ON INTERETHNIC RELATIONS IN THE REPUBLIC

Key words: *interethnic relations, the youth, the Chuvash Republic, comparative studies, ethnocultural otherness.*

The relevance of the study is determined by the importance of preserving interethnic harmony in Russia, when its opponents are trying to use the lever of nationalism to undermine interethnic peace in the country. Under the conditions of a rapidly changing reality, it is important to take these processes into account in the course of scientific analysis of interethnic relations.

The purpose of the study is to perform a comparative analysis of sociological survey data, to identify the dynamics of assessments given to interethnic relations by students in modern conditions, to define positive and negative trends.

Materials and methods. The source base was made by the materials of surveys of Chuvashia's students, carried out according to a single methodology. First of all, we are referring to the surveys of 2021 and 2024, which involved 150 students of universities and secondary vocational educational institutions of Cheboksary and Novocheboksarsk. The data obtained were processed in the SPSS Statistics 22 program.

Research results. The comparison of materials obtained in 2021 and 2024, as well as comparable data from earlier studies, showed that in Chuvashia, from the point of view of student youth, even relations between representatives of different ethnic groups are preserved. At this, the comparison

of assessments in relation to Russia and Chuvashia shows that young people are confident in a more prosperous situation in the republic. The dynamics of assessments differs by a slight level of variation, while there is no noticeable difference in the responses of university students, on the one hand, and technical schools and colleges, on the other.

Conclusions. Chuvashia students keep up the stable position on a fairly prosperous attitude of affairs in the field of interethnic relations in the republic. At the same time, the level of negative perception of some peoples living in Chuvashia, including Russian citizens, remains quite high. This state of affairs poses the task of strengthening the general civic identity of students.

References

1. Vorontsov V.S., Zagrebin A.E. *Molodezhnye problemy v sotsiologicheskom izmerenii (na materialakh respublik Bashkortostan, Marii Ehl, Udmurtiya, Mordoviya, Chuvashiya Vestnik antropologii)* [Youth problems in the sociological dimension (based on the materials of the Republics of Bashkortostan, Mari El, Udmurtia, Mordovia, Chuvashia)]. *Vestnik antropologii*, 2023, no. 4, pp. 59–73.
2. Karpova O.V., Pavlova A.N., Sokolova V.I., Tkachenko E.V. *Etnicheskaya i yazykovaya identichnosti studentov vuzov Chuvashii* [Ethnic and language identities of students of higher educational institutions of the Chuvash Republic]. *Vestnik Cheboksarskogo filiala Rossiiskoi akademii narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii*, 2018, no. 1, pp. 113–118.
3. Martynenko A.V., Nad'kin T.D., Gracheva E.Z. et al. *Model' grazhdansko-patrioticheskogo vospitaniya v vuze: opyt Mordovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [The model of civic and patriotic education in higher education: the experience of the Mordovian State Pedagogical University]. Saransk, 2023, 109 p.
4. Pupyshv I.V., Mineeva E.K., Koroleva L.A., Romanov V.V. *Ehtnokul'turnoe razvitie i mezhehtnicheskoe vzaimodeistvie v Chuvashskoi Respublike v 2000-kh – 2010-kh gg.* [Ethnocultural development and interethnic interaction in the Chuvash Republic in the 2000s – 2010s]. *Vestnik Nil gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*, 2019, no. 1(49), pp. 168–174.
5. *Rossiiskoe studenchestvo: identichnost', zhiznennye strategii i grazhdanskii potentsial* [Russian Students: Identity, Life Strategies and Civic Potential]. Moscow, 2014, 342 p.
6. *Sostoyanie nauchnoi ekspertizy mezhetnicheskikh i konfessional'nykh otnoshenii v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyi doklad* [The state of scientific expertise of interethnic and confessional relations in the Volga Federal District. Expert report]. Moscow, Izhevsk, Orenburg, 2013, 124 p.
7. *Sotsial'nye faktory etnicheskoi neterpimosti. itogi mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Social factors of ethnic intolerance: results of interdisciplinary research]. Moscow, 2014, pp. 153–177.
8. *Etnokul'turnoe razvitie i mezhetnicheskies otnosheniya v chuvashskoi Respublike: nauchnyi otchet po materialam sotsiologicheskogo obsledovaniya 2011 g.* [Ethnocultural development and interethnic relations in the Chuvash Republic. The scientific report on the materials of the 2011 sociological survey]. Cheboksary, 2012, 88 p.
9. Zagrebin A.E., ed. *Etnopoliticheskie trendy, identichnost' i mezhnatsional'nye otnosheniya v molodezhnoi srede (respubliki Bashkortostan, Marii Ehl, Mordoviya, Udmurtiya, Chuvashiya): ehkspertnyi doklad* [Ethnopolitical trends, identity and interethnic relations among youth (Republics of Bashkortostan, Mari El, Mordovia, Udmurtia, Chuvashia): expert report]. Izhevsk, 2022, 152 p.

IVAN I. BOYKO – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University; Chief Researcher, Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, Russia, Cheboksary (boyko2003@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9202-615X>).

IRINA V. MURAVYEVA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (irina17-04@bk.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9368-3258>).

ALLA B. MYASNIKOVA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Archeology, Ethnography and Regional History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (lekomalla@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2119-6863>).

Формат цитирования: *Бойко И.И., Муравьева И.В., Мясникова А.Б.* Студенческая молодежь Чувашии о межэтнических отношениях в республике // *Вестник Чувашского университета.* 2024. № 3. С. 5–11. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-5-11.

УДК 39+615.11
ББК 63.5 (2Рос.Баш)

Ф.Г. ГАЛИЕВА

ЦЕЛИТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА РУССКИХ ЮЖНОГО УРАЛА: ПРИЕМ «ПЕРЕНОСА» НЕДУГА ОТ ЧЕЛОВЕКА НА ДРУГИЕ ОБЪЕКТЫ*

Ключевые слова: русские Южного Урала, молитвы и заговоры, народная мифология, полевые материалы, архивные источники.

Актуальность исследования обусловлена тем, что народная медицина русского населения Южного Урала (Уфимской губернии) представляет собой один из слабо изученных, но важнейших пластов этнической культуры, в котором ярко проявляются преимущество этнических традиций, динамика мировоззрения и религиозной идентичности.

Цель исследования – выявление приема «передачи» болезни от человека живому или неживому объекту в целительской практике русских Южного Урала.

Материалы и методы. Объектом настоящего исследования является русское крестьянское население Южного Урала, сформировавшееся в XVI–XX вв. из выходцев северных, центральных, южных и западноевропейских губерний России. Хронологические рамки исследования – с конца XIX до середины XX в., когда еще сохранялись этнические традиции. Источниками послужили полевые материалы автора и сведения по народной медицине русских Южного Урала в опубликованных и рукописных работах Р.Г. Игнатьева, Д.К. Зеленина, М.В. Колесникова, А.И. Кийкова, Н.П. Колпаковой, Б.Г. Ахметшина, Ю.Г. Диникеевой. Методы исследования: сопоставление ранее опубликованных и рукописных полевых материалов по народной медицине русских Южного Урала, сравнение с другими народами и регионами.

Результаты исследования. «Перенос» болезни осуществлялся с помощью определенных магических действий, а также заговоров и молитв. Объектами «переноса» недугов были домашние животные (кошки, собаки, куры, петухи, гусята), а также рыбы (щука), деревья (береза), огонь, печной дым. К домашним животным непременно обращались в случае лечения грудных детей якобы по причине нарушения запрета беременными пинать питомцев. «Нивелирование» некоторых болезней с симптомами красноты (корь, краснуха, рожа, щетина новорожденных) достигалось путем применения красной ткани. Действия, совершаемые при лечении, были связаны с потряхиванием ребенка, его приподниманием и отведением в сторону, повторя форму православного креста, очерчиванием больного места, оборачиванием (ствола дерева поясом больного), опрыскиванием водой через горящую лучину (при болячках на лице).

Выводы. Способы избавления от недугов путем «переноса» на другие объекты на Южном Урале русскими переселенцами передавались из поколения в поколение до середины XX столетия, периода сохранения традиционных представлений об их причинах (нарушение запретов и как следствие – проникновение в человека вредных существ). Способы лечения связаны с атрибутами крестьянского быта и характеризуют религиозный синкретизм русских крестьян.

Введение. Русские Южного Урала как этнокультурная общность сформировались в XVI–XIX вв. в результате консолидации преимущественно крестьян – выходцев из многих губерний России (северных, центральных, южных, западноевропейских), перенесенных на южно-уральские земли сложившиеся на исторической родине народно-медицинские способы и приемы избавления от недугов, а также представления о сакральных объектах и предметах, формулы заговоров. Со временем происходило наслаивание традиций разных групп русских и обновление за счет появления новых знаний и лечебных средств [2].

* Исследование выполнено в рамках Государственного задания ИЗИ УФИЦ РАН № 122041900118-5.

Как показало исследование, целительские практики сохранялись до середины XX столетия по причине силы традиций, компактности расселения русских (нередко «гнездами»), финансовой недоступности, разочарованности в официальной медицине.

Актуальность и научная новизна исследования заключается в том, что в целом народная медицина русского населения Южного Урала до настоящего времени не являлась темой специального исследования, хотя это один из важнейших пластов этнической культуры, в котором ярко проявляются преемственность этнических традиций, динамика мировоззрения и религиозной идентичности вплоть до утраты веры в народную магию.

Целью исследования является выявление приема «передачи» болезни в народно-целительской практике русских Южного Урала, активно практиковавшегося с конца XIX до середины XX в.

Материалы и методы. Объектом настоящего исследования является русское крестьянское население Южного Урала, сформировавшееся в XVI–XX вв. из выходцев северных, центральных, южных и западноевропейских губерний России. Предметом настоящего исследования является прием, к которому в своей практике обращались очень многие народные целители в разных селениях Южного Урала, – «перенос» недуга на живые или неживые объекты с помощью определенных действий и непременно заговоров и молитв. Хронологические рамки исследования – с конца XIX до середины XX в., когда еще сохранялись этнические традиции. Методами исследования являются сопоставление ранее опубликованных и рукописных полевых материалов по народной медицине русских Южного Урала и сравнение с другими народами и регионами.

Источниками послужили сведения по народной медицине русских Южного Урала (Уфимской губернии) в работах этнографа и археолога Р.Г. Игнатьева [5], краеведов М.В. Колесникова [8, 10] и А.И. Кийкова [7], этнографа и фольклориста Д.К. Зеленина (1904) [4], в экспедиционных записях ленинградского фольклориста Н.П. Колпаковой (1938) [16]. Из современников сбором материала по этномедицине русских северо-востока Башкортостана отчасти занималась фольклорная экспедиция (2013) филологического факультета БашГУ под руководством Б.Г. Ахметшина [17]. Нами в ходе историко-этнографического изучения русского населения Башкортостана методами полевой этнографии также накоплен корпус источников (2011–2023). Публикации по целительским практикам, направленным на лечение детей, на основе полевых материалов (2014–2017) подготовила Ю.Г. Диникеева [2].

Результаты исследования. В ходе подготовки статьи установлено, что целителями для «переноса» недугов от человека другому существу из живых объектов прежде всего выбирались те, что в народной мифологии воспринимались как посредники между мирами живых и мертвых – это собаки, кошки, куры. Они использовались в отгонной и лечебной магии для нивелирования в природном мире сглаза, порчи, болезни. Особенно часто к домашним животным обращались для лечения недугов у детей, так как по народным представлениям появление болезней у малышей непосредственно связано с нарушениями запретов в поведении беременной женщины, например, пинать питомцев.

В рецепте избавления от боли у ребенка, записанном в с. Кага Белорецкого района Башкортостана, рекомендуется указательным пальцем правой руки очертить это место (прием очерчивания – локализация боли) и сказать: «У кошки боли, у собаки боли, а у нашего малыша (называют имя) заживи. Аминь. Аминь.

Аминь» [6. С. 4]. Имя кошки и собаки не называется, а у ребенка конкретизируется как члена социума, находящегося под защитой.

Если в предыдущем примере лишь называются кошка и собака как объекты, которые противопоставляются миру людей, то в следующем рецепте предусмотрен непосредственный контакт с собакой. В одном из способов избавления от щетины на спине у новорожденных детей (колючих волосяных отростков, невидимых глазу, но беспокоящих ребенка), записанных Ю.Г. Диникеевой в Караидельском районе Башкортостана, рекомендовалось место щетины смазать маслом, позвать собаку, дать ей вместе с маслом вылизать щетину [2. С. 55].

Представления о возможности переноса болезней на собаку имели и другие народы. Башкиры специально шили для ребенка «собачью рубашку», на время ее накидывали на собаку, по народным представлениям получая защиту от злых духов [12]. Болезнь «передавали» собаке, накормив ее раскрошенным хлебом, произнося слова: «Ребенка не ешь, вот это ешь!» [12]. Чехи собаке давали смоченную в воде корку хлеба, чтобы избавиться от длительного плача ребенка [1]. Как пишет А.М. Архангельская, особой целебной силой наделялась собачья слюна, ею лечили раны, язвы и даже кожные инфекции. Аналогично русским, чехи больное место намазывали сметаной, а собака слизывала [1. С. 26]. Напомним, что собака в славянской мифосимволике – охранник нижнего мира, обладает способностью предсказывать смерть [1. С. 112]. Кошка (кот) – обладает колдовскими способностями, она «и воплощение божественных персоналий, и дух-покровитель, и элемент низшей мифологии, связанной с отрицательным началом» [19. Т. 1. С. 322].

Русские Южного Урала проблемы с регулярным безудержным вечерним детским плачем решали и за счет кур и петухов. Вначале читали заговоры «на Зорьку», «на Сон-угомон» (стоя в дверях дома, открывая и закрывая дверь, чтобы через сакральную границу ушла проблема). Затем малыша несли в курятник, читая молитву «Отче Наш», под куриным насестом трясли, приподнимали вверх, отводили в сторону, повторяя форму православного креста [3]. Аналогично в курятник носили ребенка для избавления от «Криксы» (мифического существа, якобы забирающего у ребенка живительную энергию) полуденной [3]. Ловили курицу и над ней произносили слова заговора с просьбой курам и петухам забрать Криксу с младенца (называли имя), а затем курицу отпускали во двор [16. Л. 69]. При Криксе вечерней и бессоннице с курицей поступали аналогично, незначительно отличались лишь слова заговора, направленные на воздействие Криксы полуденной [16. Л. 69]. Схожее обращение к петухам и курам при тех же ситуациях практиковали русские в других регионах России [15. С. 105].

Напомним, что в народной мифологии курица – символ спасения, дает яйцо – символ вечной жизни, связующее звено с загробным царством [2. С. 269]. Петух – «земной дублер солнца», связан с божествами утренней зари и солнца, разгоняет нечистую силу [19. Т. 2. С. 60–65]. Неслучайно эта птица была в центре внимания многих обрядов русских Южного Урала (и других регионов). Вдове перед погребением ее мужа (иногда еще к девяти и сорока дням после смерти) дарили живую курицу-покровительницу женщины [14. С. 109]. Курицу для приготовления еды приносили парни на вечерки [13]. Многие ритуальные блюда готовили из курицы (щи, пироги, свадебный курник) и куриных яиц (среди обязательных свадебных блюд у русских Уфимской губернии была яичница в латке) [13].

У русских Южного Урала практиковалась «передача» недуга также гусятам и щуке. Для избавления у детей от ночного недержания ловили небольшого щуренка, затем высушивали, заговаривали и клали ребенку под матрац [2. С. 57]. Малыш в своей постели должен спать сухим подобно тому, какой оказалась маленькая щука. Для избавления от желтухи ловили и сажали в миску взрослую щуку, заставляли больного смотреть на неё, чтобы желтуха перешла от человека на рыбу, пожелтела и «уснула». После этого больной никогда уже не должен есть щуку [10. С. 103]. В мифологии многих народов щука – «зооморфное воплощение соляной идеи», тотемистический предок людей, имеющий причастность к сфере хтонического, к низу [19. Т. 2. С. 491–495]. От *матежей* (темных пятен на коже) избавлялись следующим образом: ловили первого встречного весеннего гусенка и терли им лицо, считалось, что после этого *матежи* сами собою исчезнут [10. С. 102].

Нейтрализация некоторых болезней (проявляющихся покраснением кожи) по народным представлениям происходила и при использовании красной ткани. В красную ткань оборачивали ребенка для избавления от щетины [2. С. 57]. Согласно полевым материалам автора, в русских селениях Дуванского и Белокатайского районов Башкортостана в случае заболевания рожей к месту болезни крепили красную тряпку [13]. При кори ребенка помещали в темную комнату, окна завешивали красной тряпкой [4. С. 57]. В случае кори или краснухи оборачивали больного в красную ткань чуваша [3. С. 281, 282], карелы, вепсы [11. С. 154], многие финно-угорские и тюркские народы [9].

Считалось, что избавиться от болезней можно, обратившись к природным объектам и природным стихиям. Д.К. Зеленин в с. Усень-Иваново Белебеевского уезда Уфимской губернии в 1904 г. записал способ избавления от *комухи* (лихорадки), вызванной воздействием *уроков* (сглаза) и простудой. Для лечения читали специальный *слисок* (заговор), а также «передавали» недуг другому человеку через березу, что растет ближе к дому больного: «Надо подойти взад пятки и, не оборачиваясь, надеть на нее свой пояс, а потом скорее домой. Кто тот пояс возьмет, того комуха заломает» [4. С. 157]. В данном случае березу можно рассматривать как священное дерево древних славян, дар богов, связующее звено между землей и небом [19. Т. 2. С. 127–143], а также посредник в мире людей. Пояс – вместилище жизненного пространства и сакральный предмет.

Заговор для избавления от рожи, записанный в 1838 г. Н.П. Колпаковой, произносился над березовыми зажженными лучинами, где береза – посредник в процессе избавления от рожи. В нем сообщается о том, что «Рожу зажигаю, рожу закаливаю, через матушку белую березу», затем звучит призыв роже сгореть на огне-пламени [16. Л. 72].

Посредником в процессе избавления от сглаза или боли у ребенка и их «передаче» печному дыму была русская печь – ритуальный центр крестьянского дома. В д. Веялочная Дюртюлинского района Башкортостана перед топкой печи малыша держали возле устья и обращались к летучему дыму забрать недуг [2. С. 56]. В г. Нязепетровск Челябинской области печь помогала избавиться от распространенного недуга у женщин – тоске по любимому (если ее бросил муж), когда она переставала спать и чахла. Целительница читала молитвы и заговоры перед печью, обращаясь к печному дыму забрать болезнь [17. С. 117].

Стихия огня по народным представлениям помогала избавиться от *летучего огня* (*летучки*) с болячками на лице и теле якобы по причине нарушения запрета плевать в огонь. Для этого необходимо выйти на край села (сакральная граница), увидеть дым или огонь, обратиться к ним забрать у ребенка (называют имя) *огонь летучий* [3. С. 58]. Согласно записям Н.П. Колпаковой, для лечения *летучки* целительница брала решето и три лучины, подносила их к лицу, затем брызгала на лицо через огонь в решето водой, набранной в рот. От болезни должны были помочь избавиться березовая лучина, огонь и вода [16. Л. 199]. Аналогично «перенос» симптомов *летучки* происходил в Пензенском уезде, правда, для этого связывали между собой 12 березовых лучин [15. С. 204–205].

В народной магии русских Южного Урала освобождение от недугов происходило на пограничных пространствах и в случае появления других болезней. При сильных капризах детей проводили ритуал «ношение к столбу» или «ношение к воротам», произносили заговор, в котором обращались к «батюшке воротному столбу» убрать рев, крик, все недуги [2. С. 56]. Магические действия часто совершались в бане. Например, чтобы освободить человека от «гада», который заполз в живот через рот и «сосет сердце», больного усаживали с открытым ртом над горячими углями, куда рассыпали малину, обращались к «гаду» выйти из человека и уйти на ягоду-малину [10. С. 99–100].

Выводы. Способы лечения на Южном Урале переселенцами передавались из поколения в поколение, как и представления о причинах и сущности недугов. Болезнь, связанная с нарушением запрета беременными обижать домашних животных, лечилась через обращение к ним (кошки, собаки, куры). Болячки на лице объяснялись нарушением запрета плевать в огонь, соответственно, они лечились огнем, березовой лучиной (медиатор), а также водой. Считалось, откуда пришла болезнь – туда ее следует вернуть, как она возникла у человека – тем же магическим способом следует от нее избавиться. Нивелирование болезней с проявлениями красноты на коже (краснуха, рожа, корь, щетина новорожденных) происходило через ткань красного цвета, которую вешали рядом с больным, оборачивали ребенка или клали на больное место. Все магические действия сопровождались православными молитвами и дохристианскими заговорами. Объектами «передачи» недуга от человека служили также рыбы (щука), печной дым, огонь, лучина, ягоды, а также столб и ворота – неотъемлемые атрибуты русского крестьянского быта.

Литература

1. *Архангельская А.М.* Собака как «нечистое» животное в традиционной народной культуре и языке // *SLAVICA SLOVACA*. 2020. № 1. С. 110–122.
2. *Диникеева Ю.Г.* Народные способы лечения детских болезней (по полевым этнографическим материалам, собранным у русского населения Башкортостана) // *Вестник Пермского университета*. 2016. № 1(32). С. 54–59.
3. *Егорова О.В.* Этнография детства чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX – первой трети XX вв.: традиционная родильная обрядность и социализация ребенка: дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2010. 538 с.
4. *Зеленин Д.К.* Черты быта Усень-Ивановских староверов // *Бельские просторы*. 2011. № 1, янв. С. 93–108; № 2, февр. С. 144–159.
5. *Игнатьев Р.* Народные приметы и поверья в Уфимской губернии // *Гурвич Н.А.* Памятная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные, относящиеся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа, 1882. С. 328–342.
6. Кагинские приметы, поверья, заговоры / Модельная библиотека с. Кага Белорецкогорайона Башкортостана. Кага, 2013. 27 с.

7. Кийков А. О пережитках древности в поверьях и обычаях современного русского крестьянства в БАССР // Краеведческий сборник. Уфа: Изд-е Об-ва по изучению Башкирии, 1930. № 3–4. С. 65–69.
8. Колесников М. Этнографические очерки русского населения в Уфимской губернии, в его народном быту, обрядах, обычаях и пр. // Уфимские губернские ведомости. 1888. № 42; 1889. № 1–3, 6, 9, 14, 21, 22, 25, 29, 32, 34, 36; 1890. № 3–8, 43, 48.
9. Никонова Л.И. Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения. Саранск: Рузаевка, 2000. 156 с.
10. «Новые» имена: историко-литературные и краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / сост. М.И. Роднов. СПб.: ООО «Свое издательство», 2015. 174 с.
11. Пашкова Т.В. Религиозно-мифологические воззрения карелов на болезни оспу, краснуху, корь и ветрянку // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 1(64). С. 151–158.
12. Полевые материалы автора (далее – ПМА). 2020. Республика Башкортостан, Архангельский район, д. Абзаново. Записано у Файзуллиной Л.Г. (1949 г.р.).
13. ПМА. 2019. Республика Башкортостан, Дуванский район, с. Вознесенка. Записано у Игишевой Н.И. (1936 г.р.).
14. Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале: сб. материалов фольклорной экспедиции лаборатории народной культуры / авт.-сост. Т.И. Рожкова, С.А. Моисеева. Магнитогорск: МаГУ, 2008. Вып. 3. 223 с.
15. Полов Г. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903. 404 с.
16. Русский фольклор Башкирии. Записи фольклорных экспедиций 1938 г. / Башкир. НИИ яз. и литер.; под рук. Н.П. Колпаковой (г. Ленинград) // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 80.
17. Современное состояние преданий, частушек и быличек северо-восточной Башкирии: сборник фольклорных материалов / сост. Б.Г. Ахметшин, И.Г. Кульсарина, Н.Г. Кульсарин; под общ. ред. проф. Б.Г. Ахметшина. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. 213 с.
18. Толчанова Т. Мир русского дома. Книга народной жизни. М.: Звонница, 2004. 592 с.
19. Топоров В.Н. Мифология: статьи для мифологических энциклопедий. Т. 1. А–О / предисл. Вяч. Вс. Иванова, ред.-сост. А. Григорян. М.: Языки славянских культур, 2011. 600 с.; Т. 2: ред.-сост. А. Григорян. 2014. 536 с.

ГАЛИЕВА ФАРИДА ГАБДУЛХАЕВНА – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Россия, Уфа (afg18@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1548-3012>).

Farida G. GALIEVA

**HEALING PRACTICE OF THE RUSSIANS OF THE SOUTHERN URALS:
THE TECHNIQUE OF «TRANSFERRING» AN AILMENT FROM A PERSON TO OTHER OBJECTS**

Key words: *the Russians of the Southern Urals, prayers and incantations, folk mythology, field materials, archival sources.*

The relevance of the study is due to the fact that the folk medicine of the Russian population residing in the Southern Urals (Ufa province) is one of the poorly studied but most important layers of ethnic culture, in which continuity of ethnic traditions, the dynamics of worldview and religious identity are clearly manifested.

The purpose of the study is to identify the method of «transmitting» the disease from a person to a living or inanimate object in the healing practice of the Russians of the Southern Urals.

Materials and methods. *The object of this study is the Russian peasant population of the Southern Urals, formed in the XVI–XX centuries from the natives of the northern, central, southern and Western European governorates of Russia. The chronological framework of the study is from the end of the XIX to the middle of the XX century, when ethnic traditions were still preserved. The sources were the author's field materials and information on folk medicine of the Russians of the Southern Urals in published and handwritten works of R.G. Ignatiev, D.K. Zelenin, M.V. Kolesnikov, A.I. Kiikov, N.P. Kolpakova, B.G. Akhmetshin, Yu.G. Dini-keeva. Research methods: contrast of previously published and handwritten field materials on folk medicine of the Russians of the Southern Urals, comparison with other peoples and regions.*

Research results. The «transfer» of the disease was carried out with the help of certain magical actions, as well as incantations and prayers. The objects of the ailments «transfer» were domestic animals (cats, dogs, chickens, roosters, goslings), as well as fish (pike), trees (birch), fire, stove smoke. Domestic animals were certainly turned to in the case of infants treating, allegedly because of violation of the prohibition for pregnant women to kick pets. «Leveling» some diseases with symptoms of redness (measles, rubella, erysipelas, stubble of the newborns) was achieved by using a red cloth. The actions performed during the treatment were associated with shaking the child, lifting him up and taking him aside, repeating the shape of the Orthodox cross, delineating the sore spot, wrapping (the trunk of a tree with the patient's belt), spraying water through a burning splinter (in sores on the face).

Conclusions. The ways of getting rid of ailments by «transferring» to other objects in the Southern Urals by Russian settlers were passed down from generation to generation until the middle of the XX century, the period of preserving traditional viewpoints about their causes (violation of prohibitions and, as a result, penetration of harmful entities into a person). The ways of treatment are associated with the attributes of peasant life and characterize the religious syncretism of Russian peasants.

References

1. Arkhangel'skaya A.M. *Sobaka kak «nechistoe» zhivotnoe v traditsionnoi narodnoi kul'ture i yazyke* [The dog as an "unclean" animal in traditional folk culture and language]. *SLAVICA SLOVACA*, 2020, no. 1, pp. 110–122.
2. Dinikeeva Yu.G. *Narodnye sposoby lecheniya detskikh boleznei (po polevym ehno-graficheskim materialam, sobrannym u russkogo naseleniya Bashkortostana* [Folk methods of treating childhood diseases (based on field ethnographic materials collected from the Russian population of Bashkortostan)]. *Vestnik Permskogo universiteta*, 2016, no. 1(32), pp. 54–59.
3. Egorova O.V. *Ehnoografiya detstva chuvashei Volgo-Ural'ya vo vtoroi poloviny XIX – pervoi treti XX vv.: traditsionnaya rodil'naya obryadnost' i sotsializatsiya rebenka: dis. ... d-ra ist. Nauk* [Ethnography of childhood of the Volga-Ural Chuvash in the second half of the XIX – first third of the XX centuries: traditional maternity rituals and socialization of the child. Doct. Diss.]. Cheboksary, 2010, 538 p.
4. Zelenin D.K. *Cherty byta Usen'-Ivanovskikh staroverov* [Features of life of the Usen-Ivanovsky Old Believers]. *Bel'skie prostory*, 2011, no. 1, Jan., pp. 93–108; no. 2, Feb., pp. 144–159.
5. Ignat'ev R. *Narodnye primety i pover'ya v Ufimskoi gubernii* [Folk signs and beliefs in the Ufa province]. In: Gurvich N.A. *Pamyatnaya knizhka Ufimskoi gubernii. Svedeniya chislovye i opisatel'nye, otnosyashchiesya k 1882–83 gg. i tol'ko ves'ma nemnogie – k prezhnim godam* [Memorial book of the Ufa province. The information is numerical and descriptive, relating to 1882–83, and only very few to previous years]. Ufa, 1882, pp. 328–342.
6. Kaginskie primety, pover'ya, zagovory [Kaginsky signs, beliefs, conspiracies]. *Kaga*, 2013, 27 p.
7. Kiikov A. *O perezhitkakh drevnosti v pover'yakh i obychayakh sovremennogo russkogo krest'yanstva v BASSR* [About the remnants of antiquity in the beliefs and customs of the modern Russian peasantry in the BASSR]. In: *Kraevedcheskii sbornik*, 1930, no. 3–4, pp. 65–69.
8. Kolesnikov M. *Ehnograficheskie ocherki russkogo naseleniya v Ufimskoi gubernii, v ego narodnom bytu, obryadakh, obychayakh i pr.* [Ethnographic sketches of the Russian population in the Ufa province, in its national life, rituals, customs, etc.]. *Ufimskie gubernskie vedomosti*, 1888, no. 42; 1889, no. 1–3, 6, 9, 14, 21, 22, 25, 29, 32, 34, 36; 1890, no. 3–8, 43, 48.
9. Nikonova L.I. *Traditsionnaya meditsina tyurkskikh narodov Povolzh'ya i Priural'ya kak chast' sistemy ikh zhizneobespecheniya* [Traditional medicine of the Turkic peoples of the Volga region and the Urals as part of their life support system]. Saransk, Ruzaevka, 2000, 156 p.
10. «NovyE» imena: istoriko-literaturnye i kraevedcheskie issledovaniya na Yuzh-nom Urale v XIX – nachale XX vv. ["New" names: historical, literary and local history studies in the Southern Urals in the XIX – early XX centuries]. St. Petersburg, 2015, 174 p.
11. Pashkova T.V. *Religiozno-mifologicheskie vozzreniya karelov na bolezni ospu, krasnukhu, kor' i vetryanku* [Religious and mythological views of the Karelians on the diseases smallpox, rubella, measles and chickenpox]. *Vestnik arkheologii, antropologii i ehnoigrafii*, 2024, no. 1(64), pp. 151–158.
12. Field materials of the author. 2020. Republic of Bashkortstan, Arkhangel'skii district, Abzanovo. Informant: Faizullina L.G. (1949 year of birth).
13. Field materials of the author. 2019. Respublika Bashkortostan, Duvanskii district, Voznesenka. Informant: Igisheva N.I. (1936 year of birth).
14. *Pokhoronno-pominal'nye traditsii na Yuzhnom Urale: sb. materialov fol'klo-noi ekspelitsii laboratorii narodnoi kul'tury* [Funeral and memorial traditions in the Southern Urals: collection of materials of the folk exposition of the laboratory of folk culture]. Magnitogorsk, 2008, 223 p.

15. Popov G. *Russkaya narodno-bytovaya meditsina. Po materialam etnograficheskogo byuro knyazya V.N. Tenisheva* [Russian folk medicine. Based on the materials of the ethnographic bureau of Prince V.N. Tenishev]. St. Petersburg, Type A.S. Suvorin, 1903, 404 p.

16. *Russkii fol'klor Bashkirii. Zapisi fol'klornykh ehkspeditsii 1938 g. Bashkir. Nil yaz. i liter. pod ruk. N.P. Kolpakovoi (g. Leningrad)* [Russian folklore of Bashkiria. Recordings of folklore expeditions in 1938 Bashkir. Research Institute of yaz. and the letter. under the direction of N.P. Kolpakova (Leningrad)]. In: *Nauchnyi arkhiv Ufimskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra RAN. Fond 3. Opis' 12. Dokument 80* [Scientific Archives of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Archive 3. Anagraph 12. Document 80].

17. *Sovremennoe sostoyanie predanii, chastushek i bylichek severo-vostochnoi Bashkirii: sbornik fol'klornykh materialov* [The current state of legends, ditties and tales of northeastern Bashkiria: collection of folklore materials]. Ufa, Bashgu Publ., 2013, 213 p.

18. *Tolchanova T. Mir russkogo doma. Kniga narodnoi zhizni* [The world of the Russian House. The Book of folk life]. Moscow, Belfry Publ., 2004, 592 p.

19. *Toporov V.N. Mifologiya: stat'i dlya mifologicheskikh ehntsiklopedii* [Mythology: articles for mythological encyclopedias]. Moscow, 2011, vol. 1, 600 p.; 2014; vol. 2, 536 p.

FARIDA G. GALIEVA – Doctor of Philological Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Scientific Officer, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences, Russia, Ufa (afg18@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1548-3012>).

Формат цитирования: Галиева Ф.Г. Целительская практика русских Южного Урала: прием «переноса» недуга от человека на другие объекты // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 12–19. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-12-19.

УДК 930(470.40/.43)
ББК 74.03(235)6к22

М.Н. ГАСАНОВА, Е.К. МИНЕЕВА

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ БАШКИРСКОГО, ТАТАРСКОГО И ЧУВАШСКОГО НАРКОМАТОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: Академический центр, народный комиссариат просвещения, Башкирская АССР, Татарская АССР, Чувашская АССР, краеведение.

В 1920-е гг. большую роль в развитии образования и науки автономных республик Среднего Поволжья сыграли академические центры – особые органы народных комиссариатов просвещения, объединявшие и направлявшие научно-исследовательскую, учебно-методическую и краеведческую работу в пределах автономии. Изучение истории академических центров, сумевших в свое время консолидировать вокруг себя лучшие интеллектуальные силы автономных республик, чрезвычайно важно для понимания процессов, протекавших в духовной жизни регионов России в 1920-е гг.

Целью исследования является изучение истории деятельности академических центров Башкирского, Татарского и Чувашского наркоматов просвещения с момента их возникновения и до последующей ликвидации в начале 1930-х гг., определение наиболее важных направлений работы академических центров и оценка результативности их деятельности.

Материалы и методы. Настоящая статья написана на основе изучения научной литературы и материалов Государственного исторического архива Чувашской Республики. Методической основой исследования стали принципы объективности, историзма и системности, а также совокупность общенаучных и специальных исторических методов.

Результаты исследования. Несмотря на все трудности, с которыми пришлось столкнуться академическим центрам в 1920-е гг., их деятельность оказалась в тех условиях полезной. Во многом это связано с тем, что во всех трех республиках к работе академических центров местным властям удалось привлечь лучшие интеллектуальные силы.

В статье на конкретных примерах показываются следующие основные направления и результаты деятельности академических центров Башкирского, Татарского и Чувашского наркоматов:

1. Роль в решении задачи выработки башкирского, татарского и чувашского литературных письменных языков.
2. Деятельность терминологических комиссий при академических центрах, которые рассматривали вопросы написания и произношения специальных терминов.
3. Осуществление редакционно-издательской деятельности.
4. Выработка, рассмотрение и утверждение многочисленных программ для разных образовательных и культурно-просветительных учреждений.
5. Разрешение иных вопросов, связанных с образовательными учреждениями (повышение квалификации работников просвещения, утверждение различных нормативных и ведомственных документов и др.).
6. Содействие развитию научных исследований в автономных республиках.
7. Поддержка краеведческого движения.
8. Влияние на развитие национальной культуры.

Выводы. В деятельности академических центров Башкирского, Татарского и Чувашского наркоматов просвещения в 1920-е гг. наблюдались определенные различия. Однако в целом все они сыграли большую роль в обеспечении образовательного процесса рабочими программами и учебной литературой, в развитии науки и краеведческого движения. Особое значение академические центры имели для развития башкирского, татарского и чувашского языков.

Введение. В 1920-е гг. большую роль в развитии образования и науки автономных республик Среднего Поволжья сыграли академические центры – особые органы народных комиссариатов просвещения, объединявшие и направлявшие научно-исследовательскую, учебно-методическую и краеведческую работу в пределах автономии. Они лежали у истоков таких известных

современных научно-исследовательских учреждений гуманитарного профиля, как Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Институт языка, литературы и искусства имени Галимджана Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Изучение истории академцентров, сумевших в свое время консолидировать вокруг себя лучшие интеллектуальные силы автономных республик, чрезвычайно важно для понимания процессов, протекавших в духовной жизни регионов России в 1920-е гг.

Целью исследования является изучение истории деятельности академцентров Башкирского, Татарского и Чувашского наркоматов просвещения (далее – академцентры Башнаркомпроса, Татнаркомпроса и Чувашнаркомпроса) с момента их возникновения и до последующей ликвидации в начале 1930-х гг., определение наиболее важных направлений работы академцентров и оценка результативности их деятельности.

Материалы и методы. Настоящая статья написана на основе изучения научной литературы и архивных материалов. Для восстановления основных аспектов деятельности Академцентров Наркомпросов Чувашской и Татарской АССР использовались дела из фонда Министерства образования, науки и высшей школы Чувашской Республики (Ф. Р-221), хранящегося в Государственном историческом архиве Чувашской Республики [4], и опубликованные документы из сборника «Академический центр Наркомпроса ТАССР» [1]. Среди использованной научной литературы наибольшее значение для проведения исследования имели труды Г.А. Валеевой (Фаттаховой), Р.К. Валеева, А.Ф. Закирова, Г.М. Латыповой, О.Л. Улемновой и др. по вопросам деятельности Академцентра Наркомпроса Татарской АССР [2; 7–9; 12–14; 16; 19; 20; 22–24], работы Ю.В. Ергина, Г.З. Кутушева, Э.В. Миграновой, А.К. Пресняковой, А.В. Псянчина, С.Е. Чушкиной и др. о деятельности Академцентра Наркомпроса Башкирской АССР [5, 6, 11, 15, 18, 21]. Некоторые вопросы, связанные с возникновением и организационной структурой Академцентра Наркомпроса Чувашской АССР, рассматривались в монографии Е.В. Касимова и нашей более ранней статье [3, 10]. Методической основой исследования стали принципы объективности, историзма и системности, а также совокупность общенаучных и специальных исторических методов.

Результаты исследования. Академцентры при наркомпросах автономных республик Среднего Поволжья создавались по примеру Академического центра Наркомпроса РСФСР, образованного в январе 1921 г. «в целях объединения всей теоретической работы по народному просвещению как в области науки, так и в области искусства» [17. С. 36].

Первым из рассматриваемых учреждений возник Академцентр Татнаркомпроса, положение о котором было утверждено 3 декабря 1921 г.; 4 сентября 1922 г., после создания «Большой Башкирии», был образован Академцентр Башнаркомпроса, в конце октября того же года было утверждено положение о центре [5. С. 121; 11. С. 82; 24. С. 8]. В Чувашской АССР, где система наркоматов возникла лишь в 1925 г., после преобразования автономной области в республику, Академцентр Чувашнаркомпроса был образован 31 марта 1926 г., когда коллегия наркомпроса утвердила Положение о центре; 14 апреля того же года был утвержден производственный план [4. Д. 162. Л. 247].

В начальный, организационный период становления академцентров специально выделенных работников было мало. Например, на протяжении всего

1923 г. единственным сотрудником Академцентра Башнаркомпроса являлся его заведующий С.Х. Сунчелей [5. С. 121]. В Академцентре Чувашнаркомпроса по штату в 1926/27 г. должны были работать три человека, но в реальности рабочий аппарат сводился к одному ученому секретарю П.И. Иванову, который при этом являлся заместителем наркома просвещения Чувашской АССР и был сильно загружен по основной должности. К тому же на нем лежали обязанности ответственного редактора педагогического журнала, издававшегося наркомпросом раз в два месяца [4. Д. 438. Л. 1125; 10. С. 11]. В результате секции и отделы, выделяемые в академцентрах согласно их Положениям, работали главным образом на общественных началах.

Слабое финансирование и малое количество постоянных штатных сотрудников негативно сказывались на работе новых органов, которая в таких условиях не могла быть планомерной и в полной мере эффективной. В Чувашской АССР, например, производственный план академцентра выполнялся чуть более, чем наполовину [4. Д. 438. Л. 1125]. Тем не менее, несмотря на все трудности, с которыми пришлось столкнуться академцентрам, их деятельность, без сомнения, оказалась в тех условиях полезной.

Во многом это связано с тем, что во всех трех республиках к работе академцентров местным властям удалось привлечь лучшие интеллектуальные силы, уже являвшиеся или вскоре ставшие хорошо известными учеными, писателями, поэтами, общественными и государственными деятелями и т.д. В Башкирской АССР это были поэты и писатели Булат Ишемгул (1900–1938), Даут Юлтый (1893–1938), Мажит Гафури (1880–1934), Мухаметша Бурангулов (1888–1966), Сагит Рамиев (1880–1926), Сагит Сунчелей (1889–1939), Хабибулла Габитов (1886–1938), Наки Исанбет (1899–1992), языковеды Г.Ф. Вильданов (1879–1954), Г.Я. Давлетшин (1892–1937), Н.Т. Тагиров (1888–1937), З.Ш. Шакиров (1881–1968), этнолог Г.И. Комиссаров (1883–1969), педагог Ш.Х. Сунчелей (1885–1959), геологи Г.В. Вахрушев (1894–1966) и Д.Г. Ожиганов (1892–1978), общественные и государственные деятели Ш.А. Манатов (1887–1936), С.Г. Мрясов (1880–1932), Р.Ф. Фахретдинов (1859–1936) и Ш.А. Худайбердин (1896–1924), врач А.А. Черданцев (1871–1943) и др.

В работе Академцентра Татнаркомпроса принимали участие известные ученые-тюркологи, языковеды и филологи Джамал Валиди (1887–1932), Г.Х. Алпаров (1888–1936), Х. Бадиги (1887–1940), М.Х. Курбангалеев (1873–1941), А.Н. Самойлович (1880–1938), М.А. Фазлуллин (1883–1964), Г.Ш. Шараф (1896–1950), журналист Г.Г. Максудов (1891–1942), писатели и литературоведы Г.Г. Ибрагимов (1887–1938), Гали Рахим (1892–1943) и Г.Ф. Линсцер (1874–1946), историки Н.Н. Фирсов (1864–1934), Г.С. Губайдуллин (1887–1937), С.П. Сингалевич (1887–1953), Е.И. Чернышев (1894–1979), этнолог Н.И. Воробьев (1894–1967), археолог М.Г. Худяков (1894–1936), педагоги Н.С. Надиев (1882–1940) и Г.С. Шнаси (1885–1938), искусствовед П.М. Дульский (1879–1956), архитектуровед В.В. Егоров (1886–1956) и др. Всего в 1926/27 хозяйственном году к работе по разработке отдельных вопросов были привлечены 57 человек, в следующем году – 126 человек, среди них: 11 профессоров, 13 доцентов, 17 аспирантов, 10 инженеров-архитекторов; большинство других членов являлись преподавателями без ученых степеней, имевшими научные труды [1. С. 12–13].

Членами Академцентра Чувашнаркомпроса в октябре 1926 г. были избраны 32 человека, через два года – 48 человек. В его состав входили видные государственные и партийные деятели Чувашской АССР И.И. Илларионов (1893–1969), А.М. Михайлов (1898–1942), В.И. Токсин (1899–1942), Д.С. Эльмень

(1885–1932), М.С. Сергеев (1897–1942), ученые-этнографы Н.В. Никольский (1878–1961) и М.П. Петров (1877–1938), языковеды Т.М. Матвеев (1884–1939) и Ф.Т. Тимофеев (1887–1941), редакторы чувашских газет А.И. Золотов (1901–1942) и А.И. Иванов (1897–1942), писатель Н.Я. Золотов (1898–1967), композитор С.М. Максимов (1892–1951) и др. Сверхштатным членом академцентра был назначен профессор Н.И. Ашмарин [10. С. 11–12].

Нельзя не отметить, что в 1930-е гг. многие из перечисленных членов всех трех академцентров были репрессированы в рамках борьбы с «султангалиевщиной», «валидовщиной», «буржуазным национализмом».

Несмотря на разное время создания академцентров при наркомпросах автономных республик, различия в организационной структуре и численности работников, можно выделить общие направления их деятельности. Для упрощения восприятия информации они пронумерованы, хотя это деление несколько условно, так как данные направления нередко пересекались в своих результатах.

1. Академические центры сыграли большую роль в решении задачи выработки башкирского, татарского и чувашского литературных письменных языков. Так, в составе Академцентра при Башнаркомпросе в начале 1923 г. была создана комиссия по реформе башкирско-татарской орфографии и шрифта; также вопросы развития литературного языка для башкир обсуждались на заседаниях научно-методической комиссии с участием известных языковедов, поэтов и писателей. Разработка единых норм письменности затруднялась наличием использования в различных местностях Большой Башкирии разных диалектов, в связи с чем члены Общества по изучению Башкирии провели несколько экспедиций по изучению фольклора и разговорной речи башкир. В декабре 1923 г. проект первого башкирского новотюркского алфавита на основе башкирской графики, составленный С.Л. Рамиевым, был утвержден комиссией Академцентра Башнаркомпроса, в январе 1924 г. – совещанием ответственных работников республики. С этого момента началось составление букварей и учебников на башкирском языке, центральные печатные издания республики и государственное делопроизводство переводились на новый башкирский шрифт. В 1926 г. был издан «Башкирский словарь (толковый)» Н. Тагирова, в 1930 г. – «Орфографический словарь башкирского языка» Г.Я. Давлетшина [5. С. 125; 6. С. 152; 11. С. 88].

На заседаниях Академцентра Чувашнаркомпроса постоянно рассматривались вопросы, связанные с ускорением процесса издания «Словаря чувашского языка» профессора Н.И. Ашмарина. Тем более, что местная типография не могла справиться с изданием фундаментального труда и пришлось договариваться не только с языковедом о разработке новых словарных материалов, но и с казанскими типографиями [4. Д. 318. Л. 84]. В 1928–1929 гг. в Казани удалось переиздать первые два тома словаря, увидевшие свет еще до революции. В 1929–1930 гг. в Чебоксарах увидели свет еще три выпуска словаря. Несмотря на организацию в 1928 г. Совета науки и культуры, именно Академцентр Чувашнаркомпроса продолжал отвечать за издание словаря Н.И. Ашмарина вплоть до сентября 1930 г., когда он был реорганизован в Учебно-методический сектор Чувашнаркомпроса.

2. В качестве самостоятельного направления можно выделить плодотворную деятельность при академцентрах особых терминологических комиссий, которые рассматривали вопросы написания и произношения специальных терминов по математике, физике, химии, биологии, медицине и др. на башкирском,

татарском и чувашском языках. В задачи комиссий входило, с одной стороны, собирание и согласование уже употреблявшихся терминов, с другой стороны, составление и утверждение в качестве общеупотребительных новых терминов, которые способствовали бы дальнейшему развитию родного языка. Создание комиссий обуславливалось тем, что по многим отраслям научная терминология отсутствовала или, как в случае с татарским языком, в дореволюционный период развивалась на основе тюркских, арабо-персидских терминов [16. С. 123]. Так как термины составлялись при каждом нужном случае отдельными авторами, без общего согласования, то одни и те же понятия передавались на родных языках разными лицами по-разному, а бывало, что один и тот же автор употреблял разные термины для обозначения одного и того же понятия. Ввиду того, что работа по составлению специальных терминов на родных языках была кропотливой и требовала усилий многих лиц, наркомпросы обращались к деятелям, уже занимавшимся литературной или научной деятельностью и таким образом имевшим определенный опыт в составлении терминов в той или иной отрасли.

В Татарской АССР академцентром в рассматриваемой сфере деятельности были достигнуты большие успехи: по современным данным, к 1928 г. были полностью выработаны научные термины по таким областям, как математика, физика, общая биология, ботаника, анатомия-физиология, родной язык, история, обществоведение, финансово-экономические науки, правовые науки, управление государством, всего в общей сложности более 9 000 терминов [1. С. 22]. По утверждению же Г.С. Шнаси, являвшегося научным редактором Академцентра Татнаркомпроса и председателем терминологической комиссии, уже к 1927 г. «было разработано около 15 тысяч научных терминов на татарском языке; татарский язык превратился в язык науки» [16. С. 123].

Благодаря деятельности Академцентра Башнаркомпроса, первые алфавитные и систематические перечни словарных единиц, подлежащих толкованию или переводу, появились в 1925–1926 гг. на страницах журнала «Белем» (Знание): это были термины по математике (384 слова), физике (253 слова), биологии (246 слов) и по языку (108 слов). В 1927 г. на башкирском языке были изданы «Термины по делопроизводству» Г. Вильданова [5. С. 125; 6. С. 153].

Поскольку работа была сложной и объемной, и в ходе ее нередко возникали споры по вопросу написания терминов и понятий, в основном терминологические словари были изданы в первой половине 1930-х гг., уже после ликвидации академцентров. Тем не менее следует признать, что основы данной работы были заложены именно в предшествующее десятилетие.

3. Большое внимание академцентрами уделялось редакционно-издательской деятельности, особенно подготовке разного рода учебной литературы для нерусских школ – учебников, хрестоматий, задачников, научно-методических пособий для учителей и др. Это была очень трудоемкая работа, занимавшая большое количество времени. В составе академцентров создавались комиссии, которые пересматривали содержание имевшихся в республике учебников, учебных пособий, методических руководств с точки зрения их пригодности для преподавания в новых советских условиях. Академцентрами составлялись планы издания учебной литературы; затем решался вопрос, кому из ученых или опытных учителей поручить написание учебника (или кого включить в авторский коллектив); подготовленные рукописи в дальнейшем неоднократно рассматривались на заседаниях академцентров и переделывались

авторами с учетом высказанных замечаний, после чего давалось разрешение на печать. Для просмотра и рецензирования учебной литературы, как правило, создавались специальные комиссии. Учебники издавались на национальных языках. Кроме того, в их содержание вводились местные и национальные элементы [4. Д. 162. Л. 367–367об., 398–398об., 403об., 486; Д. 318. Л. 59, 84об.; Д. 320. Л. 1–3, 11–15, 18–24об., 27, 29; Д. 435. Л. 2, 4, 41об., 45–46, 62–62об.; Д. 437. Л. 642].

Академцентром Башнаркомпроса к середине 1920-х гг. было выпущено свыше десятка различных учебников и методических руководств на башкирском и татарском языках: буквари для детей и взрослых, книги для чтения, хрестоматии, задачник по математике, учебники по обществоведению, природоведению и географии [6. С. 153].

В Чувашии к 1929/30 учебному году имелось свыше 30 актуальных учебников для чувашских школ, в течение 1928/29 учебного года благодаря деятельности академцентра было сдано в печать еще полтора десятка наименований учебной литературы (учебники, словари, задачки, брошюры для родителей), около двух десятков наименований учебной литературы находились на разной степени готовности [4. Д. 437. Л. 916–918].

С каждым годом редакционно-издательская деятельность академцентров расширялась. Так, если в 1922 г. Академцентр Башнаркомпроса выпустил 30 наименований книг общим объемом 14 п.л., то в 1925 г. – 115 названий книг объемом 380 п.л. [18. С. 138]. Всего за 1922–1929 гг. академцентр выпустил 282 названия различных изданий общим объемом 1970 п.л., из которых немного меньше половины наименований приходилось на учебную и программно-методическую литературу: 90 книг и брошюр объемом около 640 п.л. увидели свет на башкирском языке, 35 названий (примерно 25 п.л.) изданы на татарском языке и 7 наименований с листажом в 112 п.л. опубликованы на русском языке. Остальные издания были представлены главным образом общественно-политической, научно-популярной и детской литературой [6. С. 153].

Академцентром Татнаркомпроса с 1921/22 г. по 1925/26 г. было рассмотрено 697 рукописей на татарском языке, из них 460 рукописей одобрено к печати. Только за 1923–1925 гг. академцентром было издано 257 наименований книг и журналов на татарском и русском языках объемом свыше 1730 п.л., в том числе 65 учебников и учебных пособий [1. С. 37, 82–83]. Стали издаваться серийные издания, объединенные по разным параметрам: «Библиотека детской литературы», «Библиотека татарской литературы» и др. Рецензирование и редактирование поступивших на рассмотрение рукописей осуществляли три редколлегии – русская, татарская и «национальных меньшинств» (чувашей, мари, мордвы, удмуртов и др.). Наиболее интенсивно работала татарская редколлегия, поскольку потребности русского населения большей частью удовлетворялись продукцией центральных издательств [20. С. 46].

4. Важную роль в деятельности академцентров занимали выработка, рассмотрение и утверждение многочисленных программ для разных типов школ, техникумов, пунктов ликвидации неграмотности, различных курсов, в том числе по отдельным дисциплинам. Например, в школах действовали программы Государственного ученого совета (ГУС) Наркомпроса РСФСР, но они были рассчитаны на русские школы и не учитывали национальной специфики республик. Для их реализации в школах отсутствовали учебники и пособия

на родном языке. При изучении русского языка не учитывались знания, почерпнутые при изучении родного языка. Кроме того, в Чувашской АССР вместо школ-семилеток и трехгодичных школ крестьянской молодежи действовали восьмилетки и четырехгодичные школы крестьянской молодежи, т.е. в систему школьного образования добавлялся лишний год. Поэтому в Академцентре Чувашнаркомпроса разработка программ, наряду с подготовкой, рассмотрением и изданием учебной литературы, стала ведущим направлением деятельности в первый год его существования: были разработаны и отпечатаны комплексные программы на чувашском языке для школ первой ступени, программы по русскому и чувашскому языкам для школ повышенного типа и педтехникумов [4. Д. 162. Л. 247–248об.; Д. 437. Л. 604]. Данные программы существенно облегчали повседневную работу учителей и учащихся.

В Академцентре Башнаркомпроса составлением программ занималась учебно-методическая комиссия, которую с момента ее создания возглавлял заместитель наркома просвещения Башкирской АССР Ш.Х. Сюнчелей. За короткое время были составлены и утверждены программы преподавания башкирского языка в русских школах, программа преподавания истории башкир для средних учебных заведений, программа преподавания башкирского языка на курсах по обучению чтению и практической разговорной речи [6. С. 152–153].

Академцентром Башнаркомпроса первые программы для школ 1-й и 2-й ступеней были разработаны уже в 1922/23 учебном году. К 1926/27 учебному году была полностью закончена работа над программами для всех годов обучения школ 1-й ступени. Кроме того, было разработано множество и других программ: программы русского языка для татарских школ; программы татарского языка для русских школ 2-й ступени, техникумов, фабрично-заводских училищ, курсов ответственных работников, курсов-кружков при советских учреждениях и предприятиях республики; программы по разным учебным дисциплинам для школ крестьянской молодежи; программы по физкультуре, гигиене, для воскресных школ и др. [1. С. 16–17].

5. Помимо издания учебников и подготовки программ, академцентрами решались и другие разнообразные вопросы, связанные с функционированием школ и учреждений профессионального образования. Так, в январе 1928 г. секция Соцвоса Академцентра Чувашнаркомпроса постановила ввести занятия по военной подготовке в Чебоксарском педтехникуме в виде эксперимента. Президиумом Академцентра Чувашнаркомпроса в феврале-марте 1929 г. было принято решение об открытии параллельной третьей группы при Ульяновском сельскохозяйственном техникуме для окончивших школы 2-й ступени, о желательности организации инкубатория при Вурнарском сельскохозяйственном техникуме; рассматривался вопрос об организации учебного хозяйства для Алатырской школы крестьянской молодежи и педтехникума [4. Д. 320. Л. 26; Д. 437. Л. 223, 337–338].

Также академцентры, особенно в Татарской АССР, занимались вопросами повышения квалификации работников просвещения, организовывая с этой целью различные мероприятия для учителей: долгосрочные педагогические курсы (годовые и двухгодичные); краткосрочные педагогические, методические и общеобразовательные курсы; летние курсы и конференции; кружки, семинары и др. [1. С. 18–20].

Академцентры ежегодно рассматривали и утверждали большое количество самых разных нормативных и ведомственных документов, относящихся к народному образованию и культуре, в том числе связанных с проведением

разных конкурсов и деятельностью учреждений, подведомственных наркомпросам: положения, уставы, правила, инструкции и инструктивные письма, планы деятельности. Так, в декабре 1926 г. Академцентр Чувашнаркомпроса утвердил «Положение об уездных методических бюро», «Положение о самообразовательной работе массового учительства ЧАССР», «Положение о конкурсе на лучшие драматические произведения на чувашском языке» [4. Д. 162. Л. 459, 485об.]. В течение 1929 г. были рассмотрены проекты таких документов, как уставы Чувашского государственного издательства, Канашского и Чебоксарского педтехникумов; положения о Чувашском центральном музее и Комитете по учету и охране памятников природы, искусства, старины и быта; положения о педкабинете, кабинете ИЗО при Совете науки и культуры Чувашской АССР; положения о передвижной выставке, о комиссии по учебникам и детской книге; положения о конкурсах на литературные и музыкальные произведения к 10-летию Чувашской АССР; положения об экстернатах за педтехникум, за землеустроительный техникум, за лесотехникум; положения об Алатырской школе кройки и шитья, об учебно-опытном лесничестве при Марпосадском лесотехникуме и учебно-показательной мастерской по столярному и слесарно-кузнечному ремеслам при Марпосадском районном кооперативном пчеловодном товариществе; инструкции по изучению детских технических проектов, о переводе и выпуске учащихся, о проведении практических занятий в сельскохозяйственном техникуме; правила приема и выпуска учащихся школ 2-й ступени и техникумов; «Правила пополнения Центральной научной библиотеки»; ряд проектов постановлений Совнаркома Чувашской АССР и резолюций конференций работников просвещения [4. Д. 437. Л. 447–449, 534, 544; Д. 529. Л. 23, 88, 109, 126, 128, 283; Д. 531. Л. 36об., 82, 89; Д. 532. Л. 18, 21].

6. Академцентры способствовали развитию науки в республиках Среднего Поволжья. Они утверждали планы научных экспедиций на предстоящий год на территории автономий и рассматривали доклады по итогам проведенных экспедиций, обращались в Академию наук СССР и органы власти автономии с ходатайствами о проведении экспедиций, решали вопросы о выделении средств на осуществление экспедиций [4. Д. 162. Л. 485; Д. 318. Л. 83; Д. 435. Л. 40–41, 44, 49об.; 15. С. 28–29]. Например, только летом 1927 г. на территории Чувашии действовало 8 экспедиций [10. С. 13]. Большое количество научных экспедиций под эгидой Академцентра Татнаркомпроса, начиная с 1923 г., проводилось в Татарской АССР.

Академцентры утверждали производственные планы работы местных музеев и издательств [4. Д. 435. Л. 41–41об.; 10. С. 13]. Важной сферой деятельности было рецензирование научных трудов с целью их последующего издания. Так, в одном из отчетов Академцентра Чувашнаркомпроса о деятельности в 1927–1928 гг. отмечалось, что «вся научная литература, отпечатанная Чувашиздатом, за исключением книг, составленных выдающимися учеными, и изданий Госплана, Статуправления и других ведомств, прошла через обсуждение в Акцентре. В результате такого обсуждения авторами книги дополнялись и исправлялись» [10. С. 13].

Благодаря Академцентру Татнаркомпроса на работу в республику были приглашены известные ученые А. Сагди, Т. Алпаров, А. Шанаси, в 1925 г. открыта аспирантура в высших учебных заведениях [10. С. 20]. Академцентр Чувашнаркомпроса многое сделал для возвращения профессора Н.И. Ашмарина из Баку в Казань (в Чувашии для него не сумели создать подходящих условий),

активно содействовал подготовке научных работников из чувашей, самыми известными из которых стали языковеды Т.М. Матвеев и Ф.Т. Тимофеев.

Именно Академцентр Чувашнаркомпроса в ноябре 1928 г. утвердил структуру Совета науки и культуры Чувашской АССР и выдвинул кандидатов в действительные члены нового органа по руководству наукой, из которого позже вырос Чувашский комплексный научно-исследовательский институт [4. Д. 435. Л. 63].

7. Академцентры сыграли важную роль в поддержке краеведческого движения. В состав Академцентра Башнаркомпроса входили Общество по изучению Башкирии, Башкирский центральный музей и Государственный художественный музей. В феврале 1925 г. в качестве особого подразделения академцентра было создано Башкирское областное бюро краеведения, которое стало связующим звеном между центральными научными учреждениями страны и местными краеведческими организациями, провело значительную работу по интеграции краеведческой деятельности в республике [5. С. 126].

С бюро краеведения Академцентра Татнаркомпроса, организованным в мае 1925 г., были связаны три казанских краеведческих общества: Общество археологии, истории и этнографии, Общество любителей природы и Общество татароведения; в кантонах действовало 12 объединений, преследующих краеведческие цели. Отдел охраны памятников старины, искусства и природы регулировал деятельность Казанского центрального музея и 6 кантональных музеев [1. С. 11, 29].

В Чувашии краеведческие организации не были прямо связаны с Академцентром Чувашнаркомпроса, по протоколам заседания последнего какие-либо активные контакты тоже не прослеживаются. Но когда Общество изучения чувашской культуры в конце 1927 г. обратилось в Чувашнаркомпрос с просьбой о снабжении его всеми изданиями, выходящими на территории республики, Академцентр Чувашнаркомпроса принял решение выдать со склада наркомата по одному экземпляру имеющихся изданий, одновременно рекомендовав по вопросу остальных наименований литературы обращаться непосредственно в Чувашское издательство [4. Д. 320. Л. 17об.].

На наш взгляд, деятельность краеведческих организаций, курируемых академцентрами, является самостоятельной исследовательской проблемой, поэтому в настоящей статье она не рассмотрена.

8. Намного меньшее влияние оказали академцентры на развитие национальной культуры. Так, при Академцентре Чувашнаркомпроса действовал Художественный совет. Но из-за отсутствия штатного сотрудника он работал урывками и на развитие изобразительного искусства, музыки, кино и театра влияния, как признавало руководство самого академцентра, почти не оказывал [4. Д. 529. Л. 644–644об.].

Лучше обстояло дело в Академцентре Татнаркомпроса. При нем действовал целый ряд комиссий, связанных с искусством. Репертуарная комиссия, которая, как видно из названия, регулировала вопросы, касающиеся репертуара татарских театров; ее работа была нерегулярной, и она почти не упоминается в источниках. Музыкальная комиссия занималась главным образом сбором, фиксированием и написанием татарских и башкирских мотивов. Без разрешения музейной комиссии (затем – Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы) были запрещены какие-либо перестройки и переделки старинных зданий, реставрация древних произведений искусства, ликвидация церковных и гражданских сооружений и учреждений, состоявших

на учете комиссии; активно комиссия занималась выставочной деятельностью [1. С. 22–24, 51].

Выводы. В 1920-е гг. академические центры являлись важнейшими структурными подразделениями народных комиссариатов просвещения автономных республик Среднего Поволжья. Они разрабатывали теоретические проблемы и практические мероприятия, связанные с развитием народного образования и культуры народов Башкирской, Татарской и Чувашской АССР. Примеры деятельности академических центров Башнаркомпроса, Татнаркомпроса и Чувашнаркомпроса показывают, что они сыграли большую роль в обеспечении образовательного процесса рабочими программами и учебной литературой, в развитии науки и краеведческого движения, которые в рассматриваемое десятилетие были неразрывно связаны. Особое значение академические центры имели для развития башкирского, татарского и чувашского языков.

При этом в деятельности академических центров имелись определенные различия. Академический центр Чувашнаркомпроса занимался главным образом учебно-методической и редационно-издательской деятельностью, на остальные направления не хватало штатных работников и финансов. Академические центры Башнаркомпроса и Татнаркомпроса гораздо более активно были вовлечены в краеведческое движение, в них заметное развитие получила научная составляющая. Отличием Академического центра Татнаркомпроса от аналогичных образований в соседних республиках являлось большее влияние на сферу искусства, которая в 1920-е гг. тоже относилась к компетенции наркомпросов.

Литература

1. Академический центр Наркомпроса ТАССР: документы и материалы / сост. О.Л. Улемова, Л.Ш. Давлетшина. Казань: ИЯЛИ, 2015. 224 с.
2. Валеева Г.А., Ларионова А.Н. Академическая наука периода становления ТАССР в 20-е годы XX века // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, кн. 4. С. 71–79.
3. Гасанова М.Н., Минеева Е.К. Народный комиссариат просвещения Чувашской АССР во второй половине 1920-х годов: правовые основы деятельности и организационная структура // Вестник Чувашского университета. 2021. № 4. С. 21–28.
4. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. Р-221. Оп. 1.
5. Ергин Ю.В. Академический центр Башкирского наркомата просвещения // Вестник Башкирского университета. 2006. № 1. С. 121–128.
6. Ергин Ю.В., Чушкина С.Е. Школьное краеведение в советской Башкирии (1925–1930 гг.) // Педагогический журнал Башкортостана. 2016. № 3 (64). С. 121–132.
7. Зайнетова Г.Н. Деятельность Г. Ибрагимова в татарской редакционной коллегии Академического центра на страницах архивных документов // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика: сборник трудов I Международного научно-практического семинара. Казань: ИЯЛИ, 2021. С. 14–16.
8. Закиров А.Ф. Научные общества и Академический центр Народного комиссариата просвещения Татарской АССР // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2019. Т. 1, № 9. С. 91–97.
9. Закиров А.Ф., Хабибуллин М.З. Становление и развитие академической науки в ТАССР в 1920–1950-е гг.: научный отдел Наркомпроса ТАССР, Академический центр Татнаркомпроса, Институт языка, литературы и истории и Казанский филиал академии наук СССР // Научный Татарстан. 2017. № 2. С. 19–27.
10. Касимов Е.В. Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Кн. 1: Начальные страницы истории (1930–1955 гг.) / ЧГИГН. Чебоксары, 2020. 232 с.
11. Кутушев Г.З. Народный комиссариат просвещения Башкирской АССР в 1919–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2015. 228 с.
12. Латыпова Г.М. Деятельность Народного комиссариата просвещения ТАССР в 1920-е гг. Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан, 2013. 223 с.

13. Латыпова Г.М., Рафикова Г.Э. Татгосиздат Академцентра Наркомпроса ТАССР: первый опыт государственного регулирования издания национальной литературы // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика: сб. тр. I Междунар. науч.-практ. семинара. Казань: ИЯЛИ, 2021. С. 25–29.

14. Марданова Ф.Ф. Из истории становления краеведения в ТАССР: первые годы деятельности научного общества татароведения (1923–1925 гг.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2020. № 2. С. 23–31.

15. Мигранова Э.В., Псянчин А.В. Деятельность Академического центра при Башкирском наркомате просвещения и общества по изучению Башкирии в 1922–1924 гг. (на основе архивных материалов) // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2023. № 1. С. 23–33.

16. Муртазина Л.Р. Научно-педагогическая деятельность Габдуллы Сабировича Шнаси (1885–1938) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 8 (173). С. 121–124.

17. Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): сб. док. Л.: Наука; Ленингр. отд-ние, 1968. 419 с.

18. Преснякова А.К. Роль Академцентра Наркомпроса республики в разработке учебно-методических пособий для национальных школ // Платоновские чтения: материалы XII Всерос. конф. молодых историков, г. Самара, 10–11 ноября 2006 г. / отв. ред. П.С. Кабытов. Самара: Универс-груп, 2006. С. 137–139.

19. Салахов М. От Академцентра до Академии наук: история и перспективы татароведения // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика: сб. тр. I Междунар. науч.-практ. семинара. Казань: ИЯЛИ, 2021. С. 3–5.

20. Улемнова О.Л. Академический центр Татнаркомпроса и основные направления татароведения 1920-х гг. // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика: сб. тр. I Междунар. науч.-практ. семинара. Казань: ИЯЛИ, 2021. С. 44–51.

21. Фархшатов М.Н., Рахматуллина З.Я., Псянчин А.В. Институционализация академической гуманитарной науки в Башкортостане в XX – начале XXI в.: этапы, участники, результаты (к 100-летию ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН) // Oriental Studies. 2022. Т. 15, № 2. С. 310–332.

22. Фаттахова Г.А. Деятельность Академического центра Татнаркомпроса в 1920-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000. 22 с.

23. Фаттахова Г.А. Издательская деятельность Академического центра // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2000. № 1–2. С. 228–231.

24. Фаттахова Г.А., Валеев Р.К. Академический центр Татарии: 1920-е годы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 95 с.

ГАСАНОВА МАЛЕКА НУСРАДДИН КЫЗЫ – учитель истории и обществознания высшей квалификационной категории МАОУ «Гимназия № 5» г. Чебоксары, Россия, Чебоксары (maleka_gasanova@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9473-8118>).

МИНЕЕВА ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mineevaek21@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8301-9951>).

Maleka N. GASANOVA, Elena K. MINEEVA
ACADEMIC CENTERS OF THE BASHKIR,
TATAR AND CHUVASH PEOPLE'S COMMISSARIATS OF EDUCATION:
MAIN DIRECTIONS AND RESULTS OF ACTIVITY

Key words: *Academic Center, People's Commissariat of Education, the Bashkir ASSR, the Tatar ASSR, the Chuvash ASSR, local studies.*

In the 1920s, academic centers – special bodies of the People's Commissariats of Education, which united and directed research, educational, methodological and local history work within the autonomy – played an important role in the development of education and science in autonomous republics of the Middle Volga region. Studying the history of academic centers, which at one time managed to consolidate the best intellectual forces of the autonomous republics around themselves, is extremely important for understanding the processes that took place in the spiritual life of the regions of Russia in the 1920s.

The purpose of the research is to study the history of the activities performed by the academic centers of the Bashkir, the Tatar and the Chuvash People's Commissariats of Education from the moment of their uprising until their subsequent liquidation in the early 1930s, to identify the most important areas of work carried out by academic centers and to evaluate the effectiveness of their activities.

Materials and methods. This article is based on the study of scientific literature and materials of the State Historical Archive of the Chuvash Republic. The methodological basis of the research is made by the principles of objectivity, historicism and consistency, as well as the aggregate of general scientific and special historical methods.

Research results. Despite all the difficulties that academic centers had to face in the 1920s, their activities turned out to be useful in those conditions. This is largely due to the fact that in all the three republics, local authorities managed to attract the best intellectual forces to the work of academic centers.

The article gives prominence the following main directions and results of the activities carried out by the academic centers of the Bashkir, the Tatar and the Chuvash People's Commissariats using specific examples:

1. The role in solving the problem of developing the Bashkir, the Tatar and the Chuvash literary written languages.
2. The activities of terminology commissions at academic centers, which considered the issues of writing and pronunciation of special terms.
3. Implementation of editorial and publishing activities.
4. Development, review and approval of numerous programs for various educational and cultural institutions.
5. Solving other issues related to educational institutions (professional development of education workers, approval of various regulatory and departmental documents, etc.).
6. Promoting the development of research in the autonomous republics.
7. Support for the local history movement.
8. Influence on the development of national culture.

Conclusions. There were certain differences in the activities carried out by the academic centers of the Bashkir, the Tatar and the Chuvash People's Commissariats of Education in the 1920s. However, in general, all of them played an important role in providing the educational process with work programs and educational literature, in the development of science and the local history movement. Academic centers were of particular importance for the development of the Bashkir, the Tatar and the Chuvash languages.

References

1. *Akademicheskii tsentr Narkomprosa TASSR: dokumenty i materialy* [Academic Center of the People's Commissariat of Education of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic: documents and materials]. Kazan, 2015, 224 p.
2. Valeeva G.A., Larionova A.N. *Akademicheskaya nauka perioda stanovleniya TASSR v 20-e gody XX veka* [Academic science during the early stage of TASSR formation in the 1920s]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2020, vol. 162, book 4, pp. 71–79.
3. Gasanova M.N., Mineeva E.K. *Narodnyi komissariat prosveshcheniya Chuvashskoi ASSR vo vtoroi polovine 1920-kh godov: pravovye osnovy deyatelnosti i organizatsionnaya struktura* [People's Commissariat for Education of the Chuvash ASSR in the second half of the 1920s: legal basis of activity and organizational structure]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2021, no. 4, pp. 21–28.
4. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-221. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-221. Anagraph 1].
5. Ergin Yu.V. *Akademicheskii tsentr Bashkirskogo narkomata prosveshcheniya* [Academic Center of the Bashkir People's Commissariat of Education]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2006, no. 1, pp. 121–128.
6. Ergin Yu.V., Chushkina S.E. *Shkol'noe kraevedenie v sovetskoj Bashkirii (1925–1930 gg.)* [School local history in Soviet Bashkiria (1925–1930)]. *Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana*, 2016, no. 3 (64), pp. 121–132.
7. Zaineeva G.N. *Deyatelnost' G. Ibragimova v tatarskoj redaktsionnoi kollegii Akademitentra na stranisakh arkhivnykh dokumentov* [Activity of G. Ibragimov in the Tatar editorial board of the Academic Center on the pages of archival documents]. *Tatarovedenie v situatsii smeny paradigmy: teoriya, metodologiya, praktika: sbornik trudov I Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminarina* [Proc. of Int. Sci. Sem. «Tatar studies in a paradigm shift situation: theory, methodology, practice»]. Kazan, 2021, pp. 14–16.
8. Zakirov A.F. *Nauchnye obshchestva i Akademicheskii tsentr Narodnogo komissariata prosveshcheniya Tatarskoj ASSR* [Scientific societies and the Academic Center of the People's Commissariat of Education of the Tatar ASSR]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya*, 2019, vol. 1, no. 9, pp. 91–97.

9. Zakirov A.F., Khabibullin M.Z. *Stanovlenie i razvitie akademicheskoi nauki v TASSR v 1920–1950-e gg.: nauchnyi otdel Narkomprosa TASSR, Akademicheskii tsentr Tatnarkomprosa, Institut yazyka, literatury i istorii i Kazanskii filial akademii nauk SSSR* [The formation and development of academic science in the TASSR in the 1920–1950s: the scientific department of the People's Commissariat of the TASSR, the Academic Center of the Tatar People's Commissariat of Education, the Institute of Language, Literature and History and the Kazan branch of the USSR Academy of Sciences]. *Nauchnyi Tatarstan*, 2017, no. 2, pp. 19–27.

10. Kasimov E.V. *Chuvashskii gosudarstvennyi institut gumanitarnykh nauk. Kn. 1: Nachal'nye stranitsy istorii (1930–1955 gg.)* [Chuvash State Institute of Humanities. Book 1: Initial pages of history (1930–1955)]. Cheboksary, 2020, 232 p.

11. Kutushev G.Z. *Narodnyi komissariat prosveshcheniya Bashkirskoi ASSR v 1919–1941 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [People's Commissariat of Education of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic in 1919–1941. Cand. Diss]. Ufa, 2015, 228 p.

12. Latypova G.M. *Deyatel'nost' Narodnogo komissariata prosveshcheniya TASSR v 1920-e gg.* [Activities of the People's Commissariat of Education of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1920s]. Kazan, 2013, 223 p.

13. Latypova G.M., Rafikova G.E. *Tatgosizdat Akademtsentra Narkomprosa TASSR: pervyi opyt gosudarstvennogo regulirovaniya izdaniya natsional'noi literatury* [Tatar State Publishing House of the Academic Center of the People's Commissariat of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic: the first experience of state regulation of the publication of national literature]. *Tatarovedenie v situatsii smeny paradigm: teoriya, metodologiya, praktika: sbornik trudov I Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminaru* [Proc. of Int. Sci. Sem. «Tatar studies in a paradigm shift situation: theory, methodology, practice»]. Kazan, 2021, pp. 25–29.

14. Mardanova F. F. *Iz istorii stanovleniya kraevedeniya v TASSR: pervye gody deyatelnosti nauchnogo obshchestva tatarovedeniya (1923–1925 gg.)* [Excerpts on the history of the establishment of regional studies in the Tatar ASSR: the early years of operation of the Scientific Society of Tatar Studies (1923–1925)]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 2020, no. 2, pp. 23–31.

15. Migranova E.V., Psyanchin A.V. *Deyatel'nost' Akademicheskogo tsentra pri Bashkirskom narkomate prosveshcheniya i obshchestva po izucheniyu Bashkirii v 1922–1924 gg. (na osnove arkhivnykh materialov)* [Activity of the Academic Center and Society for the Study of Bashkiria in 1922–1924]. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*, 2023, no. 1, pp. 23–33.

16. Murtazina L.R. *Nauchno-pedagogicheskaya deyatelnost' Gabdully Sabirovicha Shnasy (1885–1938)* [Scientific and pedagogical activity of Gabdulla Sabirovich Shnasy (1885–1938)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2016, no. 8(173), pp. 121–124.

17. *Organizatsiya nauki v pervye gody Sovetskoj vlasti (1917–1925): sbornik dokumentov* [Organization of science in the early years of Soviet power (1917–1925): a collection of documents]. Leningrad, 1968, 419 p.

18. Presnyakova A.K. *Rol' Akademtsentra Narkomprosa respubliki v razrabotke uchebno-metodicheskikh posobii dlya natsional'nykh shkol* [The role of the Academic Center of the People's Commissariat of Education of the Republic in the development of teaching aids for national schools]. *Platonovskie chteniya: materialy XII Vserossiiskoi konferentsii molodykh istorikov* [Proc. of Rus. Sci. Conf. «Platonic readings»]. Samara, 2006, pp. 137–139.

19. Salakhov M. *Ot Akademtsentra do Akademii nauk: istoriya i perspektivy tatarovedeniya* [From the Academic Center to the Academy of Sciences: History and Prospects of Tatar Studies]. *Tatarovedenie v situatsii smeny paradigm: teoriya, metodologiya, praktika: sbornik trudov I Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminaru* [Proc. of Int. Sci. Sem. «Tatar studies in a paradigm shift situation: theory, methodology, practice»]. Kazan, 2021, pp. 3–5.

20. Ulemnova O.L. *Akademicheskii tsentr Tatnarkomprosa i osnovnye napravleniya tatarovedeniya 1920-kh gg.* [Academic Center of the Tatar People's Commissariat and the main directions of Tatar studies of the 1920s]. *Tatarovedenie v situatsii smeny paradigm: teoriya, metodologiya, praktika: sbornik trudov I Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminaru* [Proc. of Int. Sci. Sem. «Tatar studies in a paradigm shift situation: theory, methodology, practice»]. Kazan, 2021, pp. 44–51.

21. Farkhshatov M.N., Rakhmatullina Z.Ya., Psyanchin A.V. *Institutsionalizatsiya akademicheskoi gumanitarnoi nauki v Bashkortostane v XX – nachale XXI v.: etapy, uchastniki, rezul'taty (k 100-letiyu ordena «Znak Pocheta» Instituta istorii, yazyka i literatury Ufimskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra RAN)* [Institutionalization of Academic Humanities Research in Bashkortostan, 20th to Early 21st Centuries: Stages, Participants, Results (Towards the 100th Anniversary of the Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature Ufa Federal Research Centre of the RAS)]. *Oriental Studies*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 310–332.

22. Fattakhova G.A. *Deyatel'nost' Akademicheskogo tsentra Tatnarkomprosa v 1920-e gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Activities of the Academic Center of the Tatar People's Commissariat for Education in the 1920s: Abstract of Cand. Diss]. Kazan, 2000, 22 p.

23. Fattakhova G.A. *Izdatel'skaya deyatel'nost' Akademicheskogo tsentra* [Publishing activities of the Academic Center]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 2000, no. 1–2, pp. 228–231.

24. Fattakhova G.A., Valeev R.K. *Akademicheskii tsentr Tatarii: 1920-e gody* [Academic Center of Tatarstan: 1920s]. Kazan, 2002, 95 p.

MALEKA N. GASANOVA – Teacher of History and Social Studies, MAOU «Gymnasium No. 5» in Cheboksary, Russia, Cheboksary (maleka_gasanova@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9473-8118>).

ELENA K. MINEEVA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (mineevaek21@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8301-9951>).

Формат цитирования: Гасанова М.Н., Минеева Е.К. Академические центры Башкирского, Татарского и Чувашского наркоматов просвещения: основные направления и результаты деятельности // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 20–33. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-20-33.

DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-34-44

УДК 39(470.40)(=22)+811.22'373.21

ББК Т521(=521)(2Рос-4Пен)+Ш12=521.29*03*316.1

Г.Е. КОРНИЛОВ

О БУРТАСАХ И БУРТАСОНИМАХ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ (историко-этнологический аспект: спорное и бесспорное)

Ключевые слова: Пензенский край; Волжская Булгария; буртасы; венгры/мадяры; чуваш; буртасонимы на *-вис/-ис*; болгарско-чувашские языческие имена, постфиксы *-мис, -ис*.

Книга М.С. Полубоярова «Древности Пензенского края в зеркале топонимики» явилась событийным комплексным анализом названий «природно-географических и других ландшафтных объектов Пензенской области», основанным «на архивных источниках 17–18 веков», на «отказных книгах, хозяйственных описаниях», «Экономических примечаниях к материалам Генерального межевания, картографических источниках 18–19 вв.», охватившим буртасскую, мордовскую, тюркскую топонимию «северного участка бывшего «Дикого поля», Верхней Суры, юго-восточной части Мещеры и Верхнего Прихопровья».

Заслуживая высокой оценки в целом, допуская последующие переиздания для учащихся, студентов, краеведов и преподавателей гуманитарных дисциплин, книга, разумеется, нуждается в обсуждении частностей, в уточнении отдельных выводов и утверждений.

Цель исследования – ввести в ходе прочтения книги М.С. Полубоярова «Древности Пензенского края в зеркале топонимики» некоторые ускользнувшие от автора данные и оценить предлагаемые им отдельные конкретные интерпретации так называемых буртасонимов, географических названий, в основном – потамонимов, оставшихся на карте Пензенского края якобы от буртасов, загадочного народа, о происхождении и судьбе которого ученые продолжают горячо спорить по сей день.

Материалы и методы. Основной источниковой базой исследования послужили историко-географические данные, инвентаризованные автором книги «Древности Пензенского края в зеркале топонимики», а также историко-этимологические и ономастологические словари, справочники, публикации предшественников. Основным методом исследования является историко-генетический метод, предполагающий привлечение исторических источников и критическое использование результатов их рассмотрения предшественниками; апелляция к данным справочников и разнообразных словарей.

Результаты исследования. В статье устанавливается неоднозначность следующего утверждения: Буртасским апеллятивом, семантически близким термину «вода, река», является *-ис*, на его основе в Пензенском крае сложились 22 названия: Катмис, Колдаис, Умыс, Чипурус, Шелемис, Шуист (от истока Суры до Пензы); Качаис, Кондраис, Маис, Старый Колдаис, Чаис (от верховьев до устья р. Инзы); Катмис, Курмыс (правые притоки р. Суры); Широкоис (приток р. Исса), Шеркаис (бассейн р. Муромки), Атмис, Варезка (!), Шелдаис (верховья р. Мокша), Атмис (приток р. Ушинки в бассейне р. Буртас), Кермись, Печенвис; на Тамбовщине: Большой Ломовис, Колаис. Постфикс *-ис* восходит к венг. *viiz* (в оригинале *viz* «вода, река»), в котором под влиянием татарского языка был утрачен анлаутный *v-*, который, однако, сохранился в двух потамонимах: Ломовис и Печенвис.

На самом деле, в части перечисленных имен вычленяется не *-ис*, а *-мис* (Кат-мис, Шеле-мис, Ат-мис) или *-мыс* (Кур-мыс), а Ломовис допускает вариативное членение: Ломов-ис (фамилия Ломов) и Ломо-вис (с предполагаемым *-вис<*-виис<*-вииз<viz*). Кроме того, постфикс *-ис* образует не только потамонимы, но и довольно широко представлен в производных антропонимах, в частности, только в словаре В.К. Магницкого «Чувашскія языческія имена» обнаруживается более трех десятков мужских «языческих» имен на *-ис* различного происхождения.

Выводы. Инвентаризованные М.С. Полубояровым потамонимы Пензенского края на *-(в)ис* требуют дополнительного сравнительно-исторического анализа в более широком историко-лингвистическом и историко-этнологическом контексте.

Введение. Незатухающий интерес научной общественности к проблемам этно-, глотто- и топонимического дела делает постоянно актуальными поиски новых данных по вопросам исторических судеб прежде бесписьменных тюркских и финно-угорских народов Восточной Европы в рамках I тысячелетия и 1-й половины II тысячелетия новой эры. Среди других особенно занимательным выглядит исторический факт территориального разрыва угорской ветви финно-угорской семьи народов, в результате которого часть из них проживает сегодня в Зауралье (ханты и манси), другая часть – в Подунавье (венгры-мадьяры). Считается, что перемещение угорских предков венгров было поэтапным, они по пути в *Паннонию* неоднократно оседали где-то в *Подонье*, в *Поднепровье* и т.д., но достаточно показательных следов их временных локаций еще не найдено, что делает соответствующие поиски до сих пор актуальными. Не последнее место в этих поисках занимают географические названия предположительно угорского происхождения, требующие, однако, всестороннего, непредвзятого анализа, что возможно только в условиях диалогов и полилогов, публично организованных представителями разных этнологических и ономастических научных школ.

Материалы и методы. Основной источниковой базой исследования послужили историко-географические данные, инвентаризованные автором книги «Древности Пензенского края в зеркале топонимики», а также историко-этимологические и ономастические словари, справочники, публикации предшественников. Основным методом исследования является историко-генетический метод, предполагающий привлечение исторических источников и критическое использование результатов их рассмотрения предшественниками; апелляция к данным справочников и разнообразных словарей.

Новизна данной статьи в том, что в ней использованы неучитываемые предшественниками факты и представлены дополнительные этимологические решения.

Цель исследования – дать объективную оценку выводам оппонента о возможности восхождения постфикса *-us* в ряде географических названий Пензенского края к венгерскому географическому номенклатурному термину **víz* «вода, река», используя дополнительные данные и рассматривая их в несколько ином аспекте.

Результаты исследования. Сегодня можно однозначно признать, что главным исследователем истории и состояния географических названий Пензенского края является Михаил Сергеевич Полубояров, а наиболее информативным трудом по названной теме следует назвать опубликованную вторым изданием и широко представленную в Интернете его замечательную книгу «Древности Пензенского края в зеркале топонимики» [13], содержащую как обширное и достаточно самостоятельное теоретическое введение «Мир древних топонимов» [13. С. 3–40], так и довольно обширный историко-этимологический словарь, последовательно привлекающий как историко-архивные материалы, так и историко-географические сведения, учитывающий доступные сведения по славянским, тюркским, финно-угорским и некоторым другим языкам [13. С. 42–216].

I. В границах теоретического введения прежде всего внимание привлекает призванная дать «наглядное представление о пластах культур и языков, отраженных в гидронимии Пензенского края», таблица, «в которой хронологически выстроены археологические культуры и соответствующие им языки общения» [13. С. 17].

Всего выделено 9 пластов археологических культур и соответствующих им этносов и языков, начиная с эпохи III–II тысячелетия до н.э. [волосовская, имерская, археологические культуры, не могущие быть названными племена, говорившие предположительно на диалектах «финско-пермского языка-основы»] и кончая современным периодом «с 17 века по настоящее время» (этносы: русские, мокша, эрзя, татары-мишари, чуваша, соответственно языки: русский, мокшанский, эрзянский, татарский, чувашский).

Нас прежде других в данном случае заинтересовал седьмой пласт [VIII–XIV вв., археологические культуры не названы, этносы: буртасы, мокша; языки: буртасский (мадьярский, изменившийся на чувашский; к XIV в. – кипчакский), мокшанский]. К сожалению, М.С. Полубоярову осталось неизвестным, как и большинству исследователей, что служилых чувашей было принято называть татарами [14. С. 31], так что далеко не все пензенские татары по происхождению кипчаки, но в данном случае это поправимо.

По мнению М.С. Полубоярова, «седьмой топонимический пласт добавил к старым древнемордовским названиям рек средней протяженности ... от 100 до 200 км: *Арчада, Атмис, Инза, Исса, Кадада, Сердоба* ... буртасы жили в составе Волжской Булгарии ... прибыли в Пензенский край в 9 или 8 веках из Хазарии ... построили десятки городов-крепостей ... расположение в *Засурье, Заузинье*, на правых берегах *Выши* и *Вада* ... Волжская Булгария оставалась в тылу их крепостей ... буртасы защищали ее дальние рубежи от рязанцев и *Степи* ... В 1293 г. буртасские земли захватил ордынский князь *Бехмет*, произошло отделение *Буртасии* от *Булгарии* ... За 400 лет обитания в *Посурье* буртасы не могли не оставить следов в топонимии ... Ш.З. Бахтиев видит в буртасах народ хазаро-булгарского происхождения, чувашей ...» [13. С. 22–23].

Согласно А.Х. Халикову, «достаточно длительные контакты мадьяры имели с буртасами в 9 веке, когда двигались в *Паннонию* и остановились на *Среднем Дону* ... соседство предков буртас с венграми было настолько тесным и длительным, что имя *мадьяр* нередко, очевидно, переходило и на *буртас* ...» [13. С. 24].

Далее М.С. Полубояров вводит в речевой оборот термин *буртасоним* (имя, данное буртасами, или имя, происходящее из языка буртас? – Г.К.) и делает заключение: «Поскольку *буртасонимы* входят в класс речных имен, они должны иметь компоненты, семантически близкие к понятиям «река», «вода» ... буртасы, жившие в эпоху развитого феодализма, не могли не оставить ... *владельческих названий* ... не случайно в ряде буртасонимов просматриваются языческие чувашские мужские имена: *Казарка, Кяндя, Мамадыш, Черыкайка* и т.д. ... они могли закрепиться в период ... *Волжской Булгарии*, когда *местные феодалы носили древние булгарские личные имена* ... Больше неоткуда взяться *чувашизмам под Пензой*» [13. С. 26] (Выделено курсивом нами. – Г.К.).

... На основе буртасского языка сложились гидронимы с окончаниями *-ис, -дым, -дим, -дюм, -дом* ... Буртасским апеллятивом, семантически близким термину «вода, река», является *ис*. Таковых на территории области насчитывается 22 ... Они локализуются четырьмя кустами ...: (1) **верхнесурский** – от истоков Суры до Пензы (*Шелемис, Катмис, Умыс, Колдаис* ..., *Шуист, Чипурис*); **сурско-инзенский** – от верховьев до устья *Инзы* (*Старый Колдаис, Кондраис, Маис, Чаис, Качаис*) ... среди правых притоков Суры – реки *Катмис* и *Курмыс*; (3) **иссинско-верхнемокшанский** (*Исса*, ее приток *Широкоис, Шеркаис* – бассейн Муромки, *Атмис, Варейка, Шелдаис*); (4) **вышинско-буртасский**

(*Атмис* – приток *Ушинки* в бассейне *Буртасы*, *Кермись*, *Печенвиса*) ... тамбовские реки *Бол. Ломовис* и *Колаис* ... [13. С. 27].

... вероятность принадлежности *ис*-овых гидронимов к буртасонимам усиливает наличие в тех местах буртаских городищ и самой реки *Буртас* ...

В ... *-ис* мы видим остаток венгерского *вииз* («вода, река»). В чистом виде он сохранился в названии речки *Печенвиса* и ... *Ломовис* ... Переход *вииз*>*вис*>*ис* ... обусловлен татарским влиянием ... В татарском исключается мягкое *в* в начале слова ...

Присутствие венгерского апеллятива в гидронимии края подкрепляет аргументацию тех, кто в предках буртасов видит мадьяр ... [13. С. 28–29].

II. Все это выглядит вполне убедительно. Действительно, в башкирском и татарском языках не только «исключается мягкое *в*- в начале слова», но вообще отсутствуют незаимствованные слова с *в*-анлаутом, башкиры и татары в русской речи склонны заменять *в*- на *б*-, говорить *багон/багун* вместо *вагон* и т.д. *В*-анлаут из всех тюркских допустим в природной лексике только чувашского языка (*вité, vílém, vir, vit* и т.д.), но и то – не перед *-е-* (*ве-* возможно в основном в русизмах и мариизмах). Даже в диалектах татарского языка все зарегистрированные на сегодня слова с *в*-анлаутом представляют собой заимствования, в абсолютном большинстве – из русского языка или через русский, часть – из чувашского языка (*вак* «мелкий», *ваткыч* «щипцы для сахара», *вызлату* «науськивать», *выргыту* «выбрасывать/выбросить», *вэке* «прорубь»), изредка – звукоизображения-имитативы (*варкылдау* «крякать», *вэч-вэч* «оклик для овец» и т.д.) [17. С. 111–114]. Ср. [23. S. 525–528].

Но что касается двух слов – *Ломовис* и *Печенвис* – абсолютно убедительным из них выглядит только одно, а именно – *Печенвис*, в основе которого допустимо мокш., эрз. *пиче* «сосна», *пичень* «сосновый» (см. в Мордовии: *Печелейка* [б. С. 49], *Печеней* [б. С. 19, 164, 217, 231], *Пичилейка* [б. С. 161], *Пичинейка* [б. С. 19, 20], *Пичингуши* [б. С. 118, 161, 164, 216], *Пичинейя* [б. С. 222] и т.д.), хотя и напрашивается возможный архетип современного чув. *пёч(ч)ен* «один(окий), обособленный и т.д.», *пёч(ч)ен: пёр~* «один единственный» и т.д.), а *вис* можно возводить к аллоформе венг. *вииз* «вода», «река», в оригинале *víz* (долгий *í*), родственное фин., эст. *vesi*, одного происхождения с индоевропейскими параллелями праславянского *вода* [21. Т. 3. С. 1166в–1167а]. Не может быть и речи о том, чтобы *Печенвис* членить не *Печен-вис*, а скажем *Печенв-ис*; ни в одном языке Поволжья немисливо искать апеллятив **печенв* по причине невозможности предполагать ауслат в виде сочетания двух сонорных *-нв*. Другое дело – *Ломовис*, в составе которого нет препятствий усматривать восточнославянскую фамилию *Ломов* на базе одного из трех значений апеллятива *лом* («металлический стержень для ломания», «вышедшие из употребления металлические предметы», «лом: буре~; лесные завалы стволов и сучьев»), тем более, что М.С. Полубояров склонен сам в большинстве топонимов видеть следы «владельческих» антропонимов (см. последний абзац на с. 26: «... *буртасы*, жившие в эпоху развитого феодализма, не могли не оставить после себя *владельческих названий* ...» [13. С. 26]). Сделанное в *Словаре* [13. С. 120] предположение о восхождении потамонима *Ломовис* к «древнефинно-угорской основе **лаймо* – «долина пойма» (Так! – Г.К.) выглядит как «подтягивание к заданному». Термин **лаймо* содержит нисходящий дифтонг *-ай-*, который не предполагает монофтонгизации *-ай->-о-* (следует найти хотя бы один живой пример, а вот монофтонгизацию *-ай->-а-* можно продемонстрировать

случаями: *Новое Бадиково* (рус.), оно же *Од Байдеку* – мокшанское село в Zubovo-Полянском р-не Мордовии [б. С. 158а]; *Подайкеево/Подакеево* – русская деревня в Темниковском р-не Мордовии [б. С. 176б–177а], в восточнославянских регулярна монофтонгизация *-ай->ä>е*, ср. лит. *кайна* ~ вост.-слав. *цѣна* ~ рус. *цена*). Кроме того, реконструкция **лаймо* «долина, пойма» при реальном мокшанском диалектном *лайма* «ил, тина», общемокшанский: *лайме* «долина, луг», *лайме* «черемуха» (дерево), без широких балтийско-финских и волжско-финских параллелей не может претендовать на статус «древнефинно-угорской основы».

По крайней мере, мокш. *лайма* «ил, тина» вполне убедительно просится в ряд: чуваш. *лăйма* «слизь; ил, тина; крахмал», башк. *лай* «тина», татар. *лай* «ил, тина; грязь», в других тюркских – «глина; грязь, ил; муть; слизь и под.», монгольские – *лаи, ла, лай*; калмык. *ла* «ил; (глинистое) болото», все из персид. *лай* «ил, тина, отстой; осадок в речной воде», «грязь на дне воды», тадж. *лой* «грязь», см. В.Г. Егоров [5. С. 126], М.Р. Федотов [19, С. 333]. Ничто не мешает нам допустить расширения всего круга перечисленных основ за счет индоевропейских параллелей праславянского **liti* (> рус. *лить, лью*), родственного лит. *lieti* «лить», см. М. Фасмер [18. Т. II. С. 504], откуда связанные чередованием рус. *-лой*: *на~* «ливень», *-лой*: *за~* «затопленное место» [18. Т. II. С. 513]; рус. *-лой*: *с~*, род. п. *слѡя*, укр. *слій*; словен. *slòj* «грязная лужа; горный пласт, залежь», чеш. *loj* «слой, залежь, пласт» и т.д. Первоначально «сливаемое» – **sъlojъ* [18. Т. III. С. 674]. М. Фасмер, III, с. 41: **Налой II** «ливень, верхний слой воды». От *на* и *лой*: *лить*. М. Фасмер, II, С. 76: **Залой** «затопленное водой место»; из *за* и *лой* (см.) от *лить*.

Не может быть никаких сомнений в том, что из перечисленного круга производящих корней происходят столь употребительные в *Поочье, Посурье* (и *Поволжье* в целом) географические номенклатурные термины: мокш. *ляя* «ре(ч)ка», *ляень* «речной», *ляень ведь* «речная вода» (мокш. *ведь*, венг. *вииз*, рус. *вод(а)* – родственные основы); эрзян. *лей* «река», *леень чудема* «течение реки»; тюркские параллели чуваш. *йейӱ* «разлив реки» типа: башк. *йәй-*, татар. *жәй-* «разливаться, растекаться, расплываться» и т.д. [5. С. 61; 19. Т. I. С. 141–142] демонстрируют закономерное анлаутное соответствие **й-ль-**.

Таким образом, потамоним *Печенвис* приходится признать уникальным среди всех 22 названий на *-ис*, столь добросовестно и наглядно инвентаризованных автором замечательного труда «Древности Пензенского края в зеркале топонимики» [13]. Но является ли этот единственный пример достаточным основанием считать окончание *-ис* в остающихся названиях (их 21) восходящим к **вис<*вииз*?

Нам мыслится, что в одних случаях это, возможно, так, а в других – нет.

III. Прежде чем перейти к конкретике, к критическому анализу положений каждой отдельной статьи, посвященной тому или иному потамониму из числа остающихся 21, укажем на общую причину наших некоторых сомнений. Дело в том, что окончание *-ис* регистрируется не только в топонимии, но и в антропонимии. М.С. Полубояров, увлеченный «владельческими названиями», широко использует знаменитую книгу В.К. Магницкого «Чувашскія языческія имена» [9], но не обращает внимания на обилие содержащихся в ней антропонимов на *-ис*, в связи с чем нам представляется уместным дать их полный перечень в инверсионном порядке с указанием страниц: *Самаис* (73), *Погис* (68), *Хведис* (90), *Юнеис* (96), *Ирчемис* (46), *Момис* (59), *Иванис* (40), *Уванис* (88),

Ахванис (30), Унхванис (89), Охванис (64), Юванис (96), Денис (36), Тинис (82), Охинис (64), Вайнис (35), Отхонис (63), Янис (99), Арис (29), Пабарис (64), Байбарис (32), Тойбарис (83), Албарис (26), Ямбарис (97), Енбарис (38), Тонбарис (85), Парис (65), Ишпарис (48), Тарис (80), Обрис (60), Борис (34), Оприс (62), Топрис (85), Патрис (66), Ятрис (101), Ярис (100), Батис (33), Яис (97) [7, 9].

Среди исчерпывающе перечисленных 38 антропонимов (мужских языческих имен, бытовавших среди чувашей во второй половине XIX в. н.э.), в первую очередь, бросаются в глаза пришедшие из русской речи *Борис* (усечение слав. *Борислав* [16. С. 131]), другую точку зрения см. [8. С. 245–252], и *Денис* (от церк. *Дионисий* < греч. *Дионисиос*) [16. С. 165], имеющие окончание *-ис* в русском первоисточнике.

Варианты *Парис* и *-парис*: *Иш*~ явно восходят к русскому акающему *Барис* (*-о->-а-* в 1-м предударном слоге) с закономерным для чувашской речи оглушением анлаута **Б->П**-. Аналогичен случай с *Тинис*, восходящим к *Денис* (*-е->-и-* в 1-м предударном слоге, «московское произношение», оглушение анлаута **Д->Т**-).

В восьми случаях (*Байбарис*, *Тойбарис*, *Албарис*, *Ямбарис*, *Енбарис*, *Тонбарис*, *Ишпарис*, *Пабарис*), скорее всего, имеем результаты татарского влияния (отсутствует оглушение звонкого губного **Б**-, **-б**- как в анлауте, так и в инлауте; *-барис* выступает в качестве определяемого постпозитивного компонента составного антропонима, образованного методом словосочетания; препозитивным компонентом-определением являются татарские: *Бай*-<*бай* «господин, хозяин», «богатырь» [11. С. 59]; *Той*-/*Туй*-< *той*/*туй* «празднество, торжество, радость» [11. С. 238]; *Ал*- 1) компонент араб. собственных имен типа *Ал*:- ~ *-Амин*, *Ал*:- ~ *-Бади*, *Ал*:- ~ *-Бурхан* и т.д., или 2) татар. *ал* «алый, розовый»; возьми (императив) [11. С. 37, 308]; *ям*-< *ям* «красота», ср. *Ямбарс* [11. С. 299]; *Ен*- < татар. *ен* < араб.-перс. *джан* «душа», «милый», ср. *Енали*/*Джанали* [11. С. 93, 103]; *Иш*- < татар. *иш* «друг, спутник», ср.: *Ишбай*, *Ишбарс* и т.д. [11. С. 127]; *Тон*-<*тан*- «дар, подарок», «рассвет, зоря» [11. С. 231].

Загадочным представляется антропоним *Пабарис*, в котором 1-й компонент *Па*- не имеет объяснений из тюркских языков.

Любопытен вариант *Иванис*, вариант русского имени *Иван*, приведенный, но не объясненный у А.В. Суперанской [16. С. 192], имеющий тюркизированный вариант *Юванис* (см. выше); каков статус *-ис* в составе *Иванис*, остается неясным, это собственный суффикс, например, с уменьшительно-ласкательным значением, или это результат подражания иностранным именам собственным и нарицательным типа балт. *Бурбулис*, *Лацис*, *Чюрлѐнис*, латин. *Australis*, *val-lis*, др.-прус. *zikis*, греч. *Каркинитис*, *Гипанис* и т.д. Неожиданными выглядят варианты: *Ахванис* и *Охванис*, явные (чувашские или русские просторечные) «переделки» антропонима *Афанасий* (греч. *Атанасиос* < *атанатос* «бессмертный»), в их числе *Унхванис* с загадочным инфиксом **-н**-, придающим имени ложноэтимологическое значение *Ун/Он Хванис* «10 Хванисов» (!), или «Его Хванис» (<Ун-ән Хванис?). Не исключено, что к рус. *Афанасий* восходит и чуваш. *Охинис*. К *Иванис*, *Юванис* примыкает вариант *Уванис*, результат утраты анлаутного **й**- (цепочка искажений: *Иванис* > *Юванис*/*Йуванис* > *Уванис*). Результатом преобразования по аналогии, разумеется, является (нерегистрируемый известными нам русскими ономастиконами) чувашский вариант имени *Федор* (греч. *Теодорос* «Божий дар») в его уменьшительно-ласкательном варианте: *Фѐдя* > чуваш. *Хведя́* > *Хведи́с*. Вопрос далеко не праздный:

откуда этот постфикс *-ис*, это чувашизация или тот же источник, что и у однозначно русского *Иванис*?

IV. Попробуем завершить беглый обзор остающихся имен, перечислив их уже не в инверсионной последовательности, а в порядке прямого алфавита: *Арис*, разг. *Арист* (греч. *Арес* «Бог войны») [11. С. 216]; *Батис* (рус. *батя* «отец», но имеется и чувашское прозвище *Патис* на основе русского названия ткани *батист*, «любил батистовые рубашки»); *Вайнис* (от немецкого *вайн* «вино», *Вайнер* – распространенная фамилия, букв. «Винодел»), *Момис* (чуваш. прозвище на основе *мыма*, диал. *мумал/мома* «нечто мягкое, пушистое; тина, ил»); *Обрис/Оприс* от *Абросим/Обросим* (греч. *амбросиос* «бессмертный») [11. С. 96, 255]; *Охтонис*, *Охинис* < *Афоня*, *Афанасий* (греч. *атанатос* «бессмертный») [11. С. 122], *Патрис* (латин. *патернус* «отцовский») [11. С. 269], ср. всемирно известное Патрис Лумумба; *Погис* (?); *Самаис* < *Самуил* (др.-евр. *Шемуэл* > греч. *Самуэл* «Шем есть бог» [11. С. 293]; *Тарис* < *Тарс(ей)* (перс. *тарса* «христианин») [11. С. 311]; *Топрис* (рус. *Добръ* – краткое прилагат. от *добрый*); *Юнеис* < *Юний* (лат. родовое имя *Юниус*) [11. С. 347]; *Янис* < латыш. *Ян* (соответствие рус. *Иван*) [11. С. 349]; *Яис* (?); *Ярис* < др.-рус. *Яр* «весна», «пыл, огонь, разгар», ротацированный вариант тюрк. *Яз*, болг.-чув. *Џор/Џур* «весна», герм. *Jahr*, венг. *Nyar* «весна; лето», «год»; *Ятрис* < *Ятр*:- ~овка, рус. устар. «жена деверя, шурина или брата», или «утроба» [4. Т. 4. С. 1588].

Из перечисленных выше следует обратить особое внимание на два соответствия в исходе имени звукосочетаний *-ис* и *-ист*, см.: *Арис* и *Арист*, *Батис/Патис* и *батист*; подобное упрощение в диалектном просторечии встречалось ранее в границах апеллятивной лексики, особенно в русской речи нерусских граждан России, ср., с одной стороны, произношение: *тръктарис* вм. *тракторист*, *мъшинис* вм. *машинист*, *фашиис* вм. *фашист* (в наименовании лиц по профессии, специальности или принадлежности к какой-либо группе), с другой стороны, произношение: *плечис* вм. *плечист*, *речис* вм. *речист*, *душиис* вм. *душист* (в полных формах качественных прилагательных).

V. Перечисленное выше не призвано опровергнуть гипотезу М.С. Полубожова в целом, мыслилось лишь то, что проблема постфикса *-ис* в границах русской ономастологической и апеллятивной лексики не может считаться решенной во всем объеме и в достаточной глубине. В составе потамонимов, называющих ручьи, речки, реки, на первый взгляд, вполне естественно (а, может быть, даже необходимо) усматривать в качестве определяемого географического номенклатурного термина компонент со значением «река, вода; поток, приток и т.п.», но в реальности, в живом употреблении, соответствующие номенклатурные термины опускаются, мы говорим: *Волга*, *Дон*, *Ока*, *Сура* и т.д., хотя языковая норма требует говорить: *Волга-река* (ср. в песне: *Волга-речка*) или *река Волга* (чтобы было ясно, что это не наручные часы «Волга», не гостиница «Волга» и т.д.), *Дон-река* или *река Дон*, *Ока-река* или *река Ока*, *Сура-река* или *река Сура*. Когда в устной и письменной речи субстратный географический номенклатурный термин выходит из употребления и забывается, появляется возможность переосмыслить по-прежнему функционирующее в языке-адстрате / в языке-суперстрате определение, например, *Ирчемис сырми* «Овраг Ирчемиса», утратив определяемый номенклатурный термин *-сырми* «овраг-его», представленный уже одним определением *Ирчемис*, легко членится по новой *Ирчем-ис*, при этом ничто не мешает усматривать в этом постфиксе *ис* результат упрощения *-вис*<*-виис*< венг. **víz* «вода, река», хотя на самом

деле следует членить *Ирче-мис* и, возможно, рассматривать в ряду с *Ат-мис*, *Кат-мис*, *Чер-мис* на базе балт.-фин. **mīs*, ср. эст. *mees* «мужчина; человек», суоми *mies* «мужчина, человек; муж, супруг; люди», карел. *mies* «мужчина, человек; братец; братишка; голубчик» (заимствованные из германских типа лив. *miez* «мужской пол») [22. С. 279а], при этом чуваш. *ирче* представляет собой более древнюю форму современного *ирсе* [ирЗ'е] «мордвин-эрзя»; этноним сокращен из словосочетания *тир ирси*, букв. «кожемяка» (*ир-**«яр- «мять», *-се-**«че/-ча – общетюркский суффикс, образующий имя деятеля; *тир* «кожа, шкура»).

Соответственно, *Ат-: ~мис* – результат утраты анлаутного *й-* (о случаях утраты *й-*анлаута см. [2. С. 160, 189, 231]), ср. тюрк. *йат* «чужой; иностранец», эрзян. *ят* «враг», «чужой» (заимствовано из тюрк.), возводимо к **Иатмис*, или к **Ат мис* с препозитивной эрзянской (диалектной) отрицательной частицей *ат-* «не», ср. *ат стака* «не трудный / не трудно» [20. С. 62а]. Ср. появление анлаутного *й-*: *ясы/йасы* в самоназвании народа *ас(ы)* на русской и венгерской почве.

Название правого притока Суры – *Катмис* нереально членить *Катм-ис*, оно естественно распадается на *Кат-мис*, где *Кат* < тюрк. *кат* «крепкий; твердый; сильный»; «сухой; тощий», «скупой» [19. С. 385–386].

Этноним *черемис* содержит в себе первым компонентом *чер-*, соответствующий чуваш. *çар-* в составе *çармăс*, в других тюркских *чер-/чар-* «войско, армия; военный» (ср. тур. *янычар* «новая армия») [19. С. 86], в целом – *черемисы* означает «воины» и по происхождению вовсе не этноним.

Выводы. М.С. Полубояров, увлеченный идеей В.А. Никонова [12. С. 30] о том, что «в эпоху развитого феодализма» «владельческие названия» (т.е. названия, восходящие к антропонимам. – Г.К.) «оказались главным различительным признаком», довольно уверенно возводит к именам личным даже названия таких значительных рек, как *Сердоба* [13. С. 169], *Пенза* [13. С. 148–150] и нек. др., но не допускает мысли, что, например, потамоним *Буртас* может тоже восходить не к этнониму, а к антропониму на базе этнонима (ср. отэтнонимные антропонимы: *Араб* [11. С. 44], *Казак* [11. С. 131], *Нагай/Нугай* [11. С. 188], *Парс* [11. С. 195], *Сарт(ак)* [11. С. 218], *Таджик* [11. С. 229], *Узбек* [11. С. 243], *Хазар* [11. С. 260], *Шам* [11. С. 283] и в других языках), вопреки тому, что большинство географических названий с компонентом *буртас* (чуваш. *пăртас* [põrDás]) исследователи все же возводят к этнониму [10. С. 177; 15. С. 51–60]. При этом рассмотренные выше потамонимы на *-ис*, названные М.С. Полубояровым буртасонимами, с учетом приведенных нами антропонимов на *-ис* (типа *Иван-ис* и др.) также могут подозреваться в цельнооформленном (включая *-ис*) отантропонимном происхождении, если не все, то хотя бы в значительном числе, в связи с чем перед возможным третьим изданием предварительно рассмотренной нами книги не была бы излишней дополнительная полемика по каждому из 22 географических названий.

Корректирующее дополнение. С потамонимом *Буртас* [3. кв. 32–33, Е-12] не все так просто. Если его членить *Бурт-ас* и усматривать в 1-й части *фьрт* «сын», у В.И. Абаева [1. Т. I. С. 500] *fyrt/furt* (иранское слово, собственно осетинское *лæппу* имеет значения «мальчик; молодой человек»), а во 2-й части *ас* (венг., др.-рус. *йас*) – этноним (предполагается одно из названий алан-осетин), то буквальное значение получается *Сын аса / Аса сын, Асич*, патроним, ср. азерб. *Ибрагим оглу* «Сын Ибрагима», «Ибрагима сын», «Ибрагимыч»;

рус. *Сын Петра, Петрич*; нем. *Абрамзон* «Сын Абрама», «Абрамыч», странновато представлять себе название реки, равное отчеству: *река Асич, река Ибрагимыч, река Абрамыч* ...В словосочетании *Река Буртас, Буртас-речка*, или в случаях *Буртаска, Буртасица* в рамках русской речи все выглядит нормально, но в субстратном *Буртас* далеко не все однозначно.

Гораздо убедительнее в *Бурт-:* ~ас видеть осет. *fürd/ford* «большая река» [1. Т. I. С. 485] и весь этноним понимать как «*речные асы*», «поречане», и видеть здесь кальку тат., мар. *сувас*, где сув «вода, река», плюс *ас* – этноним, возможно, вариант аз, ротицирующая параллель булг.-чув. *ар* (<*är) «человек, муж(чина)», т.е. кыпчакскому *суваз соответствует булг.-хазар. *сувар*.

В старом русском языке этнонимы употреблялись преимущественно во множественном числе: *буртасы, чувашы, черемисы* и т.д., **родительный падеж принадлежности** при этом **количественно совпадал с именительным единственного**: *речка/река буртас* (в современной речи должно быть – *река/речка буртасов*), *селение/селения чуваш*, *черемис* (в современной речи должно – *селение/селения чувашей, черемисов*), так что в полной форме по-тамонима *Река Буртас* компонент – *Буртас* исторически воспринимался как пребывающий в форме родительного падежа множественного числа!

Литература

1. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–IV. М., 1958–1978.
2. *Алишина Х.Ч.* Исторический ономастикон сибирских татар: монография. Тюмень: Печатник, 2016. 576 с.
3. Атлас мира. М.: Гл. управл. геодезии и картографии МВД СССР, 1954.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 т. / под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Четвертое, исправленное и значительно дополненное издание. СПб.; М.: Издание т-ва М.О. Вольф, 1911. Т. 1–4.
5. *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
6. *Инжеватов И.К.* Топонимический словарь Мордовской АССР. Названия населенных пунктов. 2-е изд., доп. и испр. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1987. 264 с.
7. *Корнилов Г.Е., Леонтьева А.А.* Инверсионный «Алфавит чувашских мужских языческих имен» – 1: Словарь. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 100 с.
8. *Корнилов Г.Е.* Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XLII: А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 245–252.
9. *Магницкий В.К.* Чувашскія языческія имена. Казань: Типографія Императорскаго Университета, 1905. 101 с.
10. *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М.: Восточная литература РАН, 1996. 254 с.
11. Мусульманские имена. Словарь-справочник. СПб.: ДИЛЯ, 2006. 448 с.
12. *Никонов В.А.* Введение в топонимику. М., 1965.
13. *Полубояров М.С.* Древности Пензенского края в зеркале топонимики. 2-е изд., доп. и испр. М.: Изд-во ЗАО «ФОН», 2010. 224 с.
14. *Салмин А.К.* Савиры, болгары и тюрко-монголы в истории чувашей. СПб.: Нестор-История, 2019. 296 с.
15. *Скворцов М.И.* Этнические названия в чувашской топонимии и антропонимии – I // Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары, 1977. Вып. 5. С. 51–60.
16. *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имен. М.: Эксмо, 2005. 544 с.
17. Татар теленең диалектологик сүзлеге / СССР Фәннәр Академиясе; Г. Ибраһимов исемендәге тел, әдәбият һәм тарих институты; төз.: Г.К. Якупова, З.Р. Садыкова, Л.Т. Махмутова, Н.Б. Борханова; ред. һ. кереш сүз язучы Л.Т. Махмутова. Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1969. 643 б.
18. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. I–IV.
19. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. I–II.

20. Эрзянско-русский словарь / под ред. Б.А. Серебrenникова и др. М.: Рус. яз.; Дигора, 1993. 802 с.
21. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Első kötet. A-Gy. 1142 old. 1967; Második kötet. H-O. 1111 old. 1970; Harmadik kötet. Ö-Zs. 1231 old. 1976. Budapest: Akadémiai kiadó.
22. Eesti etimoloogia-sõnaraamat / Koostanud ja toimrtanud Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar. Peatoimetaja Iris Metsmägi. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2012. 792 s.
23. *Räsänen Martti*. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.

КОРНИЛОВ ГЕННАДИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Чебоксары, Россия (gennkorn@rambler.ru).

Gennadiy E. KORNILOV

**ABOUT THE BURTAS AND BURTASONYMS OF PENZA REGION
(historical and ethnological aspect: controversial and indisputable)**

Key words: *Penza Region; Volga Bulgaria; the Burtas; the Hungarians/the Magyars; the Chuvash; burtasonyms on -vis/-is; Bulgarian-Chuvash pagan names, postfixes -mis, -is.*

M.S. Poluboyarov's book "Antiquities of Penza Region in the Mirror of Toponymy" was an event-related comprehensive analysis of the names of "natural-geographical and other landscape objects of Penza region", based "on archival sources of the 17th and 18th centuries", on "allotment books, economic descriptions", "Economic notes to the materials of the Ordnance Survey, cartographic sources of the 18th and 19th centuries" covering the Burtas, the Mordovian, and the Turkic toponymy of "the northern section of the former Wild Field, the Upper Sura, the southeastern part of Meschera and the Upper Trans-Khoper."

Deserving of high praise in general, allowing for subsequent reprints for learners, students, local historians and teachers of humanities, the book, of course, needs to discuss the details, to clarify individual conclusions and statements.

The purpose of the study is to introduce when reading M.S. Poluboyarov's book "Antiquities of Penza Region in the Mirror of Toponymy" some data that escaped from the author and to evaluate individual specific interpretations of the so-called burtasonyms, geographical names, mainly potamonyms left on the map of Penza Region allegedly from the Burtas, a mysterious people about whose origin and fate scientists continue to argue with fervency to this day.

Materials and methods. The main source base of the research was made by historical and geographical data, inventoried by the author of the book "Antiquities of the Penza Region in the Mirror of Toponymy", as well as historical, etymological and onomatological dictionaries, reference books, publications of predecessors. The main method of research is the historical-genetic method, which is expected to involve the historical sources and critical using the results of their consideration by their predecessors; an appeal to the data of reference books and various dictionaries.

Research results. The article establishes the ambiguity of the following statement: The Burtas appellative, semantically close to the term "water, river", is -is, on its basis 22 names developed in Penza region: the Katmis, the Koldais, the Umys, the Chipuris, the Shelemis, the Shuist (from the source of the Sura to Penza); the Kachais, the Kondrais, the Mais, the Old Koldais, the Chais (from the upper reaches to the mouth of the river Inzy); the Katmis, the Kurmys (right tributaries of the Sura River); the Shirokoi (tributary of the Issa River), the Sherkais (Muromka River basin), the Atmis, the Varezhka(!), the Sheldais (upper reaches of the Moksha River), the Atmis (tributary of the Ushinka river in the Burtas river basin), the Kermis, the Pechenvis; in Tambov region: the Big Lomovis, the Kolais. The postfix -is goes back to Hungarian. viiz (in the original viz "water, river"), in which, under the influence of the Tatar language, the anlaut v- was lost, which, however, preserved in two potamonyms: the Lomovis and the Pechenvis.

In fact, in part of the listed names, non-is, but-mis (the Cat-mis, the Shele-mis, the At-mis) or -mis (Kur-mis) is isolated, and the Lomovis allows for a variable division: Lomov-is (surname Lomov) and Lomo-vis (with the assumed -vis<-viis<*-viis<viz). In addition, the postfix -is forms not only potamonyms, but is also quite widely represented in derived anthroponyms, in particular, only in the dictionary of V.K. Magnitsky "Chuvash pagan names" more than three dozen male "pagan" names of various origins are revealed.*

Conclusions. The potamonyms of Penza Region inventoried by M.S. Poluboyarov on -(v) is require additional comparative historical analysis in a broader historical-linguistic and historical-ethnological context.

References

1. Abaev V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Moscow, 1958–1978, vols. 1–4.
2. Alishina Kh.Ch. *Istoricheskii onomastikon sibirskikh tatar: monografiya* [Historical onomasticon of the Siberian Tatars. Monograph]. Tyumen', Pechatnik Publ., 2016, 576 p.
3. *Atlas mira* [Atlas of the world]. Moscow, 1954.
4. Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskago yazyka* [Explanatory dictionary of the live great Russian language]. Moscow, St. Petersburg, 1911, vol. 1-4.
5. Egorov V.G. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary Chuvash]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1964, 355 p.
6. Inzhevatov I.K. *Toponimicheskii slovar' Mordovskoi ASSR. Nazvaniya naseleennykh punktov. 2-e izd., dop. i ispr.* [Toponymic dictionary of the Mordovian ASSR. Names of settlements. 2nd ed.]. Saransk, Mordovia Publ. House, 1987, 264 p.
7. Kornilov G.E., Leont'eva A.A. *Inverzionnyi «Alfavit chuvashskikh muzhskikh yazycheskikh imen» – 1: Slovar'* [Inversion "Alphabet of Chuvash male pagan names" – 1. Dictionary]. Cheboksary, 2002, 100 p.
8. Kornilov G.E. *Etnotoponimiya respublik Povolzh'ya (Bashkortostan, Komi, Mariy El, Mordoviya, Tatarstan, Udmurtiya, Chuvashiya) – XLII: A-anlautnye geograficheskie nazvaniya* [Ethnic toponyms in Volga region republics (Bashkir, Komi, Mari, Mordva, Tatar, Udmurt, Chuvash republics) – XLII: A-names of places]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2018, no. 2, pp. 245–252.
9. Magnitskiy V.K. *Chuvashskiya yazycheskiya imena* [The Chuvash pagan names]. Kazan, 1905, 101 p.
10. Murzaev E.M. *Tyurkskie geograficheskie nazvaniya* [The Turkic geographic names]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1996, 254 p.
11. *Musul'manskii imena. Slovar'-spravochnik* [The Muslim names. The Reference dictionary]. St. Petersburg, DILYa Publ., 2006, 448 p.
12. Nikonov V.A. *Vvedenie v toponimiku* [Introduction to toponymy]. Moscow, 1965.
13. Poluboyarov M.S. *Drevnosti Penzenskogo kraja v zerkale toponimiki. 2-e izd., dop. i ispr* [Antiquities of the Penza region in the mirror of toponymy. 2nd ed.]. Moscow, Fon Publ., 2010, 224 p.
14. Salmin A.K. *Saviry, bulgary i tyurko-mongoly v istorii chuvashei* [Savirs, Bulgars and Turko-Mongols in the history of the Chuvash]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019, 296 p.
15. Skvortsov M.I. *Etnicheskie nazvaniya v chuvashskoi toponimii i antroponimii – I* [Ethnic names in Chuvash toponymy and anthroponymy – I]. *Dialekty i toponimiya Povolzh'ya* [Dialects and toponymy of the Volga region]. Cheboksary, 1977, vol. 5, pp. 51–60.
16. Superanskaya A.V. *Slovar' lichnykh imen* [Dictionary of personal names]. Moscow, Eksmo Publ., 2005, 544 p.
17. Makhmutova L.T., ed., Yakupova G.K., Sadykova Z.R., Makhmutova L.T., Borkhanova N.B. *Dialektologicheskii slovar' tatarskogo yazyka* [Dialectological dictionary of the Tatar language]. Kazan, Tatar Publ. House, 1969, 643 p.
18. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of Russian Language. 4 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1986–1987, vol. 1–4.
19. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary Chuvash. 2 vols.]. Cheboksary, 1996, vols. I–II.
20. Serebrennikov B.A. et al., eds. *Erzyan'-ruzon' valks. Erzyansko-russkiy slovar'* [Erzya-Russian Dictionary]. Moscow, 1993, 802 p.
21. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Első kötet. A-Gy. 1142 old. 1967; Második kötet. H-O. 1111 old. 1970; Harmadik kötet. Ö-Zs. 1231 old. 1976. Budapest: Akadémiai kiadó.
22. Eesti etümoloogia-sõnaraamat / Koostanud ja toimitanud Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar. Peatoimetaja Iris Metsmägi. Tallinn, Eesti Keele Sihtasutus, 2012, 792 s.
23. Räsänen Martti. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.

GENNADIY E. KORNILOV – Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (gennkorn@rambler.ru).

Формат цитирования: Корнилов Г.Е. О буртасах и буртасонимах Пензенского края (историко-этнологический аспект: спорное и бесспорное) // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 34–44. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-34-44.

УДК 94(470.343)
ББК 63.3(2Рос.Мар)

О.А. КОШКИНА

ОРГАНИЗАЦИЯ АГИТАЦИИ И ПРОПАГАНДЫ В МАРИЙСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Марийская АССР, пропаганда, агитколлективы, лекционная работа, периодическая печать, радио, сводки Совинформбюро.

Агитация и пропаганда в годы Великой Отечественной войны приобрела особое значение. В основу организации этой работы легла патриотическая идея, направленная на сплочение народа для достижения победы над врагом. В тыловых регионах, в том числе и Марийской АССР, основным лозунгом стал призыв к оказанию помощи фронту.

Целью исследования является изучение на основе анализа источников средств советской пропаганды и агитации и их организация в Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны.

Материалы и методы. Источники выявлены в Государственном архиве Республики Марий Эл. Основными методами стали анализ и систематизация документов.

Результаты исследования. Одной из основных форм пропаганды и агитации оставалась лекционная работа, за качеством которой был установлен партийный контроль. Основными агитпунктами становились районные парткабинеты и избы-читальни. Для подготовки кадров в г. Йошкар-Оле в 1944 г. был создан университет марксизма-ленинизма, действовала 21 районная партийная школа. Особое внимание уделялось наглядной агитации – доски Почета, результаты соцсоревнования, стенды с различными показателями, плакаты и т.д. Одно из ведущих мест в советской пропаганде занимали периодическая печать и радиовещание. В республике выходили две республиканские, 18 районных газет и две заводские многотиражки. Но в годы войны сократился состав радиокомитета, и вещание охватывало далеко не все населенные пункты республики. Кроме газет и местного радиовещания средством политической работы служили листовки с сообщениями Совинформбюро.

Выводы. Средства пропаганды и агитации в годы войны сыграли большую роль в формировании патриотических чувств советского народа. С их помощью и в тыловых регионах удавалось поддерживать моральный дух и психологическое состояние населения. Агитколлективы, периодическая печать, отчасти радиовещание оказывали определенное воспитательное воздействие на жителей республики.

Введение. В годы Великой Отечественной войны в стране значительно возросла роль агитационно-пропагандистской работы. Патриотическая идея в это время стала мощным средством пропаганды и агитации, главным идеологическим оружием победы советского народа над врагом. В условиях военного времени задачи советской пропаганды и средства ее реализации были скорректированы. Как отметили исследователи Ю.Н. Арзамаскин и О.В. Кепель: «Советский (государственный) патриотизм, модернизация советского народа и трудовая мораль... способствовали формированию у советского человека высоких моральных качеств. В результате в период Великой Отечественной войны народ и власть были едины, о чем свидетельствует самый распространенный тогда лозунг “За Родину, за Сталина!”» [1. С. 40]. Главной целью стала мобилизация граждан на борьбу с врагом, а ее ведущими направлениями – «формирование чувства ненависти к оккупантам, прославление успехов советских войск, обращение к патриотическим традициям..., призыв к оказанию помощи фронту. Прежние лозунги, ориентированные на построение социализма, уступили место новым, апеллировавшим к патриотизму и национальному единению» [6. С. 304].

Целью исследования является изучение на основе анализа источников средств советской пропаганды и агитации и их организация в Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны.

Материалы и методы. Источниками для анализа послужили документы Государственного архива Республики Марий Эл, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Богатый материал содержат отчеты, информации, справки, докладные записки, директивные указания, протоколы совещаний и семинаров отдела пропаганды и агитации Марийского обкома ВКП(б). На основе систематизации и анализа источников изучены способы организации советской агитации и пропаганды на примере Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны. Историография темы достаточно обширна. Среди современных работ следует выделить В.А. Веременико и И.А. Тропова по истории изучения вопроса, Г.М. Ипполитова и С.Н. Полторака об особенностях пропаганды и агитации в начале войны, Е.Ф. Кринко о пропаганде и распространении слухов, Е.В. Харитоновой о психологическом состоянии населения и др. [2, 5, 6, 9–11].

Результаты исследования. К началу войны сложился мощный пропагандистский аппарат. В 1939 г. отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) был преобразован в управление, что повышало его статус. Обкомы, горкомы и райкомы партии также имели отделы пропаганды и агитации. Кроме того, идеологической работой занимались и другие государственные и общественные структуры. На предприятиях и в учреждениях разъяснением политики партии и правительства занимались агитаторы.

Одной из основных форм пропаганды и агитации оставалась лекционная работа. За пять месяцев Великой Отечественной войны (на ноябрь 1941 г.) только лекторской группой Марийского обкома ВКП(б) в республике было прочитано 362 лекции, на которых присутствовало 42 939 человек. Для сравнения: до войны за полгода было прочитано 185 лекций, которыми охвачено 19 078 человек. Еще больший размах приобрела лекционная работа в районах, где были созданы группы докладчиков-лекторов. Райкомы партии (Юринский, СERNурский, Новоторъяльский) проводили доклады и лекции почти в каждом колхозе. Всего за ноябрь 1941 г. силами райкомов было проведено около 3 100 лекций и докладов на темы Великой Отечественной войны. Кроме лекций и докладов, подготовленных партийными органами (обкомом, райкомами и горкомами), 175 лекций провел республиканский совет Союза воинствующих безбожников и 170 лекций – лекторская группа наркомата просвещения [4. Д. 124. Л. 21–22].

За качеством лекций был установлен партийный контроль. Например, «в Горномарийском районе тов. Петухов, читая лекцию о международном положении, был к ней не подготовлен, материал изложил очень плохо, не дал обобщения свежих фактов. Аудитория лекцией тов. Петухова осталась недовольна. Райком ВКП(б) вынужден был отменить остальные лекции тов. Петухова. Фактов низкого идейно-политического содержания лекций и докладов, проводимых силами райкомов, значительно больше» [4. Д. 124. Л. 23]. Формой контроля были семинары для лекторов, где в том числе проводилось и коллективное обсуждение лекций. «Лекции должны разъяснять, как прошедшие за это время события ярко подтверждают глубоко научный анализ тов. Сталина (имеется в виду выступление Сталина 6 ноября 1941 г. – О.К.), о крахе молниеносной войны, о росте сил антигитлеровской коалиции, о неизбежности разгрома фашистских армий и т.д. ... Таким образом, наши лекции... будут помогать правильно понимать происходящие события» [4. Д. 124. Л. 24]. Одной

из важнейших задач агитаторов была организация трудового подъема: «В своей повседневной работе по мобилизации трудового подъема масс агитатор должен постоянно разъяснять трудящимся задачу, поставленную товарищем Сталиным, “работать не покладая рук”, чтобы дать фронту и стране все необходимое» [4. Д. 124. Л. 32]. Так, основными темами для политических бесед среди колхозников были: военные действия на советско-германском фронте; боевой союз СССР, Англии, США против гитлеровской Германии и ее союзников в Европе; организаторская работа в тылу за истекший год; разбойничий гитлеровский «новый порядок» во временно оккупированных районах СССР и в оккупированных странах Западной Европы; задачи Красной армии и советского народа в Отечественной войне [4. Д. 449. Л. 30].

Большую роль в развитии лекторской работы сыграло в свое время постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» от 14 ноября 1938 г.: «Ввести в практику лекции, являющиеся важным методом пропаганды марксизма-ленинизма. Хорошо подготовленная, содержательная лекция должна явиться серьезной помощью товарищам, самостоятельно изучающим “Краткий курс истории ВКП(б)” и произведения классиков марксизма-ленинизма. Необходимо также ставить лекции по вопросам международного положения и по отдельным теоретическим и политическим вопросам. Считать целесообразным, чтобы после лекции лектор отвечал на заданные вопросы. Ввести в практику организацию открытых лекций с небольшой платой за посещение» [7]. Практику проведения платных лекций пытались использовать и в годы войны. Бюро обкома ВКП(б) установило для райкомов суммы, которые они обязаны были собирать от реализации билетов на лекции. Однако план этот выполнялся очень плохо. На 1 декабря 1941 г. по республике поступило лишь 48% от годового плана. Так, по г. Йошкар-Оле было собрано 1 748 руб. (план – 6 000 руб.), в Куженерском районе – 300 руб. (план – 1 500 руб.), в Юринском – 534 руб. (план – 2 500 руб.). Попытки организовывать такие лекции в крупных колхозах и сельсоветах быстро сходили на нет [4. Д. 124. Л. 25].

Несмотря на то, что много агитаторов и руководителей агитколлективов ушли на фронт, их ряды довольно быстро пополнялись. До войны количество агитаторов составляло 10 697 человек, объединенных в 546 агитколлективов. К концу 1941 г. их количество составляло 10 232 человека и 667 агитколлективов. Однако их распределение по республике было неравномерным. Так, в Юринском районе до войны было 546 агитаторов, а к концу 1941 г. – 593 человека; в Сотнурском районе работало 450 агитаторов, а к указанному периоду осталось 250 человек; в Куженерском районе их количество уменьшилось на 51 человека [4. Д. 124. Л. 26]. К тому же нагрузка на каждого агитатора резко выросла в связи с эвакуацией и соответственно ростом населения. «Рабочий день агитатора т. Тереховой (колхоз им. Молотова, Косолаповский район. – О.К.) начинался с 3 часов утра. Рано утром вместе с колхозницами она шла на конный двор и организовывала беседу о задачах дня, сколько каждый колхозник должен сегодня сделать – вспахать, забороновать, засеять. В 3 часа дня, получив свежий номер газеты, она читала колхозникам о героических делах фронтовиков и на этих примерах мобилизовала колхозников на дальнейшее повышение производительности труда и перевыполнение норм выработки» [4. Д. 766. Л. 73].

Сложно было с подбором руководителей агитколлективов. Чаще на эти должности назначали председателей сельсоветов или секретарей парторганизаций. И нередко один человек вообще совмещал все эти должности, что очень осложняло ему выполнение пропагандистских обязанностей. Некоторые агитколлективы объединяли от 40 до 90 человек, которым приходилось работать на довольно большой территории, когда отдельные колхозы находились в 12 км от центра сельсовета.

Все районные парткабинеты были реорганизованы в агитпункты, а сельские избы-читальни – в сельские агитпункты. Кроме того, было создано в сельсоветах, колхозах и на предприятиях 382 агитпункта. Их ежедневную работу можно представить на примере Сернурского агитпункта: «Работа начинается с 6 часов утра. Зав. агитпунктом т. Головенкин принимает по радио утреннее сообщение информбюро, и в 7 часов 15 минут он его уточняет при повторном прослушивании. В 7 часов 40 минут проводится политинформация для работников районных учреждений. Сводка информбюро передается по телефону в те агитколлективы, где нет радио. Днем и вечером можно видеть людей в агитпункте, читают газеты и журналы, слушают сводки информбюро, ходят в библиотеку за литературой. Имеется витрина с газетными материалами важнейших событий. На агитпункте стали практиковать чтение художественной литературы по книге «Бои в Финляндии» (имеется в виду издание «Бои в Финляндии. Воспоминания участников: В 2 ч. М.: Воениздат, 1941». – О.К.)...» [4. Д. 124. Л. 34–35]. В Волжском районном агитпункте, заметив, что продолжительные лекции и доклады посещают меньше, стали практиковать короткие беседы и доклады по отдельным вопросам на 25–30 мин. Посещаемость резко увеличилась, за ноябрь 1941 г. агитпункт посетило 1 082 человека [4. Д. 124. Л. 21–35]. Оршанский агитпункт начал организовывать фотовыставки на оборонные темы, за ноябрь его посетило 1 510 человек. Однако большинство агитпунктов страдало от отсутствия бытовых условий, в частности отопления (Килемарский, Параньгинский, Пектубаевский районы) [4. Д. 124. Л. 35–36].

По состоянию на октябрь 1941 г. на предприятиях и учреждениях г. Йошкар-Олы работал 971 агитатор, в том числе 526 членов и кандидатов ВКП(б), 168 членов ВЛКСМ и 277 беспартийных. По сравнению с июнем этого года количество агитаторов уменьшилось на 78 человек, что было связано с закрытием или переводом некоторых организаций в районы республики – МГПИ (110 человек), ПЛТИ (58 человек), сельхозтехникум (39 человек), педучилище (42 человек), музыкальная школа (25 человек) и т.д. В то же время произошло увеличение количества агитаторов в некоторых парторганизациях за счет прибывших предприятий: завод № 298 (17 человек), завод № 297 (42 человека), завод № 185 (5 человек), ГОИ (26 человек), ОКБ-43 (4 человека), СУ № 16 (42 человека) [4. Д. 129. Л. 57].

За октябрь 1941 г. в г. Йошкар-Оле было прочитано 155 лекций и докладов с участием 10 461 человека, в том числе городской агитпункт – 43 лекции с охватом 3 904 человек, первичные парторганизации – 94 лекции с охватом 4 267 человек, лекционное бюро наркомата просвещения – 2 лекции, республиканский Совет СВБ – 16 лекций с охватом 1 390 человек. Доклады были посвящены «Отечественной войне советского народа, о революционной бдительности и организованности на производстве, на оборонные темы (ПВХО, борьба с танками противника, борьба с воздушными десантами противника), по истории

ВКП(б)...» [4. Д. 129. Л. 57]. На лекции академика Е.В. Тарле о международном положении гитлеровской Германии присутствовало 700 человек. К чтению лекций привлекали преподавателей ЛВВА и ученых ГОИ. Так, Котов читал лекцию в ГОИ об авиации германской армии, Марковский в аэроклубе о борьбе с воздушными десантами противника, Пинегин, парторг ЦК ВКП(б) в ГОИ, о роли партии большевиков в подготовке и проведении Октябрьской революции [4. Д. 129. Л. 58].

Лекторская группа при обкоме ВЛКСМ состояла из 16 человек. Работала лекторская группа при МГПИ им. Н.К. Крупской под руководством В.М. Тарасовой [4. Д. 449. Л. 51]. По республике было создано 356 кружков политической учебы для молодежи [4. Д. 449. Л. 52]. При всех райкомах и горкомах ВЛКСМ работали постоянно действующие комиссии по массово-политической работе от 7 до 15 человек, проводившие совещания с агитаторами, активистами, зав. избами-читальнями [4. Д. 449. Л. 54].

При избах-читальнях, которых в республике насчитывалось 246, были организованы агитколлективы [4. Д. 449. Л. 52]. Здесь читали доклады о сельском хозяйстве, улучшении работы колхозов, ферм и т.п. Например, в Сидельниковской избе-читальне Звениговского района были прочитаны доклады «Дадим больше овощей для Красной армии», «Разведение и уход за пчелами», «Об уходе за молодняком», «Поднимем выше темпы уборки урожая», «О значении зимних агротехмероприятий». Здесь же проводили мероприятия на военные темы, организовывали витрины с фотографиями, вырезками из газет и соответствующей литературой. Были организованы советы изб-читален, в которые входили агитаторы, учителя и т.д. Они участвовали в выпуске стенгазет. 308 учителей в республике по совместительству были заведующими избами-читальнями [4. Д. 449. Л. 53].

Новые идеологические задачи требовали дополнительных кадров для их решения. В июле 1944 г. бюро Йошкар-Олинского горкома ВКП(б) вынесло решение об организации в городе вечернего университета марксизма-ленинизма на 80 человек с 10-месячным сроком обучения. В итоге было принято 135 человек, в основном советские и партийные работники (Совнарком, Наркомторг, горисполком, Марилес, Марлеспромсоюз, Управление связи и др.). Программа была утверждена на 154 часа по следующим предметам: история партии – 52 часа, Отечественная война – 20, политическая карта мира – 12, политическая экономия – 50, диалектический и исторический материализм – 20. Занятия проводились раз в неделю, в понедельник с 8 до 11 часов вечера. 1 июня 1945 г. в университете закончились экзамены, проходившие по трем предметам: история партии, Отечественная война и политическая карта мира, по результатам которых слушатели переводились на второй курс, намеченный на 1945/46 учебный год с повышенной программой [4. Д. 766. Л. 127–129].

В сентябре 1944 г. была создана 21 районная партийная школа с охватом 894 слушателей. Работало 87 сельских политшкол с контингентом слушателей 1 840 человек [4. Д. 766. Л. 196–197].

Особое внимание уделялось наглядной агитации – стенды с показателями, плакаты и т.д. «Рабочий, выполнивший дневную норму с наивысшей производительностью, на следующий день бывает известен всему заводу через специальные плакаты, лозунги, боевые листки. Рабочий, давший брак или же задержавший детали, необходимую для другого рабочего или цеха, будет иметь перед рабочим станком социалистический счет о том, что он задерживает работу другого рабочего и т.д.» [4. Д. 449. Л. 53].

В Оршанском райпромкомбинате им. Кирова ежедневно вывешивались итоги соцсоревнования между цехами и отдельными рабочими. Передовому цеху и передовому рабочему в цехе вручалась Красная звезда с портретом Сталина. На Марбумкомбинате в одном из цехов устанавливался красный флажок на станок рабочего, давшего наивысшие показатели [4. Д. 449. Л. 53].

Марийский обком ВЛКСМ готовил плакаты на фанерных досках для вывешивания на конных дворах, на дорогах с текстами, призывающими беречь и готовить коня к весеннему севу. Плакаты готовили пионеры и школьники г. Йошкар-Олы, а развешивали комсомольцы-активисты, передвигаясь на лыжах по районам [4. Д. 449. Л. 54].

Ярко была представлена наглядная агитация в столице республики – г. Йошкар-Оле. На ул. Советской было много лозунгов, в том числе щит «События на фронтах Отечественной войны» с географической картой. На железнодорожной станции со стороны вокзала висело яркое панно «Воин Красной армии». Много цитат Ленина и Сталина о дисциплине, о производительности труда размещали на зданиях и улицах города [4. Д. 449. Л. 126].

Периодическая печать была одной из ведущих форм советской пропаганды. В годы войны перестроили свою работу редакции газет. Газеты стали освещать насущные проблемы военного времени, стоящие перед предприятиями, колхозами и учреждениями. «В периодической печати формулировались четкие, ясные правительственные установки, выраженные в агитационных лозунгах, которые воздействовали и на воина, и на любого человека в тылу» [10. С. 9].

В республике выходили две республиканские, 18 районных газет и две заводские многотиражки. Формат республиканских газет «Марийская правда» и «Марий коммуна» был установлен в две полосы. Тираж «Марийской правды» (на рус. яз.) составлял 14 700 экземпляров, а «Марий коммуны» (на мар. яз.) – 6 000 экземпляров [4. Д. 301. Л. 97].

На страницах газеты «Марийская правда» были введены рубрики «Трибуна стахановца», затем «Трибуна участника соцсоревнования» и «Дневник соревнования», где помещались статьи передовиков: «Мой опыт сварки» А. Игнатьева, «Как я стала выполнять 7-8 норм» Н. Царегородцевой, «В цехе» В. Чусова, «Как я воспитываю молодые кадры» Н. Петрусевич, «Моя фронтальная бригада» Силина и др. В газете была учреждена Доска почета передовиков промышленности, на которую заносились предприятия, стахановцы, отмеченные решением бюро обкома ВКП(б) и СНК Марийской АССР. 6 ноября 1941 г. в печати был опубликован рапорт Сталину, подписанный 185 тыс. трудящихся республики [4. Д. 449. Л. 94–85, 91].

Газеты публиковали статьи на военные и военно-политические, исторические темы, о ПВХО и военной подготовке населения, обзоры военно-художественной и политической литературы, письма бойцов Красной армии и т.п. [4. Д. 449. Л. 94]. Редакция «Марийской правды» имела внештатных корреспондентов во всех районах республики, на крупных промышленных предприятиях, в большинстве МТС, проводила семинары с редакторами стенгазет [4. Д. 449. Л. 96].

Выполняя роль коллективных агитаторов, пропагандистов и организаторов, республиканские газеты систематически показывали опыт работы передовых предприятий, колхозов, лесных участков и отдельных стахановцев, печатали статьи о ходе соцсоревнования, призывы и обращения о патриотических починах, организовали «доску почета» передовиков [4. Д. 301. Л. 97].

Районные газеты должны были стать организаторами Всесоюзного соцсоревнования в районах. На страницах газет из номера в номер освещались выполнение социалистических обязательств, взятых в рапорте И.В. Сталину, обсуждение новогоднего отчета в колхозах, на предприятиях, лесоучастках и учреждениях, опыт лучших предприятий, колхозов и учреждений, отдельных стахановцев. Здесь также были свои «доски почета», куда вносили лучшие колхозы, колхозников и работников МТС, критиковали отстающих [4. Д. 301. Л. 110–111].

Из 18 районных газет три выходили только на марийском языке, две – на русском, 13 – на смешанных. В отдельных районах приступили к изданию газет раздельным тиражом на русском и марийском языках. Это сильно перегружало редакции, требовало квалифицированных переводчиков [4. Д. 449. Л. 298]. В среднем районные газеты имели от 40 до 200 селькоров. Всего в республике насчитывалось около 1 500 селькоров [4. Д. 449. Л. 299].

В колхозах, на предприятиях, в учреждениях и организациях республики выпускалось более 4 000 стенных газет. Нередко стенные газеты становились инициаторами того или иного патриотического мероприятия.

Огромную роль в пропаганде и агитации играло радиовещание, особенно в районах, «где газеты приходят часто на пятый день. Понятно, что радио является единственным источником свежей информации» [4. Д. 124. Л. 51]. На основе сообщений, получаемых по радио, составлялись политинформации. Три раза в день сводки Совинформбюро из Москвы включались в телефонную связь и транслировались через громкоговорители, установленные в местах коллективного слушания [3. С. 12].

В республике насчитывалось 38 проволочно-вещательных радиоузлов с 12 969 радиоточками. Всего было радиофицировано 273 населенных пункта. На 1 000 жителей приходилось 23,8 радиоточки, больше, конечно, на городских жителей. С радиообслуживанием сельского населения дело обстояло очень плохо. Например, Горномарийский, Килемарский, Моркинский, Новоторъяльский районы не имели ни одной трансляционной радиоточки на селе. Часть радиоузлов не работала в связи с отсутствием радиотехников, уходом в армию и т.д. [4. Д. 305. Л. 73].

В большинстве районов ежедневно или через день с 21.00 до 21.30 из районных центров передавался материал по телефонной связи в сельские советы, предприятия и учреждения района. Слушание местного радиовещания было налажено в 223 сельсоветах [4. Д. 449. Л. 299об].

В начале войны значительно сократился штат Марийского радиокомитета с 22 человек до 8. Работали редакции «Последних известий», литературно-музыкального, комсомольско-молодежного и детского вещания [8. С. 36–37]. При этом росла сеть районных редакций радио. В 1942 г. было 4 редакции, в 1943 г. – 7, в 1944 г. – 17 и в 1945 г. – 18. Из 259 сельсоветов республики 236 слушали радио по телефонным проводам, а 28 были радиофицированы узлами управления связи. Из 25 МТС узлами связи были радиофицированы 13, при включении по телефонным проводам все МТС могли слушать местные передачи. Из 1 939 колхозов узлами связи были радиофицированы 132, а по телефонным проводам слушали 128 [4. Д. 628. Л. 61].

Кроме газет и местного радиовещания средством политической работы служили листовки с сообщениями Совинформбюро. В республике типографии редакций газет выпускали 2 500 листовок из расчета по одной листовке на каждый колхоз, цех предприятия, учреждения и организации [4. Д. 449. Л. 300].

Выводы. Пропаганда и агитация в годы Великой Отечественной войны приобрели особое значение. Партийные органы уделяли большое внимание их организации. Но обстоятельства вносили свои коррективы. В Марийской АССР из-за ухода части агитаторов на фронт выявились трудности с кадрами, в том числе и в сфере периодической печати, как основного средства пропаганды. Проблемой была и организация радиовещания во всех районах республики. Основными формами пропаганды оставались коллективное чтение газет, сообщений Совинформбюро, проведение лекций и т.п.

Суровые военные испытания, с которыми столкнулись люди и на фронте, и в тылу, требовали стойкости, убежденности в превосходстве над врагом, веры в победу. В связи с этим власти искали способы поддержки психологического состояния населения и источники его мобилизации. Пропаганда и агитация оказали огромное организующее, воспитательное и психологическое воздействие на формирование патриотических чувств советского народа.

Литература и источники

1. Арзамаскин Ю.Н., Кепель О.В. Эволюция советской идеологии накануне и в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военный академический журнал. 2023. № 1(37). С. 28–41.
2. Веременко В.А., Тропов И.А. Агитационно-пропагандистская деятельность советского государства среди населения в годы Великой Отечественной войны: современная российская историография // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: сб. ст. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 20–30.
3. Говорит Йошкар-Ола. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1998. 152 с.
4. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П-1. Оп. 5.
5. Ипполитов Г.М., Полторац С.Н. Особенности советской пропаганды и агитации в первый (оборонительный) период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – ноябрь 1942 г.) // Клио. 2023. № 4(76). С. 67–79.
6. Кринко Е.Ф. Пропаганда и слухи в повседневной жизни советского тыла (1941–1945) // Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 300–320.
7. Правда. 1938. 15 нояб.
8. Тихонов О.Н. Радиотелевизионная журналистика Марий Эл: история и современность. Йошкар-Ола: МарГУ, 2013. 84 с.
9. Туржанов Е.К., Мамонтова М.А. Органы партийно-государственной и специальной пропаганды на территории СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Омские социально-гуманитарные чтения – 2023: материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. Омск: ОГТУ, 2023. С. 135–137.
10. Харитонова Е.В. Мобилизация морального духа и психологического состояния в годы Великой Отечественной войны // Психологический журнал. 2020. Т. 41, № 3. С. 5–17.
11. Шепарнева А.И. Агитационно-пропагандистская работа в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Наука и практика. 2015. № 2(63). С. 120–122.

КОШКИНА ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник направления «История», Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории имени В.М. Васильева, Россия, Йошкар-Ола (koshkina_81@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2482-9628>).

Olga A. KOSHKINA

ORGANIZATION OF AGITATION AND PROPAGANDA IN THE MARI ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Key words: the Great Patriotic War, the Mari ASSR, propaganda, teams of agitators, lecture work, periodicals, radio, reports of Sovinformburo (Soviet Information Bureau).

Agitation and propaganda gained special importance during the Great Patriotic War. The organization of this work was based on the patriotic idea aimed at rallying the people to achieve victory over the enemy. In the rear regions, including the Mari ASSR, the main slogan was a call for provision of assistance to the front.

The purpose of the study is to study, based on the analysis of the sources of the Soviet propaganda and agitation and their organization in the Mari ASSR during the Great Patriotic War.

Materials and methods. The sources were identified in the State Archive of the Republic of Mari El. The main methods were analysis and systematization of documents.

Research results. One of the main forms of propaganda and agitation was lecture work, the quality of which was controlled by the party. The main propaganda stations were district party offices and village library and reading rooms. In 1944, the University of Marxism-Leninism was established in Yoshkar-Ola to train personnel, and 21 regional party schools functioned. Special attention was paid to billboard campaign – Honor boards, social competition results, stands with various indicators, posters, etc. Periodicals and radio broadcasting occupied one of the leading places in Soviet propaganda. There were two republican, 18 regional newspapers and two factory multi-circulation newspapers in the republic. But during the war, the radio committee staff was reduced, and broadcasting did not cover all settlements of the republic. In addition to newspapers and local radio broadcasting, leaflets with messages from Sovinformburo served as a means of political work.

Conclusions. The means of propaganda and agitation during the war years played a major role in shaping the patriotic feelings of the Soviet people. With their help, it was possible to maintain both the morale and the psychological state of the population in the rear regions. Teams of agitators, periodicals, and party radio broadcasting had a certain educational effect on the inhabitants of the Republic.

References

1. Arzamaskin Yu.N., Kepel' O.V. *Evolyutsiya sovetskoy ideologii nakanune i v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [The evolution of Soviet ideology on the eve and during the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Voyennyy akademicheskyy zhurnal*, 2023, no. 1(37), pp. 28–41.
2. Veremenko V.A., Tropov I.A. *Agitatsionno-propagandistskaya deyatel'nost' sovetskogo gosudarstva sredi naseleniya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sovremennaya rossiyskaya istoriografiya* [Agitation and propaganda activities of the Soviet state among the population during the Great Patriotic War: modern Russian historiography]. *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg. v sud'bakh narodov i regionov: sbornik statey* [Great Patriotic War 1941–1945 in the destinies of peoples and regions: collection of art.]. Kazan, 2015, pp. 20–30.
3. *Govorit Yoshkar-Ola* [Yoshkar-Ola says]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1998, 152 p.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Mariy El. Fond P-1. Opis' 5* [State Archives of the Republic of Mari El. Archive P-1. Anagraph 5].
5. Ippolitov G.M., Poltorak S.N. *Osobennosti sovetskoy propagandy i agitatsii v pervyy (oboronitel'nyy) period Velikoy Otechestvennoy voyny (22 iyunya 1941 g. – noyabr' 1942 g.)* [Features of Soviet propaganda and agitation in the first (defensive) period of the Great Patriotic War (June 22, 1941 – November 1942)]. *Klio*, 2023, no. 4(76), pp. 67–79.
6. Krinko E.F. *Propaganda i slukhi v povsednevnoy zhizni sovetskogo tyla (1941–1945)* [Propaganda and rumors in the everyday life of the Soviet rear (1941–1945)]. In: *Sovetskiy tyl 1941–1945: povsednevnyaya zhizn' v gody voyny* [Soviet rear 1941–1945: everyday life during the war]. Moscow, 2019, pp. 300–320.
7. *Pravda*, 1938, Nov. 15.
8. Tikhonov O.N. *Radiotelevizionnaya zhurnalistika Mariy El: istoriya i sovremennost'* [Radio and television journalism in Mari El: history and modernity]. Yoshkar-Ola, 2013, 84 p.
9. Turzhanov E.K., Mamontova M.A. *Organy partiynogo-gosudarstvennoy i spetsial'noy propagandy na territorii SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Bodies of party-state and special propaganda on the territory of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. In: *Omskiye sotsial'no-gumanitarnyye chteniya – 2023: materialy XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konfi.* [Proc. of 16th Int. Sci. Conf. [Omsk Social and Humanitarian Readings – 2023: materials of the XVI International. scientific-practical conf.]. Omsk, 2023, pp. 135–137.
10. Kharitonova Ye.V. *Mobilizatsiya moral'nogo dukha i psikhologicheskogo sostoyaniya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Mobilization of morale and psychological state during the Great Patriotic War]. *Psikhologicheskyy zhurnal*, 2020, vol. 41, no. 3, pp. 5–17.
11. Sheparneva A.I. *Agitatsionno-propagandistskaya rabota v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)* [Agitation and propaganda work in the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Nauka i praktika*, 2015, no. 2(63), pp. 120–122.

OLGA A. KOSHKINA – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Department of History, Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russia (koshkina_81@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2482-9628>).

Формат цитирования: Кошкина О.А. Организация агитации и пропаганды в Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 45–53. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-45-53.

УДК 340.15
ББК 63.3(2)64

А.К. КУЗНЕЦОВ

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1990-е ГОДЫ: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

Ключевые слова: местное самоуправление, историография, местная власть, муниципальное образование, местное население, вопросы местного значения, органы местного самоуправления.

На современном этапе муниципальной реформы важным представляется научная концептуальная проработанность темы организации местного самоуправления в Российской Федерации, анализ исторической эволюции этого уровня публичной власти. Местное самоуправление включает в себя не только определение принципов, основ, разграничение полномочий, но и правоприменительную практику, опыт организации местным сообществом различных форм управления, моделей местной власти в отдельных регионах России и муниципальных образованиях.

Цель исследования – представить историографический обзор формирования системы местного самоуправления в Российской Федерации в 1990-е гг.

Материалы и методы. Исследование базировалось на принципах научности, объективности и всестороннего анализа научных работ по вопросам местного самоуправления в России. Использовался хронологический метод для выявления изменений в развитии научных течений. Историко-сравнительный метод способствовал сопоставлению научных представлений, моделей и концепций развития местного самоуправления, отраженных в работах исследователей. Это позволило выявить основные подходы и течения, определить пробельные вопросы, сформулировать предложения для включения в научную повестку по данной проблематике.

Результаты исследования. Историография становления системы местного самоуправления в Российской Федерации представляется весьма обширной и многоаспектной. Междисциплинарность подтверждается существенным вкладом юристов, экономистов, политологов, культурологов, социологов, философов. Многогранны исследования историков, чьи труды посвящены как отдельным аспектам формирования местного самоуправления, избирательного процесса на местном уровне, деятельности органов местной власти и отдельных должностных лиц, так и комплексным вопросам видения власти, местного сообщества и эволюции системы местного самоуправления.

Анализ историографии позволил выделить наиболее дискуссионные вопросы 1990-х гг.: вновь обострившаяся борьба «государственников» и «общественников», роль местных Советов и возможность их трансформации; периодизация формирования местного самоуправления; сравнение моделей организации местного самоуправления, существовавших в России в разные периоды ее истории, а также сопоставление с зарубежным опытом; разграничение полномочий федеральной, региональной и местной власти, конституционно-правовой статус местного самоуправления и правоприменительная практика и т.д.

Важным представляется появление отдельных исторических исследований, посвященных региональному опыту становления местного самоуправления (г. Москва, Республика Бурятия, Республика Марий Эл, Республика Калмыкия, Республика Северная Осетия-Алания, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Архангельская, Астраханская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Курская, Московская, Ростовская, Новосибирская, Кемеровская, Иркутская области, Алтайский, Краснодарский, Ставропольский края, регионы Дальнего Востока и др.).

Отдельный пул исследований посвящен городскому самоуправлению, реализации принципа разделения властей в крупных городах, а также формированию территориального общественного самоуправления в отдельных регионах.

Выводы. Представленные исследования отмечают важную роль субъектов Российской Федерации в проведении муниципальной реформы, формировании сети муниципальных образований, определении предметов ведения и финансово-экономической составляющей муниципалитетов. Тем не менее следует подчеркнуть, что со стороны исторической науки требуется внимание к вопросам сравнительного анализа

регионального опыта, эволюции различных форм осуществления населением местного самоуправления, институционализации местного самоуправления в системе власти и ряду других. Актуальной видится разработка комплексных исторических исследований всего периода новейшей истории по вопросам организации местного самоуправления в Российской Федерации с 1990 г. и до настоящего времени.

Введение. Изучение вопросов формирования и развития системы местного самоуправления в Российской Федерации представляется важным по ряду обстоятельств. Во-первых, местное самоуправление является самым близким к населению, в том числе в физическом смысле, уровнем публичной власти, играет ключевую роль в решении социальных проблем, развитии инфраструктуры и других вопросов местного значения. Исследование и совершенствование организации местной власти имеет прямое отношение к благополучию граждан. Во-вторых, местное самоуправление является формой народовластия, базовым элементом демократического устройства общества. Самостоятельное решение населением вопросов местного значения, а также участие местного сообщества в управленческой деятельности требуют оптимального и эффективного механизма, поиска продуктивных и прозрачных форм, инструментов реализации компетенционной составляющей местного самоуправления. К сожалению, не теряет своей актуальности проблема укрепления доверия граждан к публичной власти и развитию демократических процессов.

Кроме того, изучение системы местного самоуправления необходимо для совершенствования управленческих процессов и повышения эффективности государственного управления в целом. Анализ исторического опыта позволит создать базу для принятия оптимальных решений, соответствующих не только потребностям самих муниципальных образований, но и способствующих развитию страны и повышению качества жизни граждан.

Цель исследования – представить историографический обзор формирования системы местного самоуправления в Российской Федерации в 1990-е гг., особое внимание при этом уделив региональному аспекту.

Материалы и методы. Исследование базировалось на принципах научности, объективности и всестороннего анализа научных работ по вопросам местного самоуправления в России. Использовался хронологический метод для выявления изменений в развитии научных течений. Историко-сравнительный метод способствовал сопоставлению научных представлений, моделей и концепций развития местного самоуправления, отраженных в работах исследователей. Это позволило выявить основные подходы и течения, определить проблемные вопросы, сформулировать предложения для включения в научную повестку по данной проблематике.

Результаты исследования. Историография рассматриваемого вопроса весьма значительна и многоаспектна. Отметим, что формирование системы местного самоуправления является предметом исследования историков, юристов, политологов, экономистов, социологов, культурологов, философов и ряда других ученых, что подтверждается весьма существенным количеством разноплановых монографий, диссертационных работ, сборников материалов конференций, круглых столов, аналитических обзоров, иных научных трудов, учебных пособий, методических материалов и т.д.

Представляется целесообразным привести систематизацию историографии по хронологическому признаку, выделив следующие этапы: 1-й этап – 1990–1993 гг.; 2-й этап – 1993–2003 гг.; 3-й этап – 2003 г. – по настоящее время.

Рубежным событием каждого из этапов являются кардинальные изменения системы местного управления. Так, 1993 г. – это ликвидация системы местных Советов и принятие Конституции РФ, а 2003 г. – опубликование ныне действующего Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», определившего правовые, территориальные, компетенционные, организационные и экономические основы современной системы местного самоуправления, а также государственные гарантии его осуществления. Такой подход позволяет выделить наиболее активную проблематику конкретного периода и попытаться показать причины изменений научных взглядов.

Пожалуй, одним из самых дискуссионных направлений в исследованиях системы местного самоуправления является ее место в государственном управлении, модель взаимодействия местного сообщества и государственной власти. Выделим обострившуюся полемику между «государственниками» и адептами общественной теории во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. Среди них следует отметить С.А. Авакьяна, Г.В. Барабашева [1], Н.С. Бондаря, С.А. Зинченко [7], М.А. Краснова [25], В.А. Кряжкова [26], О.Е. Кутафина, К.Ф. Шеремета [27], Н.В. Постового [40].

На первом этапе (1990–1993 гг.) историографии вопроса развития местного управления дискуссии сторонников вышеуказанных теорий сводились в первую очередь к полемике роли и места системы местных Советов в местном самоуправлении, а также возможности ее реформирования в принципе. Большая часть специалистов того периода в целом положительно охарактеризовала основные принципы и тенденции, заложенные в Законе СССР от 9 апреля 1990 г. № 1417-1 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства».

На необходимость совершенствования системы местных Советов народных депутатов «как реальной основы муниципальной власти» указывал А.И. Ляковский. С его точки зрения следовало планомерно приближать Советы по своему содержанию и формам деятельности к городским, земским собраниям [29].

Тем не менее проблемы реализации законов СССР и РСФСР о местном самоуправлении, разграничения полномочий, отсутствия решений финансово-экономических вопросов на местном уровне привели к формированию второй группы исследователей, которые были достаточно категоричны в оценке местных Советов, определили их как деструктивный элемент системы управления, не способный в условиях демократических перемен выполнить поставленные задачи. И, таким образом, этот пул специалистов выступал за кардинальную смену системы местного управления [54. С. 17].

Важно отметить, что данная дискуссия проходила в условиях противостояния Президента РСФСР и Верховного Совета РСФСР, борьбы за разграничение вопросов ведения федерации и ее субъектов. К сожалению, проблемы вовлечения местного сообщества в решение местных дел, поддержка, прежде всего, ресурсами территориального общественного самоуправления, хозяйственной деятельности не получили решения и должного внимания со стороны власти. Эти вопросы соответственно не нашли отражения и в научной сфере.

Таким образом, первый этап дискуссий о развитии местного самоуправления завершается ликвидацией системы Советов народных депутатов, а затем и принятием Конституции РФ, в которой местному самоуправлению было уделено особое внимание, ориентированное на Европейскую хартию местного самоуправления.

Второй обозначенный нами этап историографии развития системы местного самоуправления представлен значительным ростом интереса исследователей к рассматриваемой проблематике. Несмотря на Конституцию РФ 1993 г., выделившую местное самоуправление в качестве отдельного уровня публичной власти (органы местного самоуправления были выведены из системы органов государственной власти), противостояние адептов государственной и общественной теории только набирало обороты.

Исследуя опыт региональной политики г. Москвы, В.А. Золотов приходит к выводу, «что оптимальной для России является модель развитого местного самоуправления, сочетаемого с сильной государственной властью как на уровне Федерации, так и ее субъектов. Такой подход исключит региональный сепаратизм, поскольку в единстве и силе государства заинтересованы прежде всего органы местного самоуправления и федеральная власть» [18. С. 161].

Тем не менее в этот период детализируется концепция дуализма природы местного самоуправления. Трудно не согласиться с Е.С. Шугриной, которая выделяет признаки местного самоуправления как государственного института и как общественного института, обращает внимание на сочетание общественного и государственного начал природы местной власти [57].

Еще одним важным аспектом изучения эволюции системы местного самоуправления в России в рассматриваемый период стали вопросы периодизации. Так, К.Ф. Шерemet определил четыре этапа: первый этап (апрель 1990 г. – сентябрь 1993 г.) – принятие первых актов СССР и РСФСР о местном самоуправлении, ликвидация системы местных Советов народных депутатов, усиление исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления; второй этап (октябрь 1993 г. – октябрь 1994 г.) – этап «президентских» реформ местного самоуправления; третий этап (ноябрь 1994 г. – август 1995 г.) – период разработки проектов Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; четвертый этап (с сентября 1995 г. – по настоящее время) [32. С. 7].

Значимой вехой рассматриваемого этапа историографии стало принятие Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Анализу нормативного акта и правоприменительной практике посвящено большое количество исследований [23]. Данный федеральный закон стал триггером бурного развития регионального законодательства о местном самоуправлении, определяя территориальные, компетенционные, институциональные и финансово-экономические особенности, а также публично-правовое положение муниципальных образований в субъектах РФ.

В связи с этим нельзя не выделить пласт юридических исследований. Пожалуй, статистика Российской государственной библиотеки подтвердит лидирующее положение ученых-правоведов, в том числе по количеству представленных диссертаций по рассматриваемой проблематике в этот период историографии. Отметим, что в фундаментальных трудах ведущих ученых-муниципалистов (Бондарь Н.С. [6], Бялкина Т.М. [9], Гриценко Е.В. [14], Выдрин И.В., Кокотов А.Н. [11], Костюков А.Н. [24], Таболин В.В. [49], Чеботарев Г.Н. [53], Шугрина Е.С. [57] и др.) были заложены основы самостоятельной отрасли российского права – муниципального права. В исследованиях нашли отражение теоретическое и методологическое обоснование, а также анализ правоприменительной практики таких ключевых вопросов, как природа, концепции и принципы

местного самоуправления, формы участия населения в осуществлении местного самоуправления, нормотворчество, компетенция, территориальная организация, финансово-экономические основы местного самоуправления, гарантии и защита прав местного самоуправления, ответственность органов и должностных лиц, правовой статус органов местного самоуправления, муниципальная служба и др.

Весомый вклад в исследование рассматриваемой проблематики внесли политологи, формируя новое научное направление – муниципальный менеджмент [56]. Предметом исследования экономистов стали доходы и расходы, сбалансированность местных бюджетов, местные налоги и сборы, муниципальная собственность, межбюджетные отношения, имущественные и другие вопросы [45]. Социологи в своих исследованиях активно применяли соответствующие методы анализа развития гражданского общества, самоорганизации местного населения [52]. Большая часть исследований носит региональный характер, что представляется весьма важным для полноты научной картины.

Следует отметить, что в этот период стали появляться работы, направленные на анализ хода реализации конституционных положений и разработки базового федерального закона, а также на сравнение систем местного управления различных периодов истории России, исследование эволюции исторического опыта формирования системы местного самоуправления в 1990-е гг. Так, в диссертационном исследовании А.В. Булова представлен анализ исторически конкретных формообразований структур местного самоуправления в России. Автор обращает внимание, что реальная практика реализации конституционных положений «показала всю сложность и противоречивость этого процесса, невозможность решить проблему в исторически короткие сроки, одним «махом» выйти на качественно более высокий уровень общественной самодетельности теперь уже российских граждан» [8. С. 4]. «Самое главное состояло в том, что власть сама оказалась не готовой предоставить местному самоуправлению провозглашенную самостоятельность» [8. С. 253].

На данном этапе историографии рассматриваемого вопроса появляются исследования формирования системы местного самоуправления в 1990-е гг. в региональном аспекте. Прежде всего следует выделить коллективную монографию «Местное самоуправление в Российской Федерации: региональный аспект» [31], сборник «Институциональные аспекты регионализма в общеевропейском контексте» [21] и аналитический обзор законодательства субъектов Российской Федерации Сибирского и дальневосточного регионов о выборах в органы местного самоуправления [3].

Пристальное внимание ученых было приковано к таким субъектам Российской Федерации, как г. Москва и Московская область. Основные направления правотворческой деятельности московского самоуправления, а также взаимоотношения московской власти и местного самоуправления получили освещение в исследованиях Л.А. Молчановой [33]. Система эффективного управления стала предметом изучения В.И. Голованова [13].

Анализу законодательства о местном самоуправлении Воронежской области и формированию органов местного самоуправления, а также критериев эффективности их деятельности посвящены работы Н.Ю. Елецких [16]. Развитие местного самоуправления в Чувашской Республике периода второй половины 1980-х до 1995 г. исследовала Е.В. Волкова [10].

Интересным представляется исследование А.Н. Бурова, в котором автор проводит сравнительный анализ местного законодательства в течение 1995–1997 гг. трех субъектов России: Республики Калмыкия, Волгоградской и Астраханской областей [8].

Историко-правовое исследование государственной власти и местного самоуправления на Северном Кавказе проведено Е.Е. Некрасовым. Отмечая уникальность казачьего самоуправления, автор делает вывод о невозможности реализации в современных условиях самоуправленческих форм казачества, что представляется весьма спорным [35].

В монографии В.Н. Иванова приведен анализ развития правовой и финансово-экономической основ местного самоуправления, выделены особенности избирательных кампаний по выборам в органы местного самоуправления, а также рассмотрены модели организации местной власти в муниципальных образованиях Уральского региона [20].

Отдельный пул исследований был посвящен городскому сообществу. Интересным представляются работы В.В. Таболина, который проводил сравнительный анализ организации местного самоуправления в крупных городах России и за рубежом [50].

Завершение данного этапа историографии связано с принятием Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», определившего современные принципы и модели организации местной власти, формы деятельности местного населения.

Третий этап историографии формирования системы местного самоуправления характеризуется обширностью и многогранностью исследований. Наряду с научными работами и учебными пособиями по муниципальному праву и муниципальному управлению значительное место стали занимать исторические исследования, которые вводят все больший круг источников в научный оборот. Изучение процессов осуществляется в том числе с учетом проблем современной модели местного самоуправления.

Появляются исследования, направленные на выявление проблем реализации муниципальной реформы, противоречий формирования местного самоуправления и определение эффективной модели местной власти. Три модели взаимоотношений двух уровней публичной власти выделяет А.В. Белый: модель относительной автономии, модель агентств, модель взаимодействия. В России, с точки зрения ученого, с определенными оговорками действует модель взаимодействия. С одной стороны, максимально должны быть реализованы формы прямой демократии, приоритет отдан местным интересам. С другой стороны, в случае делегирования государственных полномочий местная власть должна выступать как продолжение государственной власти [5. С. 62–63]. Аналогичная концепция «взаимозависимости» определена в исследовании Ю.Е. Белановской [4. С. 61].

Изучая эволюцию политических процессов в крупных городах России, В.Я. Гельман приводит авторское определение локального режима, а также типологию: режим поддержания *status quo*; режим роста и развития; прогрессистский режим [12]. Автор приходит к выводу о существенном разнообразии локальных режимов в российских городах. Развитие политического процесса характеризовалось движением «от стихийного плюрализма 1990-х гг. к политическому монополизму 2000-х гг.» [12].

Таким образом, на данном этапе многие исследователи выступают за сочетание государственных и общественных начал местного самоуправления. Именно на концепции дуализма муниципального управления в настоящее время построено большинство моделей организации местной власти [37. С. 30–31]. Обращает на себя внимание анализ практической стороны вопроса. Так, большинство ученых указывают, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации в рассматриваемый период вмешивались в местные дела вопреки конституционным нормам. Причиной такого положения А.В. Белый видит в отсутствии реальных традиций местного самоуправления [5. С. 61]. Проводя историческое исследование процесса становления и развития системы местного самоуправления на Европейском Севере, А.Н. Лукичев также подчеркивает, что на практике англосаксонская модель местного самоуправления была подменена континентальной [28. С. 255].

Важным представляется, что в самом начале становления системы местной власти не было должного внимания со стороны федеральной власти, не формировалась политическая культура местных жителей, отсутствовали реальные политические силы, способные противостоять региональной власти в части отстаивания местных интересов. С точки зрения Ю.Е. Белановской, результатом этого стало отчуждение местной власти от населения [4. С. 83].

С другой стороны, трудно не согласиться с мнением ряда ученых, которые указывают на парадоксальность ситуации. Ведь в условиях демократизации и гласности теория местного самоуправления должна была быть весьма выигрышной «именно потому, что, призывая население к участию в самоуправлении, можно повлиять на его сознание и развитие общественной активности» [37. С. 58].

Справедливости ради необходимо отметить, что реализация заложенного в Конституции Российской Федерации принципа самостоятельности местного самоуправления даже по прошествии 30 лет испытывает немалые трудности. В связи с этим утверждение В.В. Монины о поступательном развитии местного самоуправления в стране, по своим параметрам соответствующее Европейской хартии местного самоуправления, к сожалению, является весьма спорным [34. С. 184–185].

Данный период историографии подтвердил устоявшийся подход к периодизации формирования системы местного самоуправления, где рубежным событием является принятие важнейших нормативных правовых актов. Так, в монографии И.И. Овчинникова «Местное самоуправление в Российской Федерации (теоретические, исторические и правовые аспекты)» выделяются следующие этапы: первый этап – с момента принятия Закона РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в РСФСР» до подписания Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; второй – с августа 1995 г. до принятия Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; третий – с октября 2003 г. по настоящее время [37. С. 64].

Возрос научный интерес к региональной тематике. Фундаментальные исследования об организации местного самоуправления в городах федерального значения были проведены Ю.М. Алпатовым [2]. Специфика институционального становления и функционирования органов местного самоуправления в Москве и Московской области отражены в работах А.Р. Раевской [44], А.В. Белого [5], И.И. Пименова [39], И.В. Юдахиной [58]. Эволюции органов

местного самоуправления в Курской области посвящено диссертационное исследование И.Е. Матосовой [30].

В исследованиях В.В. Монины подчеркивается, что в 1990-е гг. «институты местного самоуправления в Волгоградской и Астраханской областях и Республике Калмыкия развиты только в крупных административных центрах, в сельской местности – только на территории административных районов. Фактически сельские поселения остались без реального местного самоуправления» [34. С. 185].

Городское население Ростовской области в 1990-е гг., указывает О.А. Елдинов, в большей степени волновали общеполитические вопросы, что нашло отражение в борьбе за муниципальные должности. Проблемы городского хозяйства отошли на второй план [15]. Автор отмечает, что «муниципальные элиты сохраняли преемственность – большинство руководителей ростовских городов в 1990-е гг. были выходцами из партийно-государственной номенклатуры» [15. С. 171]. На протяжении всего десятилетия региональная власть активно вмешивалась в городские политические процессы. К сожалению, общественные объединения и политические партии, которые должны были выступать связующим звеном городского сообщества в части реализации местной повестки, не смогли стать ключевой силой [15].

Местные бюджеты муниципальных образований Чувашской Республики стали предметом диссертационного исследования Н.В. Путевской [41]. Нормотворческой деятельности республиканских властей Марий Эл в сфере местного самоуправления посвящены работы Е.И. Кисличенко [22].

Отдельное комплексное исследование процесса становления и развития местного самоуправления в Удмуртской Республике в период 1986–2008 гг. принадлежит А.В. Немтыревой [36]. В диссертационном исследовании О.Г. Зубковой рассмотрен и обобщен исторический опыт становления и функционирования местного самоуправления в городах Удмуртской Республики в период с 1994 по 2003 г. [19]. Автор указывает на сложный и противоречивый характер преобразований. Только территориальная основа определялась в Удмуртии трижды (1994, 1996, 1998 гг.). «При этом институциональный выбор осуществлялся всегда сверху в условиях жесткого противостояния сторонников управленческого и самоуправленческого подходов в вопросе принципов организации местного уровня власти» [19. С. 207].

Местному самоуправлению в Южном федеральном округе посвящена работа П.А. Одерова, в которой уделяется внимание анализу правового обеспечения деятельности местной власти, указывается на серьезные нарушения конституционных норм, допущенные в законах «О местном самоуправлении» в республиках Адыгея, Калмыкия, а также в Ставропольском крае [38. С. 25].

Городскому самоуправлению Западной Сибири (на территориях Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайского края) в 1990-е гг. посвящены исследования В.В. Зеленцова. Автор обращает внимание на наибольшую политизированность структур городского самоуправления г. Новосибирска, неравномерность развития территориального общественного самоуправления, которые не приобрели устойчивого политико-правового статуса, тотальное бессилие финансово-материальной базы урбанизированных территорий и т.д. [17]. Спорным является тезис исследователя о зрелости демократических институтов.

Становлению городского самоуправления в Кемеровской области в 1990-е гг. также посвящена работа А.Е. Пьянова [42]. Формирование местного самоуправления в Республике Бурятия в 1990-е гг. рассматривалось Д.С. Санжиевой

[48], в Агинском Бурятском автономном округе – Ц.Ц. Сандановым [47]. Реформирование местного самоуправления в южных дальневосточных субъектах Российской Федерации в 1990–2003 гг. изучалось И.Н. Радомской [43]. Историческая реконструкция процессов возникновения, становления систем местного самоуправления на Дальнем Востоке и в Якутии в конце XIX – начале XXI в. проведена Б.Г. Хачатуряном [51]. Формирование органов власти в городах Дальнего Востока анализировалось Н.В. Шелковниковой [55].

Важно, что некоторые положения, сформулированные специалистами в результате анализа процессов становления системы местного самоуправления, носят дискуссионный характер. Так, не представляется возможным согласиться с П.В. Самыловым, который выделил четыре уровня местного самоуправления: территориальный, административно-территориальный, административный, специальные муниципальные округа [46]. Такой подход противоречит сформулированным законодателем определениям местного самоуправления и муниципального образования.

Таким образом, третий этап историографии характеризуется расширением пула исторических исследований, посвященных эволюции системы местного самоуправления, сравнению данных систем различных периодов истории России, анализу исторического опыта взаимоотношения государственной и местной власти, региональному аспекту.

Рассматривая в целом историографическую картину формирования местного самоуправления, необходимо отметить не только обозначенные недостатки правового обеспечения муниципальных реформ, их противоречивость и непоследовательность, отсутствие реальных экономических, социальных условий и ресурсов, но и воли федеральных и региональных властей. С нашей точки зрения, краеугольным камнем на данном этапе развития местного самоуправления являлся объем полномочий и их обеспеченность ресурсами.

Выводы. Тема формирования системы местного самоуправления в Российской Федерации является многоаспектной и междисциплинарной. Считаем возможным привести систематизацию историографии по хронологическому принципу, коррелируя этапы с нормативной правовой основой организации местной власти. На протяжении всего рассматриваемого периода принципиальными являлись вопросы определения оптимальной модели организации местного самоуправления в России, дискуссии «общественников» и «государственников», сторонников англосаксонской и континентальной моделей. Подтверждением данного тезиса является особое внимание к местному самоуправлению в поправках к Конституции Российской Федерации 2020 г., в которых детализировано взаимодействие государственной и местной властей.

На первом этапе историографии (1990–1993 гг.) ключевыми направлениями исследований стали вопросы правового статуса системы местных Советов и возможность трансформации, в том числе в концепции земских и городских собраний. Возникла дискуссия о природе местного самоуправления, принципе разделения властей и разграничении полномочий. Второй этап историографии (1993–2003 гг.) характеризуется первыми попытками периодизации, анализа становления системы местного самоуправления и реализации конституционных положений и базового федерального закона, развитием концепции дуализма местного управления, сравнительными исследованиями систем местного управления различных периодов истории России. Большое внимание уделялось избирательному процессу на местах, развитию политической ситуации,

противостоянию уровней публичной власти, сопоставительному анализу зарубежного опыта.

Третий этап историографии (2003 г. – по настоящее время) продолжился исследованиями соотношения власти и общества в системе местного самоуправления, анализом причин неудач муниципальной реформы. Большинство ученых обращает внимание на отсутствие традиций, финансовых и иных ресурсов, а также воли федеральной и региональной властей по передаче части полномочий. В силу комплекса причин в 1990-е гг. вопросы местного значения, хозяйственные вопросы, проблемы организации различных форм участия в их решении местным сообществом, например, территориальное общественное самоуправление, отошли на второй план. На наш взгляд, в условиях демократизации, становления различных общественных и политических объединений это было временем упущенных возможностей по вовлечению населения в управленческие процессы.

Ученые отмечают важную роль регионов в проведении муниципальной реформы, формировании сети муниципальных образований, определении предметов ведения и финансово-экономической составляющей муниципалитетов. Приведенный историографический обзор местного самоуправления в отдельных регионах и муниципальных образованиях России является неполным. Представлены основные подходы к изучению рассматриваемой проблематики, которые дают основание говорить об актуальности внесения в сегодняшнюю повестку дня исторической науки темы исторического опыта трансформации местного самоуправления в разрезе федеральных округов, субъектов РФ, муниципальных образований, их сравнительного анализа за период с 1991 по 2024 г.

Исторической науке следует уделить внимание вопросам институционализации, формирования и функционирования региональных моделей местного самоуправления, в том числе с учетом специфики национальных республик, вовлеченности местных жителей в управление своим муниципальным образованием, развития систем самоуправления в сельских муниципалитетах, включая этнический аспект.

Литература

1. Авакьян С.А., Барабашев Г.В. Внебюджетные фонды // Народный депутат. 1990. № 15. С. 35–43.
2. Алпатов Ю.М. Развитие местного самоуправления в городах России и мира: монография. М.: Юркомпани, 2007. 208 с.
3. Аналитический обзор законодательства субъектов Российской Федерации Сибирского и дальневосточного регионов о выборах в органы местного самоуправления / сост. Е. Шугрина, Ю. Новикова, Н. Кириллова. Новосибирск, 1996. 37 с.
4. Белановская Ю.Е. Особенности развития системы городского самоуправления Российской Федерации в 90-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 169 с.
5. Белый А.В. Местное самоуправление в Российской Федерации в 1991-2005 гг.: история становления и развития: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 151 с.
6. Бондарь Н.С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации. Ростов-н/Д.: Норма, 1998. 381 с.
7. Бондарь Н.С., Зинченко С.А. Горсовет и администрация: проблемы разграничения полномочий в сфере муниципальной собственности // Государство и право. 1994. № 3. С. 11–22.
8. Буров А.Н. Местное самоуправление в России: исторические реалии и современные муниципальные образования: дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2000. 434 с.
9. Бялкина Т.М. Законодательство области о местном самоуправлении: концепция, практика и проблемы развития: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1995. 161 с.
10. Волкова Е.В. Развитие местного самоуправления в России: вторая половина 1980-х-первая половина 1990-х годов: на материалах Чувашской Республики: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 16 с.

11. *Выдрин И.В., Кокотов А.Н.* Муниципальное право России. М.: Норма: Инфра-М, 1999. 359 с.
12. *Гельман В.Я.* Власть, управление и локальные режимы в России: рамки анализа // Неприкосновенный запас. 2010. № 70(2). С. 53–62.
13. *Голованов В.И.* Управление и самоуправление в крупном городе: теория, опыт, организация. М.: Наука, 1998. 464 с.
14. *Гриценко Е.В.* Местное самоуправление и государство в условиях федерализма (Сравнительно-правовое исследование на примере Германии и России): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. 446 с.
15. *Елдинов О.А.* Власть и городские сообщества Ростовской области в 1985–2003 гг.: исторический опыт эволюционного взаимодействия: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2019. 220 с.
16. *Елецких Н.Ю.* История формирования местного самоуправления в Воронежской области в 1990-е годы: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2002. 153 с.
17. *Зеленцов В.В.* Городское самоуправление Западной Сибири в 1990-е гг.: на материалах Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайского края: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 241 с.
18. *Золотов В.А.* Развитие государственного и муниципального управления в России в 80–90-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 191 с.
19. *Зубкова О.Г.* Местное самоуправление в городах Удмуртской Республики в период 1994–2003 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008. 300 с.
20. *Иванов В.Н.* Местное самоуправление на Урале (1994–2001 гг.). Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002. 189 с.
21. Институциональные аспекты регионализма в общеевропейском контексте: материалы II бельгийско-российского научного семинара (Екатеринбург, 1–9 июля 1996 г.). Екатеринбург, 1996. 172 с.
22. *Кисличенко Е.И.* Дефекты законодательства субъектов Российской Федерации в сфере местного самоуправления: на примере Республики Марий-Эл: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. 254 с.
23. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / отв. ред. Ю.А. Тихомиров; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М., 1997. 459 с.
24. *Костюков А.Н.* Непосредственное участие населения в осуществлении местного самоуправления. Омск: ОмГУ, 2002. 125 с.
25. *Краснов М.А.* Местное самоуправление: государственное или общественное? // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 81–89.
26. *Кряжков В.А.* Местное самоуправление: правовое регулирование и структура // Советское государство и право. 1992. № 1. С. 16–24.
27. *Кутафин О.Е., Шеремет К.Ф.* Компетентия местных Советов. М.: Юрид. лит., 1986. 224 с.
28. *Лукичев А.Н.* Формирование системы местного самоуправления на Европейском Севере Российской Федерации в 1990-е годы: на материалах Архангельской и Вологодской областей: дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2004. 338 с.
29. *Лясковский А.И.* Становление системы местного самоуправления в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. 24 с.
30. *Матосова И.Е.* Эволюция органов местного самоуправления в Курской области в конце XX – начале XXI веков: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2007. 230 с.
31. Местное самоуправление в Российской Федерации: региональный аспект. М.: Московский общественный научный фонд, 1998. 99 с.
32. Местное самоуправление: современный российский опыт законодательного регулирования / под ред. К.Ф. Шеремета, И.И. Овчинникова. М.: ИГП РАН, 1998. 216 с.
33. *Молчанова Л.А.* Развитие местных органов государственной власти и местного самоуправления в Москве: историко-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 25 с.
34. *Монин В.В.* Становление местного самоуправления в Российской Федерации в 1990-е годы: на примере Нижнего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2004. 209 с.
35. *Некрасов Е.Е.* Государственная власть и местное самоуправление в России (Опыт историко-правового исследования): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 375 с.
36. *Немтырева А.В.* История становления и развития местного самоуправления в России в период 1986–2008 годов: на примере Удмуртии: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2010. 323 с.
37. *Овчинников И.И.* Местное самоуправление в Российской Федерации (теоретические, исторические и правовые аспекты. М.: Консалтбанк, 2018. 186 с.
38. *Одеров П.А.* Развитие местного самоуправления в Южном Федеральном округе (1995–2005 гг.): историко-правовой аспект: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2007. 239 с.
39. *Пименов И.И.* Особенности становления и развития Московского местного самоуправления в 1991–2005 годы: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 182 с.

40. *Постовой Н.В.* Четко разграничить функции. К разработке республиканского законодательства о местном самоуправлении // Народный депутат. 1991. № 4. С. 19–26.
41. *Путевская Н.В.* Формирование доходов муниципальных бюджетов в условиях реформы местного самоуправления: на примере Чувашской Республики: дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. 184 с.
42. *Пьянов А.Е.* Становление системы городского самоуправления в Кемеровской области в 1990-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2005. 237 с.
43. *Радомская И.Н.* Местное самоуправление в южных дальневосточных субъектах Российской Федерации: 1990–2003 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2006. 163 с.
44. *Раевская А.Р.* Становление системы местного самоуправления в Москве и Московской области в конце XX – начале XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 163 с.
45. *Салов О.А.* Местное самоуправление сегодня: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2002. 46 с.
46. *Самылов П.В.* Развитие системы местного самоуправления от советской модели к современности: федеральный и региональный опыт: конец 1980-х – 1990-е годы: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 194 с.
47. *Санданов Ц.Ц.* Формирование местного самоуправления в Агинском Бурятском автономном округе, его роль в жизни населения: 1990–2004 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004. 215 с.
48. *Санжиева Д.С.* Формирование местного самоуправления в Республике Бурятия в 90-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003. 181 с.
49. *Таболин В.В.* Право муниципального управления. М.: ЭЛИГ, 1997. 151 с.
50. *Таболин В.В.* Самоуправление в крупных городах / Акад. упр. МВД России. М., 1999. 141 с.
51. *Хачатурян Б.Г.* Формирование и развитие института местного самоуправления на Дальнем Востоке России: общее и особенное: последняя четверть XIX – начало XXI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2013. 567 с.
52. *Цветкова Г.А.* Местное самоуправление в современной России: состояние, тенденции, эффективность: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2003. 340 с.
53. *Чеботарев Г.Н.* Развитие конституционных основ местного самоуправления в Российской Федерации. Тюмень: ТГУ. 1995. 134 с.
54. *Чурсина С.И.* Становление местного самоуправления как условие политической модернизации современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 1996. 173 с.
55. *Шелковникова Н.В.* Формирование органов власти в городах Дальнего Востока в условиях становления современной российской государственности: 1987–2003 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006. 229 с.
56. *Шрейдер В.Ф.* Местное самоуправление в условиях политических реформ в современной России: региональный аспект: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2000. 145 с.
57. *Шугрина Е.С.* Муниципальное право: учеб. пособие. Новосибирск. М.: Изд-во Новосиб. ун-та: Academia, 1995. 268 с.
58. *Юдахина И.В.* Деятельность государственных органов Российской Федерации по развитию местного самоуправления в 1998–2008 гг.: на материалах г. Москвы: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 227 с.

КУЗНЕЦОВ АНТОН КОНСТАНТИНОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры публичного права, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (kuznetsov-ak@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2025-5145>).

Anton K. KUZNETSOV

**FORMATION OF THE LOCAL GOVERNMENT SYSTEM
IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE 1990s: TO THE HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE**

Key words: local self-government, historiography, local authority, municipal formation, local population, issues of local importance, local self-government authorities.

At the present stage of municipal reform, scientific conceptual elaboration of the topic of local self-government organization in the Russian Federation, the analysis of the historical evolution passed by this level of public power are deemed to be important. Local self-government includes not only the definition of principles, foundations, and delineation of authorities, but also law enforcement practice, experience in organizing various forms of government by the local community, and models of local authority in certain regions of Russia and municipalities. The purpose of the study is to present a historiographical overview of local government system formation in the Russian Federation in the 1990s.

Materials and methods. The research was based on the principles of scientificity, objectivity and a comprehensive analysis of scientific papers on local self-government issues in Russia. A chronological method was used to identify changes in the development of scientific trends. The historical-comparative method contributed to the comparison of scientific ideas, models and concepts of the development of local self-government reflected in the works of researchers. This made it possible to identify the main approaches and trends, to identify gap issues, and to formulate proposals for inclusion in the scientific agenda on this issue.

Research results. The historiography of the local self-government system formation in the Russian Federation seems to be very extensive and multidimensional. Interdisciplinarity is confirmed by a significant contribution of lawyers, economists, political scientists, cultural scientists, sociologists, and philosophers. The research of historians is multifaceted, their works are devoted to both individual aspects in forming the local self-government, the electoral process at the local level, the activities of local authorities and individual officials, as well as complex issues of perceiving the government, the local community and evolution of the local self-government system.

The analysis of historiography made it possible to identify the most controversial issues of the 1990s: the newly intensified struggle between "supporters of firm state authority" and "community activists", the role of local councils and possibility of their transformation; periodization of local self-government formation; comparison of organizational models of local self-government that existed in Russia in different periods of its history, as well as comparison with foreign experience; delineation of powers of federal, regional and local authorities, the constitutional and legal status of local self-government and law enforcement practice, etc.

The emergence of individual historical studies devoted to the regional experience in forming local self-government is important (the city of Moscow, the Republic of Buryatia, the Republic of Mari El, the Republic of Kalmykia, the Republic of North Ossetia-Alania, the Udmurt Republic, the Chuvash Republic, Arkhangelsk, Astrakhan, Volgograd, Vologda, Voronezh, Kursk, Moscow, Rostov, Novosibirsk, Kemerovo, Irkutsk regions, Altai, Krasnodar, Stavropol Krai, regions of the Far East, etc.).

A separate pool of research is devoted to urban self-government, implementation of the principle of powers separation in large cities, as well as formation of territorial public self-government in certain regions.

Conclusions. The presented research works note the important role of the Russian Federation's subjects in implementing the municipal reform, in forming the network of municipal structures, defining the subjects of reference and the financial and economic component of municipalities. Nevertheless, it should be emphasized that it is necessary for the historical science to pay attention to the issues of comparative analysis of regional experience, evolution of various forms of implementing local self-government by the population, institutionalization of local self-government in the public authorities system and a number of others. The development of comprehensive historical studies covering the entire period of modern history on the issues of local self-government organization in the Russian Federation from 1990 up to the present is considered to be relevant.

References

1. Avak'yan S.A. Barabashev G.V. *Vnebyudzhnetnye fondy* [Extra-budgetary funds]. *Narodnyi deputat*, 1990, no. 15, pp. 35–43.
2. Alpatov Yu.M. *Razvitiye mestnogo samoupravleniya v gorodakh Rossii i mira: monografiya* [The development of local self-government in the cities of Russia and the world: monograph]. Moscow, Yurkompani Publ., 2007, 208 p.
3. Shugrina E., Novikova Yu., Kirillova N. *Analiticheskii obzor zakonodatel'stva sub"ektov Rossiiskoi Federatsii Sibirskogo i dal'nevostochnogo regionov o vyborakh v organy mestnogo samoupravleniya* [Analytical review of the legislation of the subjects of the Russian Federation of the Siberian and Far Eastern regions on elections to local governments]. Novosibirsk, 1996, 37 p.
4. Belanovskaya Yu.E. *Osobennosti razvitiya sistemy gorodskogo samoupravleniya Rossiiskoi Federatsii v 90-e gody XX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Features of the development of the urban self-government system of the Russian Federation in the 90s of the XX century: Cand. Diss.]. Moscow, 2006, 169 p.
5. Belyi A.V. *Mestnoe samoupravlenie v Rossiiskoi Federatsii v 1991-2005 gg.: istoriya stanovleniya i razvitiya: dis. ... kand. ist. nauk* [Local self-government in the Russian Federation in 1991–2005: the history of formation and development: Cand. Diss.]. Moscow, 2009, 151 p.
6. Bondar' N.S. *Prava cheloveka i mestnoe samoupravlenie v Rossiiskoi Federatsii* [Human rights and local self-government in the Russian Federation]. Rostov on the Don, Norma Publ., 1998, 381 p.
7. Bondar' N.S., Zinchenko S.A. *Gorsoviet i administratsiya: problemy razgranicheniya polnomochii v sfere munitsipal'noi sobstvennosti* [The City Council and the administration: problems of separation of powers in the field of municipal property]. *Gosudarstvo i parvo*, 1994, no. 3, pp. 11–22.

8. Burov A.N. *Mestnoe samoupravlenie v Rossii: istoricheskie realii i sovremennye munitsipal'nye obrazovaniya: dis. ... d-ra ist. nauk* [Local self-government in Russia: historical realities and modern municipalities: Doct. Diss.]. Volgograd, 2000, 434 p.
9. Byalkina T.M. *Kompetentsiya mestnogo samoupravleniya: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Competence of local self-government: problems of theory and legal regulation. Doct. Diss.]. Saratov, 2007, 591 p.
10. Volkova E.V. *Razvitie mestnogo samoupravleniya v Rossii: vtoraya polovina 1980-kh-pervaya polovina 1990-kh godov: na materialakh Chuvashskoi Respubliki: avtoref. dis. ... kand. Ist. nauk.* [Development of local self-government in Russia: The second half of the 1980s – the first half of the 1990s: based on the materials of the Chuvash Republic: Abstract of the Cand. Diss.]. Moscow, 1998, 16 p.
11. Vydrin I.V., Kokotov A.N. *Munitsipal'noe pravo Rossii: ucheb. dlya vuzov* [Municipal law of Russia: textbook for universities]. Moscow, Norma, Infra-M Publ., 1999, 359 p.
12. Gel'man V.YA. *Vlast', upravlenie i lokal'nye rezhimy v Rossii: ramki analiza* [Power, governance and local regimes in Russia: the framework of the analysis]. *Neprikosovennyy zapas*, 2010, no. 70(2), pp. 53–62.
13. Golovanov V.I. *Upravlenie i samoupravlenie v krupnom gorode: teoriya, opyt, organizatsiya* [Management and self-government in a large city: theory, experience, organization]. Moscow, 1998, 464 p.
14. Gritsenko E.V. *Mestnoe samoupravlenie i gosudarstvo v usloviyakh federalizma (Sravnitel'no-pravovoe issledovanie na primere Germanii i Rossii): dis. ... d-ra yurid. nauk* [Local self-government and the state in the context of federalism (comparative legal study on the example of Germany and Russia). Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2002, 446 p.
15. Eldinov O.A. *Vlast' i gorodskie soobshchestva Rostovskoi oblasti v 1985–2003 gg.: istoricheskii opyt ehvolyutsionnogo vzaimodeistviya: dis. ... kand. Ist. nauk* [Authorities and urban communities of the Rostov region in 1985–2003: historical experience of evolutionary interaction: Cand. Diss.]. Stavropol, 2019, 220 p.
16. Eletsikh N.Yu. *Istoriya formirovaniya mestnogo samoupravleniya v Voronezhskoi oblasti v 1990-e gody: dis. ... kand. ist. nauk* [The history of the formation of local self-government in the Voronezh region in the 1990s: Cand. Diss.]. Kursk, 2002, 153 p.
17. Zelentsov V.V. *Gorodskoe samoupravlenie Zapadnoi Sibiri v 1990-e gg.: na materialakh Novosibirskoi, Kemerovskoi oblasti i Altaiskogo kraja: dis. ... kand. ist. nauk* [Urban self-government of Western Siberia in the 1990s: based on the materials of the Novosibirsk, Kemerovo regions and the Altai Territory: Cand. Diss.]. Tomsk, 2008, 241 p.
18. Zolotov V.A. *Razvitie gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya v Rossii v 80–90-e gody XX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [The development of public and municipal administration in Russia in the 80–90s of the XX century. Cand. Diss.]. Moscow, 1998, 191 p.
19. Zubkova O.G. *Mestnoe samoupravlenie v gorodakh Udmurtskoi Respubliki v period 1994–2003 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Local self-government in the cities of the Udmurt Republic in the period 1994–2003: Cand. Diss.]. Izhevsk, 2008, 300 p.
20. Ivanov V.N. *Mestnoe samoupravlenie na Urale (1994–2001 gg.)* [Local self-government in the Urals (1994–2001)]. Chelyabinsk, 2002, 189 p.
21. *Institutsional'nye aspekty regionalizma v obshcheevropeiskom kontekste: materialy II bel'giisko-rossiiskogo nauchnogo seminara (Ekaterinburg, 1-9 iyulya 1996 g.)* [Proc. of II Belgian-Russian Sci. Seminar «Institutional aspects of regionalism in the pan-European context». Ekaterinburg, July 1–9, 1996]. Ekaterinburg, 1996, 172 p.
22. Kislichenko E.I. *Defekty zakonodatel'stva sub"ektov Rossiiskoi Federatsii v sfere mestnogo samoupravleniya: na primere Respubliki Marii-Ehl: dis. ... kand. yurid. nauk* [Defects in the legislation of the subjects of the Russian Federation in the field of local self-government: on the example of the Republic of Mari El: Cand. Diss.]. Kazan, 2012, 254 p.
23. Tikhomirov Yu.A., ed. *Kommentarii k Federal'nomu zakonu «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii»* [Comments on the Federal Law "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation"]. Moscow, 1997, 459 p.
24. Kostyukov A.N. *Direct participation of the population in the implementation of local self-government* [Direct participation of the population in the implementation of local self-government]. Omsk, Omsk State University Publ., 2002, 125 p.
25. Krasnov M.A. *Mestnoe samoupravlenie: gosudarstvennoe ili obshchestvennoe?* [Local government: state or public?]. *Sovetskoe gosudarstvo i parvo*, 1990, no. 10, pp. 81–89.
26. Kryazhkov V.A. *Mestnoe samoupravlenie: pravovoe regulirovanie i struktura* [Local government: legal regulation and structure]. *Sovetskoe gosudarstvo i parvo*, 1992, no. 1, pp. 16–24.
27. Kutafin O.E., Sheremet K.F. *Kompetentsiya mestnykh Sovetov* [The competence of local Councils]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1986, 224 p.

28. Lukichev A.N. *Formirovanie sistemy mestnogo samoupravleniya na Evropeiskom Severe Rossiiskoi Federatsii v 1990-e gody: na materialakh Arkhangel'skoi i Vologodskoi oblasti: dis. ... kand. ist. nauk* [The management system in the city of Sochi in historical retrospect and historiographical understanding. XX – early XXI centuries: Cand. Diss.]. Vologda, 2004, 338 p.

29. Lyaskovskii A.I. *Stanovlenie sistemy mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The formation of the local government system in the Russian Federation: Abstract of Cand. Diss.]. Moscow, 1992, 24 p.

30. Matosova I.E. *Ehvolutsiya organov mestnogo samoupravleniya v Kurskoi oblasti v kontse XX – nachale XXI vekov: dis. ... kand. ist. nauk* [The evolution of local governments in the Kursk region in the late XX – early XXI centuries: Cand. Diss.]. Kursk, 2007, 230 p.

31. *Mestnoe samoupravlenie v Rossiiskoi Federatsii: regional'nyi aspekt* [Local self-government in the Russian Federation: a regional aspect]. Moscow, 1998, 99 p.

32. Sheremet K.F., Ovchinnikov I.I., eds. *Mestnoe samoupravlenie: sovremennyyi rossiiskii opyt zakonodatel'nogo regulirovaniya* [Local self-government: modern Russian experience of legislative regulation]. Moscow, 1998, 216 p.

33. Molchanova L.A. *Razvitie mestnykh organov gosudarstvennoi vlasti i mestnoe samoupravlenie v Moskve: istoriko-pravovoi analiz: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The development of local public authorities and local self-government in Moscow: historical and legal analysis: Abstract of the Cand. Diss.]. Moscow, 2000, 25 p.

34. Monin V.V. *Stanovlenie mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii v 1990-e gody: na primere Nizhnego Povolzh'ya: dis. ... kand. ist. nauk* [Formation of local self-government in the Russian Federation in the 1990s: on the example of the Lower Volga Region: Cand. Diss.]. Astrakhan, 2004, 209 p.

35. Nekrasov E.E. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie v Rossii (Opyt istoriko-pravovogo issledovaniya): dis. ... d-ra yurid. nauk* [State power and local self-government in Russia The experience of historical and legal research]: Doct. Diss.]. Moscow, 1999, 375 p.

36. Nemtyreva A.V. *Istoriya stanovleniya i razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossii v period 1986–2008 godov: na primere Udmurtii: dis. ... kand. ist. nauk* [The history of the formation and development of local self-government in Russia in the period 1986–2008: on the example of Udmurtii: Cand. Diss.]. Izhevsk, 2010, 323 p.

37. Ovchinnikov I.I. *Mestnoe samoupravlenie v Rossiiskoi Federatsii (teoreticheskie, istoricheskie i pravovye aspekty)* [Local self-government in the Russian Federation (theoretical, historical and legal aspects)]. Moscow, Konsaltbankir Publ., 2018, 186 p.

38. Oderov P.A. *Razvitie mestnogo samoupravleniya v Yuzhnom Federal'nom okruge (1995–2005 gg.): istoriko-pravovoi aspekt: dis. ... kand. ist. nauk* [Development of local self-government in the Southern Federal District (1995–2005): historical and legal aspect: Cand. Diss.]. Stavropol, 2007, 239 p.

39. Pimenov I.I. *Osobennosti stanovleniya i razvitiya Moskovskogo mestnogo samoupravleniya v 1991–2005 gody: dis. ... kand. ist. nauk* [Features of the formation and development of Moscow local government in 1991–2005]: Cand. Diss.]. Moscow, 2011, 182 p.

40. Postovoi N.V. *Chetko razgranichit' funktsii. K razrabotke respublikanskogo zakonodatel'stva o mestnom samoupravlenii* [Clearly delineate the functions. Towards the development of republican legislation on local self-government]. *Narodnyi deputat*, 1991, no. 4, pp. 19–26.

41. Putevskaya N.V. *Formirovanie dokhodov munitsipal'nykh byudzhetrov v usloviyakh reformy mestnogo samoupravleniya: na primere Chuvashskoi Respubliki: dis. ... kand. ekon. nauk* [Formation of municipal budget revenues in the context of local government reform: the example of the Chuvash Republic: Cand. Diss.]. Moscow, 2006, 184 p.

42. P'yanov A.E. *Stanovlenie sistemy gorodskogo samoupravleniya v Kemerovskoi oblasti v 1990-e gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [The formation of the system of urban self-government in the Kemerovo region in the 1990s: Cand. Diss.]. Kemerovo, 2005, 237 p.

43. Radomskaya I.N. *Mestnoe samoupravlenie v yuzhnykh dal'nevostochnykh sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii: 1990–2003 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Local self-government in the southern Far Eastern sub-regions of the Russian Federation: 1990–2003: Cand. Diss.]. Khabarovsk, 2006, 163 p.

44. Raevskaya A.R. *Stanovlenie sistemy mestnogo samoupravleniya v Moskve i Moskovskoi oblasti v kontse XX – nachale XXI vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [Formation of the local government system in Moscow and the Moscow region at the end of the XX – beginning of the XXI century: Cand. Diss.]. Moscow, 2012, 163 p.

45. Salov O.A. *Mestnoe samoupravlenie segodnya: avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk* [Local government today: Abstract of the Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2002, 46 p.

46. Samylov P.V. *Razvitie sistemy mestnogo samoupravleniya ot sovetskoi modeli k sovremenosti: federal'nyi i regional'nyi opyt: Konets 1980-kh – 1990-e gody: dis. ... kand. ist. nauk* [The development of the local government system from the Soviet model to the present: federal and regional experience: Late 1980s – 1990s: Cand. Diss.]. Moscow, 2000, 194 p.

47. Sandanov T.T. *Formirovanie mestnogo samoupravleniya v Aginskom Buryatskom avtonomnom okruge, ego rol' v zhizni naseleniya: 1990–2004 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Formation of local self-government in the Aginsky Buryat Autonomous Okrug, its role in the life of the population: 1990–2004: Cand. Diss.]. Ulan Ude, 2004, 215 p.
48. Sanzhieva D.S. *Formirovanie mestnogo samoupravleniya v Respublike Buryatiya v 90-e gody XX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Formation of local self-government in the Republic of Buryatia in the 90s of the XX century: Cand. Diss.]. Ulan Ude, 2003, 181 p.
49. Tabolin V.V. *Pravo munitsipal'nogo upravleniya* [The law of municipal administration]. Moscow, 1997, 151 p.
50. Tabolin V.V. *Samoupravlenie v krupnykh gorodakh* [Self-government in large cities]. Moscow, 1999, 141 p.
51. Khachatryan B.G. *Formirovanie i razvitie instituta mestnogo samoupravleniya na Dal'nem Vostoke Rossii: obshchee i osobennoe: poslednyaya chetvert' XIX – nachalo XXI vv.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Formation and development of the Institute of local self-government in the Russian Far East: general and special: the last quarter of the XIX – beginning of the XXI centuries: Doct. Diss.]. Irkutsk, 2013, 567 p.
52. Tsvetkova G.A. *Mestnoe samoupravlenie v sovremennoi Rossii: sostoyanie, tendentsii, ehffektivnost': dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Local self-government in modern Russia: status, trends, efficiency]. Moscow, 2003, 340 p.
53. Chebotarev G.N. *Razvitie konstitutsionnykh osnov mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii* [The development of the constitutional foundations of local self-government in the Russian Federation]. Tyumen, 1995, 134 p.
54. Chursina S.I. *Stanovlenie mestnogo samoupravleniya kak uslovie politicheskoi modernizatsii sovremennoi Rossii: dis. ...kand. polit. nauk* [The formation of local self-government as a condition for the political modernization of modern Russia: Cand. Diss.]. Moscow, 1996, 173 p.
55. Shelkovnikova N.V. *Formirovanie organov vlasti v gorodakh Dal'nego Vostoka v usloviyakh stanovleniya sovremennoi rossiiskoi gosudarstvennosti: 1987–2003 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Formation of authorities in the cities of the Far East in the context of the formation of modern Russian statehood: 1987–2003: Cand. Diss.]. Komsomolsk on the Amur, 2006, 229 p.
56. Shreider V.F. *Mestnoe samoupravlenie v usloviyakh politicheskikh reform v sovremennoi Rossii: regional'nyi aspekt: dis. ... kand. polit. nauk* [Local self-government in the context of political reforms in modern Russia: regional aspect: Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2000, 145 p.
57. Shugrina E.S. *Munitsipal'noe pravo* [Municipal law]. Moscow, Novosibirsk, 1995, 268 p.
58. Yudakhina I.V. *Deyatel'nost' gosudarstvennykh organov Rossiiskoi Federatsii po razvitiyu mestnogo samoupravleniya v 1998–2008 gg.: na materialakh g. Moskvy: dis. ... kand. ist. nauk* [The activities of the state bodies of the Russian Federation for the development of local self-government in 1998–2008: based on the materials of Moscow: Cand. Diss.]. Moscow, 2010, 227 p.

ANTON K. KUZNETSOV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Public Law, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (kuznetsov-ak@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2025-5145>).

Формат цитирования: Кузнецов А.К. Формирование системы местного самоуправления в Российской Федерации в 1990-е годы: к историографии вопроса // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 54–69. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-54-69.

УДК 002.2:929(470.344)
ББК 76.02(2Рос.Чув.)-8

А.П. ЛЕОНТЬЕВ

О ПОДЛИННЫХ И ПОДСТАВНЫХ ИЗДАТЕЛЯХ-РЕДАКТОРАХ ПЕРВОЙ ЧУВАШСКОЙ ГАЗЕТЫ «ХЫПАР»

Ключевые слова: газета «Хыпар», Н.В. Никольский, издатели-редакторы, чувашские эсеры, цензура, воспоминания, архивные источники.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в изданных работах по истории первой чувашской газеты «Хыпар» и освещению биографии ее основателя недостаточное внимание было уделено изучению архивных документов. Вследствие этого в историографии укоренились искаженные выводы относительно деятельности издателей-редакторов в тот или иной период функционирования газеты. Например, все исследователи считали Н.В. Никольского издателем-редактором 22 номеров, между тем он как собственник издал 33 номера; второй редактор газеты С.К. Кириллов был всего лишь «ответственным», а издателем оставался Н.В. Никольский. Юридически полноценный издатель-редактор П.А. Алексеев являлся зиц-редактором, при нем редакционной политикой фактически руководили чувашские социалы-революционеры (эсеры) во главе с Т.Н. Николаевым (Хури); творческий же процесс возглавлял В.И. Иванов – негласный редактор 6 номеров, а официальный издатель-редактор, после приобретения газеты от П.А. Алексеева, – последних 16 номеров газеты.

Целью исследования является устранение недостоверных сведений об издателях-редакторах первой чувашской газеты.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили изданные труды о газете «Хыпар», а также недавно выявленные источники. Использовались принципы историзма, объективности и системности, методы исследования: историко-генетический, аналитический, проблемно-хронологический, фактологический.

Результаты исследования. О создании, развитии и становлении первой чувашской газеты опубликованы десятки работ. Большинство сведений, приведенных в них, достоверны, так как основываются на подлинных документах. Известно, что «Хыпар» 1906–1907 гг. в разные периоды редактировали Н.В. Никольский, С.К. Кириллов, С.И. Игнатьев, П.А. Алексеев, В.И. Иванов, что подтверждается и выходными данными очередных номеров, и свидетельствами, выданными каждому издателю-редактору Казанским губернатором. Между тем из-за невнимательности исследователей допущены некоторые ошибки. Например, С.К. Кириллов не был издателем-редактором, он являлся ответственным редактором 11 номеров в период очередного отпуска Н.В. Никольского, а последний оставался издателем, т.е. хозяйствующим субъектом; Н.В. Никольский не добровольно отказался от издания «Хыпара», а был вынужден отойти от издательского дела из-за «натиска симбирцев» – чувашской организации партии эсеров во главе с Т.Н. Николаевым (Хури); П.А. Алексеев был подставным редактором, фактически редакцию возглавлял В.И. Иванов; А.А. Николаева, шестой издатель-редактор, также была зиц-редактором, однако не смогла выпустить ни один номер, при ней «Хыпар» был закрыт властями как политически неблагонадежное издание.

Выводы. В изданных на сегодняшний день дня монографиях и статьях в освещении истории чувашской периодической печати, родоначальником которой являлась газета «Хыпар», нередко допускались неточности. Кроме того, авторы зачастую вольно интерпретировали архивные документы и воспоминания активных участников событий, непосредственно относящихся к изданию газеты. Автором настоящей статьи был проанализирован большой массив литературы и архивных документов о «Хыпаре», часть источников им впервые введена в научный оборот. В результате внесены коррективы в установление периодизации издания, приведены объективные данные по деятельности издателей-редакторов.

Введение. Нередко при написании статьи, когда упоминается тот или иной факт, событие, автор приводит уже известные суждения предыдущих исследователей с отсылкой к их работам, не изучив архивные данные (первоисточники) самостоятельно.

Зачастую и документы освещают не всю правду, что может быть обусловлено идеологическими взглядами, небрежностью или забывчивостью очевидца, активного участника событий. Нельзя исключать вероятность того, что записывающий слегка искажает текст рассказчика. Читаем «Записку об итогах собеседования чувашских писателей с проф[ессором] [Николаем Васильевичем] Никольским о газете «Хыпар» 1906–1907 гг.». Основатель газеты заявляет: «... 4) С момента перехода газеты в руки чувашского «Национального союза» издание ее шло через подставных редакторов (Игнатъев, Алексеев, Иванов), которые работали, заранее зная возможность их ареста» [10. С. 56–57]. Мог ли Николай Васильевич использовать слова «подставные редакторы»? Навряд ли. Он-то уж точно знал, что все издатели-редакторы были настоящие, они газету «Хыпар» приобретали в собственность на законных основаниях. Получается, рассказ основателя «Хыпара» слегка отредактировали?

Целью исследования является устранение недостоверных сведений об издателях-редакторах первой чувашской газеты «Хыпар» на основе критического анализа ранее изданных трудов и архивных документов. Часть источников впервые вводится в научный оборот, например дневниковые записи Н.В. Никольского, свидетельства о перерегистрации «Хыпара» в 1906–1907 гг. (всего 5), выданные издателем-редакторам, а также документы канцелярии Казанского губернатора и главного управления по делам печати Казанской губернии.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили изданные труды о газете «Хыпар», а также недавно выявленные источники. Использовались принципы историзма, объективности и системности, методы исследования: историко-генетический, аналитический, проблемно-хронологический, фактологический. Посредством историко-генетического метода были выявлены причинно-следственные связи при создании периодического печатного издания – еженедельной газеты «Хыпар». Аналитический метод позволил более глубоко познать функционирование издания в разные периоды. Проблемно-хронологический метод способствовал выделению отдельных этапов в деятельности редакции и рассмотрению их в хронологической последовательности. Фактологическим методом обобщены результаты анализа, проведенного с помощью других методов.

Результаты исследования. «Сергей Кириллович Кириллов – второй редактор-издатель газеты «Хыпар» [19. С. 19], – сообщает П.В. Денисов. – ...Начиная с августа 1906 г. газета попадает в руки «Союза чувашских учителей и деятелей просвещения». Редактором становится учитель Казанского 4-классного училища Сидор Игнатъевич Игнатъев [19. С. 28]. ...После С.И. Игнатъева редактором-издателем работает Павел Алексеевич Алексеев. ...Из-за финансовых затруднений и постоянного преследования полицией и жандармерией П.А. Алексеев прекращает работу в газете, и 7 марта (здесь и далее даты приводятся по старому стилю. – А.Л.) редактором-издателем начинает работать Василий Иванович Иванов [19. С. 47]. ...10 июня В.И. Иванов пишет одному из активных распространителей «Хыпара» [двоюродному брату Н.В. Никольского] И.Д. Никитину: «Газета перестала выходить. Сотрудники «Хыпара» все расходятся по домам. Разгон Думы коснулся и нас – типография впредь нас не печатает, губернатор запрещает. ...До августа, наверное, не будет выходить...» Хыпаровцы предприняли попытку продолжить издание газеты, 1 июня 1907 г. они смогли договориться в Главном управлении по печати МВД по изданию газеты (от имени Агапии Алексеевны Николаевой), но газета все равно не выпускалась» [19. С. 51].

П.В. Денисов так и не поведал, при каких обстоятельствах С.К. Кириллов стал издателем-редактором газеты и по какой причине Н.В. Никольский отказался от своего детища. И.Д. Кузнецов, перечисляя всех редакторов «Хыпара», уверяет, что Н.В. Никольский издавал газету «с 1-го номера по 22-й номер (до начала июня 1906 г.)» [7. С. 258], деликатно обходит тему правопреемства в истории первой чувашской газеты. Другие авторы, например А.В. Изоркин, не были знакомы с записями Н.В. Никольского, хранящимися в его Рукописном фонде в НА ЧГИГН, и пишут почти под копирку: «В дальнейшем ему (С.И. Игнатьеву. – А.Л.) следует работать редактором “Хыпара”, – так решил комитет организации чувашских эсеров. О предстоящих изменениях эсеры сообщили редактору газеты “Хыпар” Н.В. Никольскому» [4. С. 57]. В.Д. Димитриев также ограничился краткой информацией: «Н.В. Никольский был редактором-издателем 22 номеров “Хыпара” (по май 1906 г.)... В последующем она издавалась чувашскими эсерами и приняла революционно-демократическое направление и сыграла определенную роль в разрывании крестьянского движения в Чувашии» [3. С. 25].

Здесь прошла неточность: Н.В. Никольский был издателем не 22, а 33 номеров «Хыпара», так как 11 из них выпущены под редакторством С.К. Кириллова, а издателем, т.е. собственником (хозяйствующим субъектом), в тот период оставался Н.В. Никольский. Лишь с 34-го номера газета становится эсеровской.

С.И. Игнатьев, П.А. Алексеев, В.И. Иванов – юридически действовавшие редакторы-издатели «Хыпара», поэтому мог ли Никольский называть их «подставными редакторами»? Если он действительно так говорил, возникает вопрос: а кто же являлся официальным издателем-редактором чувашского издания? «Записка...» предположительно составлена в 1956 г. после встречи группы чувашских писателей с Н.В. Никольским в Чебоксарах, собственноручно подписана профессором, на встрече «председательствовал И. Кузнецов, секретарь А. Калган» [12. С. 56–58].

Слова «подставной редактор» Н.В. Никольский мог говорить лишь по отношению к П.А. Алексееву, так как он действительно был зиц-редактором¹ в классическом понимании этого термина, и А.А. Николаевой (Кармачевой), последнему несостоявшемуся издателю-редактору «Хыпара».

Изначально газета «Хыпар» являлась частной собственностью Н.В. Никольского. Обратимся к документам. «Свидетельство. Дано сие, на основании 4 ст. отд[ела] VII Высочайшего Указа Правительствующему Сенату от 24 ноября 1905 г., проживающему в гор. Казани, в здании духовной семинарии, кандидату богословия Казанской духовной академии Николаю Васильевичу Никольскому в том, что он, Никольский, как видно из поданного им заявления, намерен издавать в гор. Казани под личной ответственностью в качестве ответственного редактора газету на чувашском языке под названием “Хыпар” (Весть) с подписной платой за год 3 рубля, за полгода 1 руб. 75 коп. по следующей программе: 1) распоряжения Правительства главным образом относительно крестьян, 2) современные события, 3) жизнь русского народа и других национальностей, 4) иностранные государства, 5) сведения по сельскому хозяйству и другие полезные сведения, 6) торговые известия, 7) школы, 8) общественная и приходская

¹ Нем. Sitzredaktor – редактор для отсидки (полит. арг. дореволюц. и загр.), подставной редактор, несущий официальную ответственность перед властями за журнал, газету и в случае репрессий отсидывающий в тюрьме наказание.

благотворительность, 9) повести, рассказы и сочинения как самостоятельные, так и переводные, 10) сведения о новых книгах и 11) вопросы и ответы редакции.

Упомянутая газета будет печататься в Центральной типографии в гор. Казани и имеет выходить еженедельно по воскресеньям. Что и удостоверяется надлежащим подписом и приложением казенной печати. Причитающийся гербовый сбор уплачен. Января 5 дня 1906 года.

Подлинное подписал: и[сполняющий] д[ела] губернатора полковник Рейнбот. Скрепил: правитель канцелярии Н. Данилов» [16. Д. 86.1].

В передовице издания Н.В. Никольский раскрывает стратегические цели грандиозного национального проекта. «Нам нужна чувашская газета, – убежден автор, – потому что абсолютное большинство народа не владеет русским языком, а русскую газету, если даже читают, не понимают. О том, что происходит в мире, хотят узнать из чувашской газеты. Таким образом, сами чуваша горят желанием иметь свою газету...» [18. С. 1].

Н.В. Никольский, напомним, выпустил 22 номера издания, последний за его подписью вышел 1 июня 1906 г. Причины передачи редакторства другому лицу связаны с очередным отпуском. Почти каждый из них, по крайней мере, в дореволюционный период, Н.В. Никольский проводил в командировках: посещал разные архивы за пределами Казанской губернии. Часть отпуска использовал в родной деревне Юрмекейкино Ядринского уезда – занимался сбором этнографических и фольклорных материалов в близлежащих чувашских населенных пунктах. Том 125 в его Рукописном фонде называется «Чувашские сказки. Собраны Н.В. Никольским в период 1906–1907 гг.», а часть оригиналов хранится в томе 145 с пометкой собирателя: «Материалы из разных мест Ядринского уезда».

Перед тем, как покинуть Казань на продолжительное время (3 месяца), издатель-редактор Н.В. Никольский должен был оставить, как требовали инструкции того времени, вместо себя другого человека. Однако необходимо было соблюдать узаконенную процедуру. И вот в канцелярию Казанского губернатора поступает заявление собственника газеты; вскоре оформляется новое свидетельство, извещающее, что «...кандидат богословия Казанской духовной академии Н.В. Никольский *намерен продолжать издание в г. Казани газеты на чувашском языке под названием “Хыпар” (Весть)* (курсив наш. – А.Л.) под временной ответственностью в качестве временного ответственного редактора, крестьянина Уфимской губернии, Белебеевского уезда, Кичкиняшевской волости, деревни Новомихайловки, Сергея Кирилловича Кириллова... (далее – программа газеты, полностью повторяющая программу, изложенную в первом свидетельстве. – А.Л.). ...Мая 23 дня 1906 г.» [16. Д. 86.3]. Канцелярия Казанского губернатора 29 мая 1906 г. письмом под № 4482 «препроводило в Главное управление копию свидетельства, выданного им (губернатором. – А.Л.) за № 4308, кандидату богословия Никольскому» [16. Д. 86.2].

Итак, собственник газеты Н.В. Никольский с 29 мая 1906 г. уже *не редактор, но остается издателем, т.е. ответственным лицом по всем хозяйственно-финансовым вопросам*. (После того как вынужден был отказаться от «Хыпара», Н.В. Никольский закрыл все долги перед типографией и сотрудниками.) Газету редактирует временный ответственный редактор С.К. Кириллов. Николай Васильевич, очевидно, с началом отпуска сразу же уехал из Казани. Подлинно известно, что он не принимал участие в подготовке очередного номера «Хыпара». На последней странице 23-го номера, подписанного 11 июня

С.К. Кирилловым, он информирует читателей: «Редактор Н.В. Никольский проводить летние месяцы выехал в деревню. Вместо себя оставил меня. “Хыпар” в моих руках будет выходить в прежнем же содержании. За редактора-издателя С. Кириллов». Здесь им допущена неточность: Сергей Кириллович должен был подписывать номер как «временно ответственный редактор», как того требовало вышеупомянутое свидетельство, но на такие «мелочи», по-видимому, мало кто обращал внимания.

Безусловно, часть размещенных в № 23 материалов была взята из так называемого «запаса» – массива подготовленных ранее текстов, который, как правило, формируется секретариатом редакции для очередных номеров печатного периодического издания. Однако среди нового материала оказался один, ставший поводом для уголовного преследования. Н.В. Никольский вспоминал: «Газета “Хыпар” заранее получила предупреждение: не печатать политических статей, “иначе закроют Вас после первого же номера”. Цензором “Хыпара” был Ашмарин Николай Иванович. С ним пришлось договориться относительно предварительной (до набора) цензуры рукописной сводки каждого номера» [20. С. 47].

В отсутствие собственника издания что-то пошло не так: то ли С.К. Кириллов не считал важным встретиться с цензором, то ли чувашские эсеры уже начали манипулировать им в своих узко политических интересах. Подоплека неприятного для издания инцидента нам известна из воспоминаний С.К. Кириллова: «В этом номере было опубликовано стихотворение Таэра Тимкки (Тимофея Семеновича Семенова. – А.Л.) “Песня о славной смерти”. Из-за этих стихов полиция конфисковала уже отпечатанный в типографии тираж. Происходило это следующим образом. В субботу вечером, в день печатания газеты, в редакцию заглянул один полицейский чин. Представился он “приставом первой части Егоровым”. Все подробности беседы не запомнились. Он сказал, что интересуется нашей газетой: “Мне очень хочется узнать, как, например, переводятся на чувашский язык такие-то слова?”. Среди названных им на русском языке слов были слова “война”, “борьба”. После того, как пристав покинул редакцию, мы долго строили догадки о причине его визита, но к определенному мнению не пришли. Все прояснилось на следующее утро. Оказывается, полиция конфисковала весь тираж газеты. Я немедленно собрался к цензору Н.И. Ашмарину. Он разъяснил причину конфискации и попросил объяснить, как лично я понимаю фразу “Ырлăхăра вăрçса илĕр” (в дословном переводе с чувашского “Счастье свое приобретайте в борьбе”. – А.Л.). Я ответил: “Чувашское слово “вăрçă” в переводе на русский означает и войну, и борьбу, и ссору, и ругань. Показавшаяся полиции крамольной фраза – всего лишь образный перевод на чувашский политического девиза эсеров “В борьбе обретете вы право свое”. Этот партийный лозунг эсеров тогда не запрещалось использовать в печати. В связи с этим я поинтересовался у цензора, нет ли возможности востребовать обратно конфискованные газеты (имеется в виду тираж номера. – А.Л.). Однако Н.И. Ашмарин, хотя и согласился с моими доводами, предложил не настаивать о возврате тиража. Вернувшись в редакцию, мы заменили “крамольные” слова более приемлемыми и повторно отпечатали тираж. Кроме того, мы известили читателей, из-за каких слов полиция изъяла тираж» [11. С. 9–10]¹.

¹ Подробнее см. в публикации: *Леонтьев А.П.* «Хыпар»: минувшее и настоящее. Факты, события, личности, судьбы. Чебоксары: ИД «Хыпар», 2011. 638 с.

Возможно, прав К.К. Петров, отмечавший, что «поэт-революционер Т.С. Семенов (Таэр Тимки) при новом редакторе в первый же номер газеты на последней, 16-й, странице заверстал свое стихотворение» [16. С. 18], так как после просмотра гранок редактором «они относились в наборную (Тимофею Семеновичу) для исправления» [16. С. 72].

Кроме «наблюдающего за чувашскими изданиями» (официально так называлась должность Н.И. Ашмарина, поскольку цензура в Российской империи в то время «как бы» была отменена) за процессом выхода газеты в свет пристально следила жандармерия, представитель которой и нашел «крамолу» в типографских оттисках «Хыпара». В результате «наблюдающий...» Н.И. Ашмарин 11 июня 1906 г. за № 922 представил в главное управление по делам печати Казанской губернии «Ведомость об уголовном преследовании, возбужденном Казанским инспектором по делам печати» [16. Д. 86.5], которую сопроводил следующим письмом: «Имею честь сообщить в Главное управление по делам печати, что мной наложен арест на имевший выйти 11 сего июня № 23 чувашской газеты “Хыпар” за напечатание в означенном номере стихотворения “Песнь о славной смерти”, с привлечением через прокурора Казанской судебной палаты временно-ответственного редактора газеты “Хыпар” Сергея Кирилловича Кириллова к судебной ответственности по 1 п. 129 ст. Уголовного уложения. При сем имею честь представить ведомость уголовного преследования, арестованный же номер газеты, в 3-х экземплярах, представляется в особом пакете» [16. Д. 86.4].

Газета продолжала выходить. С.К. Кириллов вспоминает: «Кроме этого случая, при моем редакторстве не было каких-то других памятных событий» [9. С. 476–477], однако почему-то не говорит о том, что указанный инцидент разрешился благополучно при деятельнейшем участии собственника и издателя газеты Н.В. Никольского, о чем свидетельствует фрагмент из его воспоминаний: «В июне 1906 г. мне нужно было побывать с этнографической целью в разных местах Ядринского, Цивильского, Козьмодемьянского уездов. ...Я выехал по своим делам в Ядринский уезд. Как-то еду летом около деревни Испуханы. ...Меня догоняет неизвестный мне молодой человек на велосипеде и говорит: “Вашу газету арестовали: идет большой переполох в самой редакции, в типографии и в складе бумаги. Спешите в Казань и улаживайте дело”. По приезде в Казань выяснились подробности. Оказалось, что С.К. Кириллов не выдержал натиска со стороны симбирцев и по их настоянию в рукописной сводке “Хыпара” поместил статьи политического характера. ...Редакцию ждал разгром, как это случилось с татарскими газетами: “Азат” (Свобода) прекратилась в конце мая 1906 г., “Тауш” (Голос) – 21 мая. По моему настоянию не допущенные цензурой листы “Хыпара” были перепечатаны и номер вышел в свет и разослан» [20. С. 53–54].

Казанский губернатор М.В. Стрижевский 20 июля 1906 г. сообщает министру внутренних дел Российской империи, что «определением Казанской судебной палаты, состоявшимся 16 дня минувшего июня, снят арест, наложенный 10 июня по распоряжению инспектора по делам печати на № 23 чувашской газеты “Хыпар”» [16. Д. 86.6].

Нами выявлен документ – записка Н.В. Никольского от 30 июня 1906 г., где он ставит задачи перед С.К. Кирилловым относительно руководства изданием, например, наставляет: «Каждую брошюру благоволите сдать А.А. Дубровину (владелец типографии. – А.Л.) для распродажи по крайней мере в 100 экз.; непременно 12 экземпляров брошюры (имеется в виду одна из многих, переведенных

с русского на чувашский язык сотрудниками газеты. – А.Л.) представлять цензору; гранки брошюр, газеты прежде напечатания отсылать к [Николаю Ивановичу] Ашмарину...» [9. С. 375].

Н.В. Никольский не говорит о желании отказаться от своего детища, несмотря на «натиски симбирцев», о которых он пишет в воспоминаниях. Но в июле-августе 1906 г. разыгрываются драматические события, результаты которых коренным образом меняют идеологическую ориентацию «Хыпара», ради которой, как по прошествии времени свидетельствует Николай Васильевич, газету у него отобрала группа молодежи из чуваш, исключенная из Симбирской чувашской учительской школы за «бунт»¹.

Поскольку вопрос об «экспроприации» «Хыпара» требует отдельного анализа по причине наличия «белых пятен» в предыдущих исследованиях, в том числе и наших, вернемся к заданной теме.

Н.В. Никольский вынужден был оставить издание созданной им газеты. Являвшийся наемным работником у Н.В. Никольского, С.К. Кириллов успел выпустить 11 номеров.

Из воспоминаний одного из лидеров чувашского национального движения, депутата Всероссийского Учредительного собрания С.Н. Николаева: «На нелегальном съезде чувашей ... постановлено было образовать чувашскую организацию партии социалистов-революционеров, приобрести у Н.В. Никольского издаваемый им на чувашском языке в Казани еженедельник “Хыпар” и для осуществления этих целей был выбран комитет» [13. С. 82]. В словах выпускника юридического факультета Казанского императорского университета, в годы Гражданской войны секретаря Комуча С.Н. Николаева ключевое слово – «приобрести». После закулисных переговоров с редактором-издателем Н.В. Никольским, которые он, Никольский, характеризует как «отбирание», так как он не допускал такого драматического хода событий по отношению к его газете, необходимо было юридически оформить «прием-сдачу» собственности. Николай Васильевич обращается с заявлением к Казанскому губернатору. Вскоре появляется новое свидетельство, которое было «дано... проживающему в г. Казани, по Рыбнорядской улице в доме Свешникова, в квартире Мансуровой, учителю казанского частного городского 4-классного училища, крестьянину Казанской губернии, Цивильского уезда и волости, села Игорвар, Сидору Игнатьевичу Игнатьеву в том, что он, Игнатьев, как видно из поданного им заявления, приобрета в собственность от кандидата богословия Казанской духовной академии Николая Васильевича Никольского издание газеты на чувашском языке под названием “Хыпар”, намерен продолжать таковое в г. Казани под личной ответственностью в качестве ответственного редактора... Упомянутая газета будет печататься в Центральной типографии в г. Казани и имеет выходить еженедельно по воскресеньям. ... Августа 23 дня 1906 года» [16. Д. 86.8].

После того как Казанский вице-губернатор Д.Д. Кобеко подписывает свидетельство о приобретении С.И. Игнатьевым «Хыпара», буквально через месяц, 25 сентября, Т.Н. Николаев (Хури) совершает покушение на вице-губернатора – бросает под его машину две бомбы. Кобеко чудом остается жив.

Следовательно, С.И. Игнатьев не подставной издатель-редактор, а настоящий.

¹ Подробнее см. в публикации: *Леонтьев А.П.* «Уголовное дело» Н.В. Никольского // КИЛ. 2008. № 3. С. 71–82.

27 августа 1906 г. С.И. Игнатъев – ближайший соратник лидера поволжских эсеров Т.Н. Николаева (Хури) – подписал в печать № 34 газеты «Хыпар». Под его руководством вышло девять номеров газеты. Однако, как сообщает в Главное управление по делам печати наблюдающий за инородческими изданиями Н.И. Ашмарин, им произведен «сегодня (29 октября 1906 г. – А.Л.) арест № 43 чувашской газеты “Хыпар” (от 29 октября сего октября), поместившей на своих страницах статьи: “Новые законы” и “Письмо”, заключающие в себе признаки преступлений, предусмотренных 129 ст. Уголовного уложения; редактор же названной газеты С.И. Игнатъев привлекается к судебной ответственности...» [16. Д. 86.9]. Очевидно, за отсутствием инспектора по делам печати, Н.И. Ашмарину самому же пришлось составить «ведомость об уголовном преследовании, возбужденном Казанским инспектором по делам печати 29 октября 1906 г.» [16. Д. 86.10]. 4 ноября и. д. Казанского губернатора [Михаил Васильевич] Стрижевский о возбуждении «против редактора Игнатъева уголовного преследования» доносит министру внутренних дел Российской империи «с представлением арестованного № 43 газеты на чувашском языке “Хыпар”» [16. Д. 86.13].

В казанской газете «Волжский вестник» в начале ноября было размещено объявление: «Редакция газеты “Хыпар” извещает подписчиков, что вследствие ареста редактора-издателя С.И. Игнатъева издание названной газеты временно приостановлено» [2].

За три дня до ареста С.И. Игнатъев, предчувствуя преследование, попросил казанского электромонтера П.А. Алексеева, уроженца д. Кудемеры Чебоксарского уезда (ныне Козловского района), написать на имя губернатора заявление с просьбой возглавлять редакцию «Хыпара» [16. С. 21–22]. В тот же день и сам представил губернатору заявление: «Еженедельную газету “Хыпар” на чувашском языке, редактировать и издавать которую мне разрешено было Вами, ... я передаю Павлу Алексеевичу Алексееву» [8. Л. 29]. П.А. Алексеев, «как видно из поданного им заявления, приобрета в собственность от крестьянина Сидора Игнатъевича Игнатъева издание газеты на чувашском языке под названием “Хыпар”, намерен продолжать таковое в г. Казани под личною своею ответственностью, в качестве ответственного редактора. ...Ноября 4 дня 1906 г.» [16. Д. 86.12]. В новом свидетельстве почему-то отсутствует слово «издатель», хотя на самом деле Павел Алексеевич нес и финансово-хозяйственную ответственность наравне с редакторством, другое дело, что денежные средства добывали Т.Н. Николаев (Хури) со товарищи.

«Не будь составлены эти документы до ареста С.И. Игнатъева, едва ли бы продолжала издаваться газета дальше», – утверждает К.К. Петров. Жандармское управление проверило политическую благонадежность П.А. Алексеева и выдало ему свидетельство на право издания газеты [16. С. 22]. Как позже вспоминал Павел Алексеевич, «Гавриил Федорович [Федоров] с Сидором Игнатъевичем [Игнатъевым] рассказали» ему, что чувашскую газету хотят закрыть, а их посадить в тюрьму. Таким образом он, электромонтер, стал редактором «Хыпара» [21]. В конце ноября 1906 г. определением Казанской судебной палаты «отменен арест, наложенный наблюдающим за чувашскими изданиями в городе Казани Н.И. Ашмариним № 43 газеты на чувашском языке под названием “Хыпар”», о чем тот же М.В. Стрижевский докладывает министру внутренних дел [16. Д. 86.15].

Выпуск «Хыпара» налаживается, в то же время чувашские эсеры хлопочут об издании другой газеты. От имени П.А. Алексеева пишут заявление, составляют

программу. 4 декабря 1906 г. Павел Алексеевич получает свидетельство за № 11086 на издание газеты «Самана» (Эпоха) «с подписной платой за год два рубля, за полгода один рубль, за три месяца пятьдесят копеек, по следующей программе... Газета будет печататься в типографии Ермолаевой в городе Казани и имеет выходить один раз в неделю... Декабря 4 дня 1906 года» [16. Д. 439.2]. Однако газета существовала лишь в «резерве» на случай закрытия «Хыпара». Следует отметить, что чувашскими эсерами не был использован этот «резерв», причины очевидны: не находилось материальных ресурсов. Говоря о том, что «редактором-издателем новой газеты должен был быть издатель “Хыпара” Алексеев» [7. С. 265], И.Д. Кузнецов о его зиц-редакторстве и не намекает. И.Н. Никифоров – из исследователей единственный, называвший П.А. Алексеева «подставным лицом», который «к журналистике почти не имел никакого отношения» [12. С. 79].

Несмотря на то, что газета «Хыпар» формально находилась в собственности у П.А. Алексеева, С.И. Игнатьев продолжал работать в редакции. Зиц-редактору в основном приходилось заниматься хозяйственными вопросами. Как вспоминает П.А. Алексеев, он «в редакции (т.е. в помещении редакции. – А.Л.) “Хыпара” жил вместе с С.И. Игнатьевым», который «днем читал газету (так в тексте, скорее всего, речь о сверстаных в типографии полосах. – А.Л.), беседовал с посетителями, до глубокой ночи писал для “Хыпара”... И вот, С.И. Игнатьева и Гавриила Федорова посадили в тюрьму. Но наш “Хыпар” все же не прекращал выпуски. Из Симбирска приехали Василий [Иванович] Иванов и Дмитрий [Петрович] Петров[-Юман]» [21].

А.В. Изоркин полагает, что В.И. Иванов стал «главным сотрудником газеты в конце октября 1906 г.» [5. С. 90]. Это не так. 31 октября редактор-издатель С.И. Игнатьев лишь был задержан, и, как оповещает читателей редакция, «он находится в тюрьме, поэтому “Хыпар” не сразу переходит в руки нового редактора» [17]. По воспоминаниям ответственного секретаря редакции С.Н. Николаева, В.И. Иванов, плодотворный (так как упражнялся во многих темах) автор газеты с первых ее номеров, «был выписан из Симбирска» в ноябре и, скорее всего, приступил к работе в середине этого месяца. «Мы решили распределить работу так, – продолжает Семен Николаевич, – Василий Иванович заменит редактора, не являясь перед властями ответственным редактором, во избежание изъятия его наподобие предшественника. Ответственным перед властями редактором определили нашего рассыльного, крестьянина Николая (правильно: Павла Алексеевича. – А.Л.) Алексеева, назначив ему за риск двадцать рублей в месяц. На меня было возложено сношение с внешним миром, преимущественно с цензором Пинегиным. Каждую субботу я ездил к нему с набранными гранками и отстаивал перед ним каждую строчку, каждое выражение, каждый абзац» [14. С. 91].

Так продолжалось до официального вступления в должность издателя-редактора В.И. Иванова. Возможно, П.А. Алексеев и впредь продолжал бы исполнять обязанности зиц-редактора, но 15 января 1907 г. Казанским временным комитетом по делам печати был «наложен арест на вышедший сего числа № 2 чувашской газеты “Хыпар” с привлечением редактора ее крестьянина Алексеева к уголовной ответственности... за напечатание стихотворения “Новая песня”, в котором заключается возбуждение простого народа против “господ” и призыв к захвату земли, при сем представляется ведомость уголовного преследования. Председательствующий комитета М. Пинегин» [16. Д. 86.16].

Одновременно с наложением ареста на указанный номер газеты было возбуждено против редактора уголовное преследование по п. 6 ст. 129 Уголовного уложения [16. Д. 86.18].

Арест на газету был снят Казанской судебной палатой 30 января 1907 г. [16. Д. 86.20].

Павел Алексеевич ни разу не упоминает о своей работе в качестве подлинного редактора и журналиста. Он состоял зиц-редактором классического образца. Не писал, не редактировал. А.В. Изоркин приводит несколько материалов без указания их авторства, якобы написанных П.А. Алексеевым [6. С. 76–79]. Принадлежность их зиц-редактору спорна, кроме одной из статей в подборке под общим заголовком «Выçă çăкăр» [Голодный хлеб], подписанной инициалами «П.А.» [14].

П.А. Алексеев отбывает в родную деревню, предварительно продав издание «крестьянину Симбирской губернии и уезда, Верхнетимерсянской волости, села Средних Тимерсян, Василию Ивановичу Иванову», которому свидетельство об издании «Хыпара» было вручено 7 марта 1907 г. [16. Д. 86.23]. Таким образом, Василий Иванович с середины ноября 1906 г. почти четыре месяца негласно руководил редакцией в период зиц-редакторства П.А. Алексеева. Он, как и основатель газеты Н.В. Никольский, непосредственно редактировал 22 номера.

С 7 марта и вплоть до выхода последнего, 65-го, номера содержание материалов в «Хыпаре» отличалось крайней революционностью, тем не менее издатель-редактор ни разу не привлекался к уголовной ответственности. 27 мая 1907 г. вышел № 18(65) газеты «Хыпар». К тому времени редакция не имела финансовых средств. М. Юман (Д.П. Петров) разъясняет ситуацию: «Эсеровская партия выдвинула обвинения против газеты, что она якобы не является партийным органом, там печатаются статьи в защиту других социалистических партий... В итоге было урезано финансирование, вскоре оно вообще прекратилось. ... Так мы вынуждены были закрыть единственную чувашскую газету» [22. С. 100–101].

В действительности издание приобрела в собственность от В.И. Иванова Агапия Алексеевна Николаева (в девичестве Кармачева), уроженка д. Крышки-Шемякиной Буинского уезда Симбирской губернии. Как указано в свидетельстве, «упомянутая газета... имеет выходить два раза в неделю по вторникам и пятницам» [16. Д. 86.25].

Шестой редактор газеты «Хыпар» – жена активного члена эсеровской партии, ответственного секретаря редакции Ф.Н. Николаева (Сергеева). Губернатор ни в коем случае не согласился бы утвердить его редактором, так как в Казанской губернии хорошо знали, что, еще будучи учителем, Николаев занимался революционной деятельностью [15. С. 53]. Его перу принадлежат несколько довольно острых статей в последнем номере «Хыпара». Вне всякого сомнения, его супруга – очередной зиц-редактор газеты. Редактору-издателю оставалось только приступить к делам. От владельца Центральной казанской типографии получили согласие на печатание, но драматические обстоятельства перечеркнули все планы. Об этом поведала казанская эсеровская газета «Волжский вестник», где до ареста и высылки из страны работал ответственным секретарем член редакционного совета «Хыпара» Г.Ф. Федоров (Алюнов).

В редакцию «Хыпара» пришла накладная железнодорожной станции, извещающая о поступлении посылки весом 34 фунта. Ничего не подозревающий редактор дал одному из служащих доверенность на получение посылки, как это обыкновенно делалось и раньше. 1 июня служащий принес в редакцию

распакованную посылку, которую (по словам служащего) он получил в таком виде на станции. В посылке оказались нелегальные издания [22].

Данный факт стал причиной того, что № 19(66) газеты за 3 июня 1907 г., который готовился к выпуску, не вышел в свет. Несомненно, новый редактор придерживался бы политического курса прежних редакторов-эсеров.

Редакция опубликовала сообщение в симбирской газете «Волжские вести»: «...Обстоятельства вынуждают редакцию приостановить на неопределенное время издание газеты с тем, чтобы возобновить таковое, как только явится к тому возможность. Редакция надеется, что вынужденная приостановка «Хыпара» не вызовет против нее недовольство со стороны подписчиков чуваш, лишенных единственной газеты на своем родном языке» [1]. Предположительно эту информацию разместил пятый редактор «Хыпара» В.И. Иванов, вернувшийся в родную деревню.

21 мая 1908 г. Временный комитет по делам печати в Казани доводит «до сведения Главного управления по делам печати МВД Российской империи уведомление о том, что «в мае месяце текущего года истекли годовые сроки выхода последних номеров местных газет, а именно: 1) «Дневник Казани» – 18 числа, 2) «Хыпар» на чувашском языке – 19 и 3) «Тауш» на татарском языке – 21 числа. Все эти три газеты считаются прекратившимися» [16. Д. 86.26].

Исходя из этого, полагали, что газету можно было выпустить и дальше. Однако возникает вопрос: осмелились бы казанские типографии сотрудничать с опальным изданием? Лидер чувашских эсеров Т.Н. Николаев (Хури) в это время был в бегах, С.И. Игнатьев властями был выслан во Францию, Г.Ф. Федоров (Алюнов) – в Германию, в связи с чем и дальнейшее финансирование газеты было затруднительным.

Так закончилась первая веха первой чувашской газеты. Вторая также связана с именем Н.В. Никольского, но возрождена была его непосредственными учениками при активной поддержке наставника – в тот период первого заместителя председателя; в июне 1917 г. Н.В. Никольского избирают на должность председателя Казанской губернской земской управы. Однако и газета «Хыпар»-2 вскоре оказалась в руках эсеров.

Выводы. Созданная в годы Первой русской революции Н.В. Никольским первая чувашская газета «Хыпар» была объектом многочисленных исследований. В советский период подвергалось анализу главным образом содержание опубликованных на ее страницах материалов. О людях, непосредственных участниках творческого процесса, также написано немало. Однако недостаточное внимание было уделено издателям-редакторам. Так, не были должным образом проанализированы документы, связанные с перерегистрацией газеты и приобретением ее разными лицами в определенные периоды, также не были выявлены записи основателя «Хыпара», которые приоткрывают завесу над спорными моментами, связанными с деятельностью того или иного издателя-редактора. В настоящем исследовании доказано: 1) Н.В. Никольский был издателем не 22 номеров, как заявляли все исследователи, а 33 номеров «Хыпара»; 2) С.К. Кириллов, второй редактор, был лишь ответственным за 11 номеров в период очередного отпуска подлинного издателя-редактора; 3) Н.В. Никольский не по своей воле отказался издавать газету, к этому шагу его вынудили чувашские эсеры; 4) ставленник чувашских эсеров, электромонтер П.А. Алексеев юридически являлся собственником «Хыпара», но был зиц-редактором, творческим процессом руководил В.И. Иванов, следовательно, он редактировал

22 номера издания; 5) последний, шестой, издатель-редактор газеты А.Н. Николаева также была подставным редактором, однако в силу сложившихся обстоятельств не смогла выпустить очередные номера «Хыпар».

Литература

1. Волжские вести. 1907. 16 июня.
2. Волжский вестник. 1906. 5 нояб.
3. *Димитриев В.Д.* Н.В. Никольский – ученый, педагог, общественный деятель. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 104 с.
4. *Изоркин А.В.* Виçсёмеш редактор = [Третий редактор] // Чăваш чĕрĕлĕхĕн хыпарсисем = [Вестники чувашского возрождения]. Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 2000. С. 55–66.
5. *Изоркин А.В.* Пиллĕкмĕш редактор = [Пятый редактор] // Чăваш чĕрĕлĕхĕн хыпарсисем = [Вестники чувашского возрождения]. Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 2000. С. 89–98.
6. *Изоркин А.В.* Тăваттăмĕш редактор = [Четвертый редактор] // Чăваш чĕрĕлĕхĕн хыпарсисем [Вестники чувашского возрождения]. Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 2000. С. 76–79.
7. *Кузнецов И.Д.* Чăвашсен пирвайхи хаçачĕ «Хыпар» – халăх революцин йыхравси = [Первая чувашская газета «Хыпар – глашатай народной революции] // Чăваш халăх историйĕ сĕнчен = [Об истории чувашского народа]. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1962. С. 257–295.
8. Научный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1944.
9. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 161.
10. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 369.
11. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 678. Инв. № 1804.
12. *Никифоров И.Н.* Зарождение чувашской революционно-демократической печати. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1971. 127 с.
13. *Николаев С.Н.* Воспоминания // ЛИК. 2006. № 4. С. 73–136.
14. *П.А.* «Эпир, чăвашем...» = [«Мы – чуваш...»] // Хыпар. 1907. № 4. 18 февр.
15. *Петров К.К.* Возникновение чувашской журналистики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. 72 с.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 776. Оп. 21.
17. Редакцияран = [От редакции] // Хыпар. 1906. № 44. 26 нояб.
18. Хаçет усси = [Польза от газеты] // Хыпар. 1906. № 1. 8 (21) янв.
19. Хыпарсăсем = [Вестники] / ред.-сост. П.В. Денисов. Шупашкар: Чăваш АССР гос-во изд-ви, 1961. 269 с.
20. «Хыпар» – чăвашсен пĕрремĕш хаçачĕ. Н.В. Никольский аса илĕвĕ тата ăна ăнлантарса пани = «Хыпар» – первая чувашская газета. Воспоминания Н.В. Никольского и комментарии / сост. и автор комм. А.П. Леонтьев. На чуваш. и рус. яз. Чебоксары: ИД «Хыпар», 2006. 78 с.
21. Чувашский национальный музей. ВМ-4040. Папка № 36.
22. *Юман М. (Д.П. Петров).* 1905-мĕш çул (Чăвашсем хушшинче пулнă ёçсене асăнни) = [1905 год (Воспоминания о делах, произошедших среди чуваш)]. Шупашкар: Чăваш облаçĕнчи кĕнеке каларакан уйрăм, 1925. 118 с.

ЛЕОНТЬЕВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики, Чувашский государственный университет; научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (alexej.leontjew2014@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8798-8132>).

Alexey P. LEONTIEV

ABOUT THE REAL AND FAKE PUBLISHERS-EDITORS OF THE FIRST CHUVASH NEWSPAPER «KHYPAR»

Key words: newspaper “Khypar”, N.V. Nikolsky, publishers-editors, Chuvash Socialists-Revolutionaries, censorship, memoirs, archival sources.

The relevance of the research is due to the fact that in published works on the history of the first Chuvash newspaper «Khypar» and coverage of its founder's biography, insufficient attention was paid to the study of archival documents. As a result, distorted conclusions about the activities of publishers-editors in one or another period of the newspaper's functioning took root in historiography. For example, all researchers considered N.V. Nikolsky to be the publisher-editor

of 22 issues, while he, being the owner, published 33 issues; the second editor of the newspaper, S.K. Kirillov, was only «a responsible editor», and N.V. Nikolsky remained the publisher. The legally full-fledged publisher-editor P.A. Alekseyev was the prison editor, when he worked, the editorial policy was actually directed by the Chuvash Socialist Revolutionaries (the SRs) headed by T.N. Nikolaev (Khuri); the creative process was headed by V.I. Ivanov – the unofficial editor of 6 issues, and the official publisher-editor, after purchasing the newspaper from P.A. Alekseev, of the last 16 issues of the newspaper.

The purpose of the study is to eliminate false information on publishers-editors of the first Chuvash newspaper.

Materials and methods. The research materials were published works on the newspaper «Khypar», as well as recently found sources. The principles of historicism, objectivity and consistency were used, as well as research methods: historical-genetic, analytical, problem-chronological, factual ones.

Research results. Dozens of works have been published on creation, development and evolvement of the first Chuvash newspaper. Most of the information provided in them is reliable, as they are based on authentic documents. It is known that in 1906–1907 the «Khypar» in different periods was edited by N.V. Nikolsky, S.K. Kirillov, S.I. Ignatiev, P.A. Alekseev, V.I. Ivanov, which is confirmed by the output data of subsequent issues, and the certificates issued to each publisher-editor by the Kazan governor. Meanwhile, due to inattention of the researchers, some mistakes were made. For example, S.K. Kirillov was not a publisher-editor, he was the responsible editor of 11 issues during N.V. Nikolsky's regular vacation and the latter remained the publisher, that is, an economic entity; N.V. Nikolsky did not voluntarily refuse to publish «Khypar», but was forced to retire from publishing because of the «onslaught of the Simbirsk people» – the Chuvash organization of the Socialist Revolutionary Party headed by T.N. Nikolaev (Khuri); P.A. Alekseev was a front editor, in fact the editorial office was headed by V.I. Ivanov; A.A. Nikolaeva, the sixth publisher-editor, was also a prison-editor, but she was unable to publish any issues, when she was occupying this post, «Khypar» was closed by the authorities as a politically unreliable publication.

Conclusions. Monographs and articles published to date admitted inaccuracies in covering the history of the Chuvash periodical press, the ancestor of which was the newspaper «Khypar». Moreover, the authors often freely interpreted archival documents and memoirs of active participants in events directly related to publishing the newspaper. The author of this article analyzed a large array of literature and archival documents about «Khypar», some of the sources were introduced into scientific circulation for the first time. As a result, adjustments were made to the establishment of the periodical's periodization, objective data on the activities of publishers-editors are provided.

References

1. *Volzhskiyе vesti*, 1907, June 16.
2. *Volzhskiyе vestnik*, 1907, Nov. 5.
3. Dimitriyev V.D. N.V. Nikol'skiy – *uchenyy, pedagog, obshchestvennyy deyatel'* [N.V. Nikolsky is a scientist, teacher, and public figure]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2002, 104 p.
4. Izorkin A.V. *Tretiy redaktor* [Third editor]. In: *Vestniki chuvashskogo vrozhdeniya* [Messengers of the Chuvash revival]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2000, pp. 55–56.
5. Izorkin A.V. *Pyatyy redaktor* [Fifth editor]. In: *Vestniki chuvashskogo vrozhdeniya* [Messengers of the Chuvash revival]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2000, pp. 89–98.
6. Izorkin A.V. *Chetvertyy redaktor* [Fourth editor]. In: *Vestniki chuvashskogo vrozhdeniya* [Messengers of the Chuvash revival]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2000, pp. 76–79.
7. Kuznetsov I.D. *Pervaya chuvashskaya gazeta «Khypar» – glashatay narodnoy revolyutsii* [The first Chuvash newspaper «Khypar» – the herald of the people's revolution]. In: Kuznetsov I.D. *Ob istorii chuvashskogo naroda* [About the history of the Chuvash people]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1962, pp. 257–295.
8. *Nauchnyy arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 1. Opis' 4. Delo 1944* [Scientific Archives of the Republic of Tatarstan. Archive 1. Inventory 4. Case 1944].
9. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Yedinitsa khraneniya 161* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 161].
10. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel II. Yedinitsa khraneniya 369* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department II. Storage unit 369].
11. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel II. Yedinitsa khraneniya 678. Inventarnyy № 1804* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department II. Storage unit 678. Inventory no. 1804].

12. Nikiforov I.N. *Zarozhdeniye chuvashskoy revolyutsionno-demokraticheskoy pechati* [The origin of the Chuvash revolutionary-democratic press]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1971, 127 p.
13. Nikolayev S.N. *Vospominaniya* [Memoirs]. *LIK*, 2006, no. 4, pp. 73–136.
14. P.A. «*My – chuvashi...*» [«We are Chuvash...»]. *Khypar*, 1907, no. 4, Febr. 18.
15. Petrov K.K. *Voznikoveniye chuvashskoy zhurnalistiki* [The emergence of Chuvash journalism]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1983, 72 p.
16. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. Fond 776. Opis' 21* [Russian State Historical Archives. Archive 776. Inventory 21].
17. *Ot redaktsii* [From the editor]. *Khypar*, 1906, no. 44, Nov. 26.
18. *Pol'za ot gazety* [Benefits of a newspaper]. *Khypar*, 1906, no. 1, Jan. 8(21).
19. Denisov P.V., ed., comp. *Vestniki* [Bulletins]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1983, 269 p.
20. Leont'yev A.P., comp. «*Khypar*» – *pervaya chuvashskaya gazeta. Vospominaniya N.V. Nikol'skogo i kommentarii* [«Khypar» is the first Chuvash newspaper. Memoirs of N.V. Nikolsky and comments]. Cheboksary, Khypar Publ., 2006, 78 p.
21. *Chuvashskiy natsional'nyy muzey. VM-4040. Papka № 3b* [Chuvash National Museum. VM-4040. Folder No. 3b].
22. Yuman M. (D.P. Petrov). *1905 god (Vospominaniya o delakh, proizoshedshikh sredi chuvash)* [1905 (Memories of affairs that happened among the Chuvash)]. Cheboksary, 1925, 118 p.

ALEXEY P. LEONTIEV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Journalism, Chuvash State University; Researcher, Chuvash State Institute of Humanities, Russia, Cheboksary (alexej.leontjew2014@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8798-8132>).

Формат цитирования: Леонтьев А.П. О подлинных и подставных издателях-редакторах первой чувашской газеты «Хыпар» // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 70–83. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-70-83.

Е.М. МИХАЙЛОВА

ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АСТРАХАНСКОГО РУССКОГО ПАТРИОТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ключевые слова: Астраханское русское патриотическое общество, просветительская деятельность, патриотическое и религиозное просвещение, Астраханская народно-монархическая партия, начало XX века.

Начало XX века в России ознаменовалось революционными событиями, приобретшими радикальный характер. Рушились казалось бы незыблемые устои традиционного общества, активизировались политические силы, выступавшие против веками выработанных норм государственного и общественного устройства. Основную причину подобного явления правоконсервативные партии и организации видели в разрушении традиционных морально-нравственных ценностей. Возродить такие ценностные установки, укрепить в общественном сознании патриотические чувства призваны были общественные организации просветительского характера, созданные при правых партиях. Такой организацией стало Астраханское русское патриотическое общество, созданное под эгидой Астраханской народно-монархической партии.

Цель представленного исследования – проанализировать становление и приоритеты деятельности Астраханского русского патриотического общества, созданного как просветительская общественная организация.

Материалы и методы. При работе использованы как общенаучные методы анализа и синтеза, так и специальные исторические методы – историко-генетический, проблемно-хронологический, историко-сравнительный. Источниковой основой для исследования стали уставные и программные документы, периодические издания, архивные материалы. Методологическими принципами анализа являются принципы системности, историзма, объективности.

Результаты исследования. На основе анализа материалов периодики и архивных документов в работе проанализирован процесс открытия Астраханского русского патриотического общества. Рассмотрено участие в этом процессе местной политической элиты и духовенства, свидетельствующее о поддержке деятельности Общества со стороны известных лиц. Проанализированы целевые ориентиры созданной общественной организации, ее основные программные положения. На основе сравнительного метода выявлены сходные с правоконсервативными партиями концептуальные установки Общества. Рассмотрены состав и устройство рассматриваемой организации. Выделены основные направления деятельности Астраханского русского патриотического общества, проявлявшиеся в устройстве довольно регулярных духовно-религиозных и просветительских чтений, собеседований, проведении тематических лекций, открытии библиотеки и формировании ее книжного фонда, распространении религиозной, духовной и патриотической литературы. Освещена оценка деятельности Астраханского русского патриотического общества властными структурами.

Выводы. Комплексный анализ образования и деятельности Астраханского русского патриотического общества позволяет сделать вывод о том, что в числе приоритетов Астраханской правомонархической партии значимое место занимала просветительская деятельность. Для этого последняя при поддержке местной консервативной элиты и духовенства создала общественную организацию, которая занималась религиозным, духовно-нравственным и политическим просвещением масс. Имея цель укрепления в народе традиционных ценностей, подобные организации через просветительскую деятельность пытались воспрепятствовать разрушительным тенденциям, набравшим силу в российском обществе начала XX в.

Революция 1905–1907 гг. показала глубину процесса революционирования общества и возможности его разрушительного резонанса. Правоконсервативные партии, появившиеся в это время как контрреволюционная сила против либерализации и радикализации, как охранители традиционных устоев, одну из причин революционных событий видели в ослаблении в обществе

духовных скреп. Для восполнения этого пробела правые партии важнейшей своей задачей поставили просветительскую работу среди масс, в первую очередь среди молодежи. В этих целях нередко под их эгидой создавались дочерние общественные организации просветительского характера.

Основная **цель исследования** – рассмотреть процесс открытия и основные направления деятельности Астраханского русского патриотического общества (АРПО), созданного в начале XX в. под эгидой Астраханской народно-монархической партии (АНМП) с просветительскими целями.

Материалы и методы. Статья основана на основополагающих методологических принципах исторического исследования – историзме, системности, объективности. Основу исследования составляют уставные, программные положения рассматриваемой организации, материалы периодической печати, архивные документы. В работе используются историко-генетический, проблемно-хронологический, историко-сравнительный методы, позволяющие комплексно рассмотреть образование и дальнейшее функционирование АРПО.

Результаты исследования. Для защиты российской государственности от разрушения, для обеспечения целостности российского общества АНМП насущной необходимостью считала просвещение масс. Для Астраханской губернии создание просветительских организаций было весьма актуально. Революционные события 1905 г. показали накал политической борьбы в губернии. К тому же население губернии было крайне разношерстным и в конфессиональном плане. Кроме православных здесь проживали мусульмане, евреи, старообрядцы, римско-католики, лютеране. Немалую часть населения края составляли различного толка сектанты – баптисты, субботники, молокане, хлысты и др. [5. С. 5–40]. В связи с этим просветительская и миссионерская работа для партий и организаций, исповедующих консервативные традиционные ценности, воспринималась как насущная потребность. Неспроста одной из целевых установок партии было установление следующего положения в ее программе: «Прочное религиозно-нравственное воспитание молодежи и укоренение в ней сознательной любви к отечеству, верности Царю и Престолу» [2. Л. 2об.]. Вопрос о необходимости просветительской работы был обозначен также позже в так называемой программной платформе «Десять заповедей для России»: «... Помни о Русском народе, употребляй все меры, чтобы просветить его, обеспечить всем нужным...» [1. С. 286; 13].

В подобном целевом контексте АНМП принимает решение создать под своей эгидой самостоятельную дочернюю организацию – АРПО. Предварительно был разработан устав общества, согласованный с епископом Астраханским и Енотаевским Георгием (в миру – Георгий Поликарпович Орлов). Ознакомившись с уставом, епископ Георгий наложил датой от 19 августа 1907 г. следующую визу: «...Нахожу основные положения его заслуживающими полного одобрения. Желая Обществу широкого распространения. Да объединит оно все православное русское население Астраханской епархии и да будет благословление Божье на всех членов его» [15. С. 1]. 12 сентября того же года устав был утвержден астраханским губернатором И.Н. Соколовским.

Открытие АРПО состоялось 16 сентября 1907 г. в здании городской думы, где епископ Астраханский Георгий ознакомил присутствующих с уставом Общества. По этому важному поводу им был отслужен молебен, при котором владыке сослужили ректор Астраханской духовной семинарии, архимандрит Иоанн (в миру – Иоанникий Алексеевич Левицкий), архимандрит Митрофан, протоиереи М. Гусakov, В. Карасев, Н. Пальмов и священник Д. Фаворский [9]. Перед молебном

с разъяснением целей и задач Общества выступил архимандрит Митрофан и пожелал видеть среди членов Общества «душу свою готовых положить за исконные начала русской государственности, таких же самоотверженных патриотов, как Пожарский, Гермоген, Дионисий, Авраамий, Козьма Минин, Сусанин и др.» [9]. На мероприятии присутствовал также вице-губернатор П.Н. Масальский.

На основании постановления, принятого проведенным накануне, 14 сентября, собранием членов-учредителей Общества, на открытии его была озвучена телеграмма императору Николаю II с заверением верноподданнической преданности и готовности «служить своему Богу, своему Царю и своему народу» [9]. От имени Общества телеграмму подписали архимандрит Иоанн, действительный статский советник К.М. Аммосов, купцы К.А. Дворецкий и Г.Ф. Евдокимов.

В тот же день в зале епархиальной библиотеки, курируемой местным Кирилло-Мефодиевским братством, состоялось первое общее собрание Общества, на котором были избраны члены его распорядительного комитета: архимандрит Иоанн, смотритель духовного училища И.А. Попов, директор народного училища К.М. Аммосов, епархиальный наблюдатель А.Н. Летницкий, С.И. Козлов, Ф.Д. Соколов, священник Д. Фаворский, мещанский староста А.З. Сиротин, редактор «Астраханских епархиальных ведомостей» И.Н. Летницкий, директор гимназии А.Н. Воробьев, купцы К.А. Дворецкий и С.И. Захаров. Кстати, отметим, что Ф.Д. Соколов и А.З. Сиротин были активными членами АНМП. Председателем распорядительного комитета стал К.М. Аммосов [9; 16. С. 48], хотя в печати прошла информация об избрании председателем комитета архимандрита Иоанна [10]. Кроме того, кандидатами в члены были избраны член консистории протоиерей М. Гусаков, который возглавлял Кирилло-Мефодиевское братство, преподаватель гимназии А.И. Арнольдов, гласный городской думы С.М. Бутков, священники Петр Дьяконов и Тихон Березин, архимандрит Митрофан, купцы С.В. Носков и И.И. Губин, директор женской гимназии В.А. Михалевский, земский начальник А.И. Смольянинов, Г.Ф. Евдокимов, Н.П. Ковалев, Г.С. Куликов, И.С. Цветков [1. С. 318; 9]. В справке Департамента полиции МВД от 5 мая 1908 г. сообщалось, что АРПО создано по негласной инициативе Астраханской народно-монархической партии и в него записалось более 200 человек «интеллигенции, купечества и духовенства, исключительно русских» [3. Л. 266–267; 8. С. 611].

По уставу в состав Общества входили почетные члены, пожизненные, действительные и соревнователи. Членами Общества могли быть совершеннолетние лица русской национальности обоего пола. В Общество не принимались воспитанники средних учебных заведений, а также лица, состоящие под судом и следствием и ограниченные по суду в правах. Студенты высших учебных заведений могли приниматься в АРПО только в качестве членов-соревнователей и только в том случае, если устав учебного заведения разрешал им это.

Желающие вступить в Общество должны были письменно заявить о своем желании, причем должны были заручиться поддержкой одного из действительных членов Общества и иметь еще письменную рекомендацию. Только после этого он мог избираться комитетом действительным членом Общества.

Почетными членами АРПО избирались также по предложению распорядительного комитета. Ими могли стать лица, которые принесли Обществу реальную пользу, активно работали по реализации его целей и задач на ниве просвещения масс.

Звание члена-соревнователя также предоставлялось распорядительным комитетом. Ими могли стать лица, «содействующие Обществу своим трудом» [15. С. 8].

Доходы Общества составлялись на основе спонсорской помощи, членских взносов, сборов с вечеров и т.п. Действительные члены должны были вносить в казну Общества ежегодно не менее двух рублей или единовременно не менее пятидесяти рублей. При внесении единовременной суммы в пятьдесят рублей член Общества становился пожизненным его членом. Члены-соревнователи должны были ежегодно уплачивать не менее одного рубля. При денежных затруднениях члены-соревнователи могли освобождаться от членских взносов по усмотрению комитета. Но при этом те, кто не смог внести членский взнос в годовой срок, считался выбывшим из списка Общества вплоть до взноса денег [15. С. 9].

Основной целью Общества было заявлено «содействовать выяснению, укреплению в общественном сознании и проведению в жизнь исконных начал и бытовых особенностей русского народа, особенно же незыблемой Верховной Самодержавной Неограниченной власти Царской, опирающейся на лучших людей, выборных от народа, первенствующего значения интересов русского народа и его православной веры» [9]. Такая цель заявлялась в печатном органе Астраханской народной-монархической партии «Русская правда». В самом уставе АРПО фраза «в общественном сознании» конкретизировалась и уточнялась словами «особенно русском» [15. С. 1].

В числе своих целевых установок Общество определяло также объединение «всех русских людей вокруг мощных основ государственности: Самодержавия, Православия и Русской народности», поддержание и укрепление «в народе религиозности и нравственной чистоты в самом широком смысле этого понятия» [9; 15. С. 2].

В программной части устава Общества были сформулированы приоритетные положения всей концепции его деятельности. АРПО заявляло, что русская национальность как государствообразующая имеет «бесспорное право на преимущество значение в строительстве государственной жизни» [15. С. 2]. В связи с этим Общество исходило из требования положить «конец инородческому засилью» в стране. Как заявлялось в уставе, незыблемой основой должно стать «Россия прежде всего для русских верноподданных ея Самодержавного Царя» [15. С. 3].

Определялось и отношение к новому для российской политической системы институту Государственной думы. Ее функциональный смысл виделся Обществу как орган, во-первых, сближающий народ с царем, во-вторых, помогающий императору осуществлять надзор «над правильностью действий поставленных им властей», в-третьих, выясняющий нужды населения для учета их в процессе проводимых государственных преобразований. При этом Общество исходило из того, что депутатами Государственной думы могли быть «только истинно русские люди по происхождению и духу». Госдума должна была стать «русской по духу» [15. С. 3–4].

Общество заявляло, что оно будет содействовать тому, чтобы все учреждения страны стремились к укреплению России, чтобы деятельность властей неуклонно направлялась к «упрочению строгого порядка и законности». Подчеркивалось, что школьное образование и воспитание должно совершаться «в строго национальном русском направлении» [15. С. 4]. Для этого предлагалось открытие отдельных учебных заведений для детей русской национальности.

Исходя из вышесказанного, определялась концептуальная парадигма деятельности Общества: «содействие здоровому политическому развитию русских людей в духе основных начал русской государственной жизни, чтобы тем самым предотвратить влияние на них учений, ведущих к анархии, религиозно-нравственному растлению и политической гибели» [15. С. 4].

Для реализации своих целей АРПО предусматривало проведение просветительских чтений, музыкальных вечеров, спектаклей. Предполагался выпуск духовной литературы, в том числе повременных изданий, сборников, книг и листов для народа. Общество также брало на себя распространение этих изданий. Кроме того, в соответствии с уставом на средства Патриотического общества предусматривалось устройство книгохранилища и открытие читальни, использование для этого также имеющихся читален с соответствующей духовно-религиозной литературой. При необходимости для решения этих вопросов Общество в рамках своих целей могло обращаться с ходатайством к правительству.

При успешной работе Общества при его комитете могли быть созданы отдельные бюро с разными функциями, в том числе редакционное для издания своего периодического издания, бюро по помощи людям, ищущим работу, бюро по содействию как физическим лицам, так и промышленным учреждениям, «прекращающим свою деятельность вследствие забастовок», бюро по оказанию поддержки учащимся [15. С. 13]. Для регулирования деятельности этих бюро комитетом должны были приниматься особые инструкции, рассматриваемые и утверждаемые общим собранием Общества.

АРПО за период своей деятельности превратилось в организацию, сыгравшую значительную роль в общественно-политической жизни региона. Основными направлениями АРПО стали просветительская и культурно-благотворительная деятельность. Оно проводило различные чтения по религиозно-духовным и морально-нравственным темам, индивидуальные собеседования, встречи с молодежью. В этой части у Общества сложились самые тесные связи с Кирилло-Мефодиевским братством. В целом обе организации преследовали просветительские цели, с той лишь разницей, что Братство делало больший упор на религиозную составляющую. При этом АРПО часто участвовало в религиозных чтениях Кирилло-Мефодиевского братства. Последнее разрешило АРПО проводить в зале епархиальной библиотеки собрания своих членов, чтения религиозной, патриотической и духовно-нравственной литературы. Лекторам АРПО разрешалось выступать с лекциями при чтениях, проводимых самим Братством. Кирилло-Мефодиевское братство предоставило Обществу в пользование книжный и журнальный фонды епархиальной библиотеки, свой книжный склад. Общество получило возможность собрать свой книжный фонд на базе библиотеки, куда выписывалась духовная и светская периодика, книги духовно-религиозного и историко-патриотического содержания, также приобретались листки, брошюры для раздачи народу после внебогослужебных чтений. Общим требованием ко всей приобретаемой литературе являлось их соответствие национальным интересам России и православной вере. В определенной степени АРПО помогало Кирилло-Мефодиевскому братству оживить интерес к духовно-просветительским учреждениям [6. С. 59].

По мере развития своей деятельности АРПО открыло читальню при епархиальной библиотеке, для которой на свои средства приобретало духовно-нравственную литературу и выписывало монархические и церковные периодические издания. Известно также, что Общество в память «чудесного спасения

Государя Императора Николая Александровича от угрожавшей ему ... смертельной опасности» ходатайствовало перед городской думой об отводе ему земли для устройства часовни [11, 12].

АРПО просуществовало вплоть до 1917 г. По данным на январь 1916 г., учредителей Общества и членов, вступивших после учреждения, от дворянства и интеллигенции составляло 35 человек; учредителей и членов, вступивших после, от духовенства, купечества и других сословий составляло 125 человек [4. Л. 743–747; 7. С. 140; 14. С. 44]. По мнению многих, оно выполняло роль куратора Астраханской народно-монархической партии. По оценке начальника Астраханского ГЖУ полковника Минкевича, «это общество официально себя ничем не проявляет и держит себя так, как будто оно не существует», но члены общества, как «интеллигентные, образованные и влиятельные лица, дают опору монархической партии, поддерживая ее своими советами и осведомляя ее о настроении общества и народа» [4. Л. 743–747; 7. С. 140].

Выводы. Таким образом, АРПО как общественная организация стала значимой структурой, выполнявшей специализированную функцию религиозного и духовно-нравственного просвещения общества. Не преследуя узкопартийные цели, оно содействовало объединению приверженцев традиционных консервативных ценностей. основополагающие принципы политического консерватизма – защиты национально-государственных интересов, самодержавной власти и православной веры – являлись приоритетными и для АРПО. В этом направлении АРПО играло немаловажную роль как в консолидации патриотических консервативных сил, так и идейно-политическом и нравственном просвещении народа. Объединяя в своих рядах известных и авторитетных лиц, оно влияло и на АНМП, поддерживая ее деятельность.

Литература

1. Антропов О.К. Русское праворадикальное движение (1905–1945 гг.). Ч. 1. Черная сотня и русский национализм в 1905–1917 гг. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2022. 392 с.
2. Государственный архив Астраханской области. Ф. 745. Оп. 1. Д. 1.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. 4 д-во. Г. 1907. Д. 164.
4. ГАРФ. Ф. 102. 4-е д-во. Г. 1915. Д. 151.
5. Отчет Астраханского Епархиального православного Кирилло-Мефодиевского Братства за 1906 год. Астрахань: Типография В.Л. Егорова, 1907. 78 с. URL: <http://aonb.astranet.ru/dl/?file=http://aonb.astranet.ru/kk/pdf/bm000020141.pdf> (дата обращения: 06.05.2024).
6. Отчет Астраханского Епархиального православного Кирилло-Мефодиевского Братства за 1907 год. Астрахань: Паровая губернская типография, 1908. 83 с. URL: <http://aonb.astranet.ru/dl/?file=http://aonb.astranet.ru/kk/pdf/bm000020142.pdf> (дата обращения: 06.05.2024).
7. Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 135–155.
8. Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: 2 т. Т. 1. 1905–1910 гг. / сост., авт. предисл., введ. и коммент. Ю.И. Кирьянов. М.: РОССПЭН, 1998. 720 с.
9. Русская правда. 1907. 20 сент.
10. Русская правда. 1907. 28 сент.
11. Русская правда. 1907. 8 нояб.
12. Русская правда. 1907. 18 нояб.
13. Русская правда. 1908. 16 окт.
14. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. 639 с.
15. Устав Астраханского Русского Патриотического Общества. Астрахань, 1907. 16 с.
16. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Крафт+, Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.

МИХАЙЛОВА ЕЛИЗАВЕТА МИХАЙЛОВНА – доктор исторических наук, доцент, профессор, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Россия, Чебоксары (lizamem@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6035-9571>).

Elizaveta M. MIKHAILOVA

FORMATION AND ACTIVITY OF ASTRAKHAN RUSSIAN PATRIOTIC SOCIETY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Key words: Astrakhan Russian Patriotic Society, educational activities, patriotic and religious education, Astrakhan People's Monarchist Party, the beginning of the XX century.

The beginning of the XX century in Russia was marked by revolutionary events that acquired a radical character. The seemingly unshakable foundations of the traditional society were crumbling, and political forces that opposed the norms of state and social organization that had been developed for centuries became more active. The main reason for this phenomenon was seen by right-wing conservative parties and organizations in the destruction of traditional moral values. Public educational organizations created under the right-wing parties were called upon to revive such values and strengthen the patriotic feelings in the public consciousness. Such an organization was Astrakhan Russian Patriotic Society, created under the auspices of Astrakhan People's Monarchist Party.

The purpose of the presented research is to analyze the evolution and priorities of Astrakhan Russian Patriotic Society, established as an educational public organization.

Materials and methods. The work uses both general scientific methods of analysis and synthesis, as well as special historical methods – historical-genetic, problem-chronological, historical-comparative ones. The source basis for the research was the statutory and program documents, periodicals, archival materials. The methodological principles of the analysis are the principles of consistency, historicism, and objectivity.

Research results. Based on the analysis of periodicals and archival documents, the paper analyzes the process of opening the Astrakhan Russian Patriotic Society. The participation of the local political elite and clergy in this process is considered, indicating the support of the Society's activities by well-known persons. The targets of the created public organization and its main program provisions are analyzed. Based on the comparative method, the conceptual attitudes of the Society similar to the right-wing conservative parties were identified. The composition and the structure of the organization in question are considered. The main directions in Astrakhan Russian Patriotic Society's activity are singled out, which manifested themselves in organizing fairly regular spiritual, religious and educational readings, interviews, thematic lectures, opening the library and forming its book fund, disseminating religious, spiritual and patriotic literature. The assessment of Astrakhan Russian Patriotic Society by the authorities is clarified.

Conclusions. A comprehensive analysis of formation and activities carried out by Astrakhan Russian Patriotic Society enables us to conclude that educational activities occupied a significant place among the priorities of Astrakhan right-monarchist Party. To do this, the latter, with the support of the local conservative elite and the clergy, created a public organization that was engaged in religious, spiritual, moral and political education of the masses. With the aim of strengthening traditional values among the people, such organizations, through educational activities, tried to prevent the destructive trends that were gaining strength in the Russian society at the beginning of the XX century.

References

1. Antropov O.K. *Russkoe pravoradikal'noe dvizhenie (1905-1945 gg.)*. Ch. 1. *Chernaya sotnya i russkii natsionalizm v 1905–1917 gg.* [Russian right-radical movement (1905–1945). Part 1: The Black Hundreds and Russian nationalism in 1905–1917]. Astrakhan, 2022, 392 p.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti. Fond 745. Opis' 1. Dokument 1* [State Archives of the Astrakhan Region. Archive 745. Anagraph 1. Document 1].
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiyskoy Federatsii. Fond 102. 4 d-vo. God 1907. Dokument 164* [State Archives of the Russian Federation. Archive 102. 4th recordkeeping. 1907. Document 164].
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiyskoy Federatsii. Fond 102. 4 d-vo. God 1915. Dokument 151* [State Archives of the Russian Federation. Archive 102. 4th recordkeeping. 1915. Document 151].

5. *Otchet Astrahanskogo Eparhial'nogo pravoslavnogo Kirillo-Mefodievskogo Bratstva za 1906 god* [Report of the Astrakhan Diocesan Orthodox Cyril and Methodius Brotherhood for 1906]. Astrakhan, 1907, 78 p. Available at: <http://aonb.astranet.ru/dl/?file=http://aonb.astranet.ru/kk/pdf/bm000020141.pdf> (Access Date: 2024, May 6).
6. *Otchet Astrahanskogo Eparhial'nogo pravoslavnogo Kirillo-Mefodievskogo Bratstva za 1907 god* [Report of the Astrakhan Diocesan Orthodox Cyril and Methodius Brotherhood for 1907]. Astrakhan, 1908, 83 p. Available at: <http://aonb.astranet.ru/dl/?file=http://aonb.astranet.ru/kk/pdf/bm000020142.pdf> (Access Date: 2024, May 6).
7. *Perepiska pravykh i drugie materialy ob ikh deyatel'nosti v 1914–1917* [Correspondence of the Right and Other Materials on Their Activities in 1914–1917]. *Voprosy istorii*, 1996, no. 4, pp. 135–155.
8. Kir'yanov Yu.I., comp. *Pravye partii. 1905–1917. Dokumenty i materialy: v 2 t. T. 1. 1905–1910* [Right-wing Parties. 1905–1917. Documents and Materials. In 2 vols. Vol. 1: 1905–1910.]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998, 720 p.
9. *Russkaya pravda*, 1907, Sept. 20.
10. *Russkaya pravda*, 1907, Sept. 28.
11. *Russkaya pravda*, 1907, Nov. 8.
12. *Russkaya pravda*, 1907, Nov. 18.
13. *Russkaya pravda*, 1908, Oct. 16.
14. *Russkii konservatizm serediny XVIII – nachala XX veka: ehntsiklopediya* [Russian Conservatism of the Mid 18th – Early 20th Century: Encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 639 p.
15. *Ustav Astrahanskogo Russkogo Patrioticheskogo Obshchestva* [Charter of the Astrakhan Russian Patriotic Society]. Astrakhan, 1907, 16 p.
16. Platonov O.A., ed., Stepanov A.D., Ivanov A.A., comp. *Chernaya sotnya. Istoricheskaya ehntsiklopediya 1900–1917* [The Black Hundred. Historical encyclopedia 1900–1917]. Moscow, 2008, 640 p.

ELIZAVETA M. MIKHAILOVA – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Russia, Cheboksary (lizamem@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6035-9571>).

Формат цитирования: Михайлова Е.М. Образование и деятельность Астраханского русского патриотического общества в начале XX века // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 84–91. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-84-91.

УДК 94:329
ББК 63.3(2)

Е.М. МИХАЙЛОВА

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АСТРАХАНСКОЙ НАРОДНО-МОНАРХИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (по материалам газеты «Русская правда»)

Ключевые слова: Астраханская народно-монархическая партия, общественно-политическая деятельность, «Русская правда», правая газета, начало XX века.

Интенсификация политической борьбы между сформировавшимися в начале XX в. политическими партиями и организациями способствовала появлению периодических партийных изданий как трансляторов их идеологических позиций и общественно-политической практики. Вскоре после создания Астраханской народно-монархической партии начинает издаваться ее печатный орган «Русская правда», первый номер которой вышел в октябре 1906 г. Газета, тираж которой доходил до 6000 экземпляров, получила широкую популярность и за пределами Астраханской губернии.

Цель исследования – анализ основных направлений общественно-политической деятельности Астраханской народно-монархической партии, нашедших отражение на страницах «Русской правды» как регулярного печатного органа известной не только в Поволжье, но и всей России правомонархической партии.

Материалы и методы. Основными методами исследования стали историко-генетический, ретроспективный и проблемный методы с опорой на методологические принципы историзма, системности и объективизма, позволившие целостно проанализировать номера регулярного печатного органа Астраханской народно-монархической партии «Русская правда», для освещения основных направлений деятельности рассматриваемой партии.

Результаты исследования. На основе анализа номеров партийного печатного органа – основной периодической газеты «Русская правда», издававшейся в 1906–1911 гг., – в статье рассмотрены основные направления общественно-политической деятельности известной в начале XX в. Астраханской народно-монархической партии, придерживающейся четко выраженной консервативной позиции, и ее целевые установки. Выделены тематические направления, связанные с численностью партии, с ее внутрипартийным организационным управлением, партийной этикой и правилами поведения членов партии в отношениях с другими партиями и населением. Проанализированы отражавшиеся в газете основные способы политической борьбы данной партии с революционными силами в контексте Первой русской революции. На основе материалов печати рассмотрены позиция и тактика Астраханской народно-монархической партии в период избирательных кампаний во II и III Государственные думы. Определены приоритеты деятельности созданных при астраханской правоконсервативной партии общественных организаций. Рассмотрен характер отношений Астраханской народно-монархической партии с властями, затронута тематическое содержание статей, приведших к конфискации ряда номеров «Русской правды».

Выводы. Периодический печатный орган Астраханской народно-монархической партии «Русская правда» позволяет конкретизировать идеологические позиции и определить основные направления общественно-политической деятельности данной партии. В этом аспекте газета стала важнейшим средством информационной коммуникации и источником трансляции общественным массам политических воззрений и общественно-политической практики Астраханской народно-монархической партии.

Активизация борьбы, последовавшая за появлением на политической арене России множества политических партий, потребовала от последних использования печатных средств для трансляции своих идеологических воззрений. Большинство партий стало издавать свои периодические печатные органы, ставшие их политическими рупорами. Через них, в значительной степени, осуществлялись связи партий с общественными массами. Аналогичная ситуация

наблюдалась в Астраханской народно-монархической партии (АНМП), одной из ведущих правоконсервативных партий в поволжском регионе.

Цель данного исследования – опираясь на материалы газеты «Русская правда», проанализировать основные направления общественно-политической деятельности известной и авторитетной в регионе АНМП, приоритеты ее мировоззренческих позиций.

Материалы и методы. Источниками для анализа стали газетные номера основного печатного органа АНМП «Русская правда», дающие довольно широкое представление о формах и направлениях политической идеологии и практики рассматриваемой партии. Основными методологическими принципами исследования стали принципы историзма, системности, объективизма. Используемые при этом историко-генетический, ретроспективный, проблемный методы позволяют комплексно показать отражение в газете идеологических воззрений партии, спектр ее социально-политической деятельности.

Результаты исследования. Сразу же после своего основания АНМП начала издавать свою газету «Русская правда». Первый ее номер вышел 26 октября 1906 г. [1. С. 289; 5. С. 639; 42. С. 41]. Редактором газеты в 1906 г. был А.Е. Руднев, в последующие годы ими становились В.А. Петухов (1907 г.), А.С. Скрыгина (1909 г.), М.М. Медведев (с 1910 г.). Редактором-издателем газеты являлся председатель АНМП Н.Н. Тиханович-Савицкий.

Довольно быстро «Русская правда», издававшаяся в Паровой новой русской типографии г. Астрахани, завоевала популярность у читательской аудитории, о чем свидетельствовал тираж газеты, доходивший иногда до 6 000 экземпляров. Газета распространялась и в других губерниях России. О популярности газеты говорил тот факт, что, когда в силу ряда причин газета прекратила свой выпуск с июля до декабря 1910 г., для возобновления ее издания из разных городов стали поступать пожертвования, в том числе из Москвы, Ковно, Тулы, Н. Новгорода, Петербурга, Екатеринодара, Грозного, Костромы, Владикавказа, Оренбурга, Харькова и других российских городов [41].

Одним из важнейших рассматриваемых блоков в «Русской правде» стала тема программтики. Кроме подготовки программы и устава, АНМП старалась разъяснить основную свою платформу действий через свой орган печати. В этом аспекте разъяснения программных положений «Русская правда» конкретизировала те концептуальные установки, которые выражала и защищала партия. В частности, в 51-м номере газеты за 1907 год «Русская правда» четко определяла те положения, которые составляли концепцию партии. Газета писала, что она «будет бороться с теми, кто хочет навязать русскому народу **НЕ РУССКУЮ ПРАВДУ** (выделено в тексте. – *Е.М.*): кто хочет уничтожить в русском человеке любовь к Отечеству (патриотизм), кто хочет вырвать из души его веру в Бога и преданность Царю, кто хочет внушить ему, что бесчестное – может быть честным, а все это ему незаметно и ежедневно внушают наши так называемые “освободительные” газеты; будет бороться против тех людей, которые под именем “Партии Народной Свободы” (кадет) и социалистов ведут русский народ путем тонкого обмана на разбой, на грабежи, на противление власти и велениям религии, дабы при помощи смуты захватить власть в свои нечистые руки; по-прежнему будет раскрывать весь обман учения социалистов и все мерзости той части нашей ожидавшей интеллигенции, которая под именем партии с красивыми именами “Народной Свободы” и “Мирного Обновления” **сделали Россию посмешищем всего мира** (выделено

в тексте. – Е.М.)»; «...**Россия должна быть** перестроена не на чужеземных, **а на своих родных, русских началах** (выделено в тексте. – Е.М.)» [28]. В том же номере «Русская правда» писала, что газеты и печать должны служить раскрытию злоупотреблений, «для проповеди всего честного и хорошего, а не для поддержания смуты и нравственного и политического разложения» [28].

Довольно много на своих передовицах газета размещала публикации на общественно-политические темы, которые позволяли глубже понять политическую программу астраханских правых. Газета в формате тезисных положений уточняла концептуальную установку АНМП. Из программы партии четко видно, что АНМП выступала за сохранение неограниченной самодержавной власти и единства России. Наряду с этим именно газетные публикации конкретизировали политическую платформу, высказывая свою позицию по актуальным на тот период политическим трендам. В частности, в сентябре 1907 г. «Русская правда» давала свою оценку муссируемой в российском обществе теме конституции. Она нелицеприятно для либералов писала, что «Конституция есть порабощение народа богатыми, сильными и инородцами» [25]. Также на ее страницах выдвигалась интересная для общества идея социальной народной монархии, которая в значительной степени способствовала популярности партии. «... Социально-монархическая идея государственного управления есть единственно правильная, при которой только и будет возможно осуществление благосостояния народных масс» [10], – писала «Русская правда» в ноябре 1906 г. Эту же мысль лидер партии Н.Н. Тиханович-Савицкий сформулировал в открытом письме, опубликованном в газете и адресованном председателю Союза 17 октября А.И. Гучкову [11].

Кроме концептуальных положений программтики, в газете отражались и близлежащие тактические задачи партии. В частности, в своем первом номере «Русская правда» информировала своих читателей об инициативах правых монархистов. В их числе указывались наделение «нуждающихся крестьян землей», «водворение... сильной правительственной власти», «назначение на высокие административные посты верных слуг царевых, а не крамольников», запрет чиновникам «принимать явное участие в революционном движении» и т.д. Далее там же обозначались те задачи, которые АНМП считала первоочередными на данном этапе политической борьбы с революционной смутой. Они были объединены в статье под названием «Чего должны добиваться монархисты в ближайшем будущем» и включала такие требования, как изменение избирательного закона в сторону увеличения представительства крестьян, рабочих, представителей промышленности, допуск всего населения к выборам в городскую думу, расширение полномочий органов местного самоуправления, «улучшение положения рабочих и избавления их, при помощи законов, от эксплуатации со стороны хозяев и подрядчиков», уравнивание «в правах старообрядцев с остальными русскими» и т.п. [7].

На страницах газеты давалась информация об открытии новых отделов, о динамике численности членов партии [12]. Надо отметить, что печатный материал, касающийся этого аспекта, дополняет архивные материалы о состоянии партийного состава, меняющейся численности, позволяет уточнить это применительно к конкретным периодам функционирования партии. Причем уточняются не только сведения по Астраханской губернии, отражены также информативные данные, касающиеся и соседних регионов. Газета давала также информацию о повседневной жизни партии. При открытии отделов партии в торжественной

обстановке происходило освящение хоругвей. В частности, из номера 13 за 1907 г. можно узнать об освящении хоругвей-знамен АНМП, о содержании телеграммы, отправленной Николаю II в честь этого мероприятия [16].

Немаловажное значение для эффективного управления партийной деятельностью имела организационная структура партии. Это, кстати, касалось всего правомонархического движения. В соответствии с решением III Всероссийского съезда русских людей в Киеве (1906 г.) об образовании областных управ по инициативе АНМП вскоре была создана Астраханская областная управа. Председателем ее стал Н.Н. Тиханович-Савицкий. Управа координировала объединение правых монархических кружков Астраханской губернии, Уральской области и Средней Азии. Информация об этом также нашла отражение в «Русской правде».

Интерес представляет информация о создании в конце 1906 г. АНМП охранной дружины, которая к январю 1907 г. насчитывала до сорока дружинников. В объявлении о наборе молодых людей в монархическую дружину «Русская правда» перечисляла условия приема: «готовность по первому приказу положить головы за Царя и Родину» [9]. При вступлении дружинники давали торжественную клятву служить государству, а также «за патриотическую деятельность вознаграждения не получать» [2. Д. 267. Л. 15; 7; 19; 4. С. 245]. Основной задачей дружины являлась «охрана порядка во время собраний и торжеств партии». Все торжественные мероприятия АНМП происходили в сопровождении охранной дружины, для чего комитет партии издавал соответствующие распоряжения, которые публиковались в газете.

АНМП обращала серьезное внимание на этику поведения своих членов с представителями других партий, а также с «хулиганствующими». На этот счет в газете давалась рекомендация «никоим образом не допускать в своём присутствии поношения святой церкви, религии храма Божия, священной особы Государя Императора, а также глумления и издевательства над монархистами со стороны разных хулиганов» [23]. Таких «кощунников и поносителей» предлагалось задержать при свидетелях с помощью полиции и требовать возбуждения судебного преследования против них.

Одним из значимых направлений своей деятельности АНМП считала решение рабочего вопроса. В этой части партия сформулировала свои предложения по его решению в рамках страны и отправила их председателю Совета министров. В ноябрьском номере за 1906 г. было опубликовано содержание этой телеграммы, в которой выдвигались требования об установлении минимального размера оплаты труда рабочих, введении 9-часового рабочего дня, о государственной поддержке рабочих артелей, создании системы государственного страхования и т.п. [8]. Редакционная коллегия «Русской правды» выдвигала требование о том, что «рабочие не должны быть пролетариями и должны стремиться к образованию своих собственных артельных предприятий», в чем им должна была быть оказана помощь со стороны государства [28]. Вскоре партия стала инициатором создания Отдела Союза русского народа АНМП русских служащих на астраханских рыбных промыслах. Отдел был создан в июне 1908 г. с целью «противодействовать революционной, разоряющей русское население пропаганде на промыслах, неизменно поддерживаемой евреями», «для мирной борьбы с евреями..., вытесняющими русских служащих» [34]. Деятельность этого Отдела неоднократно освещалась в правой астраханской прессе.

Предметом неоднократного обсуждения в комитете партии становился также вопрос упорядочения рыбного промысла в регионе. При АНМП в 1908 г. была создана особая комиссия по рыбным вопросам [2. Д. 155. Л. 69; 3. Д. 7. Л. 3; 35]. Деятельность созданной по рыбному вопросу комиссии довольно широко освещалась на страницах «Русской правды». Здесь можно почерпнуть сведения о лицах, избранных в эту комиссию, об обсуждаемых на ее заседаниях вопросах, о принятых решениях. В 14-м номере газеты от 25 апреля 1908 г. был помещен обстоятельный доклад этой комиссии, работавшей с 29 января по 6 марта 1908 г. В контексте такого подхода прозвучал помещенный в «Русской правде» и довольно радикальный для правомонархических организаций текст ходатайства о передаче выкупленных в казну частных рыболовных вод «в пользование занимающихся личным рыболовным трудом». Ходатайство было обсуждено на открытом собрании АНМП, на котором присутствовало до 5 000 человек, и отправлено председателю Совета министров [14; 15]. Надо отметить, что на страницах «Русской правды» данное требование поднималось неоднократно.

Созданная в годы революционной стихии газета не могла обойти острые вопросы политической борьбы революционного периода. На ее страницах немало сведений о накале противостояния между революционными и контрреволюционными силами не только в Астраханской губернии. В условиях Первой русской революции партия неоднократно печатала ходатайства перед Советом министров о необходимости «принять решительные меры к прекращению убийств и покушений», к реорганизации полиции, обузданию «революционной подстрекательской печати», просила обратить внимание на «попустительство судебных властей революционерам» [14; 15]. В случае забастовок работников, в частности, судебных команд Астрахани, АНМП со страниц своей газеты предлагала использовать практику замены бастующих членами партии [18].

Когда в честь праздника самодержавия 17 февраля 1908 г. члены АНМП надели ленты с русскими национальными цветами и были высмеяны за это в местной газете «Волга» в оскорбительной статье, на общем собрании партии были приняты постановления о ходатайстве перед астраханским губернатором И.Н. Соколовским о привлечении редактора «Волги» к ответственности и необходимости защиты русских национальных цветов и символов государства – флага и государственного герба – «от поругания их словесною и печатью», а также постановки этого вопроса на государственном уровне. Для этого предлагалось довести информацию обо всем этом до императора и ходатайствовать перед ним о «защите национального достоинства и национальной чести России» [32]. Все эти решения были опубликованы в печати.

Революционная борьба левых сил против власти сопровождалась различными «эксами», террором и вооруженными столкновениями. В противодействии революционным силам, как считали правые, важную роль должны были играть полицейские структуры, их профессионализм, подготовленность. В связи с этим на заседаниях комитета АНМП неоднократно обсуждался вопрос о перевооружении полиции. В частности, 13 января 1908 г. комитет партии направил в астраханскую городскую управу заявление, в котором указывал, что «по всей России идет стрельба со стороны анархистов, всяких экспроприаторов и просто разбойников», что «все они запаслись более или менее усовершенствованным огнестрельным оружием» [31]. При таком положении дел партия считала насущным вопрос о перевооружении полиции и профессиональной подготовке полицейских. Отметим, что этот вопрос поднимался

астраханскими правыми еще в августе 1907 г. на съезде уполномоченных правых отделов, когда было выдвинуто требование о необходимости «учить и стражников, и городских стрелять», выдавать им нужное количество патронов для практической подготовки и снабдить качественными револьверами [24].

АНМП была той монархической партией, которая одна из первых организовала и провела губернский съезд монархистов. Он состоялся 25–29 августа 1907 г. Через газету комитет партии дал объявление о предстоящем съезде, приглашая на него председателей отделов АНМП или их уполномоченных, руководителей монархических кружков, землевладельцев и тех, кто заинтересован «в развитии и в укреплении русской национальной идеи и патриотизма» [22]. Наряду с объявлениями и приглашениями, газета знакомила читателей с основными задачами съезда и вынесенными на его повестку вопросами. В их числе отмечались такие, как выборы в III Государственную думу, борьба с «вредной пропагандой» партии «Народная свобода», пути и средства развития монархического движения, оформления их в консолидированную силу, «неотложные нужды населения в губернии» [б. л. 2–3]. На страницах печатного органа были освещены и основные итоги съезда, его решения и постановления.

Формирование Государственной думы и внедрение в политическую систему страны института парламентаризма потребовало и от правых партий участия в избирательной компании. На страницах своего печатного органа партия отражала ход избирательной компании, публиковала списки выборщиков и кандидатов, параллельно используя газету для освещения своей избирательной платформы и отношений с другими политическими кандидатами. Перед выборами во II Государственную думу комитет партии через газету давал конкретные распоряжения по объяснению порядка выборов с указанием адресов размещения избирательных участковых комитетов [17]. Здесь же помещалась информация о выборщиках, поддерживаемых партией. Итоги выборов были опубликованы в газете, их результаты были обсуждены на общем собрании партии в начале февраля 1907 г. Позже комитет партии ходатайствовал перед царем о роспуске II Государственной думы [19]. Последовавший в июне 1907 г. роспуск Думы был полностью поддержан АНМП. По этому поводу партия опубликовала в своей газете копии телеграмм председателя СРН А.И. Дубровина и Н.Н. Тихановича-Савицкого о поддержке данного решения [21]. И в последующем газета информировала своих читателей о ходе выборов в III Думу, печатала списки выборщиков от Астраханской губернии. Здесь же освещалась позиция партии по отношению к октябристам в вопросе о возможности предвыборного соглашения с ними. Позиционируя себя как твердого сторонника неограниченного самодержавия, астраханские монархисты подчеркивали, что они пойдут на подобный союз только в том случае, если октябристы признают самодержавную и неограниченную власть монарха и «откажутся от своего желания дать равноправие евреям» [23].

Правые партии и организации, в том числе АНМП, серьезное внимание уделяли школьному образованию. Наряду с требованиями корректировки учебного процесса и направленности учебных дисциплин, партия предпринимала меры по открытию патриотических школ. В 1907 г. комитет АНМП постановил «принять меры к созданию русской патриотической интеллигенции путем скорейшего открытия во всех губернских и крупных городах России» учебных заведений Союза русского народа (СРН) [27]. В этих целях предполагалось объединиться со столичными монархическими организациями и образовать

комиссию для разработки программы действий в этом направлении. В газете в открытом доступе печатались обращения к премьер-министру П.А. Столыпину об упорядочении системы высшей и средней школы с требованием заменить университетское начальство и директоров школ патриотически настроенными педагогами [30]. После открытия в 1906 г. АНМП монархической школы на страницах газеты регулярно освещалась ее деятельность, давалась информация о распорядке дня школы. Партия через прессу неоднократно обращалась к местным властям с просьбой об оказании материальной помощи курируемой ею школе, регулярно сообщала о суммах пожертвований, поступавших на функционирование школы. Из газеты также можно почерпнуть сведения о других направлениях работы партии на ниве просветительства и образования. Газета объявляла об открытии бесплатных народных читален при партии, о выписываемых для них газет, журналов и книг духовно-нравственного и патриотического содержания [8].

Значительный материал приводится в газете о работе правых по открытию и деятельности курируемых ими общественных организаций. В 1906 г. при партии было создано Православное братство Животворящего Креста Господня. Целью его было «объединение прихожан для противодействия смуте при помощи устного и печатного слова», укрепление начал русской народности [7]. При Братстве была открыта школа, а в помещении школы располагалась бесплатная народная читальня, для которой выписывались книги и газеты монархического содержания. Газета дает информацию о связях партии с русским просветительским обществом «Русская православная читальня», действовавшим в г. Серет Австрии. Руководство читальни просило астраханских правых помочь им в оснащении литературой и газетами народно-патриотического направления [13].

В сентябре 1907 г. по инициативе АНМП состоялось открытие Астраханского русского патриотического общества (АРПО), призванного заниматься просвещением населения. «Русская правда» обстоятельно рассказала об открытии Общества, его целях, лицах, принимавших участие в этом [26]. В последующих номерах газеты неоднократно печаталась информация о деятельности АРПО, о совместной работе последнего с Кирилло-Мефодиевским братством на ниве религиозно-духовного просвещения [29]. Газета сообщала о поддержке партией инициатив АРПО по строительству часовни, использованию епархиальной библиотеки для духовно-просветительской работы с местным населением [29].

На своих страницах газета поднимала злободневные вопросы повседневной жизни. Так, в одном из номеров «Русской правды» было опубликовано постановление комитета АНМП об обращении к астраханскому губернатору с просьбой принять меры против повышения цен на хлеб и муку [26]. Кстати, подобные требования партии стали довольно регулярными в годы Первой мировой войны. АНМП не обходила и другие дела, связанные с жизнью города. Например, в соответствии с решением комитета партия внесла в городскую управу предложение об устройстве водопроводной будки [20].

Многие общественные организации в начале XX в. поднимали вопрос о распространении алкоголизма в стране. Довольно активно работали в этом направлении Общества трезвости. Актуальный для общества вопрос не был обойден и АНМП. В соответствии с постановлением общего собрания партии от 30 декабря 1907 г. комитет партии обратился к астраханскому губернатору

с просьбой принять меры к запрету «тайной продажи спиртных напитков» и отпуску «из казенных военных лавок... лицам, не имеющим на то права» [30]. Этот вопрос был ранее обсужден на съезде астраханских правых в 1907 г.

Газета дает широкую информацию о поддержке астраханскими правыми известных деятелей общероссийского правомонархического движения. Когда в 1906 г. начались нападки на председателя Русской монархической партии В.А. Грингмута за выраженные в твердой форме в подготовленном им «Руководстве черносотенца-монархиста» консервативные взгляды, председатель партии Н.Н. Тиханович-Савицкий поместил в «Русской правде» текст телеграммы, адресованной министру юстиции, со словами: «Общее собрание Астраханской народной монархической партии, состоявшееся 31 декабря, при наличности 3 000 человек постановило просить Ваше Высокопревосходительство о предании суду всех членов партии, так как мы все исповедуем те же взгляды, за которые привлечен к ответственности председатель Русской монархической партии в Москве Владимир Андреевич Грингмут и считаем своим долгом и обязанностью встать на защиту Самодержавного Царя Нашего и отечества против мятежников...» [14]. В этом же номере газеты была размещена телеграмма в адрес В.А. Грингмута о поддержке его АНМП.

В 1908 г. епископ Саратовский и Царицынский Гермоген, председатель саратовского Православного всероссийского братского союза русского народа, был удален с саратовской кафедры. Н.Н. Тиханович-Савицкий морально поддерживал его, размещая в партийном органе текст всеподданнейшего адреса императору, в которой выражал свое сочувствие владыке и подчеркивал его заслуги в работе «по поднятию духа патриотизма» в Саратовской губернии [36].

В то же время отношения между АНМП и властями, как местными, так и столичными, развивались весьма непросто. Нередко на страницах своей газеты партия резко критиковала властные структуры, обвиняя их в неэффективной постановке дела в экономической сфере, в преобладании в системе государственного управления и образования либерально настроенных чиновников и «воспитанной в нерусских понятиях интеллигенции» [28]. На страницах газеты размещались иногда перепечатки со столичной периодики, критикующие высшие органы власти. К примеру, в номере от 11 января 1907 г. была помещена статья с названием «Юстиция и Министерство просвещения помогают революционерам». За противоправительственные статьи «Развращение детей и женщин с разрешения правительства», «Бессознательная подготовка революции Столыпиным и октябристами» и другие подобного рода материалы ряд номеров газеты был конфискован [2. Д. 156. Л. 1-14; 3. Д. 2. Л. 30; Д. 7. Л. 20].

Конфискации подверглись и другие номера газеты. В частности, был конфискован № 58 от 13 декабря 1907 г. за статью «Жид поставлен во главе всего рыбного дела в России». В 1908 г. были конфискованы № 2, 5, 11, 12, 13, 15, 17, из которых на номера 11, 13, 15, 17 был отменен наложенный на них арест. Впоследствии были конфискованы номера 44 за 1908 г., 3 и 4 за 1909 г. 15-й номер за 1909 г. был арестован за несколько статей: «Читайте и понимайте», в которой говорилось об удалении с важных постов патриотов-генералов и указывалось на существование «тонко задуманного и ловко осуществляемого адского плана», «Возмутительная политика», в которой «осуждались распоряжения правительства, способствующие поддержке персидских бунтовщиков против шаха» и «Жиды в Астраханской гимназии», в которой П.А. Столыпин, военный министр В.А. Сухомлинов и министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев

были названы «жидолюбями». Аресту подверглись и номера 16, 25, 27 за 1909 г. 25-й номер был конфискован за статью «Не волнуйтесь», где осуждалась политика П.А. Столыпина. Конфискации подверглись номера газет и в 1910 г. – 2, 4, 5.

В печати широко освещалось также разбирательство в астраханском окружном суде дела временного редактора «Русской правды» А.Е. Руднева по обвинению его в напечатании в данной газете подзаголовка «Новые Основные Законы, как идущие вразрез со всеми манифестами Государя Императора и как внесшие в умы населения полнейший разлад и т.д., должны быть изменены». Этому процессу были посвящены заметка «Преступление или оплошность?» [33] и опубликованная сначала в «Русском знамени», а потом перепечатанная в «Русской правде» статья «Преступление или заслуга?» [37]. Несколько номеров газеты посвящалось освещению судебных тяжб, связанных с председателем АНМП Н.Н. Тихановичем-Савицким в связи с опубликованными в «Русской правде» статьями, в которых он критиковал власти [38–40].

Выводы. Таким образом, можно сделать вывод о том, что газета «Русская правда» стала важнейшим средством информационно-коммуникативной связи с массами, транслятором идеологических воззрений и общественно-политической деятельности АНМП. Как печатный орган партии, она являлась довольно информативным источником информации о деятельности данной партии, формируя о себе и позиционируя АНМП как защитницу традиционных устоев и идей социальной монархии. Размещенные на ее страницах материалы освещали основные направления общественно-политической практики астраханских монархистов, их повседневную жизнь, отношения с местными и центральными властями. Несмотря на ее определенный субъективизм как выразителя конкретного политического течения, газета дает возможность понять спектр взаимоотношений политических сил в регионе в начале XX в., раскрыть накал политической борьбы в рассматриваемый период.

Литература

1. *Антропов О.К.* Русское праворадикальное движение (1905-1945 гг.). Ч. 1. Черная сотня и русский национализм в 1905-1917 гг. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2022. 392 с.
2. Государственный архив Астраханской обл. (далее – ГАОО). Ф. 1. Оп. 19.
3. ГАОО. Ф. 745. Оп. 1.
4. *Платонов О.А.* Терновый венец России. История Русского народа в XX веке: в 2 т. М.: Родник, 1997. Т. 1. 896 с.
5. Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / сост. А.А. Иванов, А.Д. Степанов. СПб.: Царское дело, Русская народная линия, 2015. 736 с.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 187. Г. 1907. Д. 117.
7. Русская правда. 1906. 26 окт.
8. Русская правда. 1906. 2 нояб.
9. Русская правда. 1906. 9 нояб.
10. Русская правда. 1906. 16 нояб.
11. Русская правда. 1906. 23 нояб.
12. Русская правда. 1906. 14 дек.
13. Русская правда. 1907. 4 янв.
14. Русская правда. 1907. 11 янв.
15. Русская правда. 1907. 18 янв.
16. Русская правда. 1907. 25 янв.
17. Русская правда. 1907. 27 янв.
18. Русская правда. 1907. 22 марта.
19. Русская правда. 1907. 29 марта.
20. Русская правда. 1907. 22 апр.

21. Русская правда. 1907. 14 июня.
22. Русская правда. 1907. 28 июня.
23. Русская правда. 1907. 5 июля.
24. Русская правда. 1907. 6 сент.
25. Русская правда. 1907. 13 сент.
26. Русская правда. 1907. 28 сент.
27. Русская правда. 1907. 12 окт.
28. Русская правда. 1907. 26 окт.
29. Русская правда. 1907. 18 нояб.
30. Русская правда. 1908. 3 янв.
31. Русская правда. 1908. 31 янв.
32. Русская правда. 1908. 6 марта.
33. Русская правда. 1908. 25 марта.
34. Русская правда. 1908. 11 июня.
35. Русская правда. 1908. 10 июля.
36. Русская правда. 1908. 30 окт.
37. Русская правда. 1908. 28 нояб.
38. Русская правда. 1909. 9 нояб.
39. Русская правда. 1910. 1 июля.
40. Русская правда. 1911. 6 янв.
41. Русская правда. 1911. 13 янв.
42. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. 639 с.

МИХАЙЛОВА ЕЛИЗАВЕТА МИХАЙЛОВНА – доктор исторических наук, доцент, профессор, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Россия, Чебоксары (lizamem@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6035-9571>).

Elizaveta M. MIKHAILOVA

**THE MAIN DIRECTIONS OF SOCIO-POLITICAL ACTIVITY
OF ASTRAKHAN PEOPLE'S MONARCHIST PARTY
(based on the materials of the «Russkaya Pravda» newspaper)**

Key words: Astrakhan People's Monarchist Party, socio-political activity, «Russkaya Pravda», right-wing newspaper, the beginning of the XX century.

Intensification of the political struggle between political parties and organizations formed at the beginning of the XX century necessarily contributed to the emergence of periodic party publications as translators of their ideological positions and socio-political practice. Soon after the creation of Astrakhan People's Monarchist Party, its printing organ, the «Russkaya Pravda», began to be published, the first issue of which was published in October 1906. The newspaper, which had a circulation of up to 6,000 copies, became widely popular outside Astrakhan governorate.

The purpose of this study is to analyze the main directions of socio-political activity of Astrakhan People's Monarchist Party, reflected on the pages of «Russkaya Pravda» as a regular print organ of the right-monarchist party, known not only in the Volga region, but throughout Russia.

Materials and methods. The main research methods were historical-genetic, retrospective and problematic methods based on the methodological principles of historicism, systematics and objectivism, which made it possible to perform a holistic analysis of the issues of the regular printing organ of Astrakhan People's Monarchist Party «the Russkaya Pravda» to highlight the main activities of the party in question.

Research results. Based on the analysis of the issues of the party press organ, the article examines the main directions of socio-political activity of Astrakhan People's Monarchist Party, gives prominence to the main thematic blocks that reveal the activities of the well-known at the beginning of the XX century Astrakhan People's Monarchist Party, which stood on a clearly expressed conservative position. The reflection and concretization of the party's objectives in the newspaper are

shaded. Thematic areas related to the size of the party, its internal party organizational management, party ethics and rules of conduct for party members in relations with other parties and the population are given prominence. The main ways of this party's political struggle with revolutionary forces reflected in the newspaper in the context of the First Russian Revolution are analyzed. Based on the materials of the press, the position and tactics of Astrakhan People's Monarchist Party during the election campaigns to the II and III State Dumas are considered. The priorities of the activities carried out by public organizations created under Astrakhan right-wing Conservative Party are reflected. The nature of relations between Astrakhan People's Monarchist Party and the authorities is considered, the thematic content of the articles that led to confiscation of a number of the «*Russkaya Pravda*» issues is touched upon.

Conclusions. The periodical press organ of Astrakhan People's Monarchist Party, «*Russkaya Pravda*», makes it possible to specify the ideological positions and determine the main directions of this party's socio-political activities. In this aspect, the newspaper became an important means of information communication and a source of translating to the public the political views and socio-political practices of Astrakhan People's Monarchist Party.

References

1. Antropov O.K. *Russkoye pravoradikal'noye dvizheniye (1905–1945 gg.). Ch. 1. Chernaya sotnya i russkiy natsionalizm v 1905–1917 gg.* [Russian right-wing radical movement (1905–1945). Part 1. The Black Hundred and Russian nationalism in 1905–1917]. Astrakhan, 2022, 392 p.
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrahanskoy oblast. Fond. 1. Opis' 19* [State Archives of the Astrakhan Region. Archive 1. Anagraph 19].
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrahanskoy oblast. Fond 745. Opis' 1* [State Archives of the Astrakhan Region. Archive 745. Anagraph 1].
4. Platonov O.A. *Ternovyy venets Rossii. Istoriya Russkogo naroda v XX veke: v 2 t.* [Russia's crown of thorns. History of the Russian people in the twentieth century. 2 vols.]. Moscow, Rodnik Publ., 1997, vol. 1, 896 p.
5. Ivanov A.A., Stepanov A.D., comp. *Pravaya Rossiya. Zhizneopisaniya russkikh monarhistov nachala XX veka* [Right Russia. Biographies of Russian monarchists of the early 20th century]. St. Petersburg, 2015, 736 p.
6. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. Fond 1284. Opis' 187. God 1907. Dokument 117.* [Russian state historical archive. Archive 1284. Anagraph 187. 1907. Document 117].
7. *Russkaya pravda*, 1906, Oct. 26.
8. *Russkaya pravda*, 1906, Nov. 2.
9. *Russkaya pravda*, 1906, Nov. 9.
10. *Russkaya pravda*, 1906, Nov. 16.
11. *Russkaya pravda*, 1906, Nov. 23.
12. *Russkaya pravda*, 1906, Dec. 14.
13. *Russkaya pravda*, 1907, Jan. 4.
14. *Russkaya pravda*, 1907, Jan. 11.
15. *Russkaya pravda*, 1907, Jan. 18.
16. *Russkaya pravda*, 1907, Jan. 25.
17. *Russkaya pravda*, 1907, Jan. 27.
18. *Russkaya pravda*, 1907, March 22.
19. *Russkaya pravda*, 1907, March 29.
20. *Russkaya pravda*, 1907, April 22.
21. *Russkaya pravda*, 1907, June 14.
22. *Russkaya pravda*, 1907, June 28.
23. *Russkaya pravda*, 1907, July 5.
24. *Russkaya pravda*, 1907, Sept. 6.
25. *Russkaya pravda*, 1907, Sept. 13.
26. *Russkaya pravda*, 1907, Sept. 28.
27. *Russkaya pravda*, 1907, Oct. 12.
28. *Russkaya pravda*, 1907, Oct. 26.
29. *Russkaya pravda*, 1907, Nov. 18.
30. *Russkaya pravda*, 1908, Jan. 3.
31. *Russkaya pravda*, 1908, Jan. 31.
32. *Russkaya pravda*, 1908, March 6.
33. *Russkaya pravda*, 1908, March 25.
34. *Russkaya pravda*, 1908, June 11.

35. *Russkaya pravda*, 1908, July 10.
36. *Russkaya pravda*, 1908, Oct. 30.
37. *Russkaya pravda*, 1908, Nov. 28.
38. *Russkaya pravda*, 1909, Nov. 9.
39. *Russkaya pravda*, 1910, July 1.
40. *Russkaya pravda*, 1911, Jan. 6.
41. *Russkaya pravda*, 1911, Jan. 13.
42. *Russkiy konservatizm serediny XVIII – nachala XX veka: entsiklopediya* [Russian conservatism of the mid-18th – early 20th centuries: encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 639 p.

ELIZAVETA M. MIKHAILOVA – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Russia, Cheboksary (lizamem@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6035-9571>).

Формат цитирования: Михайлова Е.М. Основные направления общественно-политической деятельности Астраханской народно-монархической партии (по материалам газеты «Русская правда») // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 92–103. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-92-103.

УДК 392.51
ББК 63.529

Л.И. НИКОНОВА, С.Д. ТРИБУШИНИНА

ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ МОРДВЫ: ИЗ ИСТОРИИ ТРАДИЦИЙ СЕЛЬСКОГО БЫТА

Ключевые слова: транспортные средства передвижения, свадьба, традиция, мордва, сельский быт.

Возрастающий интерес к многообразию традиций жизнеобеспечения на селе в этнотуризме и в сфере сохранения культурного наследия для подрастающего поколения делает актуальным научные изыскания в области применения тех или иных средств в обрядовой культуре. Свадебная обрядность с участием традиционных транспортных средств передвижений и их элементов является одной из наиболее привлекательных для изучения и воспроизведения. Научная новизна исследования обусловлена отсутствием комплексного анализа роли транспортных средств передвижения в свадебной обрядности у мордовского населения в Республике Мордовия и за ее пределами.

Цель исследования – провести комплексный анализ использования средств передвижения, их элементов и образов в системе свадебного обряда мордвы на территории Поволжья.

Материалы и методы. В статье проанализированы данные по участию транспортных средств передвижения в свадебной обрядности у мордовского населения, полученные из научно-исследовательской литературы и полевых сведений, собранных как в Республике Мордовия, так и в этнографических экспедициях в Саратовской области. Были применены методы историзма, типологизации и сравнительно-сопоставительный.

Результаты исследования. Выявлена терминология транспортных средств и их составляющих, содержащаяся в историко-этнологическом и лингвистическом материале: наименования, связанные с обустройством свадебного поезда (названия свадебных кибиток («он-ава», «онавас», «онавать алу», «онавать фталу»), участников процесса («ава-куда», «атя-куда», «анда»), предметов, украшавших транспорт «вельхдэрда», «гарни», «громок»), и др.). Проанализированы этапы свадьбы, в процессе осуществления которых использовался транспорт: поездка невесты к родственникам для подготовки приданого, приезд свахи к жениху, свадебный поезд и др. В статье приводятся фольклорные произведения, подтверждающие использование транспортных средств разных видов (лошадей, телег, саней и т.д.).

Выводы. Анализ свадебного обряда показал, что мордва активно использовала транспортные средства разного типа в процессе его проведения. Определенная роль отводилась лошади (для всадника и в запряжке, например, цугом; как тягловой силе для перевозки людей, вещей, продуктов и т.п.) и упряжи (кнут, сбруя, вожжи и т.п.), санно-колесным (сани, телеги) группам традиционных средств передвижения (розвальни, кибитка, карета, дрожки и др.).

Введение. Свадебная обрядность мордовского населения всегда привлекала внимание путешественников, краеведов, ученых. Широкий спектр источников, научно-популярной и научной литературы содержит подробное описание материальной и духовной культуры мордовского населения, в том числе системы свадебных обрядов во всем ее многообразии.

Мордва – один из самых многочисленных по численности финно-угорских народов Российской Федерации, отличающихся значительной дисперсностью расселения. Третью мордовского населения страны проживает в Республике Мордовия (290 750 человек). Это обуславливает разнообразие элементов материальной культуры, применяемой как в быту, так и в обрядовой системе. В статье освещается роль транспортных средств передвижения в свадебной

обрядности сельской мордвы, расселенной на коренной территории мордовского края и в регионах Поволжья.

Материалы и методы. Для изучения транспортных средств передвижения в свадебной обрядности применялся метод историзма, предполагающий анализ истории применения транспортных средств передвижения в свадебной обрядности в динамике, типологизации транспортных средств передвижения мордвы, изученных ранее и дополненных современными изысканиями, а также сравнительно-сопоставительный метод с привлечением данных об изменениях роли и видов транспортных средств передвижения в свадебной обрядности мордвы на коренной территории проживания и в Поволжье. Выявлены особенности их распространения, обусловленные дисперсным расселением мордовского народа, нехарактерной природно-климатической и этнокультурной средой проживания, изменениями социально-экономических и бытовых реалий.

К числу работ по свадебной обрядности мордовского населения с освещением участия традиционных транспортных средств передвижения относятся публикации М.Е. Евсевьева, М.Т. Маркелова, А.А. Шахматова [1, 2, 5, 18]. Из работ зарубежных исследователей, обратившихся к изучению народного опыта жизнеобеспечивающей деятельности, используя применительно к антропологии данные естественных наук, психологии и медицины, следует указать работы Т. Ингольда, Дж.М. Фостера, М. Хоппала [21–23]. Некоторые сведения об участии транспортных средств передвижения в свадебной обрядности у мордовского населения освещаются современными региональными учеными: Л.И. Никоновой, Т.Н. Охотиной, Т.П. Федянович и др. [12, 15, 16]. Были использованы полевые данные, собранные как в Республике Мордовия, так и в этнографических экспедициях в Саратовской области, с привлечением архивов, где был представлен материал этнографических экспедиций, проводившихся в начале и середине XX в. в Поволжье.

Цель исследования – провести комплексный анализ использования транспортных средств и их составляющих в свадебной обрядности мордвы, расселенной на коренной территории мордовского края и в регионах Поволжья.

Результаты исследования. Рост интереса к народным транспортным средствам связан с тенденцией к воспроизведению элементов традиционной обрядности в свадебной церемонии (действ, песнопений, игровых зрелищных мероприятий) и развитием этнотуризма. Вопросами изучения народного транспорта наиболее активно стали заниматься в 50-е гг. XX в. Значительный вклад в типологизацию традиционных способов передвижения внесли А.С. Бежкович, С.К. Жегалова, А.А. Лебедева, С.К. Просвиркина [17]. В мордовской этнографии специальные работы, анализирующие роль транспортных средств в жизни мордвы, отсутствуют. Их упоминание в трудах исследователей мордовского народа разрозненны. Подробное описание свадебного обряда, в том числе применение в них средств передвижения, содержится в трудах М.Е. Евсевьева [1, 2], упоминания о транспорте, преимущественно лошадях, присутствуют в фольклоре, отдельные сведения извлечены из научного архива Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НИИГН) (полевые материалы, собранные сотрудниками в разные годы) и монографий «Мордва: историко-этнографические исследования», «Мордва Заволжья» [9, 10], терминология отражена в мордовских словарях и др.

Разнообразные виды средств передвижения у мордвы и соседних с ними народов обусловлены особенностями природно-географической и климатической среды. В крестьянском быту и обрядовой жизни, в том числе во время проведения свадебных обрядов, использовались разные виды полозьевого и колесного транспорта в зависимости от целей их применения и времени года. Традиционные средства в процессе осуществления этапов свадьбы играли важную роль, непосредственно обеспечивая передвижение (проезд, доставка пищи, предметов быта) многочисленных компонентов свадебного обряда, чем обусловлено косвенно их упоминание в песнях, причитаниях невесты и т.д. В исследовательской литературе зафиксирована роль лошади (для всадника и в запряжке, как средство для перевозки людей, вещей, продуктов и т.п.) и упряжи (кнут, сбруя, вожжи и т.п.), санно-колесных (сани, телеги) групп с их разнообразием (розвальни, кибитка, карета, дрожки и др.), традиционных средств передвижения.

Анализируя проблему применения транспорта в сфере свадебных обрядов, в первую очередь следует обратиться к лингвистической стороне вопроса. В мордовских (мокшанском и эрзянском) языках присутствует значительный пласт терминологии, свидетельствующей о применении в процессе свадьбы именно средств передвижения. Наиболее полные сведения о них содержатся в трудах М.Е. Евсевьева, и лингвистических, и этнографических. В словаре «Эрзянь рузонь валкс» [2] приводятся наименования участников свадьбы: «ава-куда» (поезжанин-женщина); «атя-куда» (поезжанин-мужчина) [2. С. 7]; «анда» (поезжанин, член свадебного поезда жениха) [2. С. 21, 29]. С глаголами «поехали», «ездить», «приехали» и т.д. связаны слова «аштеме» (э.), «вельхдэрда» (м.), «гуська» (э.), «жойнемс» (э.), «казнеть-ловмат» (э.), «шольнямс» (м.), «килемс» (м.) и др., которые содержатся в названиях этапов и процессов свадебного обряда. Например, «молян ащеке» (э.), «аши конакыкс» (м.) – процесс отъезда девицы на месяц в гости к родственникам с целью подготовить больше приданого [2. С. 36]; фраза «кудань валгума чи» (э.) – день приезда поезжан [2. С. 54].

Источником свадебной терминологии, связанной с транспортом, являются «Мокшанско-русский словарь» и «Эрзянско-русский словарь», изданные в 1990-е гг. Например, термин «гарни» (м.) обозначает шествие свадебного поезда и колокольчики, которыми украшали дуги повозки [7. С. 140]; их также называли «громок» (м.) [7. С. 150]; «гусем» (м.) гуськом, «цугом», друг за другом – форма построения свадебного поезда [5. С. 153]; «онава, -т» (м.) свадебная повозка для переезда невесты в дом жениха [7. С. 439]; «онава» (э.) свадебная кибитка невесты с накидкой из белого материала и разноцветных лент [20. С. 438].

Исследователь М.Е. Евсевьев отмечал, что традиционная мордовская свадьба включала три основных этапа: сватовство с выполнением определенных правил, свадьбу в доме невесты, свадьбу в доме жениха. Каждый этап знаменовался использованием одного или нескольких видов транспорта.

Предваряло собственно свадьбу сватовство (м. *лекяма*, э. *чиямо*), воспроизводившее ряд последовательных действий: выбор невесты, вхождение к жениху с целью осмотра хозяйства, взаимные досвадебные одаривания, выкуп воды для пирогов, «девичья» баня для невесты, обряд приглашения гостей на свадьбу и др. Здесь из традиционных средств передвижения участвуют конь/лошадь, упряжь, сани и др. В научной литературе многократно описан старинный

обряд сватовства, бытовавший до конца XIX в., где большое значение имела лошадь. На ней отец жениха ночью отправлялся к дому жениха с отрезанной горбушкой хлеба без мякиша, заполненной медом. Он клал хлеб на воротный столб, стучал кнутом в окно, говорил хозяину дома, что приехал сватать его дочь, и уезжал. Отец и братья невесты стремились догнать его, если жених был беден, либо делали вид, что догоняют, если богат. Если им не удавалось настичь беглеца либо жених всех устраивал, то отец невесты также на лошади подъезжал к дому сватавшегося и озвучивал согласие на свадьбу. Такая форма сватовства считалась обязательной к исполнению, так как в случае нарушения договоренности, согласно мордовским верованиям, можно было получить наказание от духов-покровителей рода [15. С. 11–12]. Похожий ритуал был зафиксирован священником села Лобаски, только каравай к дому предполагаемой невесты привозил сам жених [13]. После этого в доме невесты устраивали «пропой». Существовал обычай ходить к жениху «дом глядеть», во время которого невеста с подругами обращались к свату с просьбой «на лошадях кататься по селу». Старший поезжанин катал их по улице, знакомя с дорогой к воде (к источнику), при этом он бил в барабан (в железное ведро), а по возвращении – плескал во всех водой. В завершение обряда девушки благодарили будущего свата словами: «Иях, иях, ия-ях, Иё, ваёх, ва-я-ёх! Пасиба, сват, пасиба! Серойть-буройть ракшазот, перелетнойть нурдозот / Спасибо, сват, спасибо За серых, бурых лошадей, за перелетные твои сани, за вытянутые, как проволока, вожжи...» (с. Выша, Кадышеве, Киртелях, Кильдюшеве, в дд. Починки, Новольяшевой в пределах Симбирского у.; с. Урюме Тетюшевского уезда Казанской губ.) [1. С. 10, 16, 432].

Между сватовством и свадьбой проходил довольно продолжительный период, но к концу XIX – началу XX в. он составлял до 2-3 недель. Это время было предназначено для подготовки к свадьбе, родственники жениха обговаривали окончательную дату ее проведения (м. *шинь путома*, э. *чиньпутома*), а невеста готовила приданое [9. С. 179]. Использование транспортных средств в этот период имело практический характер для передвижения между домами жениха и невесты, перемещения молодой и ее подруг в дом родственников, чтобы по истечении времени привезти обратно, доставке обрядовой пищи и др. Российский этнограф Т.П. Федянович подробно описала обряд переезда невесты с подругами к родственникам по материнской линии для прядения и вышивки свадебной одежды и подарков. Он осуществлялся на традиционном транспорте соответственно времени года, преимущественно на телеге, учитывая, что у мордвы принято было играть свадьбы в летне-осенний период. В Альметьевском и Черемшанском районах Республики Татарстан, Алатырском районе Республики Чувашия и Кармаскалинском и Бижбулакском районах Республики Башкирия с собой принято было привозить пироги и хлеба по числу недель, которые собирались гостить. Обратно с собой увозили столько же [15. С. 24].

Применялись транспортные средства и при осуществлении такого предсвадебного обряда, как мытье невесты в бане (м. *стирьбаня*, э. *тейтерень баня*) [9. С. 179]. Принятие «девичьей бани» сопровождалось исполнением причитаний и ритуальными действиями с применением средств передвижения (телеги, сани). Одним из них было катание по селу, дуги телеги или саней обвешивались колокольчиками. Во время поездки по селу подруги громко пели, а невеста причитывала. В с. Оркине Петровского у. Саратовской губ. в данном

обряде использовали сани или телегу, в которые запрягали украшенную колокольчиками лошадь. Жених дарил подругам невесты полотенца и куски холста, которые они повязывали на голову перед поездкой. Сама поездка включала остановки на всех перекрестках и возле церкви, от которой шла дорога к кладбищу. Каждая остановка сопровождалась выходом невесты с причитаниями. Особенно громко они исполнялись на пути к кладбищу для прощания с умершими родственниками [12. С. 128].

Наименования колесных транспортных средств по сословию и деятельности ездоков приводятся в обряде «расставания с девичеством», в процессе которого невеста выходила во двор и причитывала, выполняя определенные ритуальные действия (вырывание пряди волос из косы, вдевание его в кольцо и передача незамужней родственнице или подруге): «Боярт ардтнить тройкасо, купецть ардтнить дрожкасо» / по большой дороге много ездящих: бояре ездят на тройках, купцы ездят на дрожках» (1889 г. С. Папулеве (Сакулька), Ардатовский у. Ульяновской губ.)» [1. С. 245]. У мордвы-мокши накануне дня свадьбы родственники невесты укладывали (наполняли) сундук, перевозимый на последующих этапах свадьбы к жениху [1. С. 430].

В предсвадебные дни исполнялись песнопения и причитания, содержащие косвенные упоминания коня, лошади. Так, накануне свадьбы в с. Оркино Петровского уезда Саратовской губернии, в последний перед непосредственно свадебным днем вечер будущие свекры совместно с «назначающими день» (четыре родственника, принимавших участие в назначении даты проведения свадьбы) приходили к невесте. Обращаясь к свату, они пели, упоминая об «упряжной кляче»: «Сват Иван барин, господин! Брось на нашу долю наш пай. Если ты бросишь нашу долю, если ты дашь наш пай, уродится плодородный хлеб, пусть расплодится (твоя) упряжная кляча» [18. С. 190, 191].

Наиболее значимое место в обрядовой системе занимал свадебный поезд. Его формирование сопровождалось рядом обрядовых действий, значительную роль в которых играли воспроизведение образов коня и использование транспортных средств. Начиналось оно с приготовления специальных пирогов в доме жениха. При выпекании проводился следующий обряд. Все принимавшие участие в процессе незамужние родственницы жениха и сваха брали в руки палки, украшенные лентами, изображавшие лошадей, садились на них верхом и трижды обходили вокруг квашни с тестом. Следом женщина, наряженная конем, с воспроизведением соответствующих звуков, характерных для данного животного, обносила ее зажженной лучиной [14. С. 61, 415]. Принято было печь от 5 до 9 пирогов, главный из которых *лувонь киш* [8. С. 188], состоящий из 9 ингредиентов, украшали фигурой всадника на коне в окружении лент и цветов [1. С. 90]. Он предназначался для родственников невесты и отдавался ее отцу в качестве символического выкупа. Его принято было есть после отбытия свадебного поезда [9. С. 36].

В день свадьбы или накануне жених ездил за свахой. Его приезд осуществлялся на запряженных лошадях, повозке и сопровождался исполнением песен о лошадях, упряжи. М.Е. Евсевьев так фиксирует это действие: «Нарядившись, жених закладывает пару лошадей и едет за свахой, если сваха в своей деревне или недалеко от нее, но в дальнюю деревню за свахой ездят накануне свадьбы» [1. С. 73]. Ехавшие с ним молодые родственницы пели песни, подчеркивавшие важность поездки именно на запряженных лошадях: «Кильдень-поводень лишмесэ, камбрзстонь-панстонь ракшасо / на запряженных

лошадях, на оседланных, взнузданных конях» [1. С. 74–75]. Подъехав к воротам свахи, участники въезжали во двор, исполняя песню с перечислением мест, которые они проехали: «Велень кувалт ютынек, порядкань кувалт ловнынек / мы проехали вдоль всего села, мы прокатились вдоль порядка» [1. С. 77]. Сваха к этому моменту с заранее испеченными курником и орешками (маленькие сдобные лепешки) выходит на крыльцо и вводит гостей в избу. Здесь совершаются некоторые обрядовые действия, после чего все присутствующие должны были не просто отправиться в дом жениха на хорошей повозке, но и выпрячь ее: «Пара лишмень совавтсынъ, паро повозкам перьгавтсынъ / пару лошадей своих я введу, хорошую повозку свою выпрягу» [1. С. 8]. Подружки и стряпухи, после приезда свахи и проведенного обеда, обращаются к свахе с песнями, напоминая ей об ответственности в поездке за себя и за поезжан во время свадебного поезда: «Сваха бояравине! Сваха азоравине! ... Кода молят ят мастере, вавок, вавок эсь пирят, седеяк ванок кудань прят / сваха-хозяюшка! Как поедешь в чужую страну, береги, береги ты себя. Еще больше береги поезжан...» [1. С. 98].

Подробное описание последующих действий зафиксировано М.Е. Евсевьевым, писавшим, что после обеда сваха начинает торопить поезжан скорее запрягать лошадей. При этом она поет, рассуждая о поезжанах свадебного поезда, конях, перелетных санях, лошадиной упряжи: «Сизьгемень сисем монь кудан, кавксоньгеменце монсь улян, вейксэньгемень монь дугам, сядешь топавтеме аядо. Седе курок, нроворне тынь кильдинка-поводинк серойть, буройть ракшиненк, перелётнойть нурдыненк, таргань уськетъ ождиленк, серойть, буройть тынк ракшанк / семьдесят семь моих поезжан, восьмидесятая я сама. Девяносто моих друзей, поедемте сотню дополнять. Поскорее, попрворнее запрягите, снарядите серых, бурых вы коней своих, перелетные свои сани. Вытянутые в проволоку вожжи. Серые, бурые ваши кони» [1. С. 100]. После этого поезжане расходились по домам и возвращались с собственными запряженными лошадьми, которых сваха тщательно осматривала, напевая обрядовую песню с перечислением упряжных деталей, порядком действий поезжан, расположением коней, телег. «Аздо, кудат, тынь кильдинк, перелегнойть крандазонк, серойть, буройть ракшиненк...сиянь сивекст тонгодо, пижень шлеят каядо, рисьмень ождят путодо, чирькестъ кильдинк кель марто, супонсть таргинк вал марго» / идите, поезжане, запрягите, своих серых, бурых вы коней, перелетные свои телеги.... наденьте хомуты серебряные, шлеи медные накинъте, вожжи из цепочек доложите, дугу запрягите с языком, супонь натяните со словом» [1. С. 105–106]. После этого каждый поезжанин к дуге своей повозки привязывал колокольчики и погремушки для защиты от нечистой силы (с. Выша, Кадышеве, Киртели, Кильдюшеве, в д. Починки, Новольяшевой (Симбирской у.), д. Урюм Тетюшевского у. Казанской губ.) [1. С. 432].

Несколько другое описание свадебного поезда, зафиксированное в с. Новая Лебежайка Хвалынского у., дает М.Т. Маркелов. Основным транспортом здесь выступали запряженные лошади. Пару из них запрягали в день свадьбы для мужчин, которые ехали наряжать родственников на свадьбу и просить лошадей для поезда. После их возвращения все родственники собирались в доме жениха и запрягали еще от 3 до 7 лошадей. Перед отправлением принято было накрывать стол и угощать поезжан [5. С. 5].

Этнограф Т.П. Федянович приводит другой вариант обустройства свадебного поезда: «Зимой лошадей запрягали цугом, летом парами, дуги украшали

лентами, бубенчиками» [16. С. 113]. В обряде присутствовало строгое распределение ролей родственников: «его (жениха) крестный назначался тысяцким, крестная – свахой, те, кто принимал участие в сватовстве, – “покш кудат” родственники, которые едут за невестой в день свадьбы, – “кудат»» [16. С. 113].

С момента прибытия свадебного поезда к воротам дома молодой начинается следующий этап – свадьба в доме невесты, где транспортные средства (сани, кибитка, карета, упряжь и их праздничное украшение, в том числе разнообразие колокольчиков и т.д.) задействованы как напрямую (подвоз, катание, с учетом количества, их разнообразие), так и опосредованно (с упоминанием в песнях, словах, причитаниях и т.п.). В мордовских деревнях, когда свадебный поезд подъезжал к дому невесты, «звучи колокольчиков и бубенчиков ... поднимают на ноги всю молодежь деревни» [1. С. 206], а ее родственники запирали ворота и требовали от приехавших выкупа. Невесте на голову *урьваля ават* накидывал фату. Она садилась на боковую лавку у чулана с причитанием, в котором встречаются слова «сани», «конское снаряжение»: «Тиринь тетяня кардаззо пешкедьсь ногай нурдодо, ваиынь тетянь кардонзо пешкедьсь ногай лишмеде, кардо икеле тулотае пешкедьсь ногай сивекстэ / двор родимого батюшки наполнился ногайскими санями, конюшни кормильца-батюшки наполнились ногайскими лошадьми, пред конюшнями – вешалки, наполнились ногайскими хомутами» [1. С. 200–201].

В с. Савкино, Оркино и Новозахаркино Петровского района Саратовской области подруги невесты встречали свадебный поезд, отбирали у участников поезда, преимущественно у приглянувшихся парней, предметы упряжи, шапки или фуражки. На головные уборы пришивали помпоны из разноцветных лоскутов (*чок*). После этого шапки у девушек выкупали [5. С. 115].

Затем у закрытых ворот начинался торг поезжан с родственниками невесты, каждый из которых должен был получить свою долю выкупа [10. С. 180]. М.Е. Евсевьев описывал этот эпизод так: «Пока покш куда и урывадыт торгуются у ворот, сваха и подруги невесты одновременно поют, а сваха за воротами, сидя на своем возке, обращается к урывадыт, просит их поскорее пустить на двор с упоминанием конской упряжи, оглоблей, дуг: “Ортасть панжияк келейстэ, Кришасть саинк сэрейстэ, ... бути ортасть а панжсынк. Бути кришанть а сайсынк, азия песэнек панжсынек, чирьке прясонок сайсьшек” / “отворите ворота пошире, крышу поднимите повыше...если ворота не отворите, если крышу не снимете, концами оглоблей ворота отворим, верхушками дуг крышу снимем”» [1. С. 202].

Дальнейшие события последовательно включают угощение и просьбы свахи отдать невесту, причитания поезжан (ехали долгий путь, привезли съестные припасы и т.д.), плач невесты с обращением к подругам (не выдавать ее «башкирской женщине, у которой ноги как лягающей лошади») и заканчиваются выходом невесты во двор, пересаживанием ее в транспортное средство свадебного поезда и отъездом в церковь на венчание.

Для невесты для поездки в церковь или в дом к жениху готовили особый транспорт, в разных источниках обозначенный как телега, сани, кибитка «онава» (букв. дом бытия), карету «онавас», «онавать алу», «онавать фталу». М.Е. Евсевьев считал, что этот обычай был заимствован мордвой у татар [1. С. 266–267]. Кибитку покрывали «вельхдэрдой» (м.), свадебным покрывалом невесты. Его шили из нескольких полотнищ белого холста, размером от 5 до 6 м², вышивали цветными нитками строго регламентированное количество

(от 9 до 13) отдельно расположенных узоров (Наровчатский у.) [2. С. 78–79]. Бытовало также укрывание повозки шушпанями, принадлежащими невесте, и разноцветными кушаками (Саранского у.). М.Е. Евсевьев фиксировал в с. Бессоновка использование белой простыни с пришитыми к ней кистями из разноцветной шерсти. Один конец её опускали над входом в виде занавески, чтобы не было видно невесты. Внутреннее обустройство кибитки включало кошму, подушку, подвешенные на стенке зеркальце и нательные кресты на гайтанах [1. С. 404].

Регламентировалось распределение ролей среди занимавшихся обустройством «он-авы». Так, вышивкой и украшением кибитки занимались подруги невесты, внутренним убранством – братья. После приезда в дом жениха «он-аву» принято было сжигать в печи. М.Е. Евсевьев зафиксировал такое причитание невесты при посадке в «он-аву»: «Белая «он-ава» – красота, белая «он-ава» – доброта! Если буду я счастлива, в высоту сделайся выше, в ширину – шире, на лицо – краше. Если же буду несчастна, в высоту – сделайся ниже, в ширину – уже, на лицо – желтее» [1. С. 404].

После процедуры выкупа, причитаний и благословений дружки выносили невесту на руках и сажали в сани или телегу, сваха и старший поезжанин трижды обходили карету и ехали в церковь [4. С. 210]. В с. Савкине Петровского уезда дружка свадебный поезд обходил дружка с косой [3. С. 711]. Порядок формирования и следования к церкви свадебного поезда с невестой соответствовал определенной схеме. Первым на наряженной колокольчиками и лентами лошади ехал друг жениха с приданным невесты, за ним пешком шли жених с невестой, с правой стороны – свекровь с иконой, с левой – крестная жениха с зеркалом, за ними остальные родственники. Иногда вместо дружки впереди процессии ехала подвода с сундуком невесты (Петровский р-н Саратовской области) [12. С. 140]. Родители невесты в поезде не участвовали [6. Л. 97].

Российский ученый Ж.В. Шерстобитова писала, что «в конце XIX – начале XX в. венчание молодых обычно совершалось в тот день, когда невесту увозили в дом жениха» [19. С. 533–534]. Перед церковью жених и невеста брались за руки и входили в церковь. Невеста во время венчания была накрыта шалью. После венчания жених и невеста целовались, но домой ехали на разных лошадях [1. С. 436–437]. Поезд после венчания направляется в дом жениха. У мокши невеста ехала туда на свадебном поезде, по пути принято было остановиться у кладбища и помянуть предков, вино при этом пили из колокольчиков, украшавших дуги лошадей. В Саранском уезде присутствие жениха в свадебном поезде было не обязательным, его отдельно привозили в церковь, а после венчания он уезжал обратно и до конца свадьбы скрывался у соседей [1. С. 279]. В случае, если жених принимал участие в праздновании, по приезду он шел в амбар, где ждал невесту, которую в это время приглашают в дом, сажают за стол в передний угол, угощают вином, а после отводят к жениху (сс. Выша, Кадышеве, Киртелях, Кильдюшеве, в д. Починки, Новольяшевой в пределах Симбирского у. и д. Урюме Тетюшевского у. Казанской губ.) [1. С. 438]. Родители невесты в поезде не участвовали (1924 г. с. Ст. Дракино (мордва-мокша) [11. С. 96].

В свадебных обрядах мордовского населения практиковались действия, направленные на предохранение традиционных средств передвижения жениха и невесты от негативного воздействия. Это издавна практиковалось всеми народами и описывалось не только этнографами, но и специалистами,

работающими в области естественных наук, психологии и медицины и исследовавшими этнографический материал, связанный со сферами их деятельности, например, зарубежными учеными Т. Ингольдом, Дж.М. Фостером, М. Хоппалом [21–23]. Приведем несколько таких примеров. Уредев обходил лошадь невесты три раза, после этого доходил до ворот, через которые должен был осуществиться выезд, и крестил ее (с. Новая Лебежайка Хвалынского у.) [4. С. 205–208]. Аналогичные действия осуществлялись с повозками, телегами и подводами перед выездом на венчание. Во время движения для защиты первыми шли родители жениха с иконой и свечкой (с. Новая Лебежайка Хвалынского у. Саратов. губ.) [5. С. 206–208]. В с. Кураево Теньгушевского района когда невесту собирались выводить из дома родителей, она обязана была сопротивляться, обязательно хватаясь за матицу. При этом перед ней заматают путь веником, чтоб разогнать нечистую силу [10. С. 29]. У мордвы-эрзи невеста около церкви не ступала на землю, а бросала под ноги платок. Иногда братья бросали ей под ноги рукавицы (Республики Татарстан (Альметьевский и Черемшанский районы), Чувашия (Алатырский район) и Башкирия (Кармаскалинский и Бижбулякский районы) АССР) [16. С. 37–38].

Бытование различных средств передвижения или их элементы (например, упряжь) отражены в устном поэтическом творчестве мордвы. В пословицах жена сравнивается с хомутом: «Эх, сон аф ашка, – сялдазстот аф валхцак (м.) (с. Анаево бывш. Спасского уезда Тамбовской губ., ныне Zubovo-Полянского района) / Эх, она (жена) не хомут, с шеи не снимешь (поговорка)» [2. С. 55]. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки повествуют о поездках на свадебной церемонии, послесвадебных событиях, предупреждающих о возможных трудностях семейной жизни и мудрости управления собой и членами семьи, в которых упоминаются транспортные средства, упряжь. Например, «Вов кудатне элякодсть – сембе мусть, няк, лямбе пиза – афи тувихть тяста киза» / «Вот поезджане загудели – все гулять сюда (в наш дом) явились, – знать на целый год вселились» [11. С. 263]; «Вожнятнень полят – ичкози аф молят; ождятне поволить, лишметь васов а молить» / «Вожжи из рук выпустишь – далеко не уедешь» [11. С. 138]; «Кодама крандазс (нурде) озат, стама мор морат; кодамо улавс озат, истямо моро морат» / «В какую телегу сядешь, такую и песню запоешь» [11. С. 127]; «А эсь нурдозт (востозт) тят озсе» / «В чужие сани не садись» [11. С. 88]; «Алашать ниле пильгонза – и то пупорй; алашанть ниле пильнегэз – ялатеке пупорькшни» / «У лошади четыре ноги – и то спотыкается» [11. С. 59].

Кроме свадеб по сватовству у мордвы бытовали браки «уходом», или «самокрутки», похищением, где не обходилось без традиционных транспортных средств передвижения (напр., дер. Кузайкина, Мензелинского у.).

В результате изменений форм семьи, взаимоотношений ее членов уже в 1920-е гг. произошла трансформация свадебных обрядов, когда венчание в церкви сменилось заключением гражданского акта, что привело к частичной утрате традиционных обычаев и обрядов. На это повлияло также ухудшение экономического положения всего населения страны. Традиционные транспортные средства передвижения постепенно утрачиваются в 30-е гг. XX в. в связи со строительством железнодорожных путей сообщения, а появление автомобильного транспорта, особенно личного, привело к замене традиционных телег, подвод и повозок на него.

Оживление интереса к традиционной свадьбе у мордвы отмечается в 1950–1960-е гг., что было вызвано подъемом благосостояния, ростом жизненного уровня народа, а также потребностью и возможностью ярче и красочнее

отмечать значительные события в жизни человека. Автомобили, участвовавшие в свадебном поезде, также украшали лентами, цветами и другими свадебными атрибутами. Обряд защиты транспорта невесты от негативного воздействия путем трехкратного обхода автомобиля с кнутом или ножом бытует и сегодня.

Выводы. Таким образом, представленный комплексный анализ историко-этнологического материала показывает использование разнообразных транспортных средств передвижения в свадебной обрядности мордвы на территории мордовского края и в Поволжье, его варианты и трансформацию. Средства передвижения играли важную роль на всех основных этапах системы свадебных обрядов. В результате анализа собранных в экспедициях, в том числе за пределами исконной территории проживания мордвы, терминологии, содержащейся в эрзянских и мокшанских словарях, и других сведений мы пришли к выводу, что использование транспортных средств может иметь прямой практический, ритуальный и косвенный характер. Бытование различных транспортных средств передвижения и их элементов (упряжи, частей телег или саней и др.) во время свадьбы отражено в фольклорных произведениях мордвы: песнях, причитаниях, пословицах и др.

В церемонии использовались все виды транспорта: колесные (телеги, подводы, кибитки, кареты, дрожки и др.), санные (сани обычные выездные, сани-кошевные), санно-колесные (сани-кибитка и сани-каре́та, у которых в сезонное время полозья меняли на колеса). Они использовались для перемещения участников свадебного процесса, пищевых продуктов, что в ряде случаев сопровождалось обрядами, например поездка невесты в гости к родственникам по матери для подготовки приданого, привоз свахи в дом жениха.

Наиболее важную роль транспорт играл в формировании свадебного поезда, забиравшего невесту из дома родителей и доставлявшего в церковь (в настоящее время в ЗАГС), дом жениха. Расположение и роль всех участников строго регламентированы. Впереди могли находиться подвода с сундуком невесты, родители жениха с иконами и свечками, друг жениха верхом на коне, следом ехала кибитка невесты, дальше – остальные гости. В современных реалиях гужевой транспорт заменили автомобили, но роль свадебного поезда и часть обрядов, обставлявших его приезд (выкуп, конкурсы), сохраняются.

Транспорт, участвующий в свадебном поезде, украшается лентами и цветами. Особое ритуальное значение в нем имели кибитка «он-ава» или карета «онавас», «онавать алу», «онавать фталу», подготовка и использование которых обставлялось целым рядом обычаев и обрядов: назначение строго ограниченного круга лиц, занимавшихся украшением; вышивание специальных узоров на полотенцах, ее укрывавших; осуществление защитных обрядов с трехкратным обходом ее с кнутом или колюще-режущим предметом и т.д.

Определенная роль отводилась лошади (для всадника и в запряжке) и упряжи (кнут, сбруя, вожжи и т.п.). Самыми древними из известных являются формы сватовства, где лошадь играет значительную роль, так как от её здоровья и возможности быстро скакать иногда зависело, завершится ли оно свадьбой, сможет ли отец предполагаемого жениха, положившего ритуальное блюдо у ворот, уйти от погони, организованной родственниками невесты. Конная символика сопровождала свадьбу на этапе подготовки: ряжение в костюме лошади женщины, проводившей обряд защиты квашни для свадебных пирогов, установка на главный пирог лувонь кши фигурки всадника и др.

Сегодня свадебный обряд объединяет в себе образы и процессы, сформировавшиеся в советский период, с элементами, привносимыми модными тенденциями: одежда жениха и невесты, место регистрации, посещение памятников и т.д., что не лишает его традиционности. Сохраняется обычай организации свадебного поезда с украшенными транспортными средствами, что позволяет сделать вывод о значительной роли транспорта во время свадьбы в разные исторические периоды.

Литература и источники

1. *Евсеев М.Е.* Мордовская свадьба // Избранные труды. Историко-этнографические исследования. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1966. Т. 5. 552 с.
2. *Евсеев М.Е.* Эрзянь-рузонь валкс = Мордовско-русский словарь. М.: Центрриздат, 1931. 226 с.
3. Извлечение из историко-географического описания Озерской волости Саратовского уезда, составленного А.Н. Минхом // Мордовский этнографический сборник. СПб.: Тип. императорской академии наук, 1910. С. 681–720.
4. Карточки историко-этнографической экспедиции (сост. Ежова В.П.) // Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук. Оп. 1. И-267.
5. *Маркелов М.Т.* Саратовская мордва. Саратов: Изд-во мордов. подотдела Губерн. отдела по делам национальностей при Саратов. губисполкоме, 1922. 238 с.
6. Материалы Мордовской этнографической экспедиции за 1957 год. Запись Н. Спрыгиной // Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук. Оп. 1. И-496.
7. Мокшанско-русский словарь: 41 000 слов / Ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров – Правительстве Республики Мордовия; под ред. Б.А. Серебренникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова. М.: Рус. яз.: Дигора, 1998. 920 с.
8. Мордва в Хвалынском уезде князя Ф.С. Голицына // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов: Тип. Губернского Правления, 1881. Т. 1. Отд. 1. С. 117–195.
9. Мордва: Ист.-этногр. очерки / [В.И. Козлов, В.Н. Мартынов, В.Н. Шитов и др.]; редкол.: В.И. Козлов (отв. ред.) и др.]. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1981. 334 с.
10. Мордва Заволжья / НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров – Правительстве Респ. Мордовия; редкол.: В.И. Козлов (отв. ред.), П.Д. Грузнов, И.М. Петербургский и др. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1994. 184 с.
11. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки / [вступ. ст., запись, систем. обраб. текстов и пер. их на рус. яз. К.Т. Самородова]. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1986. 277 с.
12. Мордва Саратовской области / Л.И. Никонова, С.А. Махалов, Т.Н. Охотина и др.: под ред. В.А. Юрченкова, Л.И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2013. 252 с.
13. П-В, Гр. Мордовское село Лобаски // Нижегородские епархиальные ведомости. 1887. № 13. С. 669–683.
14. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, Ч. 3. Календарно-обрядовые песни и заговоры / Науч.-иссл. ин-т. яз. лит., истории и экономики при Совете Министров Морд. АССР. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1981. 304 с.
15. *Федянович Т.П.* Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX века – 1980-е годы). М., 1997. 183 с.
16. *Федянович Т.П.* Свадебные обряды мордвы-эрзи Татарской, Чувашской и Башкирской АССР // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1974. Вып. 45. С. 110–121.
17. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры (определитель) / А.С. Бежкович, С.К. Жегалова, А.А. Лебедева, С.К. Просвиркина. М.: Сов. Россия, 1959. 254 с.
18. *Шахматов А.А.* Мордовский этнографический сборник. СПб.: Тип. императорской академии наук, 1910. 680 с.
19. *Шерстобитова Ж.В.* Свадебные обряды мордвы конца XIX – XX в. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 73-1. С. 532–537.
20. Эрзянско-русский словарь: ок. 27 000 слов / НИИ языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Мордовской АССР; под ред. Б.А. Серебренникова, Р.Н. Бузаковой, М.В. Мошина. М.: Рус. яз.: Дигора, 1993. 803 с.
21. *Foster G.* Medical anthropology. New York, 1978, 354 p.
22. *Jngold T.* An anthropologist looks at biology. *Man*, 1990, vol. 25, no. 2, pp. 208–229.
23. *Hoppal M.* Schamanen and Schamanismus. Augsburg, Pattloch (in Japanese), Tokyo, Seidosha, 1998, 185 p.

НИКОНОВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии, НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Россия, Саранск (congress7@list.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>).

ТРИБУШИНИНА СВЕТЛАНА ДМИТРИЕВНА – кандидат культурологии, старший научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии, НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Россия, Саранск (tribushinina85@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3472-3640>).

Liudmila I. NIKONOVA, Svetlana D. TRIBUSHININA
VEHICLES IN THE WEDDING CEREMONY OF THE MORDVINS:
FROM THE HISTORY OF RURAL LIFE TRADITIONS

Key words: vehicles, wedding, tradition, the Mordvins, rural life.

A growing interest in the diversity of life-support traditions in rural areas in ethnotourism and in the field of preserving cultural heritage for the younger generation actualizes research in the field of using certain means in ceremonial culture. The wedding ceremony involving traditional means of transportation and their elements is one of the most attractive for the study and reproduction. The scientific novelty of the study is due to lacking comprehensive analysis of the role of vehicles in wedding ceremonies among the Mordovian population in the Republic of Mordovia and beyond.

The purpose of the study is to conduct a comprehensive analysis of using vehicles, their elements and images in the Mordovian wedding ceremony system in the territory of the Volga region.

Materials and methods. The article analyzes data on the participation of vehicles in the wedding ceremony among the Mordovian population, obtained from research literature and field data collected both in the Republic of Mordovia and in ethnographic expeditions in Saratov region. The methods of historicism, typologization and comparative analysis were applied.

Research results. The terminology of vehicles and their components contained in the historical, ethnological and linguistic material is revealed: names related to the arrangement of the wedding train (names of wedding wagons ("on-ava", "onavas", "onavat alu", "onavat ftala"), participants in the process ("ava-where", "atya-where", "anda"), objects that decorated the vehicle "velkhdarda", "garni", "gromok"), etc. The stages of the wedding are analyzed, during which transport was used: the bride's trip to relatives to prepare the dowry, the matchmaker's arrival to the groom, the wedding train, etc. The article presents folklore works confirming the use of various types of vehicles (horses, carts, sleighs, etc.).

Conclusions. The analysis of the wedding ceremony showed that the Mordvins actively used vehicles of various types in the process of its conduct. A certain role was given to the horse (for the rider and in a tandem-type team, for example; as a beasts of burden for transporting people, things, products, etc.) and harness (whip, harness, reins, etc.), sledge-wheeled (sledges, carts) groups of traditional means of transportation (low wide sledges, wagons, carriage, droshky and others).

References

1. Evsev'ev M.E. *Mordovskaya svad'ba* [The wedding of the Mordvins]. In: *Izbrannye trudy. Istoriko-etnograficheskie issledovaniya* [Selected works. Historical and ethnographic research]. Saransk, Mordovian Publ. House, 1966, vol. 5, 552 p.
2. Evsev'ev M.E. *Erzyan'-ruzion' valks* [Erzya-Russian dictionary]. Moscow, Tsentroizdat Publ., 1931, 226 p.
3. *Iz vlechenie iz istoriko-geograficheskogo opisaniya Ozerskoi volosti Saratovskogo uyezda, sostavlennogo A.N. Minkhom* [Derived from the historical-geographical description of the Ozersk volost of Saratovskiy uyezd, composed by A. N. Minx]. In: *Mordovskii etnograficheskii sbornik* [Selected works. Mordovian ethnographic collection of works]. St. Peterburg, 1910, pp. 681–720.
4. *Kartochki istoriko-etnograficheskoi ekspeditsii (sost. Ezhova V.P.)* [Cards of the historical and ethnographic expedition]. In: *Nauchnyi arkhiv Nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk. Opis' 1. Edinitsa khraneniya I-267* [Scientific archive of the Institute for Humanities Studies under the Government of the Republic of Mordovia. Anagraph 1. Storing Unite I-267].
5. Markelov M.T. *Saratovskaya mordva* [Mordvins of Saratov]. Saratov, 1922, 238 p.

6. *Materialy Mordovskoi etnograficheskoi ekspeditsii za 1957 god. Zapis' N. Spryginoi* [Materials of the Mordovian ethnographic expedition for 1957. Recording by N. Sprygina]. In: *Nauchnyi arkhiv Nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk. Opis' 1. Edinitsa khraneniya I-496* [Scientific archive of the Institute for Humanities Studies under the Government of the Republic of Mordovia. Anagraph 1. Storing Unite I-496].

7. *Mokshansko-russkii slovar': 41 000 slov* [Moksha-Russian dictionary: 41,000 words]. Moscow, Russkii yazyk Publ., Digora Publ., 1998, 920 p.

8. *Mordva v Khvalynskom uezde knyazyza F.S. Golitsyna* [Mordovia in the Khalynsky district of Prince F.S. Golitsyn]. In: *Saratovskii sbornik. Materialy dlya izucheniya Saratovskoi gubernii* [Saratov collection. Materials for studying the Saratov province]. Saratov, 1881, vol. 1, dep. 1, pp. 117–195.

9. *Mordva: Ist.-etnogr. ocherki* [Mordvins: historical and ethnographic essays]. Saransk, Mordovian Publ. House, 1981, 334 p.

10. *Mordva Zavolzh'ya* [Mordvins of the Volga region]. Saransk, Mordovian Publ. House, 1994, 184 p.

11. *Mordovskie poslovitsy, prislovitsy i pogovorki* [Mordovian proverbs, proverbs and sayings]. Saransk, Mordovian Publ. House, 1986, 277 p.

12. Nikonova L. I., Makhalov S.A., Okhotina T.N. *Mordva Saratovskoi oblasti* [Mordvins of the Saratov region]. Saransk, 2013, 252 p.

13. P-V Gr. *Mordovskoe selo Lobaski* [Mordovian village Lobaski]. *Nizhegorodskie eparkhial'nye vedomosti*, 1887, no. 13, pp. 669–683.

14. *Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda: v 8 t. T. 7, Ch. 3: Kalendarno-obryadovye pesni i zagovory* [Oral and poetic creativity of the Mordovian people. 8 vols. Vol. 7, part 3: Calendar and ritual songs and conspiracies]. Saransk, Mordovian Publ. House, 1981, 304 p.

15. Fedyanovich T.P. *Semeinye obychai i obryady finno-ugorskikh narodov Uralo-Povolzh'ya (konets XIX veka – 1980-e gody)* [Family customs and rituals of the Finno-Ugric peoples of the Ural-Volga region (late 19th century – 1980s)]. Moscow, 1997, 183 p.

16. Fedyanovich T.P. *Svadebnye obryady mordvy-erzi Tatarskoi, Chuvashskoi i Bashkirskoi ASSR* [Wedding ceremonies of the Mordovian-Erzya Tatar, Chuvash and Bashkir ASSR]. In: *Materialy po arkhologii i etnografii Mordovii* [Materials on archeology and ethnography of Mordovia]. Saransk, Mordovian Publ. House, 1974, pp. 110–121.

17. Bezhkovich A.S., Zhegalova S.K., Lebedeva A.A., Prosvirkina S.K. *Khozyaistvo i byt russkikh krest'yan. Pamyatniki material'noi kultury (opredelitel')* [The economy and life of Russian peasants. Monuments of material culture (determinant)]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1959, 254 p.

18. Shakhmatov A.A. *Mordovskii etnograficheskii sbornik* [Mordovian ethnographic collection]. St. Peterburg, 1910, 680 p.

19. Sherstobitova Zh.V. *Svadebnye obryady mordvy kontsa XIX – XX v.* [Wedding ceremonies of the Mordovians of the late XIX – XX centuries]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I.*, 2008, no 73-1, pp. 532–537.

20. *Erzyansko-russkii slovar': ok. 27 000 slov* [Erzya-Russian dictionary: approx. 27,000 words]. Moscow, Russkii yazyk Publ., Digora Publ., 1993, 803 p.

21. Foster G. *Medical anthropology*. New York. USA, 1978, 354 p.

22. Jngold T. An anthropologist looks at biologi. *Man*, 1990, vol. 25, no 2, pp. 208–229.

23. Hoppal M. *Schamanen and Schamanismus*. Augsburg, Pattloch (in Japanese), Tokyo, Seidosha, 1998, 185 p.

LIUDMILA I. NIKONOVA – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute for Humanities Studies under the Government of the Republic of Mordovia, Russia, Saransk (congress7@list.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>).

SVETLANA D. TRIBUSHININA – Candidate of Culture Studies, Senior Resercher, Institute for Humanities Studies under the Government of the Republic of Mordovia, Russia, Saransk (tribushinina85@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3472-3640>).

Формат цитирования: Никонова Л.И., Трибушинина С.Д. Транспортные средства передвижения в свадебной обрядности мордвы: из истории традиций сельского быта // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 104–116. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-104-116.

УДК 393.05
ББК 63.5

И.Г. ПЕТРОВ

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ЧУВАШЕЙ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА*

Ключевые слова: чувашаи, погребальные и поминальные обычаи и обряды, научные исследования, историография.

В статье представлена история изучения похоронно-поминальной обрядности чувашей за вековой период между XX и началом XXI в. Обсуждаемая проблема актуальна и представляет как научный, так и практический интерес. Несмотря на то, что история этнографического изучения чувашского народа в предыдущих публикациях освещалась неоднократно, данное направление в историографическом аспекте специально не рассматривалось или разбиралось в общих чертах попутно с другими вопросами.

Цель исследования – провести краткий обзор литературы по похоронно-поминальной обрядности чувашей с XX в. до начала XXI в. Научная новизна статьи заключается в первичности постановки проблемы и ее научного анализа.

Материалы и методы. Статья основана на анализе литературных и документальных материалов с применением хронологического метода – изучения исторических событий и фактов с точки зрения последовательности, движения и изменений в соответствии с поступательным ходом исторического времени. Исследование проведено с использованием методов анализа, синтеза, систематизации, историзма, объективности, системности и конкретности.

Результаты исследования. В работе показана историография изучения обряда похорон и поминок чувашей Урало-Поволжского региона в советский (1920–1990-е гг.) и постсоветский (1990-е гг. – первое десятилетие XXI в.) периоды, рассмотрены наиболее значимые публикации, вышедшие в свет в изучаемый период. Историографический обзор и анализ литературы показывают, что по сравнению с предыдущими эпохами советский и постсоветский периоды характеризуются более системным и углубленным подходом к изучению указанной проблемы. Исследования по данной теме отличают широкий хронологический и территориальный охват, высокий научно-методический уровень, введение в научный оборот архивных, полевых (экспедиционных) источников, комплексная разработка темы с участием ученых разных специальностей – историков, этнографов, искусствоведов, лингвистов, фольклористов, философов, культурологов и др. Несмотря на это, погребальный обряд чувашей не стал темой специального и углубленного изучения. В подавляющем большинстве исследований обычаи и обряды, связанные со смертью человека, показываются обобщенно, без детализации и дифференциации в соответствии с этнографическими, этнотерриториальными и этноконфессиональными особенностями чувашского народа. В них отсутствуют целостный подход и сравнительно-сопоставительный анализ, преобладают описательность и компилятивность, перенос отдельных или локальных особенностей ритуала на похоронную обрядность всего чувашского народа.

Выводы. К настоящему времени по похоронно-поминальной обрядности чувашей в отечественной науке, в том числе за рассматриваемый хронологический период, накоплен огромный массив информации, однако попытка, направленная на его целостную характеристику и анализ в виде специального научного исследования, еще не предпринята и ждет своего исследователя. Возможно, в ближайшей перспективе указанный пробел в чувашеведении будет преодолен и этот вид семейной обрядности будет исследован подобающим образом.

* Исследование выполнено в рамках Государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН № 122041900118-5.

Введение. Похоронно-поминальные обычаи и обряды являются одной из фундаментальных основ народной культуры и отличаются выраженной этнической спецификой. Кроме того, для указанного вида семейной обрядности характерны определенный консерватизм и сохранение в нем значительного пласта архаических элементов, восходящих к древним религиозным верованиям и мифологическим представлениям. Именно поэтому данная область культуры всегда была и остается в числе традиционных объектов научных исследований как в мировой, так и в отечественной этнологии. Сказанное подтверждается и на примере чувашей. Исследователи прошлых столетий, описывая быт и культуру чувашского народа, неизменно останавливались на этом виде семейной обрядности. Активно и разнонаправленно погребальная обрядность изучается в настоящее время. Тем не менее обряд похорон и поминок чувашей, представляющий неисчерпаемый историко-этнографический источник, до сих пор не стал предметом специального и глубокого научного исследования. Этнолог и религиовед А.К. Салмин справедливо отмечает, что в современном чувашеведении все еще «отсутствуют системные и логически последовательные исследования, из которых можно было бы получить цельное представление о теме» [29. С. 281]. К настоящему времени по указанной теме в архивах, научной литературе, периодических изданиях, материалах полевых исследований, музейных собраниях накоплен огромный массив информации, однако ее научная систематизация и интерпретация предпринимались лишь спорадически и исключительно в рамках отдельных узких тем. В то же время многие сюжеты в данном направлении остаются неисследованными или исследованными лишь отчасти. К примеру, не разработаны вопросы, касающиеся эволюции ритуала в диахронном разрезе, выявления этнографических, этнотерриториальных, этноконфессиональных особенностей обряда, взаимодействия и симбиоза в ритуале «языческих», христианских, общегражданских элементов обрядности, востребованности и специфики бытования обряда в условиях современности и т.д. Таким же недостаточно изученным вопросом являются историография и исследование степени изученности погребального обряда чувашей в отечественной и мировой науке. Этим объясняется не только актуальность указанной проблемы, но и ее научная и практическая значимость.

Цель исследования – произвести краткий обзор литературы по похоронно-поминальной обрядности чувашей с XX в. до начала XXI в.

Материалы и методы. Статья написана на основе литературных и документальных материалов, которые имеют отношение к обозначенной научной проблеме. Исследование проведено с использованием общепринятых научных методов – анализа, синтеза, систематизации, а также основных методов исторических исследований – историзма, объективности, системности и конкретности.

Результаты исследования

Изучение похоронно-поминальной обрядности чувашей в советское время (1920–1990-е гг.). В 20-е гг. XX в. научными исследованиями в области чувашеведения, в том числе касательно погребальных обычаев и обрядов, продолжали заниматься представители прежней (дореволюционной) научной интеллигенции, среди которых видное место занимали признанные корифеи чувашской истории, этнографии и филологии Н.В. Никольский и Н.И. Ашмарин. Одним из трудов Н.В. Никольского этого времени является «Краткий конспект по этнографии чуваш» [23]. Сведения по погребальному обряду им изложены в главе XIX «Воззрения чуваш на смерть и загробную жизнь» [23. С. 83–88].

Неисчерпаемым источником по данной теме является богатейший рукописный фонд Н.В. Никольского. В нем сосредоточены уникальные по разнообразию и богатству исторические, этнографические, лингвистические и фольклорные материалы. Значительная часть этого фонда, состоящая из 260 томов, в настоящее время хранится в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН).

Таким же богатейшим источником по чувашской традиционной обрядности является «Словарь чувашского языка» в 17 томах Н.И. Ашмарина [2]. Уникальность словаря заключается в том, что ученый не ограничивал себя простым переводом чувашских слов на русский язык, а дополнял их подробными комментариями и примерами, взятыми из народной жизни. Много ценного материала содержится в рукописном фонде ученого. Он состоит из 30 томов и также хранится в Научном архиве ЧГИГН.

В 1925 г. в северных районах Чувашии работала этнографическая экспедиция Государственной академии материальной культуры (ГАИМК) под руководством Т.С. Пассек и Б.А. Латынина, которая собрала ценные сведения по религии, мифологии, быту и традиционной одежде чувашей. Впоследствии по собранным материалам они опубликовали ряд статей о чувашских мифах, народных праздниках и орнаментальном искусстве. В 1929 г. эти же ученые на французском языке опубликовали статью о чувашских надмогильных столбах «юла». В ней они подчеркнули их культовый характер, впервые указали на сходства и параллели с аналогичными памятниками дунайских болгар и попытались проследить общие черты, сложившиеся в погребальном обряде чувашей, марийцев и мордвы [55].

Религия и религиозные верования чувашей, в том числе представления о душе, загробном мире и умерших предках, в сравнении с другими народами Урало-Поволжья (марийцами, удмуртами, мордвой) изложены в монографии Н.М. Маторина [21]. Несмотря на то, что книга написана в целях антирелигиозной пропаганды, в ней содержится очень много фактического материала.

В 20–30-е гг. XX в. археологией, топонимикой, историей и этнографией Чувашского края плодотворно занимался краевед, историк и этнограф К.В. Элле. Собранные им материалы частично отложились в Научном архиве ЧГИГН, в которых можно найти и сведения по погребальному обряду чувашей.

Во второй половине 30-х гг. XX в. этнографией чувашского народа, а также сбором и комплектованием чувашских коллекций занимался Г.А. Никитин – этнограф, музеолог, видный специалист по традиционной культуре народов Карелии и Среднего Поволжья, первый заведующий секцией этнографии народов Поволжья Государственного музея этнографии СССР (в настоящее время Российского этнографического музея). Кроме собирательской и выставочной деятельности он увлеченно занимался научными исследованиями. Особенно углубленно и целенаправленно Г.А. Никитин изучал похоронно-поминальные обряды чувашей и со временем приступил к кандидатской диссертации на тему «Чувашские надгробья как пример антропоморфных изображений в похоронном обряде (опыт анализа)». К сожалению, завершить начатую работу он не успел, так как в 1942 г. погиб в блокадном Ленинграде [16].

Заметное оживление научных исследований, в том числе в гуманитарных науках, наступило после Великой Отечественной войны. Особо следует отметить совместные экспедиционные исследования ученых Чувашского научно-исследовательского института, Чувашского краеведческого музея и Казанского

филиала АН СССР под руководством казанского этнографа Н.И. Воробьева в 1949–1953 гг. В 1956 г. на основе собранных материалов авторским коллективом был опубликован первый том монографии, посвященной материальной культуре чувашского народа. Второй том по духовной культуре был издан в 1970 г. В него вошли разделы, отражающие общественный и семейный быт, обычаи и обряды, народные знания, религиозные верования, устно-поэтическое творчество, музыкальный фольклор, народное искусство. Обычаи и обряды, связанные со смертью человека, кратко изложены в VI главе (автор Л.А. Иванов). В ней основной акцент сделан на обряды поминального цикла, которые рассмотрены в контексте общего анализа религии и обрядовой культуры чувашей [39. С. 160–163].

В 1969 г. Л.А. Иванов опубликовал статью о чувашских надгробиях некрещеных чувашей. В ее основу легли полевые материалы автора, собранные в 60-е гг. XX в. в Октябрьском, Аксубаевском районах ТАССР, а также в Иса-Клинском, Похвистневском и Клявлинском районах Куйбышевской области (ныне Самарской области). Автор проанализировал диалектные названия и основные типы надмогильных памятников, подчеркнул их антропоморфность, а также выявил некоторые параллели с другими народами, например с народами Сибири и Дальнего Востока [9].

В 60–70-е гг. XX в. значительный вклад в изучение религии и религиозных верований чувашского народа внес этнограф и религиовед П.В. Денисов. Одной из значимых его работ этого периода является фундаментальная монография, в которой он показал историю религии чувашского народа с древнейших времен до начала XX в. [5]. В ней на основе нарративных источников он также проанализировал погребальные обычаи и обряды, в частности осенние поминки «автан сӑри» [5. С. 149–152].

В контексте поставленной проблемы несомненный интерес представляет и другая монография П.В. Денисова [7]. В ней на широком историко-культурном материале ученым впервые показаны этнокультурные параллели чувашей и дунайских болгар. Кроме языка, топонимики, костюма, орнаментального искусства, обрядовой культуры ученый в сравнительно-сопоставительном аспекте также проанализировал похоронно-поминальные обряды и надмогильные памятники.

Большую научную ценность имеет монография «Религия и атеизм чувашского народа» этого же автора [6]. Несмотря на то, что книга написана в духе идеологии научного атеизма, выводы и заключения автора, касающиеся эволюции религии чувашей, актуальны и в настоящее время.

В соответствии с такой же идеологией религиозные верования, а также традиционные обряды чувашей обстоятельно проанализированы в монографиях Г.Е. Кудряшова [17, 18]. В них автор отметил общность религиозных представлений чувашей и финно-угорских народов Среднего Поволжья. По его мнению, это проявляется не только в названиях некоторых божеств и духов, но и в содержании религиозных верований и обрядов.

В 70–80-е гг. XX в. похоронно-поминальная обрядность чувашского «языческого» населения стала объектом глубоких научных исследований археолога Б.В. Каховского. Сначала этот вид семейной обрядности он изучил в комплексе как ценный и малоисследованный историко-этнографический источник [10, 13], а в дальнейшем стал использовать его в качестве нарратива для обоснования общности и параллелей с похоронной обрядностью средневековых волжских болгар и венгров [11, 12, 14].

Начиная с 60-х гг. XX в. учеными-гуманитариями Чувашской АССР были предприняты важные практические шаги по инициированию исследований так называемой чувашской диаспоры – чувашского населения за пределами республики. В основном они проводились в формате комплексных научных экспедиций по изучению истории, культуры, языка, фольклора и современного быта. Первая экспедиция по изучению «запредельных чувашей» учеными Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР была проведена в 1961 г. в Татарской АССР, Ульяновской и Куйбышевской областях. Экспедиция 1962 г. обследовала районы с чувашским населением в Башкирской АССР и Оренбургской области. Третья экспедиция была осуществлена в 1984 г. Она провела выборочные исследования чувашских сел и деревень в Татарской АССР, Куйбышевской и Ульяновской областях. Следующая экспедиция с аналогичными научными целями и задачами состоялась в 1987 г. Она обследовала более 30 чувашских населенных пунктов в Башкирии и Оренбургской области [8. С. 70–72]. В результате этих экспедиций его участниками были опубликованы не только коллективные монографии и тематические сборники, но и накоплены ценные полевые материалы, в том числе по похоронно-поминальной обрядности.

В контексте системного анализа и классификации чувашской обрядовой культуры необходимо упомянуть статью В.Г. Родионова о чувашских языческих обрядах [25]. В работе ученый впервые осуществил комплексный анализ календарных, переходных (семейных) иokkaзимальных (случайных) обрядов.

Из иностранной литературы рассматриваемого периода следует отметить монографию «Обычаи и народная поэзия чуваш» финского лингвиста, фольклориста и этнографа Хейкки Паасонена [54]. Кроме лингвистических и фольклорных материалов в ней нашли отражение похоронно-поминальные обычаи и обряды некрещеных чувашей Закамья [4].

Таким образом, в советский период в области изучения похоронно-поминальной обрядности чувашей был сделан значительный шаг вперед. Учеными были изданы работы как теоретического, так и конкретно исторического характера. Благодаря этим исследованиям, была накоплена большая и репрезентативная фактологическая база. Однако указанная тема, как и раньше, продолжала разрабатываться не в качестве самостоятельной научной проблемы, а в контексте других тем, в основном связанных с историей религии и религиозных верований.

Похоронно-поминальная обрядность чувашей в исследованиях постсоветского времени (1990-е – первые десятилетия XXI в.). В 90-е гг. XX в. важный вклад в изучение традиционных верований и обрядов чувашей внес этнолог и религиовед А.К. Салмин [26, 28]. Он впервые представил их в качестве целостной системы. Ученый выделил структурные блоки обрядов, осуществил сквозную реконструкцию религиозно-обрядовой жизни, представил исчерпывающие описания религии и традиционной обрядности, в том числе похоронно-поминальных обычаев и обрядов чувашей. Научный анализ и интерпретация чувашских верований и обрядов в концептуальном и развернутом виде получили развитие и в других монографиях ученого [27, 29].

По указанной теме новаторскими являются исследования А.А. Трофимова о чувашских надмогильных памятниках «юпа» [34, 35, 36]. Во-первых, исследователь проанализировал и ввел в научный оборот ценнейшие артефакты чувашской народной культовой скульптуры, изученные на обширной территории Урало-Поволжья. Во-вторых, изучил их истоки, содержание, типы, технические

и художественные приемы. В-третьих, доказал их глубокую связь с религией, обрядовой культурой и мифологическими представлениями чувашского народа, в том числе связь с народной скульптурой волжских болгар, а также народов Ирана и Центральной Азии.

Важной особенностью чувашеведческих исследований постсоветского периода, безусловно, является наращивание исследований, посвященных чувашскому населению отдельных регионов России. Именно после 90-х гг. XX в. стали выходить в свет обобщающие историко-этнографические исследования и очерки о чувашах Западной Сибири [15], Самарского Заволжья [48] и др.

В это же время получили развитие исследования по истории, языку и культуре этнотерриториальных и локальных групп чувашей. К таковым относятся научные сборники и монографии «Чуваши Приуралья» [42], «Чуваши Самарской Луки» [43], «Симбирско-саратовские чуваше» [32], «Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии» [37], «Чуваши Присвияжья: история и культура» [41], «Чуваши юга Тюменской области» [44] и др. В указанных книгах авторы и составители так или иначе осветили похоронно-поминальные обычаи и обряды чувашей и их местные особенности.

Указанный вид семейной обрядности нашел достойное место и отражение в обобщающих академических изданиях по истории и культуре чувашского народа – в двухтомном издании «Чуваши: история и культура» [40] и коллективном труде «Чуваши» [38]. В первом издании автором соответствующего раздела выступил П.П. Фокин, во втором – П.П. Фокин, Е.А. Ягафова и О.В. Егорова.

Ценные сведения о погребальном обряде чувашей, основанные на литературных, архивных и полевых источниках, содержатся в монографиях Е.А. Ягафовой, в которых она изучила историю формирования и этнокультурные особенности этноконфессиональных групп чувашей – чувашей-язычников [50] и чувашей-мусульман [49]. Эти же сюжеты можно найти в монографии указанного автора о празднично-обрядовой культуре [47].

В 1990–2000-е гг. учеными стали разрабатываться и более узкие научные темы, связанные с похоронно-поминальной обрядностью чувашей. Так, терминологию похоронно-поминальной обрядности чувашей в сравнительно-сопоставительном аспекте исследовала Л.А. Афанасьева [1].

Мифоязыческое восприятие традиций и обрядов на примере мифов и языческой религии чувашей раскрыл Г.М. Матвеев [20].

На основе полевых и экспедиционных материалов особенности обряда похорон и поминок в различных локальных группах чувашей отразили Р.Н. Петрова [24], Г.Б. Матвеев [19], А.Г. Галлямова и Г.Р. Столярова [3], Е.А. Ягафова и А.И. Иванова [51, 52].

По материалам экспедиционных исследований кладбища и надмогильные памятники некрещеных чувашей Башкортостана описал и проанализировал В.В. Медведев [22].

Ритуальные блюда и напитки, а также особенности трапезы на чувашских похоронах и поминках исследовала Е.В. Сергеева [30, 31].

Погребальные и поминальные обряды чувашей с точки зрения современных религиозных практик, а также их бытование в различных этноконфессиональных сообществах исследованы в монографии Е.А. Ягафовой и И.Г. Петрова [53].

Ценным источником по затронутой проблеме является этнографический справочник по чувашской мифологии [45]. Авторы-составители научно-справочного издания в него включили многие слова и термины как похоронного, так и поминального циклов.

Такой же источниковой ценностью обладают аутентичные фольклорные тексты, с разных сторон раскрывающие похоронные и поминальные обычаи и обряды чувашей [46].

Надежным и незаменимым источником по теме являются опубликованные тексты по традиционным обрядам и верованиям чувашей, извлеченные из Научного архива ЧГИГН (автор-составитель А.К. Салмин) [33].

Выводы. Таким образом, советский и постсоветский периоды характеризуются более системным и углубленным подходом к изучению указанной проблемы. Данные исследования отличают широкий хронологический и территориальный охват, высокий научно-методический уровень, более широкое вовлечение в научный оборот архивных, полевых (экспедиционных) источников, участие в постановке и разработке проблемы ученых разных научных направлений – историков, археологов, этнографов, искусствоведов, лингвистов, фольклористов, философов, культурологов и др.

Несмотря на это, погребальный обряд чувашей так и не стал темой специального исследования. В подавляющем большинстве работ, за исключением лишь нескольких единичных публикаций, этот ритуал показывается обобщенно, без детализации и дифференциации в соответствии с этнографическими, этнотерриториальными и этноконфессиональными особенностями чувашского народа. В некоторых работах преобладает описательность и компилятивность, перенос отдельных локальных особенностей ритуала на похоронную обрядность всего чувашского народа. Кроме этого, в них отсутствуют целостный подход и сравнительно-сопоставительный анализ.

Возможно, в ближайшей перспективе эти недостатки будут преодолены, и на свет появятся специальные монографические исследования разной направленности, в которых обряд чувашских похорон и поминок найдет достойное освещение как по постановке проблемы, так и по глубине научного анализа.

Литература и источники

1. *Афанасьева Л.А.* Терминология похоронно-поминальной обрядности чувашей (опыт сравнительно-сопоставительного и этнолингвокультурологического исследования). Стерлитамак: СФ БашГУ, 2017. 167 с.
2. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Казань; Чебоксары, 1928–1950. Вып. I–XVII.
3. *Галлямова А.Г., Столярова Г.Р.* Язычники в советском и постсоветском времени (на примере чувашей с. Старое Суркино Республики Татарстан) // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 51–62.
4. *Данилов А.А., Данилова М.Г.* История создания труда Хейкки Паасонена «Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwassen» (Обычаи и народная поэзия чувашей. Хельсинки, 1949) // Вестник Чувашского университета. 2016. № 2. С. 37–41.
5. *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. 408 с.
6. *Денисов П.В.* Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. 477 с.
7. *Денисов П.В.* Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. 176 с.
8. *Иванов В.П.* История этнографии чувашского народа. Очерки. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2011. 112 с.
9. *Иванов Л.А.* Языческие надгробия на чувашских погребениях // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 47. С. 253–258.
10. *Каховский Б.В.* Дохристианский погребальный культ чувашского населения: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 1980. 306 с.
11. *Каховский Б.В.* Дохристианский погребальный обряд чувашей как материал к этногенезу // Болгары и чуваш: сб. ст. / ЧНИИ ЯЛИЭ. Чебоксары, 1984. С. 121–139.
12. *Каховский Б.В.* О некоторых параллелях погребального обряда волжских болгар и чувашского языческого населения // Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1979. Вып. 93. С. 101–108.

13. Каховский Б.В. Погребальный обряд чувашского языческого населения // Современные социальные и этнические процессы в Чувашской АССР / ЧНИИ ЯЛИЭ. Чебоксары, 1978. С. 118–146.
14. Каховский Б.В. Сходства в погребальной обрядности чувашей и венгров // Этнология религии чувашей: сб. ст. / ЧГИГН. Чебоксары, 2003. Вып. 1. С. 5–15.
15. Коровушкин Д.Г. Чувашаи Западной Сибири (этнодисперсная группа на современном этапе). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 1997. 93 с.
16. Крюкова Т.А. Коллекции и экспедиционные исследования Г.А. Никитина в Чувашской АССР // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 47. С. 238–242.
17. Кудряшов Г.Е. Динамика полисинкретической религиозности. Опыт историко-этнографического и конкретного социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания религиозных пережитков чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. 356 с.
18. Кудряшов Г.Е. Пережитки религиозных верований чуваш и их преодоление. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1961. 164 с.
19. Матвеев Г.Б. Экспедиции на Черемшан (праздники и обряды чувашей) // Этнология религии чувашей: сб. ст. / ЧГИГН. Чебоксары, 2003. Вып. 1. С. 113–139.
20. Матвеев Г.М. Мифологическая картина мира этноса (на примере мифов и языческой религии чувашского народа) / ЧГИГН. Чебоксары, 2012. 392 с.
21. Маторин Н.М. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь: язычество-ислам-православие-сектанство. М.: Безбожник, 1929. 174 с.
22. Медведев В.В. Кладбища и надмогильные сооружения некрещеных чувашей Башкортостана (по материалам исследования 2010 года) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 2(32). С. 375–384.
23. Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань: Третья Тип. Губ. Совета, 1919. 88 с.
24. Петрова Р.Н. Пытару йӓли-йӓрки (таврапӓлӓсӓ сьрнисем) (Погребальный обряд. Записки краеведа) // Материалы по этнографии и антропологии чувашей / ЧГИГН. Чебоксары, 1997. С. 185–191. (на чув. яз.).
25. Родионов В.Г. О системе чувашских языческих обрядов // Чувашская народная поэзия / ЧНИИ ЯЛИЭ. Чебоксары, 1990. С. 3–64.
26. Салмин А.К. Народная обрядность чувашей / отв. ред. А.А. Арутюнов; ЧГИГН. Чебоксары, 1994. 339 с.
27. Салмин А.К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 687 с.
28. Салмин А.К. Религиозно-обрядовая система чувашей / ЧГИГН. Чебоксары, 1993. 209 с.
29. Салмин А.К. Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.
30. Сергеева Е.В. Ритуальные блюда и напитки чувашей в семейной обрядности чувашей и их магические функции // Исследования по этнологии чувашского народа: сб. ст. / сост. и науч. ред. Е.В. Сергеева; ЧГИГН. Чебоксары, 2021. Вып. 1. С. 243–261.
31. Сергеева Е.В. Традиционная кухня и застольный этикет чувашей (конец XIX – начало XXI века). Историко-этнографическое исследование по материалам этнографической группы низовых чувашей. Чебоксары: ФИКИ, 2015. 172 с.
32. Симбирско-саратовские чувашаи / А.П. Долгова, Г.Н. Иванов, М.Г. Кондратьев и др.; под общ. ред. М.Г. Кондратьева; ЧГИГН. Чебоксары, 2004. 274 с.
33. Традиционная культура чувашей: тексты. Материалы Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук / подг. к изд. А.К. Салмин. СПб.: С-Петербург. гос. ун-т, 2014. 358 с.
34. Трофимов А.А. Чувашская народная деревянная скульптура (Монументальная форма) // Традиции и поиски в чувашском искусстве: сб. ст. / ЧНИИ ЯЛИЭ. Чебоксары, 1989. С. 3–42.
35. Трофимов А.А. Чувашская народная каменная скульптура // Исследования по древней и современной культуре чувашей: сб. ст. / ЧНИИ ЯЛИЭ. Чебоксары, 1987. С. 5–20.
36. Трофимов А.А. Чувашская народная культовая скульптура. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 240 с.
37. Черных А.В., Каменских М.С. Чувашаи в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб.: Маматов, 2014. 272 с.
38. Чувашаи / отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова. М.: Наука, 2017. 654 с.
39. Чувашаи: этнографическое исследование. Т. 2. Духовная культура / под ред. М.Я. Сироткина, М.И. Иванова. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1970. 308 с.
40. Чувашаи: история и культура. Историко-этнографическое исследование: в 2 т. / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 336 с.
41. Чувашаи Присвьяжья / А.П. Васильева, А.П. Долгова, В.П. Иванов и др. / под ред. В.П. Иванова и Г.Б. Матвеева. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 303 с.

42. Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы / В.П. Иванов, М.Г. Кондратьев, Г.Б. Матвеев и др.; ЧНИИ. Чебоксары, 1989. 136 с.
43. Чуваши Самарской Луки: моногр. иссл. / отв. ред. Г.Б. Матвеев; ЧГИГН. Чебоксары, 2003. 160 с.
44. Чуваши юга Тюменской области / [Г.Б. Матвеев, Е.В. Федотова]; науч. ред. Г.Б. Матвеев; ЧГИГН. Чебоксары, 2016. 288 с.
45. Чувашская мифология: этнографический справочник. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 591 с.
46. Чувашское народное творчество. Благословения и молитвословия / сост. и авт. коммент. В.П. Станьял, авт. предисл. В.Г. Родионов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 446 с. (на чув. яз.).
47. Ягафова Е.А. Праздники и обряды чувашей на рубеже XX – XXI в. Самара: СГСПУ, 2016. 179 с.
48. Ягафова Е.А. Самарские чувашы: историко-этнографические очерки. Конец XVII – начало XX в. Самара: Поволжье, 1998. 369 с.
49. Ягафова Е.А. Чуваши-мусульмане в XVIII – начале XXI века. Самара: ПГСГА, 2009. 128 с.
50. Ягафова Е.А. Чувашское «язычество» в XVIII – начале XXI века. Самара: СГПУ, 2007. 128 с.
51. Ягафова Е.А., Иванова А.И. Похоронно-поминальные обычаи и обряды чувашей Самарского Заволжья (бассейна р. Сок): традиции и современность // Традиционная культура. 2017. № 2(66). С. 45–56.
52. Ягафова Е.А., Иванова А.И. Похоронно-поминальные обычаи и обряды чувашей северо-востока Самарского Заволжья (верховья р. Большой Черемшан): традиции и современность // Традиционная культура. 2019. Т. 20, № 1. С. 79–90.
53. Ягафова Е.А., Петров И.Г. Религиозные практики чувашей: традиции и их трансформация / науч. ред. Е.А. Ягафова. Самара: СГСПУ, 2023. 352 с.
54. Paasonen H. Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwassen / Gesam. von Heikki Paasonen. Hrag. von Eino Karahka und Martti Räsänen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1949. 381 p.
55. Passek T., Latynin B. Sur la question des «Kamennye baby». Les joba Tchuvaches // Eurasia septentrionalis antiqua: Bulletin et mémoires consacrés à l'archéologie et l'ethnographie de l'Europe Orientale et de l'Asie du Nord. IV. Helsingfors, 1929. P. 290–311.

ПЕТРОВ ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Россия, Уфа (ipetrov62@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8664-3004>).

Igor G. PETROV

**FUNERAL AND MEMORIAL RITES OF THE CHUVASH
IN SCIENTIFIC RESEARCH WORKS OF THE XX – EARLY XXI CENTURY:
TO THE HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM**

Key words: the Chuvash, funeral and memorial customs and rituals, research works, historiography.

The article presents the history of studying funeral and memorial rites of the Chuvash during the century period between the twentieth and the beginning of the XXI century. The problem under discussion is relevant and of both scientific and practical interest. Despite the fact that the history of ethnographic studying the Chuvash people has been covered many times in previous publications, this area in the historiographical aspect has not been specifically considered or it was analyzed in general terms along with other issues.

The purpose of the study is to conduct a brief review of the literature on funeral and memorial rites of the Chuvash from the XX century to the beginning of the XXI century. The scientific novelty of the article lies in primacy of the problem statement and its scientific analysis.

Materials and methods. The article is based on the analysis of literary and documentary materials using the chronological method – the study of historical events and facts from the perspective of sequence, movement and changes in accordance with the progressive course of historical time. The research was conducted using the methods of analysis, synthesis, systematization, historicism, objectivity, consistency and concreteness.

Research results. The work shows the historiography of studying funeral rites and funeral feasts of the Chuvash of the Ural-Volga region in the Soviet (1920–1990-ies) and post-Soviet (1990s – the first decade of the XXI century) periods. It was made taking into account the most significant publications on the subject in question that were published during the period under study. The historiographical review and analysis of the literature show that, compared with previous eras, the Soviet and the post-Soviet periods are characterized by a more systematic and in-depth approach to the study of this problem. Research on this topic is distinguished by a wide chronological and territorial coverage, a high scientific and methodological level, introduction of archival, field (expedition) sources into scientific circulation, a comprehensive development of the topic with participation of scientists of different specialties – historians, ethnographers, art historians, linguists, folklorists, philosophers, cultural studies scholars, etc. Despite this, the funeral rite of the Chuvash did not become a topic of special and in-depth study. In the vast majority of studies, customs and rituals associated with human death are shown generically, without detailing and differentiation in accordance with the ethnographic, ethno-territorial and ethno-confessional characteristics of the Chuvash people. They lack a holistic approach and comparative analysis, descriptiveness and compilation prevail, the transfer of individual or local features of the ritual to the funeral rites of the entire Chuvash people.

Conclusions. To date, a huge amount of information has been accumulated on the funeral and memorial rites of the Chuvash in the Russian science, including during the chronological period under consideration, however, an attempt aimed at its holistic characterization and analysis in the form of a special scientific study has not been undertaken yet and is waiting for its researcher. Perhaps in the near future, this gap in Chuvash studies will be overcome and this type of family ritualism will be studied appropriately.

References

1. Afanas'eva L.A. *Terminologiya pokhoronno-pominal'noi obryadnosti chuvashoi (opyt sravnitel'no-sopostavitel'nogo i etnolingvokulturologicheskogo issledovaniya)* [Terminology of funeral and memorial rite of chuvashs (experience of comparative and ethnolingvological research)]. Sterlitamak, Sterlitamak branch of Baskir State University Publ., 2017, 167 p.
2. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [The Chuvash language dictionary]. Cheboksary, 1928–1950, iss. I–XVII.
3. Gallyamova A.G., Stolyarova G.R. *Yazychniki v sovetskom i postsovetskom vremeni (na primere chuvashoi s. Staroe Surkino Respubliki Tatarstan)* [Pagans in the Soviet and post-Soviet times (on the example of the chuvash village of Old Surkino of the Republic of Tatarstan)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2015, no. 5, pp. 51–62.
4. Danilov A.A., Danilova M.G. *Istoriya sozdaniya truda Kheikki Paasonena «Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwassen» (Obychai i narodnaya poeziya chuvashoi)* [The history of the creation of Heikki Paasonen's work «Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwassen» (Customs and folk poetry of the chuvashs)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2016, no. 2, pp. 37–41.
5. Denisov P.V. *Religioznye verovaniya chuvash: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Chuvash religious beliefs: historical and ethnographic essays]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1959, 408 p.
6. Denisov P.V. *Religiya i ateizm chuvashskogo naroda* [Religion and atheism of the Chuvash people]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1972, 477 p.
7. Denisov P.V. *Etnokul'turnye paralleli dunaiskikh bolgar i chuvashoi* [Ethnocultural parallels of the Danube Bulgarians and Chuvashs]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1969, 176 p.
8. Ivanov V.P. *Istoriya etnografii chuvashskogo naroda. Ocherki* [History of ethnography of the Chuvash people. Essays]. Cheboksary, 2011, 112 p.
9. Ivanov L.A. *Yazycheskie nadgrobiya na chuvashskikh pogrebeniyakh* [Pagan tombstones at the Chuvash burials]. In: *Uchenye zapiski ChNII. Vyp. 47* [Scientific notes of the Chuvash Research Institute. Issue 47]. Cheboksary, 1969, pp. 253–258.
10. Kakhovskii B.V. *Dokhristianskii pogrebal'nyi kul't chuvashskogo naseleniya: dis. ... kand. ist. nauk* [Pre-Christian funeral cult of the Chuvash population. Cand. Diss.] Cheboksary, 1980, 306 p.
11. Kakhovskii B.V. *Dokhristianskii pogrebal'nyi obryad kak material k etnogenezu* [Pre-Christian funeral rite of Chuvashs as material for ethnogenesis]. In: *Bolgary i chuvashi: sb. st.* [Bulgarians and Chuvashs: collection of articles]. Cheboksary, 1984, pp. 121–139.
12. Kakhovskii B.V. *O nekotorykh parallel'yakh pogrebal'nogo obryada volzhskikh bolgar i chuvashskogo yazycheskogo naseleniya* [About some parallels of the funeral rite of the Volga Bulgarians and the Chuvash pagan population]. In: *Trudy ChNII. Vyp. 93* [Proceedings of the Chuvash Research Institute. Issue 93]. Cheboksary, 1979, pp. 101–108.
13. Kakhovskii B.V. *Pogrebal'nyi obryad chuvashskogo yazycheskogo naseleniya* [Funeral rite of the Chuvash pagan population]. In: *Sovremennye sotsial'nye i etnicheskie protsessy v Chuvashskoi*

ASSR: sb. st. [Modern social and ethnic processes in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic], Cheboksary, 1978, pp. 118–146.

14. Kakhovskii B.V. *Skhodstva v pogrebal'noi obryadnosti chuvashei i vengrov* [Similarities in the funeral rites of the Chuvashs and Hungarians]. In: *Etnologiya religii chuvashei: sb. st. Vyp. 1* [Ethnology of the Chuvash religion. Festschrift. Issue 1]. Cheboksary, 2003, pp. 5–15.

15. Korovushkin D.G. *Chuvashi Zapadnoi Sibiri (etnodispersnaya gruppa na sovremennom etape)* [Chuvash of Western Siberia (ethnodisperse group at the present stage)]. Novosibirsk, Institute of Archeology and Ethnography Publ., 1997, 93 p.

16. Kryukova T.A. *Kolleksii i ekspeditsionnye issledovaniya G.A. Nikitina v Chuvashskoi ASSR* [Collections and expeditionary research G.A. Nikitin in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic. In: *Uchenye zapiski ChNIL. Vyp. 47* [Scientific notes of the Chuvash Research Institute. Issue 47]. Cheboksary, 1969, pp. 238–242.

17. Kudryashov G.E. *Dinamika polisinkreticheskoi religioznosti. Opyt istoriko-etnograficheskogo i konkretnogo sotsiologicheskogo issledovaniya genezisa, evolyutsii i otmiraniya religioznykh perezhitkov chuvashei* [Dynamics of polysyncretic religiosity. The experience of historical, ethnographic and specific sociological research of the genesis, evolution and death of religious remnants of the Chuvashs] Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1974, 356 p.

18. Kudryashov G.E. *Perezhitki religioznykh verovanii chuvash i ikh preodolenie* [Vestiges of Chuvash religious beliefs and overcoming them]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1961, 164 p.

19. Matveev G.B. *Ekspeditsii na Cheremshan (prazdniki i obryady chuvashei)* [Expeditions to Cheremshan (holidays and rites of the Chuvash)]. In: *Etnologiya religii chuvashei: sb. st. Vyp. 1* [Ethnology of the Chuvash religion. Festschrift. Issue 1]. Cheboksary, 2003, pp. 113–139.

20. Matveev G.M. *Mifyozaycheskaya kartina mira etnosa (na primere mifov i yazycheskoi religii chuvashskogo naroda)* [Mythological picture of the ethnos world (using the example of myths and the pagan religion of the Chuvash people)]. Cheboksary, 2012, 392 p.

21. Matorin N.M. *Religiya u narodov Volzhsko-Kamskogo kraja prezhde i teper': yazychestvo-islam-pravoslavie-sektanstvo* [Religion among the peoples of the Volga-Kama region before and now: paganism-Islam-Orthodoxy-sectarianism]. Moscow, 1929, 174 p.

22. Medvedev V.V. *Kladbishcha i nadmogil'nye sooruzheniya nekreshchenykh chuvashei Bashkortostana (po materialam issledovaniya 2010 goda)* [Cemeteries and grave structures of unbaptized Chuvash in Bashkortostan (based on 2010 research)]. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 2011, no. 2 (32), pp. 375–384.

23. Nikol'skii N.V. *Kratkii konspekt po etnografii chuvash* [Brief synopsis on Chuvash ethnography]. Kazan, 1919, 88 p.

24. Petrova R.N. *Pogrebal'nyi obryad. Zapiski kraevedy* [Funeral rite. Notes of a local historian]. In: *Materialy po etnografii i antropologii chuvashei* [Materials on anthropology and ethnography of the Chuvashy]. Cheboksary, Chuvash State Institute for the Humanities Publ., 1997, pp. 185–191.

25. Rodionov V.G. *O sisteme chuvashskikh yazycheskikh obryadov* [On the system of Chuvash pagan rites]. In: *Chuvashskaya narodnaya poeziya* [Chuvash folk poetry]. Cheboksary, 1990, pp. 3–64.

26. Salmin A.K. *Narodnaya obryadnost' chuvashei* [Folk Rites of the Chuvashs]. Cheboksary, 1994, 339 p.

27. Salmin A.K. *Prazdniki, obryady i verovaniya chuvashskogo naroda* [Holidays, rites and beliefs of the Chuvash people]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2016, 687 p.

28. Salmin A.K. *Religiozno-obryadovaya sistema chuvashei* [Religious and ritual system of the Chuvashs]. Cheboksary, 1993, 209 p.

29. Salmin A.K. *Sistema religii chuvashei* [Religion system of Chuvashs]. S-Petersburg, Nauka Publ., 2007, 654 p.

30. Sergeeva E.V. *Ritual'nye blyuda i napitki chuvashei v semeinoi obryadnosti chuvashei i ikh magicheskie funktsii* [Ritual dishes and drinks of the Chuvashs in the family rites of the Chuvashs and their magical functions]. In: *Issledovaniya po etnologii chuvashskogo naroda: sb. st.* [Studies on ethnology of the Chuvash people: collection of articles]. Cheboksary, 2021, iss. 1, pp. 243–261.

31. Sergeeva E.V. *Traditsionnaya kukhnya i zastol'nyi etiket chuvashei (konets XIX – nachalo XXI veka).* *Istoriko-etnograficheskoe issledovanie po materialam etnograficheskoi gruppy nizovykh chuvashei* [Traditional cuisine and table etiquette of the Chuvashs (late XIX – early XXI century). Historical and ethnographic research based on materials from the ethnographic group of lower Chuvashs]. Cheboksary, 2015, 172 p.

32. *Simbirsko-saratovskie chuvashi* [Chuvashs of Simbirsk-Saratov region]. Cheboksary, 2004, 274 p.

33. *Traditsionnaya kul'tura chuvashei: teksty. Materialy Nauchnogo arkhiva Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk* [Traditional Chuvash culture: texts. Materials of the Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2014, 358 p.

34. Trofimov A.A. *Chuvashskaya narodnaya derevyannaya skulptura (Monumental'naya forma)* [Chuvash folk wooden sculpture (Monumental form)]. In: *Traditsii i poiski v chuvashskom iskusstve: sb. st.* Cheboksary, Chuvash Research Institute, 1989, pp. 3–42.

35. Trofimov A.A. *Chuvashskaya narodnaya kamennaya skulptura* [Chuvash folk stone sculpture]. In: *Issledovaniya po drevnei i sovremennoi kul'ture chuvashei: sb. st.* [Studies on ancient and modern Chuvash culture: collection of articles]. Cheboksary, 1987, pp. 5–20.
36. Trofimov A.A. *Chuvashskaya narodnaya kul'tovaya skulptura* [Chuvash folk cult sculpture]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1993, 240 p.
37. Chernykh A.V., Kamenskikh M.S. *Chuvashi v Permskom krae: ocherki istorii i etnografii* [Chuvashes in the Perm Territory: essays on history and ethnography]. St. Petersburg, 2014, 272 p.
38. *Chuvashi* [Chuvashes]. Moscow, Nauka Publ., 2017, 654 p.
39. *Chuvashi: etnograficheskoe issledovanie* [Chuvashes: ethnographic researches]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1970, vol. 2, 308 p.
40. *Chuvashi: istoriya i kul'tura. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Chuvashes: history and culture. Historical and ethnographic research]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2009, vol. 1-2.
41. *Chuvashi Prisiviyazh'ya* [Chuvashes of Prisiviyazhje areal]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2015, 303 p.
42. *Chuvashi Priural'ya: kul'turno-bytovye protsessy* [Chuvashes of Cisural areal: cultural and everyday processes]. Cheboksary, 1989, 136 p.
43. *Chuvashi Samarskoi Luki* [Chuvashes of Samarskaya Luka areal]. Cheboksary, Chuvash State Institute for the Humanities Publ., 2003, 160 p.
44. *Chuvashi yuga Tyumenskoi oblasti* [Chuvashes of the south of the Tyumen region]. Cheboksary, Chuvash State Institute for the Humanities Publ., 2016, 288 p.
45. *Chuvashskaya mifologiya: etnograficheskii spravochnik* [Chuvash mythology: ethnographic handbook]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2018. 591 p.
46. *Chuvashskoe narodnoe tvorchestvo. Blagosloveniya i molitvosloviya* [Chuvash folk art. Blessings and Prayers]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2005, 446 p.
47. Yagafova E.A. *Prazdniki i obryady chuvashei na rubezhe XX – XXI veka* [Holidays and rites of the Chuvashes at the turn of the XX – XXI centuries]. Samara, 2016, 179 p.
48. Yagafova E.A. *Samarskie chuvashi: istoriko-etnograficheskie ocherki. Konets XVII – nachalo XX veka.* [Samara Chuvashes: historical and ethnographic essays. The end of the XVII – the beginning of the XX century]. Samara, 1998, 369 p.
49. Yagafova E.A. *Chuvashi-musul'mane v XVIII – nachale XXI veka* [Chuvash-muslims in the XVIII – early XXI centuries]. Samara, 2009, 128 p.
50. Yagafova E.A. *Chuvashskoe «yazychestvo» v XVIII – nachale XXI veka* [Chuvash «paganism» in the XVIII – early XXI centuries]. Samara, 2007, 128 p.
51. Yagafova E.A., Ivanova A.I. *Pokhoronno-pominal'nye obychai i obryady chuvashei Samarskogo Zavolzh'ya (basseina r. Sok): traditsii i sovremennost'* [Funeral and memorial customs and rites of the Chuvashes of the Samara Volga region (Sok river basin): traditions and modernity]. *Traditsionnaya kul'tura*, 2017, no. 2(66), pp. 45–56.
52. Yagafova E.A., Ivanova A.I. *Pokhoronno-pominal'nye obychai i obryady chuvashei severo-vostoka Samarskogo Zavolzh'ya (verkhov'ya r. Bol'shoi Cheremshan): traditsii i sovremennost'* [Funeral and memorial customs and rites of the Chuvashes north-east of the Samara Volga region (upper reaches of the Bolshoi Cheremshan river): traditions and modernity]. In: *Traditsionnaya kul'tura*, 2019, vol. 20, no. 1, pp. 79–90.
53. Yagafova E.A., Petrov I.G. *Religioznye praktiki chuvashei: traditsii i ikh transformatsiya* [Religious practices of the Chuvashes: traditions and their transformation]. Samara, 2023, 352 p.
54. Paasonen N. *Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwassen.* Helsinki, Suomalais-ugrilainen seura, 1949, 381 p.
55. Passek T., Latynin B. Sur la question des «Kamennye baby». Les joba Tchuvaches In: *Eurasia septentrionalis antiqua: Bulletin et mémoires consacrés à l'archéologie et l'ethnographie de l'Europe Orientale et de L'Asie du Nord.* Helsingfors, 1929, iss. IV, pp. 290–311.

IGOR G. PETROV – Candidate of Historical Sciences, Senior researcher, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia, Ufa (ipetrov62@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8664-3004>).

Формат цитирования: Петров И.Г. Похоронно-поминальная обрядность чувашей в научных исследованиях XX – начала XXI века: к историографии вопроса // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 117–128. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-117-128.

**В.И. ЧАПАЕВ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ В СВЕТЕ АНАЛИЗА
ДОКУМЕНТОВ И ВОСПОМИНАНИЙ**

Ключевые слова: В.И. Чапаев, А.В. Чапаев, Д.А. Фурманов, Н.М. Хлебников, И.С. Кутяков, С.Ф. Данильченко, Гражданская война.

Василий Иванович Чапаев входит в плеяду наиболее легендарных фигур в истории России. Его имя прочно связано с Гражданской войной 1917–1922 гг., его жизнь и деятельность широко освещались в литературе, кинематографе и народном творчестве. Личность В.И. Чапаева сопровождается множеством мифов и легенд, проверить которые можно с помощью документов и воспоминаний.

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить, какие стороны жизни легендарного полководца в источниках освещены подробно, а какие аспекты раскрыты не полностью.

Для достижения поставленной цели будут решены следующие задачи: выявление и анализ основных источников, характеризующих жизнь и деятельность В.И. Чапаева; оценка достоверности и объективности различных типов источников; сравнение воспоминаний о В.И. Чапаеве по степени близости автора к легендарному начдиву, в чём у мемуаристов есть разногласия.

Материалы и методы. Для достижения цели исследования использовалась совокупность общенаучных и конкретно-исторических методов. Историко-хронологический метод был использован для реконструкции биографии В.И. Чапаева и хронологии событий, в которых он участвовал; сравнительно-исторический метод – для анализа различных источников, посвященных В.И. Чапаеву, и выявления их сходств и различий; герменевтический метод – для интерпретации текстов документов, воспоминаний и исторических произведений; метод исторической критики – для оценки достоверности и объективности источников. Источниковой базой исследования послужили сборники архивных документов, биографические исследования и воспоминания, посвященные В.И. Чапаеву.

Результаты исследования. Исследование документальных источников и воспоминаний о В.И. Чапаеве выявило ряд особенностей, влияющих на их историческую ценность и достоверность. Основным типом документов, представленных в публикациях, являются приказы, донесения о боевых действиях и телеграммы. Воспоминания родных и сослуживцев дают большее представление о личных качествах В.И. Чапаева, обытоывая его, но имеют субъективный характер.

Выводы. Документальные источники, посвященные В.И. Чапаеву, показывают его как героя революции, характеризуя его как талантливого полководца и храброго командира. При этом отмечается его непростой характер. Представленная в источниках информация сосредоточена на боевых операциях и военных результатах. Воспоминания ближайших соратников начдива: Н.М. Хлебникова, С.Ф. Данильченко, Д.А. Фурманова, И.С. Кутякова, ценны, так как эти люди были непосредственными свидетелями жизни и деятельности В.И. Чапаева, при этом сведения, которые они приводят, зачастую противоречивы.

Введение. В 2024 г. исполняется 105 лет с момента гибели легендарного начдива периода Гражданской войны В.И. Чапаева. Его личность тесно связана с различными мифами и легендами. Их правдивость зачастую можно установить лишь с помощью документов, описывающих его деятельность, а также воспоминаний сослуживцев и родных, раскрывающих подробности его жизни. Существует множество документов и исторических произведений о В.И. Чапаеве, но и их достоверность и объективность варьируются. Необходим критический анализ этих источников для выявления наиболее надежных и точных данных.

Несмотря на многочисленные исследования, посвященные биографии В.И. Чапаева, комплексного обзора и анализа источников, характеризующих его жизнь и деятельность, до сих пор не проводилось. Данное исследование представляет анализ документальных источников и воспоминаний, связанных с жизнью В.И. Чапаева.

Материалы и методы. Для достижения цели исследования использовалась совокупность общенаучных и конкретно-исторических методов. Историко-хронологический метод был использован для реконструкции биографии В.И. Чапаева и хронологии событий, в которых он участвовал; сравнительно-исторический метод – для анализа различных источников, посвященных В.И. Чапаеву, и выявления их сходств и различий; герменевтический метод – для интерпретации текстов документов, воспоминаний и исторических произведений; метод исторической критики – для оценки достоверности и объективности источников. Источниковой базой исследования послужили сборники архивных документов, биографические исследования и воспоминания, посвященные В.И. Чапаеву.

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить, какие стороны жизни легендарного полководца в источниках освещены подробно, а по каким аспектам источники недостаточно раскрывают деятельность В.И. Чапаева.

Для достижения поставленной цели будут решены следующие задачи: выявление и анализ основных источников, характеризующих жизнь и деятельность В.И. Чапаева; оценка достоверности и объективности различных типов источников; сравнение воспоминаний о В.И. Чапаеве по степени близости автора к легендарному начдиву.

Результаты исследования. Данная статья даёт научную характеристику документальных материалов, а также воспоминаний о В.И. Чапаеве в порядке их публикации.

Василий Иванович Чапаев является одним из самых знаменитых участников Гражданской войны, чья биография была и остаётся в фокусе внимания ряда исследователей. Материалы, посвящённые его жизни и деятельности, включают в себя нарративные источники, источники личного происхождения, вещественные источники, музейные коллекции и др. В данной статье в центре внимания будут документальные источники о легендарном начдиве, а также воспоминания его соратников и родных.

Поводом для активизации поиска и публикации источников о В.И. Чапаеве стал выход на советские киноэкраны в 1934 г. фильма «Чапаев». Кинокартина обрела культовый статус и привлекла внимание к личности полководца не только простых зрителей, но и историков, журналистов, ученых и др.

В 1934 г. в ежемесячном научно-популярном историческом журнале «Борьба классов» (с 1937 г. «Исторический журнал») были опубликованы 7 архивных документов, в их числе: боевые донесения, приказы за осень 1918 г., май 1919 г., подписанные В.И. Чапаевым, постановление собрания представителей эскадронов и рот Николаевской дивизии (после Гражданской войны 25-й стрелковой дивизии имени В.И. Чапаева), где отмечаются боевые заслуги начальника дивизии. Также приводится Приказ Реввоенсовета Республики о награждении В.И. Чапаева орденом Красного Знамени за умелое руководство войсками и личную храбрость от 14 июля 1919 г.: «Награждается орденом Красного Знамени начальник 25 стрелковой дивизии Василий Иванович Чапаев за нижеследующие отличия: Соорганизовав по революционному почину

отряд, в течение мая, июня, июля, августа и сентября 1918 г. упорно оборонял Саратовско-Николаевский район сначала от нападения уральских казаков, а потом и чехословаков. 6 и 7 октября 1918 г., руководя отрядом (Николаевской дивизией), на подступах к Самаре, занятой чехословаками, одним из первых переправился через р. Самарка, воодушевляя тем свои и соседние части, что способствовало быстрой переправе частей и занятию Самары. Всегда предводительствуя своими частями, он храбро и самоотверженно сражался в передовых цепях, неоднократно был ранен и контужен, но всегда оставался в строю. Благодаря его умелым маневрам Александрово-Гайской бригадой были разбиты казачьи банды генерала Толстова, что дало возможность овладеть Уральской областью. Назначенный начальником 25 стрелковой дивизии в дни катастрофического положения Самары, когда противник отстоял от нее в двух переходах, он с дивизией был выдвинут в центр наступающих сил противника под Бугуруслан. Настойчивыми стремительными ударами и искусными маневрами он остановил наступление противника и в течение полутора месяцев овладел городами Бугурусланом, Белбеем и Уфой, чем и спас Среднее Поволжье и возвратил Уфимско-Самарский хлебный район. В боях под Уфой (8 июля сего года) при форсировании р. Белая лично руководил операцией и был ранен в голову, но, несмотря на это, не оставил строя и провел операцию, закончившуюся взятием г. Уфа» [8. С. 51–55].

В 1939 г. в «Военно-историческом журнале» были размещены 12 документов, связанных с деятельностью В.И. Чапаева. Это преимущественно боевые приказы 25-й стрелковой дивизии, подписанные начальником дивизии В.И. Чапаевым и комиссаром дивизии Д.А. Фурмановым. Документы относятся к периоду апрель-май 1919 г. Среди них Приказ по 25-й стрелковой дивизии о вступлении В.И. Чапаева в командование дивизией от 9 апреля 1919 г. [4. С. 133–146].

В 1939–1940 гг. в научно-историческом журнале «Красный архив» была осуществлена публикация «Боевой путь В.И. Чапаева (Документы)», которая включала в себя свыше 100 документов, характеризующих боевую деятельность В.И. Чапаева и 2-й Николаевской, а затем 25-й стрелковой дивизии за период: сентябрь 1918 г. – сентябрь 1919 г. Были представлены приказы, боевые донесения, телеграммы и др. Выпуск документов был разделен на две части.

В 6-м томе за 1939 г. публикация сопровождалась вводной статьёй В. Петрова и С. Орестова, посвящённой 20-летию со дня рождения В.И. Чапаева и характеризующей военные события периода Гражданской войны, участником которых был легендарный начдив [10. С. 141–176].

Здесь же приводится крайне спорный фрагмент из биографии В.И. Чапаева, написанной Д.А. Фурмановым 7 октября 1919 г.: «Точную и подробную биографию покойного Василия Ивановича Чапаева я не знаю. Чапаев – сын артиста цыгана и дочери Казанского губернатора, фамилию которого не помню. Когда девушка, губернаторская дочь, забеременела, цыган бросил ее и скрылся бесследно.... При родах губернаторская дочка умерла. Ее матушка губернаторша, не пожелав воспитывать “незаконного” внука, отдала его на воспитание брату своего кучера. Этот воспитатель покойного Чапаева, глубокий седой старик, вместе со своей старухой живут и до сих пор в селе Вязовка, Пугачевского уезда» [10. С. 149]. Данный рассказ не подтверждается документально, более того, согласно записи в метрической книге Вознесенской церкви, В.И. Чапаев родился в д. Будайка Чебоксарского уезда Казанской губернии в крестьянской семье. Таким образом, вполне вероятно, что начдив приукрасил своё происхождение в беседе с Д.А. Фурмановым [7. Л. 552об.–553].

Вторая часть «Боевого пути В.И. Чапаева» была опубликована в 1940 г. в 1-м томе «Красного архива». Представленные в данной публикации документы посвящены периоду деятельности В.И. Чапаева после возвращения из Академии Генерального штаба. В основном публикуются приказы начдива и телеграммы. Особое внимание уделено действиям 25-й стрелковой дивизии в Уфимской операции и снятию блокады Уральска [11. С. 68–124]. В конце подборки документов приводится статья Д.А. Фурманова «Последние часы Чапаева». В ней говорится о последнем бое легендарного начдива: «Существует несколько версий о том, как погиб Чапаев, но одна из них является наиболее часто повторяемой, наиболее вероятной... Чапаев всё еще крепится. Он в одной руке держит винтовку, в другой револьвер. Выхода совершенно никакого нет, но он все еще не сдается. Уже много трупов полегло вокруг него, много бойцов утонуло в холодных волнах, а Чапаев, словно привидение, все еще стоит на обрыве. Кто видел – говорит, что это была замечательная, сильная, душу раздирающая картина. Он был уже ранен в руку и в лицо. По щеке струилась кровь, он вытирал ее рукавом рубахи. Потом видели, как он опустился на землю, может быть раненый еще раз. Снял сапоги и кинулся в волны.... Иные говорят, что он все-таки доплыл до следующего берега и уже только на берегу умер от жестокой раны, полученной от пущенной вдогонку с другого берега пули. Казаки по обеим сторонам Лбищенска поставили пулеметы и косили жестоким огнем всех, кидавшихся в воду. Одна из этих пуль, видимо, положила и Чапая. Иные говорили, что он забрался на бродившего в степи верблюда и уехал. Но все это маловероятно. Чапаев утонул в Урале» [11. С. 121–122]. Сам Д.А. Фурманов участником этих событий не являлся, так как к тому времени отбыл в штаб Туркестанского фронта.

В 1957 г. в Саратове издаётся сборник документов, посвящённых начальному этапу Гражданской войны и событиям, происходившим в Саратовской губернии. В их числе документы за март–сентябрь 1918 г. о деятельности В.И. Чапаева в качестве члена Саратовского Военного Совета. В частности, представлено Распоряжение военного комиссара В.И. Чапаева Березовскому, Сулакскому, Липовскому и Баронскому Советам депутатов о проведении мобилизации в Красную гвардию от 9 апреля 1918 г. [1]. В 1958 г. в свет выходит книга «Самарская губерния в годы Гражданской войны, 1918–1920 гг.: документы и материалы». В ней был представлен ряд документов, относящихся к биографии легендарного начдива [16].

Самым полным изданием архивных документов, посвящённых деятельности В.И. Чапаева, является публикация «Легендарный начдив. Сборник документов». Вошедшие в сборник документы освещают боевой путь В.И. Чапаева начиная с периода Первой мировой войны, а также сведения о сформированных им частях и соединениях в годы Гражданской войны. Представленные документы характеризуют В.И. Чапаева как храброго солдата Первой мировой войны, организатора красногвардейских отрядов в Поволжье, как талантливого, смелого, решительного командира Красной армии. В сборнике представлено 319 документов. Отдельно приводится краткая историческая справка о биографии В.И. Чапаева [13].

Ещё одним видом источников, позволяющих более подробно изучить жизнь и деятельность В.И. Чапаева, являются воспоминания его сослуживцев и сведения, сохранившиеся в семье легендарного полководца.

Соратником начдива, до конца жизни неоднократно возвращавшимся к биографии В.И. Чапаева, был И.С. Кутяков, ставший после гибели легендарного полководца следующим начальником 25-й стрелковой дивизии. Помимо консультирования братьев Васильевых в ходе их работы над кинофильмом, в своих книгах «С Чапаевым по уральским степям», «Боевой путь Чапаева» он попытался как отразить события Гражданской войны, так и рассказать о доверенной биографии своего товарища. Стоит отметить, что он, однако, некритически отнёсся к личным воспоминаниям о дружеских беседах с Чапаевым в перерывах между боями, вставив множество непроверенных сведений, совмещая их с подлинными фактами [12].

Подробности деятельности В.И. Чапаева на постах уездного комиссара по внутренним и военным делам в Николаевске были описаны в статьях историка И.Т. Стрельцова, вышедших в сборниках материалов «Красная быль» Самарского отделения Истпарта в 1923 г., в хронике «1918 год в Самарской губернии» партийного историка Ф.Г. Попова и статьях Е.Н. Артёмова, работавших в Куйбышевском и Чебоксарском архивах. О недолгом периоде обучения В.И. Чапаева в Академии Генштаба оставили воспоминания его сокурсники С.М. Мищенко, А.Ф. Фёдоров, И.В. Тюленев. Отдельные эпизоды его военной деятельности представлены в воспоминаниях его ординарцев и работников штаба. В разные годы были опубликованы воспоминания С.Ф. Данильченко «Каким я знал Чапаева», П.С. Евлампиева «Вместе с Чапаевым», В.В. Козлова «Наш Чапай» и др.

«Когда я вошёл в комнату, где мне предстояло жить, то первое, что увидел в проходе между кроватями, взад и вперёд шагал, вернее, не шагал, а метался, как тигр в клетке, военный лет 30-ти. Увидев меня, он остановился и громко с издёвкой сказал: “Ещё одна птичка пожаловала, что брат, фронт тебе надоел”, в ответ я только махнул рукой. Мой новый знакомый горячо выпалил: “Приказали? Мне тоже приказали. Надо же придумать такое, боевых людей за парту”. Это был Василий Иванович Чапаев. Много вечеров просидели мы с ним над учебниками и топографическими картами» [17]. Этот фрагмент воспоминаний даёт понять, что для В.И. Чапаева приоритетным было непосредственное участие в военных действиях, а не нахождение в это время в стенах академии.

Один из первых биографов легендарного начдива А.Д. Михайлов в 1932 г. опубликовал свои воспоминания о нём. Он приводит следующий рассказ Василия Ивановича: «Ну вот, товарищи, захожу я, примерно, в село, объявляю, чтобы ко мне записывались добровольцами в отряд. Кроме того, объявляю мобилизацию. И вот многие являются... А некоторые не хотят идти. Прячутся... Что вы с ними будете делать? Наступают казаки. Там чехи прут вовсю. Гибнет Советская власть, а он не хочет, в коноплях сидит... А как возьмёшь его, разложишь при народе, да как всыплешь пятнадцать или двадцать пять одному, то десять сами добровольно в отряд побегут» [14. С. 37–38].

В 1961 г. выходят в свет воспоминания личного шофёра В.И. Чапаева В.В. Козлова. В них он делится впечатлениями от первой встречи с полководцем, а также описывает различные ситуации, участником которых он был [9]. К 130-летию со дня рождения В.И. Чапаева Российским государственным военным архивом была опубликована фонозапись воспоминаний личного шофёра начдива. В них, в частности, рассказывается о первой встрече и первом сражении,

где В.В. Козлов был вместе в В.И. Чапаевым: «... Запомнилась картина, Чапаев без фуражки в защитном френче и галифе, перепоясан крест на крест ремнями, стоя что-то диктует машинистке... Первое, что я почувствовал, это простоту Чапаева в обращении с человеком, всю мою робость как рукой сняло» [3].

Подробными воспоминаниями о легендарном начдиве в своих произведениях поделился ставший впоследствии видным военачальником С.Ф. Данильченко. Им было подготовлено к изданию несколько работ, посвящённых периоду Гражданской войны. В 1967 г. вышли в свет его воспоминания, а в 1972 г. им была опубликована книга «Чапаев и чапаевцы». Автор в период Гражданской войны был командиром 220-го полка 25-й стрелковой дивизии и соратником В.И. Чапаева [5].

Одной из наиболее полных работ, посвящённых в том числе и воспоминаниям сослуживцев В.И. Чапаева, является книга историка и журналиста М.А. Жохова «Говорят чапаевцы. Документы. Воспоминания. Материалы». В сборнике рассказывается о подготовке и осуществлении 25-й стрелковой дивизией под командованием В.И. Чапаева операции по взятию Уфы. Впервые здесь опубликован ряд документов о биографии М.В. Фрунзе и В.И. Чапаева, а также биографические данные о командирах и политработниках дивизии [6].

В 1975 г. Н.М. Хлебников издаёт книгу о боевом пути 25-й стрелковой дивизии. Большая часть материалов относится к периоду Великой Отечественной войны. При этом ряд сведений посвящён Гражданской войне и воспоминаниям о встрече с В.И. Чапаевым. Также приведены краткие биографии чапаевцев и список чапаевцев-интернационалистов [19].

Не все воспоминания о знаменитом полководце были опубликованы в виде печатных изданий. В Российском государственном архиве социально-политической истории хранятся неопубликованные мемуары С.Н. Потехина, начальника пулемётной команды, а затем и командира полка Чапаевской дивизии. В них, в частности, представлены различные воспоминания о совместной деятельности с В.И. Чапаевым, а также рассказы о боевых действиях 25-й стрелковой дивизии [15].

Самым известным советским литературным произведением о легендарном начдиве является роман Д.А. Фурманова «Чапаев». Само произведение во многом основано на дневниках писателя, являвшегося в годы Гражданской войны комиссаром 25-й стрелковой дивизии. Его дневники и письма не раз публиковались. В них можно познакомиться как с описанием внешности В.И. Чапаева, так и с различными событиями из его жизни, причём зачастую записанными со слов самого полководца [18. С. 98–138].

В воспоминаниях, оставленных соратниками легендарного начдива, В.И. Чапаев предстаёт храбрым командиром и талантливым полководцем, пусть и с не самым простым и покладистым характером. Подобное же мнение содержится и в воспоминаниях старшего сына начдива А.В. Чапаева. Но помимо схожей характеристики, он вспоминает ещё и о В.И. Чапаеве как об отце: «Такой же сухощавый, как и я, такого же примерно роста, голубые глаза, жидкие, как у меня, волосы. Верхняя губа у него имела дефект, вот он почему носил усы, мне кажется. Характер очень хорошо передан в фильме, очень хорошо. Он был вспыльчивый, горячий и быстро отходчивый, общительный был, любознательный.... Мало он бывал дома, но, когда приезжал, нам детям, уделял всегда внимание, всегда.... Он был мастер рассказывать быль и небылицы, вроде того, как солдат из топора щи варил..., сделал, помню, ружьё, для мальчишки,

а во второй свой приезд привёз перископ разведчика.... Упросил я его однажды прицепить себе кресты, я на седьмом небе был, наверное. Он был полный Георгиевский кавалер» [2].

Отдельно стоит выделить произведения, в издании которых принимали участие потомки легендарного начдива. К 70-летию со дня рождения В.И. Чапаева дочерью полководца К.В. Чапаевой была подготовлена статья в газету «Комсомольская правда», посвящённая семье Чапаевых [23. С. 3–4]. К 75-летию со дня рождения полководца ею же была опубликована статья «В семье Василия Ивановича Чапаева» [22. С. 36–38]. В отличие от большинства публикаций, здесь приводились сведения из личной жизни семьи, а не о боевых действиях, участником которых был легендарный начдив. Данная тема недостаточно раскрывалась по сравнению с описанием военных событий. Более подробно вопросы личной жизни В.И. Чапаева стали подниматься уже в постсоветское время. Значительную роль в публикации семейных легенд и информации о личной жизни В.И. Чапаева сыграла книга правнучки полководца Е.А. Чапаевой «Мой неизвестный Чапаев» [21].

Наиболее полное описание жизни и деятельности В.И. Чапаева на момент выхода было представлено в книге «Василий Иванович Чапаев. Очерк жизни, революционной и боевой деятельности» под авторством А.В. Чапаева, К.В. Чапаевой и Я.А. Володихина, вышедшей в свет в 1987 г. к 100-летию со дня рождения выдающегося полководца. Среди авторов – старший сын и дочь В.И. Чапаева. В книге на документальной основе представлена биография В.И. Чапаева, начиная с детских лет и заканчивая последним боем под Лбищенском. Книга написана на основе архивных материалов, документальных сборников, публикаций в периодической печати, историко-партийной литературы [20].

Выводы. Таким образом, существующие мифы и легенды о В.И. Чапаеве не всегда выдерживают критику, и их достоверность устанавливается с помощью анализа документов и воспоминаний о полководце. Сборники документов, в основном содержащие приказы и донесения относительно действий 25-й стрелковой дивизии, позволяют проследить боевой путь В.И. Чапаева, дают возможность понять, каким он был командиром и как проявлял себя в различных ситуациях. Документы содержат точные даты, имена и факты, что делает их незаменимым источником для исторических исследований. В отличие от воспоминаний, архивные документы обычно не подвержены влиянию личных мотивов и эмоций.

Анализ опубликованных воспоминаний о В.И. Чапаеве показал, что они представляют собой ценный источник информации, содержащий уникальные и зачастую противоречивые сведения о жизни и деятельности легендарного начдива.

Воспоминания написаны с позиции личного восприятия, отражая исключительно позитивный образ В.И. Чапаева, без критического анализа его действий и личности. Авторы стремились создать образ Чапаева как «красного героя», прославляя его решительность, храбрость и преданность делу революции. При этом воспоминания Н.М. Хлебникова, С.Ф. Данильченко, Д.А. Фурманова и И.С. Кутякова, несмотря на наличие определённой идеологической составляющей, содержат в себе множество проверенных сведений и могут считаться наиболее достоверными, так как эти люди были непосредственными свидетелями событий и имели близкие отношения с Чапаевым.

Воспоминания охватывают значительный период жизни В.И. Чапаева, предоставляя информацию о его детстве, участии в революционном движении и Гражданской войне. При этом наиболее подробно как в подборках архивных документов, так и в воспоминаниях внимание зачастую уделяется деятельности В.И. Чапаева в качестве начальника дивизии. Практически все материалы были опубликованы в советский период, и тема Первой мировой войны в них отражена поверхностно. Лишь в сборнике «Легендарный начдив», впервые изданном в 1986 г., приводятся приказы о повышении в звании и награждении В.И. Чапаева солдатской Георгиевской медалью и Георгиевскими крестами.

Наибольший вклад в раскрытие вопросов, касающихся личной жизни легендарного полководца, внесли его дочь К.В. Чапаева и правнучка Е.А. Чапаева.

Воспоминания сослуживцев начдива передают эмоции и субъективные впечатления людей, которые лично его знали, содержат ценные детали о его повседневной жизни, отношениях с окружающими и привычках, однако не всегда есть возможность проверить достоверность сведений, содержащихся в них, ввиду отсутствия других источников или противоречивых свидетельств. Из авторов воспоминаний больше всех с В.И. Чапаевым служили И.С. Кутяков, Д.А. Фурманов и С.Н. Потехин. Их сведения наиболее полно раскрывают период, когда В.И. Чапаев участвовал в боевых действиях Гражданской войны. Комплексный анализ воспоминаний и архивных документов позволяет получить более полное и всестороннее понимание личности и деятельности легендарного начдива.

Литература

1. 1917 год в Саратовской губернии. Сборник документов (Февраль 1917 – декабрь 1918 гг.). Саратов: Саратов. кн. изд-во, 1957. 658 с.
2. 18 февраля 1966 г. Воспоминания генерал-майора артиллерии А.В. Чапаева о своем отце В.И. Чапаеве (фонозапись) // Российский государственный архив фонодокументов (далее – РГАФД). Ф. 1. Оп. 19 DVD. Ед.хр. 188.
3. 3 февраля 1965 г. Воспоминание личного шофера В.И. Чапаева В.В. Козлова о его встречах с ним и боях у станции Сахарной в августе 1919 г. (фонозапись) // РГАФД. Ф. 1. Оп. 19 DVD. Ед.хр. 193.
4. Боевые документы Чапаева // Военно-исторический журнал. 1939. № 3. С. 133–146.
5. *Данильченко С.Ф.* Чапаев и чапаевцы. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1972. 144 с.
6. *Жохов М.А.* Говорят чапаевцы. Документы. Воспоминания. Материалы. Уфа: Башкнигоиздат, 1971. 233 с.
7. Запись о рождении В.И. Чапаева // Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 557. Оп. 8. Д. 265. Л. 552об.–553.
8. Из боевой биографии Чапаева. (Документы) // Борьба классов. 1934. № 12. С. 51–55.
9. *Козлов В.В.* Наш Чапай: воспоминания личного шофера. Челябинск: Челяб. кн. изд-во, 1961. 80 с.
10. Красный архив. 1939. Т. 6(97). С. 141–176.
11. Красный архив. 1940. Т. 1(98). С. 68–124.
12. *Кутяков И.С.* Боевой путь Чапаева. М.: Гос. воен. изд-во, 1936. 118 с.
13. Легендарный начдив. Сборник документов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 304 с.
14. *Михайлов А.Д.* Чапаев и чапаевцы. М.; Самара, 1932. С. 37–38.
15. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 71. Оп. 33. Д. 374.
16. Самарская губерния в годы Гражданской войны, 1918–1920 гг.: документы и материалы. Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во, 1958. 574 с.
17. Февраль 1969 г. Воспоминания генерала армии И.В. Тюленева о совместной с В.И. Чапаевым учебе в Академии Генерального штаба в декабре 1918 г. (фонозапись) // РГАФД. Ф. 1. Оп. 19 DVD. Ед.хр. 188.
18. *Фурманов Д.А.* Дневники. Статьи. Письма. Л., 1971. 350 с.
19. *Хлебников Н.М.* Легендарная Чапаевская. М.: Знание, 1975. 380 с.
20. *Чапаев А.В., Чапаева К.В., Володихин Я.А.* Василий Иванович Чапаев. Очерк жизни, революционной и боевой деятельности. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1987. 374 с.

21. Чапаева Е.А. Мой неизвестный Чапаев. М.: Корвет, 2005. 480 с.
22. Чапаева К.В. В семье Василия Ивановича Чапаева. (К 75-летию со дня рождения. Воспоминания) // Семья и школа. 1962. № 2. С. 36–38.
23. Чапаева К.В. Наша семья // Комсомольская правда. 1957. 9 февр. С. 3–4.

САМЫЛКИН НИКОЛАЙ ОЛЕГОВИЧ – аспирант кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nickolay.025@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1914-0560>).

ИВАНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tivanovan@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2428-2578>).

Nikolai O. SAMILKIN, Tatyana N. IVANOVA
V.I. CHAPAEV: MYTHS AND REALITY IN VIEW
OF DOCUMENTS AND MEMORIES ANALYSIS

Key words: V.I. Chapaev, A.V. Chapaev, D.A. Furmanov, N.M. Khlebnikov, I.S. Kutuyakov, S.F. Danilchenko, the Civil War.

Vasily Ivanovich Chapaev is one of the most legendary figures in the history of Russia. His name is strongly associated with the Civil War of 1917–1922, his life and activities were widely covered in literature, cinema and folk art. The personality of V.I. Chapaev is accompanied by a variety of myths and legends, which can be verified with the help of documents and memories.

The purpose of the study is to identify which aspects in the life of the legendary commander are covered in detail in the sources, and which aspects of V.I. Chapayev's activities are exposed poorly in the sources.

To achieve this goal, the following tasks will be solved: identification and analysis of the main sources characterizing the life and activities of V.I. Chapaev; assessment of the reliability and objectivity of various types of sources; comparison of memories about V.I. Chapaev by the degree of the author's proximity to the legendary divisional commander, in which the memoirists have disagreements.

Materials and methods. To achieve the purpose of the study, a set of general scientific and specific historical methods was used. The historical and chronological method was used to reconstruct the biography of V.I. Chapaev and the chronology of the events in which he participated; a comparative historical method – for analyzing various sources devoted to V.I. Chapaev, and identifying their similarities and differences; hermeneutic method – for interpreting texts of documents, memoirs and historical works; the method of historical criticism – for assessing the reliability and objectivity of sources. The source base of the research was collections of archival documents, biographical studies and memoirs dedicated to V.I. Chapaev.

Research results. The study of documentary sources and memories about V.I. Chapaev identified a number of features that affect their historical value and reliability. The main types of documents presented in publications are orders, reports on military operations and telegrams. The memories of relatives and comrades-in-arms give a better idea of V.I. Chapaev's personal qualities, making him more popular, but have a subjective character.

Conclusions. Documentary sources dedicated to V.I. Chapaev show him as a hero of the revolution, characterizing him as a talented military leader and a brave commander. At the same time, his difficult character is noted. The information presented in the sources focuses on combat operations and military results. The memoirs of the divcom's closest comrades-in-arms: N.M. Khlebnikov, S.F. Danilchenko, D.A. Furmanov, I.S. Kutuyakov are valuable, since these people were direct witnesses to the life and work of V.I. Chapaev, while the information they provide is often contradictory.

References

1. 1917 god v Saratovskoi gubernii. Sbornik dokumentov. (Fevral' 1917 – dekabr' 1918 gg.) [1917 in Saratov province. Collection of documents. (February 1917 – December 1918)]. Saratov, Saratov Publ. House, 1957, 658 p.
2. 18 fevralya 1966 g. Vospominaniya general-maiora artillerii A.V. Chapaeva o svoem ottse V.I. Chapaeve (fonozapis') [February 18, 1966. Memoirs of Artillery Major General A.V. Chapaev about his father V.I. Chapaev (phonorecording)]. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv fonodokumentov. Fond 1. Opis'19. DVD. Edinitsa khraneniya188 [The Russian State Archive of Phonodocuments. Archive 1. Anagraph 19, DVDs. Storing Unite 188].

3. 3 fevralya 1965 g. *Vospominanie lichnogo shofera V.I. Chapaeva V.V. Kozlova o ego vstrechakh s nim i boyakh u stanitsy Sakharnoi v avguste 1919 g. (fonozapis)* [February 3, 1965. Memoirs of V.I. Chapaev's personal chauffeur V.V. Kozlov about his meetings with him and the battles near the village of Sakharnaya in August 1919. (phonorecording)]. In: *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv fonodokumentov. Fond 1. Opis' 19. DVD. Edinitsa khraneniya 193* [The Russian State Archive of Phonodocuments. Archive 1. Anagraph 19, DVDs. Storing Unite 193].
4. *Boevye dokumenty Chapaeva* [Chapaev's combat documents]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 1939, no. 3, pp. 133–146.
5. Danil'chenko S.F. *Chapaev i chapaevtsy* [Chapaev and chapaevtsy]. Cheboksary, Chuvashgosizdat Publ., 1972, 144 p.
6. Zhohov M.A. *Govoryat chapaevtsy. Dokumenty. Vospominaniya. Materialy* [Chapaevites speak. Documents. Memories. Materials]. Ufa, Bashkniгоizdat Publ., 1971, 233 p.
7. *Zapis' o rozhdenii V.I. Chapaeva* [Birth record of V.I. Chapaev]. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 557. Opis' 8. Dokument 265. L. 552ob.–553* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archive 557. Anagraph 8. Document 256. P. 552ob.–553].
8. *Iz boevoi biografii Chapaeva* [From Chapaev's combat biography. (Documents)]. *Bor'ba klassov*, 1934, no. 12, pp. 51–55.
9. Kozlov V.V. *Nash Chapai: vospominaniya lichnogo shofera* [Our Chapai: memoirs of a personal chauffeur]. Chelyabinsk, Chelyabinsk Publ. House, 1961, 80 p.
10. *Krasnyi arkhiv*, 1939, vol. 6(97), pp. 141–176.
11. *Krasnyi arkhiv*, 1910, vol. 1(98), pp. 68–124.
12. Kutyakov I.S. *Boevoi put' Chapaeva* [Chapaev's combat path]. Moscow, 1936, 118 p.
13. *Legendarnyi nachdiv. Sbornik dokumentov* [The legendary nachdiv. Collection of documents]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1986, 304 p.
14. Mikhailov A.D. *Chepaev i chepaevtsy* [Chepaev and chepaevtsy]. Moscow, Samara, 1932, pp. 37–38.
15. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. Fond 71. Opis' 33. Dokument 374* [The Russian State Archive of Socio-Political History. Archive 71. Anagraph 33. Document 374].
16. *Samarskaya guberniya v gody Grazhdanskoi voiny, 1918–1920 gg.: dokumenty i materialy* [Samara province during the Civil War, 1918–1920: documents and materials]. Kuibyshev, Kuibyshev Publ. House, 1958, 574 p.
17. *Fevral' 1969 g. Vospominaniya generala armii I.V. Tyuleneva o sovместnoi s V.I. Chapaevym uchebe v Akademii General'nogo shtaba v dekabre 1918 g. (fonozapis)* [February 1969. Memoirs of Army General I.V. Tyulenev about joint studies with V.I. Chapaev at the Academy of the General Staff in December 1918 (phonorecording)]. In: *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv fonodokumentov. Fond 1. Opis' 19. DVD. Edinitsa khraneniya 188* [The Russian State Archive of Phonodocuments. Archive 1. Anagraph 19, DVDs. Storing Unite 188].
18. Furmanov D.A. *Dnevniki. Stat'i. Pis'ma* [Diaries. Articles. Letters]. Leningrad, 1971, pp. 98–138.
19. Hlebnikov N.M. *Legendarnaya Chapaevskaya* [Legendary Chapaevskaya]. Moscow, Znanie Publ., 1975, 380 p.
20. Chapaev A.V., Chapaeva K.V., Volodikhin Ya.A. *Vasilii Ivanovich Chapaev. Ocherk zhizni, revolyutsionnoi i boevoi deyatel'nosti* [Vasily Ivanovich Chapaev. An essay on life, revolutionary and military activity]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1987, 374 p.
21. Chapaeva E.A. *Moi neizvestnyi Chapaev* [My unknown Chapaev]. Moscow, Korvet Publ., 2005, 480 p.
22. Chapaeva K.V. *V sem'e Vasiliya Ivanovicha Chapaeva. (K 75-letiyu so dnya rozhdeniya. Vospominaniya)* [In the family of Vasily Ivanovich Chapaev. (For the 75th anniversary of his birth. Memories)]. *Sem'ya i shkola*, 1962, no. 2, pp. 36–38.
23. Chapaeva K.V. *Nasha sem'ya* [Our family]. *Komsomol'skaya Pravda*, 1957, Feb. 9, pp. 3–4.

NIKOLAI O. SAMYLKIN – Post-Graduate Student, Department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (nickolay.025@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1914-0560>).

TATYANA N. IVANOVA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (tivanova@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2428-2578>).

Формат цитирования: Самылкин Н.О., Иванова Т.Н. В.И. Чапаев: мифы и реальность в свете анализа документов и воспоминаний // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 129–138. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-129-138.

УДК 394.2
ББК 63.5 (2)

Т.В. СЕМЕНОВА, О.В. ЕГОРОВА

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННЫХ КАЛЕНДАРНЫХ ПРАЗДНИКАХ И ОБРЯДАХ ЧУВАШЕЙ

Ключевые слова: чувашаи, праздники, обряды, женщины, ритуал, напитки, ритуальная пища.

Актуальность исследования определяется важностью изучения гендерного аспекта в традиционной культуре в условиях современного общества, переживающего глобальные и модернизационные процессы. В статье анализируются праздники и обряды календарного цикла, в которых участвовали женщины.

Цель исследования – проследить роль женщины в календарных обрядах в процессе историко-культурных изменений чувашской общины конца XIX – начала XX в.

Материалы и методы. Исследование проведено с применением общенаучного метода систематизации (анализа) и основного принципа исторического исследования (конкретности), позволивших проанализировать историко-этнологические исследования по этнографии, календарной обрядности чувашей. Работа осуществлена преимущественно на материалах архивных документов Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Результаты исследования. На основании изученных источников, можно воссоздать обобщенную картину жизни чувашской женщины. В первую очередь женщина – жена главы семейства – имела высокий статус. Она заведовала всеми бытовыми и домашними делами среди младших женщин семьи. Велико было значение чувашки в сохранении и передаче культурных и этнических традиций. Анализ широкого спектра праздников и обрядов позволяет заметить, что у чувашей не было явно выраженных женских праздников и обрядов, или же их было очень мало, однако женщины присутствовали в каждом из них. Репутация женщины определялась и ее особой ролью в обрядовой жизни семьи и общины. От ее знаний и умений зависела жизнь, здоровье и благополучие членов семьи и всего хозяйства.

Выводы. Участие женщин и их главенство в календарных праздниках и обрядах, а также в жертвоприношениях отдельным божествам и духам не отрицается. Чувашская женщина являлась частью ритуальных практик, которые имели магическую цель стимулировать производительные силы природы, и хранительницей не только домашнего очага, но и национальных ценностей своего народа.

Введение. Изучение традиционных обычаев и обрядов позволяет проследить достижения, трансформацию многих элементов традиционной культуры, понять культурные и социальные нормы этноса. С их помощью передается культура и характер между поколениями. Участие чувашских женщин в праздниках и ритуалах календарного цикла помогало им чувствовать себя не только индивидуальностью, но и частью определенной этнической, социальной и возрастной общности. В традиционной культуре чувашей женская роль ассоциируется с домом, земледелием, семейными обрядами и воспитанием детей. Однако чувашская женщина также играет ключевую роль в организации и проведении календарных праздников и обрядов, передаче новому поколению культурных традиций.

Целью данной статьи является изучение роли женщин в традиционных календарных праздниках и обрядах, популярных среди чувашей в конце XIX – начале XX в.

Авторы статьи поставили перед собой ряд **задач**:

– задокументировать и передать информацию о роли и значимости женщины в календарных праздниках и обрядах, которая может использоваться для разработки сценариев, стратегий и программ с целью возрождения чувашских обрядов;

– проанализировать влияние процессов глобализации и модернизации на традиционную культуру, что позволит понять её текущие тенденции и дальнейшие пути развития.

Материалы и методы. В ходе исследования были использованы универсальные научные методы систематизации и ключевые принципы сравнительного историко-этнографического исследования, включая анализ и конкретизацию, что сделало возможным детальный анализ историко-этнологических исследований в области этнографии и календарной обрядности чувашей. Изучение и дальнейшее использование архивных документов, хранящихся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН), способствовало получению дополнительной информации. Компаративный анализ проведен путем сравнения данных из разных источников для выявления общих и уникальных черт.

Результаты исследования. При рассмотрении роли женщины в календарных праздниках особое внимание должно быть сосредоточено на ритуалах, которые имели магическую цель стимулировать производительные силы природы. В исследованиях Г.Ф. Миллера, А.А. Фукса и других ученых указано, что женщины не принимали участия ни в личных, ни в коллективных жертвоприношениях [4. С. 61–62; 17. С. 23]. В последние десятилетия данные вопросы затрагивались в работах А.К. Салмина [14. С. 59–60], Е.А. Ягафовой [19. С. 88–89]. Анализ широкого спектра праздников и обрядов позволяет заметить, что у чувашей не было явно выраженных женских праздников и обрядов, или же их было очень мало, однако женщины присутствовали в каждом из них. Если в семейных праздниках и обрядах женщине отводилась значительная роль, то в календарных ее степень участия меньше. Мужчины проводили моление и жертвоприношение, т.е. главное действие, а на плечи женщины возлагалось приготовление ритуальных блюд и напитков.

Среди традиционного занятия чувашей обряды, связанные с сельскохозяйственным циклом, играли ключевую роль. Даже в зимние праздники, связанные с декабрьским солнцестоянием, проводили обряды предсказания с целью обеспечить хороший урожай. Для этого применялись разнообразные методы гадания относительно не только урожая, но и судьбы людей. В развлечениях преимущественно участвовал молодежный контингент, взрослые женщины занимались приготовлением праздничного стола, который включал сытную пищу с набором ритуальных блюд, таких как новогоднее печенье («*çёнё сул пашалăвё*»), новогодняя каша («*çёнё сул пăтти*»), традиционные пироги, хуплу, домашняя колбаса («*шăрттан*»), колобки из сдобного теста («*йăва*»), различные лепешки, жареный горох. Горох использовался для обсыпания молодых женщин и девушек с надеждой на рождение детей. Обход подростков с новогодними поздравлениями по домам, восклицание «*Сурхури! Сурăххисем нумай пулчĕр!*» («Сурхури! Пусть будет много овец!») и имитация сева гороха была предназначена для вызывания плодovitости у людей и животных, а также для обеспечения довольства в доме [15. С. 110–111].

Сăварни служило завершающим актом рождественских обрядов и символизировало пробуждение природы. Этот праздник отличался весельем, обилием пищи и напитков. Женщины занимались приготовлением праздничного стола, наполненного ритуальными блюдами, главным из которых были блины. Первый утренний блин обладал сакральной значимостью. Хозяйка дома при молитве вспоминала умерших, связывая этот момент с благословением семьи и дома. Для *сăварни карчăкĕ* – символа зимней старухи – существовал обычай, когда

первый блин оставляли в огороде на столбе. В рамках праздника отмечались элементы магии плодородия, например обсыпание молодых женщин и девушек горохом и колобками. Одним из «женских» действий праздника было рассыпание зерна при катании с горы. Девушки и женщины катались на донцах прялок, веря, что это приведет к урожаю высокого льна и долгой жизни [6]. Этот обычай считался способом обеспечения благополучия в земледельческих и домашних работах, магического воздействия на урожай зерновых и конопли, а также удачи в других хозяйственных делах.

В первый день Пасхи (*Мӓнкун*) среди молодых, недавно вышедших замуж женщин существовала традиция приветствовать старшее поколение: «*Самрӓк хӓрарӓмсем (кинӓсем) ваттисене (хуняшшӓпе хунямӓшне) пуҫсапса салам паратьчӓс*» (Молодые женщины (снохи) старых (свекра и свекровь) поклоном приветствовали). Возможно, это была просьба благословить их старшим поколением на следующий год (здоровье им и семье, рождение детей и т.д.) [1. С. 27].

Во второй день праздника поминали усопших (*Сурта кунӓ*). Таким образом, женщина готовила не только праздничную трапезу, но и специальные блюда для «кормления» ушедших в иной мир предков. Трапезный стол накрывался разнообразными ритуальными блюдами: суп, курятина, блины, каша, крашеные яйца, пиво. Умерших поминали молением, который произносил мужчина – глава семьи, женщина – его жена – стояла рядом [7].

В третий день пасхальной недели проводили *халӓх сӓри* (Аликовская волость Ядринского уезда). Ближе к вечеру женщины готовили обрядовые лепешки (*сӓмарта икерчисем, пӓчӓк пашалусем*), которыми угощали детей. Мужчины обсуждали хозяйственные вопросы, женщины при этом не присутствовали [8].

Насыщен был обрядами летний период жизни чувашей, например дни перед началом сева, но в данном случае женщины занимали пассивное положение. Чуваша считали, что в день сева женщинам нельзя выходить даже на улицу, если увидеть женщину, то урожай будет плохим [9]. Однако во время Акатуя предметы одежды женщин фертильного возраста были непременно атрибутом в качестве подарка соревнующимся. Полотенца, вышитые женщинами, которые вступили в брак в течение прошедшего года, собирались для того, чтобы наградить победителей в спортивных соревнованиях. Их также использовали для изготовления флага, который крепился на длинный шест. Среди подарков чаще фигурировали вышитые платки, головные повязки, сурпаны, полотенца и яйца [14. С. 59]. Платок фигурировал в роли некой границы между жизнью и смертью, преграды нежелательному воздействию извне, из другого мира. В символическом аспекте платок – это покров, под которым можно укрыться и защититься от любого врага. Свадебный платок, говоря образно, остается на голове женщины до конца ее жизни, и только в зависимости от возраста меняются способы повязывания и его расцветка [2. С. 50].

После завершения посевных работ чувашские крестьяне совершали различные моления, которые должны были обеспечить благоприятную погоду, хороший урожай, здоровье людям и скоту, благополучие в хозяйстве. К примеру, если погода была знойная и начиналась засуха, чуваша проводили *Сумӓр чӓк*. В этом обряде женщины фертильного возраста почти не принимали участия, кроме приготовления лепешек дома и в общей трапезе в конце обряда. В основном это были дети, молодежь и старшее поколение (старуха готовила ритуальную кашу) [10].

Также придерживались правил по отношению к засеянной, «беременной» земле. У чувашей этот период назывался *Синсе*, проводившийся между цветением растительности и сенокосом, когда все земельные работы были под запретом. Женщины были заняты вышивкой и шитьем, мужчины – плетением

лаптей и т.д. В источнике отмечается, что разрешались пахотные работы, посев овощей [18. С. 299–300]. Можно предположить, что в данном случае землю отождествляли с женщиной, которая вынашивает «дитя».

Высшим достижением всей весенне-летней обрядовой практики был праздник *Ҫимёк*, который представлял собой летнее поминовение умерших с посещением кладбища и принесением гостинцев. Накануне праздника женщины вместе с девушками и мальчиками отправлялись в лес за различными травами и цветами. Считалось, что отвар из них придает силы и здоровья. Приготовление ритуальной еды возлагалось на женщину: «*Чи пирвайхи икерчине хуҫа арәмё алăк патне чашăксăр, ҫуртасăр ахаль анчах вилнĕ ҫынсене хывать, унтан икерчине ҫемийпе ларса ҫиеҫҫĕ*» (Первый блин хозяйка адресовала предкам, без чашки и свечи угощала их, затем этот блин съедали всей семьей). По традиционным представлениям чувашей, угощались при этом не живые, а усопшие. Моление проводил глава семьи, за ним повторяла его жена: «*Малтан вăл вилнĕ ҫынсене асăна-асăна ячĕпе каласа ҫимĕҫсем хывать, унтан сăрапа эрек хыват, ун хыҫёнчен ун арăмă е амăшĕ (вилмен пулсан) хывать...*» (Сначала он перечислил имена умерших родственников и помянул ритуальными блюдами, пивом и водкой, после него поминает его жена, затем мать (если жива)), т.е. в обрядах женщина была на втором месте [11].

В осеннем сезоне наиболее значимыми были обряды, связанные с началом и завершением уборочной деятельности и сбора урожая. Согласно народным представлениям, было принято выражать благодарность богам за урожай, и поэтому перед началом сбора зерновых, овощей и фруктов в их честь проводились молебны. *Авăн пăтти, сăра чўк, Чўклем* – вот только некоторые из праздников и обрядов, которые проводили в осенний период. Во всех них главным действующим лицом был старший в роду или глава семейства, т.е. мужчина. Он читал молитву, благодарил за хороший урожай и т.д. Женщина была на вторых ролях – в ее обязанности входило приготовление ритуальных блюд и напитков.

Аслă чўк проводился в период эпидемических болезней либо неурожая. В источниках говорится, что в этом молении женщины не принимали участия, оставались дома [5. С. 498]. Исключение составляла одна женщина – жена односельчанина, который продал быка для данного жертвоприношения. Моление с жертвоприношением проводили ближе к вечеру, в одном котле готовилось мясо, в другом – каша: «*Пăттине а́на ҫав ҫын пёҫерет, вăкăрне сутан ҫыннăн арăмё. Вăл арăма вара вăкри пиҫсен вăкăр пуҫне тыттарасҫё, а арҫини ашсене, пăттисене валеҫсе ҫўрет*» (Кашу варит тот человек (т.е. который продал быка), быка готовит его жена. Когда приготовится каша, жене дают голову быка, а муж раздаёт мясо и кашу) [12].

Обряд *Чўклем* осуществлялся поздней осенью или в начале зимы, когда завершались полевые работы и скот забивали для зимовки. Участниками праздничного ужина становились близкие родственники и местные жители. Важным элементом моления было наличие девяти ковшей пива, один из которых, называемый *ама курки*, отдавался женщине, которая не входила в число родственников. Остальные ковши распределялись среди присутствующих мужчин. После молитвы и общего потребления пива хозяйка размещала на столе хлеб, с которым выполняла магические ритуалы: отрезала кусочек хлеба, на него сыпала соль и делила на четыре части, каждый кусок помещался в разные углы стола. Эти действия символизировали как создание, так и защиту, направленные на благополучие и процветание [13].

В обрядах животноводческого цикла в той или иной степени участвовали женщины. К весенним животноводческим обрядам относится первый выгон стада

Кётү кӑларни. Особенностью этого обряда было то, что моление возлагалось на женщину, в то время как в других обрядах подобные обязанности обычно несли мужчины или старцы. Так и говорилось: «*Кётүве чӑн малтан пётё арӑмӑн ярас пулать*» (Первой должна пойти беременная женщина). Существовавшая традиция катания яйца по земле предвещала тучность и плодовитость скота. Хозяйка перед первым выгоном коровы со двора с утра проводила следующий обряд: отрезала горбушку хлеба, предназначенную для животного (чаще всего для коровы), обносила ее над хлебом три раза, посыпала солью (обладает очистительной силой) или смазывала сажей, затем скармливала скотине с рук либо с печной заслонки, последнее, видимо, делалось для усиления воздействия печи как домашнего очага, к которому вырабатывался условный рефлекс животных – возвращение домой за угощением. Женщины сопровождали коров до места выпаса, затем проводили следующие ритуальные действия: катали яйца, потом съедали их, а скорлупу складывали в одну кучку либо раскидывали [16. С. 115].

Другой ритуал, связанный с домашним скотом, – обряд *ёне ырри*, в котором в качестве мольщиков на равных называются как женщина, так и мужчина. Глава семьи с ритуальной лепешкой со створожившимся молозивом сверху, посыпанной солью, молился во дворе, а хозяйка в это время молилась в избе Пихампару, другим духам, прося здоровья скотине, высокого и качественного удоя. Также женщина должна была предварительно обмыть корову: она обходила во круг коровы три раза. Ей помогала другая женщина (родственница). Встав по бокам коровы, одна напротив другой, передавали, как пишет В.К. Магницкий, «курево из-под брюха коровы.... Женщины при этом и сами должны быть чистыя». В этом обряде даже малыши принимали участие, садясь за стол рядом со взрослыми. Перед началом трапезы в каждый угол дома хозяйка клала ложку молозива и кормила домашнего духа *Хёрт-сурт*, потом брызгала воду на присутствующих, матицу и пол, веря, что чем больше вода, тем больше молока у коровы [3. С. 92–96].

Выводы. В традиционной культуре чувашей женщины играют центральную роль в проведении многих обрядов и праздников. Чувашская женщина не только управляла домашним хозяйством, но и была главной хранительницей культурного кода своего народа. Женская роль в большей степени ассоциируется с домом, земледелием, семейными обрядами и воспитанием детей. Если во второй половине XIX в. в проведении праздников и обрядов чувашей в основном участвовали мужчины, то в связи с активным развитием отходничества с конца XIX – начала XX в. все большую роль начинают играть женщины. Они становятся продолжателями традиций, свято сохраняют и поддерживают обряды и обычаи, направленные на благополучие в семье и роду, преемственность детей, приплода скота.

Литература и источники

1. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1936. Вып. XI. 343 с.
2. *Лаурентьева Л.С.* О платке // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России (Сборник МАЭ; т. 47). СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. С. 39–52.
3. *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры: собр. в некоторых местностях Казанской губернии. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. 266 с.
4. *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, как то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. 99 с.
5. *Миролюбов В.И.* Из быта крещеных чуваш // Известия Казанской Епархии. 1889. № 18. 19 с.
6. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 77.
7. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 285. Л. 573–574.
8. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. 121–122.
9. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 207. Л. 193–194.
10. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 360–361.

11. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 21. Л. 534–535.
12. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 6. Л. 623–624.
13. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 76–77.
14. Салмин А.К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 685 с.
15. Сергеева Е.В. Ритуальные блюда и напитки чувашей в календарной обрядности и их магические функции // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сб. ст. / ЧГИГН. Чебоксары, 2021. Вып. 5. С. 105–129.
16. Фокин П.П. Животноводческая обрядность современной чувашской семьи (Весенний выгон стада) // Вопросы археологии и этнографии Чувашии. Материалы чтений, посвященных памяти В.Ф. Каховского. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 111–128.
17. Фукс А.А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Типо-лит. Казан. Имп. ун-та, 1840. 329 с.
18. Чувашская мифология: этнографический справочник. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 591 с.
19. Яеафова Е.А. Чувашаи Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.). Чебоксары: ЧГИГН, 2007. 530 с.

СЕМЕНОВА ТАТЬЯНА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Московский международный университет, Россия, Москва; доцент кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tsemenova_chuvsu@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7057-6206>).

ЕГОРОВА ОКСАНА ВЕНИАМИНОВНА – доктор исторических наук, профессор учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России», Российский государственный гуманитарный университет, Россия, Москва (eoks71@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7609-175X>).

Tatiana V. SEMENOVA, Oksana V. EGOROVA
THE ROLE OF WOMEN IN TRADITIONAL CALENDAR FESTIVALS
AND RITUALS OF THE CHUVASH

Key words: *the Chuvash, festive occasions, ceremonials, women, ritual, drinks, ritual food.*

The relevance of the research is determined by the importance of studying the gender aspect in the traditional culture in a modern society experiencing global and modernization processes. The article analyzes the holidays and rituals of the calendar cycle in which women participated.

The purpose of the study is to trace the role of women in calendar festive occasions in the process of historical and cultural changes in the Chuvash community of the late XIX – early XX centuries.

Materials and methods. *The study was conducted using the general scientific method of systematization (analysis) and the basic principle of historical research (concreteness), which made it possible to analyze historical and ethnological studies on ethnography, calendar ritualism of the Chuvash. The work was carried out mainly on the materials of archival documents of the Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities.*

Research results. *Based on the studied sources, it is possible to recreate a generalized picture of the life of a Chuvash woman. First of all, the woman – the wife of the head of the family – had a high status. She was in charge of all household chores among the younger women of the family. The importance of a Chuvash woman in preserving and transmitting cultural and ethnic traditions was great. The analysis of a wide range of festive occasions and rituals enables to note that the Chuvash did not have explicit women's festivals and rituals, or there were very few of them, but women were present in each of them. A woman's reputation was also determined by her special role in the ceremonial life of the family and community. The life, health and well-being of family members and the entire household depended on her knowledge and skills.*

Conclusions. *The participation of women and their primacy in calendar festivals and rituals, as well as in sacrifices to individual deities and spirits, is not denied. A Chuvash woman was a part of ritual practices that had a magical purpose to stimulate the productive forces of nature, and the guardian not only of the hearth, but the national values of her people as well.*

References

1. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [The Chuvash language dictionary]. Cheboksary, 1936, iss. XI, 343 p.
2. Lavrent'eva L.S. *O platke* [About the handkerchief]. In: *Zhenshchina i veshchestvennyi mir kul'tury u narodov Evropy i Rossii* [Woman and the material world of culture among the peoples of Europe and Russia]. St. Petersburg, 1999, vol. 47, pp. 39–52.

3. Magnitskii V.K. *Materialy k ob'yasneniyu staroi chuvashskoi very. Sobrany v nekotorykh mestnostyakh Kazanskoj gubernii* [Materials for explanation of the old Chuvash faith: Collected in some areas of the Kazan province]. Kazan, 1881, 266 p.
4. Miller G.F. *Opisanie zhivushchikh v Kazanskoj gubernii yazycheskikh narodov, kak to cheremis, chuvash i votyakov* [Description of pagan peoples living in the Kazan province, such as Cheremis, Chuvash and Votyakov]. St. Peterburg, 1999, 99 p.
5. Mirolybov V.I. *Iz byta kreshchenykh Chuvash* [From the life of baptized Chuvashes]. *Izvestiya Kazanskoj Eparkhii*, 1889, no. 18, 19 p.
6. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 158. List 77* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 158. P. 77].
7. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 285. List 573–574* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 158, pp. 573–574].
8. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 144. List 121–122* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 144, pp. 121–122].
9. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 207. List 193–194* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 207, pp. 193–194].
10. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 209. List 360–361* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 209, pp. 360–361].
11. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Tom 21. List 534–535* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Volume 21, pp. 534–535].
12. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Tom 6. List 623–624* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Volume 6, pp. 623–624].
13. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 176. List 76–77* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 176, pp. 76–77].
14. Salmin A.K. *Prazdniki, obyady i verovaniya chuvashskogo naroda* [Holidays, rituals and beliefs of the Chuvash people]. Cheboksary, 2016, 685 p.
15. Sergeeva E.V. *Ritual'nye blyuda i napitki chuvashai v kalendarnoi obryadnosti i ikh magicheskie funktsii* [Ritual dishes and drinks of the Chuvash in calendar rituals and their magical functions]. In: *Aktual'nye voprosy istorii i kul'tury chuvashskogo naroda: sbornik statei* [Topical issues of the history and culture of the Chuvash people: collection of articles], Cheboksary, 2016, iss. 5, pp. 105–129.
16. Fokin P.P. *Zhivotnovodcheskaya obryadnost' sovremennoi chuvashskoi sem'i (Vesennii vygon stada)* [Livestock rituals of the modern Chuvash family (Spring pasture of the herd)]. In: *Voprosy arkheologii i etnografii Chuvashii. Materialy chtenii, posvyashchennykh pamyati V.F. Kakhovskogo* [Issues of archeology and ethnography of Chuvashia. Materials of readings dedicated to the memory of V.F. Kakhovsky]. Cheboksary, 2000, pp. 111–128.
17. Fuks A.A. *Zapiski Aleksandry Fuks o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoj gubernii* [Notes by Alexandra Fuks on the Chuvashes and Cheremis of the Kazan province]. Kazan, 1840, 329 p.
18. *Chuvashskaya mifologiya: etnograficheskii spravochnik* [Chuvash mythology: ethnographic handbook]. Cheboksary, 2018, 591 p.
19. Yagafova E.A. *Chuvashi Uralo-Povolzh'ya: istoriya i traditsionnaya kul'tura etnoterritorial'nykh grupp (XVII – nachalo XX vv.)*. [The Chuvashes of the Ural-Volga region: the history and traditional culture of ethnoterritorial groups (XVII – early XX centuries)]. Cheboksary, 2007, 530 p.

TATIANA V. SEMENOVA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, Moscow International University, Russia, Moscow; Associate Professor, Department of Archaeology, Ethnography and Regional History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (tsemenova_chuvsu@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7057-6206>).

OKSANA V. EGOROVA – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Educational and Scientific Center "New Russia. The History of post-Soviet Russia", Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow (eoks71@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7609-175X>).

Формат цитирования: Семенова Т.В., Егорова О.В. Роль женщины в традиционных календарных праздниках и обрядах чувашей // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 139–145. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-139-145.

DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-146-156

УДК [364-787.32+347.63]-053.6(092).(470.344)«1917/1927»

ББК С991г(2Рос.Чув)61+Х404.532-1(2Рос.Чув)61

В.И. СОКОЛОВА, А.Н. ЕВДОКИМОВА, О.В. АНДРЕЕВ

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛИТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (на материалах Чувашской АССР)

Ключевые слова: социально-правовая защита, подрастающее поколение, Чувашская автономная область, Чувашская АССР, Советская власть, здравоохранение, образование, право на труд, беспризорные, безнадзорные, подростки, государство, общество.

В современных реалиях крайне остро встает вопрос социальной защиты разных категорий населения, особенно подрастающего поколения, поскольку именно от его воспитания и образования во многом зависят будущее страны, российской цивилизации и сохранение нравственного потенциала Отечества. В этом плане показателен опыт советского прошлого. Изучение темы социально-правовой защиты подрастающего поколения важно в научном и практическом отношении, так как мероприятия государства и общества по защите прав молодежи на труд, здравоохранение и образование в первые годы Советской власти оставили определенный позитивный опыт, который необходимо заимствовать в современных условиях представителям законодательной и исполнительной власти, а также общественных организаций.

Цель исследования – рассмотрение деятельности государственных органов и общественных организаций Чувашской АССР в сфере социально-правовой защиты молодого поколения, определение результативности работы в осуществлении трудовой деятельности подростков, реализации прав на здравоохранение и образование.

Материалы и методы. Среди методов исследования использованы историко-сравнительный, историко-генетический. Статья написана на основе исторических источников и литературы. Основной источниковой базой исследования послужили опубликованные в различных изданиях законы, постановления партии и правительства, нормативные и ведомственные материалы, а также неопубликованные документы и материалы, хранящиеся в Государственном архиве современной истории Чувашской Республики, и литература.

Результаты исследования. На основе анализа всех имеющихся материалов показана роль государства, партийных органов, молодежных организаций в преодолении негативных последствий гражданской войны. Среди острых социальных проблем, требующих скорейшего разрешения, выделялись беспризорность, социальные болезни, низкий уровень грамотности, отсутствие необходимых практических навыков и опыта трудовой деятельности. С поставленными задачами государство стремилось справиться. Учетом беспризорников занимались милиция, уголовный розыск, Государственное политическое управление. Были созданы Комиссия по улучшению жизни детей и Детская социальная инспекция, Общество «Друг детей», которые работали совместно с отделами народного образования и социального воспитания исполкомов Советов. Данные учреждения также выявляли беспризорных, больных детей и стремились их обучить через создаваемую повсеместно сеть фабрично-заводских училищ и рабфаков. Комсомол Чувашии был призван обеспечить контроль за соблюдением трудового законодательства несовершеннолетних в особо проблемных сферах кустарно-промысловой экономики Чувашии и содействовать получению ими высшего образования в столичных вузах. Действенной мерой по защите прав молодых людей стала возможность сохранения рабочего места подростку и наличие специальных молодежных бирж труда, обязательное медицинское освидетельствование при поступлении на работу. Среди мер поддержки подрастающего поколения выделяется сбор денежных средств и вещей в особые детские фонды.

Выводы. Советское государство уделяло самое пристальное внимание реализации разных форм и методов социальной защиты подрастающего поколения в условиях становления Советской власти, и национальные регионы не были исключением. Несмотря на сложные послереволюционные годы, партийные и государственные органы, молодежные организации уделяли самое пристальное внимание ликвидации неграмотности среди подрастающего поколения, трудоустройству подростков, профилактике заболеваний и борьбе с беспризорностью.

Введение. Изучение темы социально-правовой защиты подрастающего поколения актуально в научном и практическом отношении, так как мероприятия государства и общества по защите прав молодежи на труд, здравоохранение и образование в первые годы советской власти оставили определенный позитивный опыт, который необходимо заимствовать в современных условиях представителям законодательной и исполнительной власти, а также общественных организаций.

Цель данной статьи – рассмотрение основных направлений деятельности государственных органов и общественных организаций Чувашской АССР в сфере социально-правовой защиты молодого поколения, анализ и определение результативности в осуществлении трудовой деятельности подростков, реализации прав на образование и здравоохранение.

Материалы и методы. Методы, использованные в работе: общенаучные и специально-исторические, особенно историко-сравнительный, историко-генетический. Основной источниковой базой исследования послужили опубликованные в различных изданиях нормативно-правовые акты, постановления партии и правительства, нормативные и ведомственные материалы, а также неопубликованные документы и материалы, хранящиеся в Государственном архиве современной истории Чувашской Республики, и различная научная литература.

Результаты исследования. В первой четверти XX в. в России и СССР произошли грандиозные события, повлиявшие на весь ход развития мировой истории. В октябре 1917 г. на карте земного шара появилось первое в мире социалистическое государство – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. В 1914 г. страна вступила в Первую мировую войну, тяготы которой привели к краху империи в результате Второй русской революции в феврале 1917 г., созданию Временного правительства, свергнутого большевиками в октябре 1917 г. Сепаратный Брестский мир, заключенный между Германской империей и Советским правительством, усугубил и без того тяжелую экономическую и политическую ситуацию в стране. Жизненный уровень населения ухудшился в связи с Гражданской войной, осложненной вмешательством в войну государств Антанты. Положение ухудшилось в результате засухи 1920 г., которая охватила Поволжье и часть Украины и привела к жесточайшему голоду 1921–1922 гг. В таких условиях приходилось действовать молодому Советскому государству. К чести правительства во главе с В.И. Лениным надо отметить, что забота о подрастающем поколении в изучаемые годы являлась приоритетной задачей государства.

Забота о сохранении жизни и здоровья несовершеннолетних стала одной из основных целей в реализации социальной политики молодого государства в первые годы Советской власти. Уже 31 декабря 1917 г. в числе первых декретов, инициированных и подписанных Председателем Совета народных комиссаров РСФСР (СНК РСФСР) В.И. Лениным (фактически главой государства), был подписан декрет, согласно которому все дети новой России признавались детьми республики, забота о них объявлялась обязанностью государства [3. С. 247]. В период Первой мировой войны, затем Гражданской и массового голода, охватившего большую часть России, детская беспризорность и безнадзорность получили широкое распространение в обществе и стали опасным социальным явлением.

В этих условиях в борьбу с детской беспризорностью включились государственная власть (органы социальной защиты несовершеннолетних) и общество

(профсоюзы, комсомол, женотделы, благотворительные организации, частные лица, Церковь и т.д.). Осенью 1918 г. по инициативе В.Г. Короленко возникла независимая общественная организация – Лига спасения детей, параллельно с ней была создана другая организация – Совет защиты детей (учреждена Декретом СНК 4 февраля 1919 г. под председательством А.В. Луначарского), в состав которого вошли представители от народных комиссариатов социального обеспечения, здравоохранения и труда. Совет был наделен большими полномочиями [3. С. 247].

В 1920 г. декретом Совета народных комиссаров была создана юношеская инспекция труда (ЮИТ), которой поручалось строжайше следить за исполнением законов об охране труда подростков. Согласно закону подростки, занятые на производстве, должны были в обязательном порядке пользоваться ежегодным отпуском, причем в целях укрепления здоровья молодежи запрещалось заменять отпуск денежной компенсацией [3. С. 162].

К 1921 г. Совет защиты детей в основном выполнил свои задачи и был ликвидирован. По предложению В.И. Ленина 27 января 1921 г. были созданы Комиссия по улучшению жизни детей (КУЖД) под председательством Ф.Э. Дзержинского (в обществе ее называли ДЧК – Детская чрезвычайная комиссия) и Детская социальная инспекция (ДСИ), которые работали совместно с отделами народного образования и социального воспитания исполкомов Советов. КУЖД обладала более широкими полномочиями по сравнению с Советом защиты детей. Следует особо отметить, что революционеры боролись с царским режимом за светлое будущее своей страны и прежде всего подрастающего поколения, однако действительность была гораздо хуже, чем предполагалось. В результате войн, разрухи, эпидемий и голода миллионы беспризорных и безнадзорных детей оказались на улице. Ф.Э. Дзержинский считал это вопиющей несправедливостью по отношению к детям. Поэтому именно он возглавил полномасштабную борьбу с этим злом. В изучаемый период борьба с детской преступностью и беспризорностью осуществлялась на территории всей страны, в том числе и Чувашии.

В 1920 г. в больших промышленных центрах РСФСР стали действовать школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Специальные мастерские и дома подростков создавались в основном при крупных предприятиях. Советское трудовое законодательство обеспечило необходимые условия для развития ФЗУ (срок обучения составлял от 2 до 4 лет, при этом труд подростков сокращался до 4–6 ч за смену с сохранением зарплаты за полный рабочий день) [10. С. 43]. В ФЗУ подростков брали только после врачебного освидетельствования. К тому же законодательные акты Советской власти по охране здоровья и труда, социальному страхованию и обеспечению несовершеннолетних и лиц женского пола запрещали ночной труд, работу в особо важных отраслях экономики, а также сверхурочные работы женщин и подростков до 18 лет [5. С. 90]. Однако надо отметить, что эти законы зачастую игнорировались работодателями.

Организация службы охраны здоровья подрастающего поколения развивалась не только в лечебно-профилактическом, но и в санитарно-эпидемиологическом направлении. В первые годы Советской власти в стране свирепствовали инфекционные заболевания (чума, холера, сыпной тиф, кишечные инфекции, оспа, венерические заболевания, туберкулез, трахома, педикулез и др.). Уровень испанского гриппа и других заразных болезней достиг огромных

размеров. В Чувашии особенное распространение получила трахома, но борьба с ней вплотную началась в годы второй пятилетки. «Кодекс законов о труде», принятый IX съездом РКП(б) в 1920 г., запрещал пользоваться трудом несовершеннолетних в возрасте до 16 лет. В изучаемые годы неравнодушные люди, общественные активисты (члены профсоюзов, женского движения, комсомольцы и сознательная несоюзная молодежь) вместе с органами Советской власти организовывали клубы, вовлекали в них беспризорных, обучали их грамоте, помогали в устройстве на работу, организовывали ночлежки и артели беспризорных, работали в отделениях милиции, вылавливали беспризорных, устраивали больных в лечебницы, вели работу на улицах, брали беспризорных в свои дома на воспитание (патронат), готовили подростков к труду, организовывали спектакли, концерты, различные состязания и лотереи, вырученные за просмотр этих мероприятий деньги сдавали в фонд помощи нуждающимся детям и подросткам.

В 1924 г. в стране появились новые формы объединений для помощи несовершеннолетним, например общество «Друг детей» (ОДД), которым руководили государственные органы народного образования и здравоохранения. С середины 1924 г. началась работа над уставом данного общества, которая завершилась осенью 1925 г. Согласно уставу, цель общества состояла в воспитательной и материальной помощи молодому поколению. К работе в ОДД государственные органы социально-правовой защиты несовершеннолетних активно привлекали на добровольных началах общественные организации. Средства общества складывались из членских и добровольных взносов, полученных от коммерческой деятельности, организации концертов, лотерей и т.д.¹

24 июня 1920 г. декретом ВЦИК и СНК РСФСР образована Чувашская автономная область, 21 апреля 1925 г. постановлением Президиума ВЦИК она преобразована в Чувашскую АССР [9. С. 1495]. Представители комсомола и беспартийной части молодежи Чувашии, как и по всей стране, работали в комиссиях по охране труда при местных советах. Период восстановления народного хозяйства был одним из тяжелых в жизни всего государства. Перед страной встали новые сложные задачи хозяйственного и культурного возрождения.

Государством принимались меры к сокращению беспризорности детей, созданию и развитию системы их социально-правовой защиты. В 1921 г., после завершения X съезда РКП(б), в стране началась реализация новой экономической политики (НЭП). В начале 1920-х гг. в условиях безработицы существовали сложности с трудоустройством подростков, прежде всего воспитанников детских домов. Принятое весной 1922 г. постановление XI съезда РКП(б) о введении на предприятиях бронирования определенного количества мест для подростков не всегда выполнялось местными органами власти. Окончательное решение проблем несовершеннолетних было невозможно без привлечения широких сил общественности [5. С. 357]. Ниже приведем пример, свидетельствующий о выполнении указаний правящей партии органами власти Чувашской автономной области: «Акт 1923 г. мая дня (дата дня не указана, так в документе. – *Авт.*).

¹ Данная тема частично освещена в публикации: Соколова В.И. Молодежь Чувашии в 1917–1941 годы: исторический опыт социально-политической организации. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. 295 с.

Я, инструктор охраны труда по Батыревскому уезду ЧАО Ефрем Алексеевич Смирнов, составил настоящий акт в конторе Буинского государственного лесопильного завода при разъезде «Буинск» Московско-Казанской железной дороги на 805-й версте в присутствии нижеподписавшихся лиц в следующем: на основании постановления ВЦИК от 2 мая 1922 г. в лесопильной и деревообделочной промышленности для восстановления квалифицированной рабочей силы установлен обязательный минимальный процент подростков 15–17-летнего возраста, а именно, 5-6% по всему количеству занятых в означенных предприятиях лиц, а так как в данном заводе всех служащих и рабочих считается 40 человек, то предельная норма для таковых подростков в этом заводе бронируется два места и заведующий лесозаводом Чувашлесу обязуется затребовать таковых рабочих из Батыревской Биржи Труда. Представитель Укома Шумов, представитель Заводского комитета Краснов, заведующий лесозаводом Маланин, инструктор охраны труда Смирнов» [2. Д. 148. Л. 65] (инициалы не удалось установить. – *Авт.*).

Таким образом, после опубликования Декрета ВЦИК «Об установлении предельного минимума количества подростков в предприятиях» от 2 мая 1922 г. стало сокращаться число увольняемых подростков. На биржах труда комсомольскими работниками были созданы специальные секции по учету и распределению юношеской рабочей силы, а также была введена особая регистрация в так называемых «Бюро подростков». В 1923 г. состоялся первый массовый выпуск школ фабрично-заводских училищ (ФЗУ) [2. Д. 148. Л. 65].

В апреле – мае 1923 г. по всей России проводились такие кампании, как «Неделя безработного и больного ребенка» и «Неделя помощи безработной молодежи», в ходе которых люди добровольно собирали по учреждениям и сдавали деньги в помощь безработным подросткам, обращались в различные кооперативно-торговые организации с ходатайством об отпуске денег или продуктов питания. Деревенским жителям предлагалось сдавать в фонд помощи хлеб, овощи, другие виды производимой ими продукции. Поступающие средства в денежной форме обращали в продукты питания и раздавали нуждающимся.

Помощь была нужна и другой категории населения. Приведем пример, характеризующий ситуацию в автономной области в эти годы. 12 апреля 1923 г. секретарь областного комитета комсомольской организации Л.М. Лукин обратился со следующим призывом ко всем комсомольцам и беспартийной молодежи: «Империалистическая и Гражданская войны оставили после себя массу пагубных последствий, однако наиболее серьезные наследия войны – это калеки, инвалиды. Другое наследие – многие семьи остались совершенно без работников в семье. Положение инвалидов и семей красноармейцев в большинстве случаев невероятно скверное. Им нужна помощь. Органы Советской власти не могут удовлетворить полностью все нужды инвалидов и семей красноармейцев. Комсомолу, как коммунистической организации, где сгруппирована передовая часть молодежи, и части пролетариата, наиболее отзывчивого на все нужды и страдания людей, необходимо в летний период прийти на помощь нуждающимся. Большую помощь может оказать комсомол путем организации отрядов и дружин из членов союза для оказания помощи семьям красноармейцев и инвалидов во время пашни, косьбы, жатвы и других работ в сельском хозяйстве, желательно, чтобы в вышеуказанных отрядах и дружинах участвовала и беспартийная молодежь. Рекомендованные обкомом мероприятия не являются исчерпывающими и местным комитетам комсомола предоставляется полная возможность по своей инициативе углубить эту работу» [2. Д. 174. Л. 41].

Комсомолом Чувашии были организованы «Фонды юного рабочего», но из-за отсутствия средств они долгое время были бездеятельными. В помощи остро нуждалась безработная молодежь, нужно было срочно изыскать возможность устройства их на работу. В связи с этим ОК РКСМ области организовал кампанию помощи нуждающимся подросткам. Так, 9 октября 1923 г. всем комсомольским организациям Чувашской автономной области было разослано циркулярное письмо Секретаря ОК РКСМ Л.М. Лукина следующего содержания: «Дорогие товарищи! В апреле-мае месяце по нашему указанию укомолами (так тогда называли уездные комитеты комсомола. – *Авт.*) были организованы “Фонды юного рабочего”, которые еще до сих пор слабы, а некоторые совершенно бездеятельны». Далее в письме он пишет, что создавшуюся ситуацию, безусловно, следует объяснить отсутствием в них средств и постоянного источника, откуда можно было бы их черпать. Он аргументирует актуальность и востребованность фонда в условиях бедности подростков и развивающейся среди них безработицы, поднимает вопрос об изыскании средств, необходимых для того, чтобы сделать их деятельными, оправдывающими свое назначение. Областной комитет, предоставляя местным комитетам комсомола инициативу, рекомендует со своей стороны провести следующие мероприятия: обратиться в имеющиеся кооперативно-торговые организации с мотивированным ходатайством об отпуске возможного количества денег или продуктов; деревенским ячейкам рекомендует произвести сбор хлеба по 3–5 фунтов с каждого комсомольца, реализовать часть овощей с коллективных огородов; объясняет, что поступающие средства в денежной форме необходимо обращать в хлеб и другие продукты; рекомендует все эти мероприятия провести в течение ближайшего времени, дабы к зимнему периоду фонды могли развернуть свою работу по обеспечению нуждающихся подростков [2. Д. 174. Л. 57].

Учетом беспризорников занимались милиция, уголовный розыск, Государственное политическое управление (ГПУ), но основная часть этой деятельности приходилась на местные органы народного образования (ОНО). Для профилактики беспризорности при местных органах образования в 1926 г. были учреждены органы социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН), куда входили стол опеки, детский адресный стол, юрисконсультская часть и комиссия по делам несовершеннолетних («комнес»). Руководящим органом стала Центральная комиссия по делам несовершеннолетних. Помимо СПОН существовала и Детская социальная инспекция (ДСИ) [4. С. 232–240]. Декретом СНК от 14 января 1926 г. упразднились суды и тюремное заключение для малолетних, а дела стали передаваться в Комиссию для несовершеннолетних.

Ниже приведем пример, наглядно демонстрирующий усилия власти и общества по социально-правовой защите молодого поколения от чрезмерной эксплуатации. В Чувашии еще в дореволюционное время была широко развита кустарная кулеткацкая промышленность. Многие районы целиком занимались обработкой таких кустарных изделий. Развитие промышленности в 1920-е гг. привело к значительному росту производства и увеличению числа подростков, занятых в нем, значительная часть из которых очутилась в положении более эксплуатируемой части рабочей молодежи.

Строки из письма Секретаря ОК РКСМ Чувашской автономной области Ф.А. Матвеева от 1 октября 1923 г., разосланного местным комитетам комсомола для исполнения, свидетельствуют о том, что подростки, работающие

у кустарей, находились в чрезвычайно тяжелом положении и сложных условиях труда. Кулеткацкое ремесло являлось вредным производством, особенно для молодого организма. Выработка кулей из сырого материала влекла за собой невозможную сырость помещения, сухого же материала – массу пыли, которые одинаково способствовали ухудшению здоровья подростка. К тому же для частных предприятий были характерны такие негативные явления, как частое нарушение продолжительности рабочего дня, бесплатное применение труда и зачастую требование от родителей приплаты за обучение, которое еще более усугубляло чрезвычайно тяжелое положение подростков. В таких предприятиях в Чувашской автономной области в большинстве случаев работали семьи или родственники кустаря, в том числе и подростки, которые ничего не знали о режиме рабочего дня и поэтому работали с раннего утра до позднего вечера.

В этих условиях комитетам комсомола рекомендовалось срочно провести следующие мероприятия по охране труда подростков: 1) предварительно изучить материальное положение и уровень жизни подростков в мельчайших подробностях, притом эта работа должна была стать главной во всей повседневной деятельности экономического отдела уездных комитетов комсомола; 2) через госорганы взять на строгий учет все государственные и кооперативные кустарно-промышленные предприятия области и подростков, занятых в них; 3) привлечь на помощь Совнархоз (СНХ), Потребсоюз, Производсоюзы, Кредитсоюзы и т.д. Обследования полагалось проводить непосредственно с комсомольскими функционерами в контакте с сотрудниками охраны труда облисполкома и профсоюзными активистами. Особенное внимание следовало обращать на охрану труда несовершеннолетних: соблюдение 4–6-часового рабочего дня, не допуская удлинения рабочего дня, несмотря ни на какие оговорки, связанные с объективными условиями; не допускать сверхурочных работ для подростков; соблюдать строгий контроль выполнения договоров, заключаемых между профсоюзами и предпринимателями. Следующим важным вопросом стало соблюдение тарифной сетки для молодых работников. В связи с тем, что заработная плата подростков была весьма низкой, подчас ее совсем не было, следовало добиться, чтобы тариф подростков в самом начале поступления на работу ни в коем случае не был ниже первого разряда тарифной сетки соответствующего профсоюза. Это могло вызвать сильное сопротивление хозяина и в дальнейшем повлечь увольнение подростков. Поэтому предлагалось соблюдать крайнюю осторожность в этом щекотливом деле. Сведения по учету предприятий и подростков в них содержали следующие данные: условия труда подростков на производстве; внутренний распорядок предприятия; санитарно-гигиенические условия труда; продолжительность рабочего дня; условия жизни и быта несовершеннолетних; их морально-психологическое состояние и настроение; отношение подростков к хозяину (родственники или рабочие по найму со стороны); характерные причины частого нарушения прав молодых работников на труд и т.д. [2. Д. 174. Л. 58–59]. Документы и материалы 1920-х гг. доказывают, что государство заботилось о сохранении здоровья детей и подростков, привлекало к этой работе общественность. Однако было бы наивно думать, что все было благополучно в этой сфере, о чем свидетельствуют строки из письма о соблюдении крайней осторожности при проверке прав молодых людей.

Говоря об образовании молодежи, следует отметить, что руководство страны было заинтересовано в росте культурного уровня населения, в развитии школьного, а тем более вузовского образования. В стране отмечался дефицит кадров: кадры инженеров, учителей, агрономов, врачей и т.д. Придя к власти,

большевики упразднили все существовавшие до революции типы учебных заведений и установили единую трудовую школу двух ступеней: для детей от 8 до 13 лет (1-я ступень) и для детей от 13 до 17 лет (2-я ступень). 16 октября 1918 г. были опубликованы декреты ВЦИК «Основные принципы единой трудовой школы» и «Положение о единой трудовой школе РСФСР», провозгласившие новые принципы функционирования школ РСФСР [6. С. 40–47].

Следует отметить, что дореволюционная Россия по уровню грамотности занимала одно из последних мест в Европе. По переписи 1897 г., в стране число грамотных в возрасте 9–49 лет составляло лишь 28,4%, среди чувашей эти показатели были намного ниже [9. С. 709]. Большевики понимали острую необходимость и актуальность борьбы с неграмотностью населения. Поэтому, несмотря на тяготы и лишения продолжающейся Гражданской войны, в Советской республике началась работа по обучению грамоте населения старше 16 лет. 26 декабря 1919 г. по инициативе В.И. Ленина был принят Декрет СНК РСФСР «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». В 1919–1920 гг. на территории Чувашии через трехмесячные курсы прошли 12 тыс. человек. В первую очередь обучались красноармейцы, коммунисты, комсомольцы, женщины, активисты. 3 марта 1924 г. было создано Чувашское отделение добровольного общества «Долой неграмотность!» (ОДО). Аргументируем успехи в этом нелегком деле фактами: по переписи 1926 г. в СССР грамотные составляли уже 56,6% населения, в Чувашской АССР – 54,2% [7. С. 445].

Для обучения молодых людей было принято решение открыть рабфаки, в которых готовили юношей и девушек из рабочих, крестьян и батраков к поступлению в техникумы и вузы. Первый рабфак в Чувашской автономной области был открыт в Чебоксарах в декабре 1921 г. Рабфаки работали до 1941 г., срок обучения в них составлял 3 и 4 года (соответственно на дневном и вечернем отделениях) [8. С. 535].

В изучаемый период желающих учиться было много, но получить направления в вузы было сложно. Для этого молодым людям обязательно надо было выполнять определенные требования. 2 июля 1923 г. Обком комсомольской организации Чувашской автономной области получил циркулярное письмо из Москвы, сопровождающееся копией Инструкции командирующим организациям от 2 июля 1923 г. (также была напечатана в Еженедельнике Народного комиссариата просвещения РСФСР от 30 июня 1923 г. за № 3(32) [2. Д. 252. Л. 163]. Анализ инструкции командирующим организациям свидетельствует о необходимости неукоснительного соблюдения следующих требований: места в Московские и Петроградские (в дальнейшем Ленинградские) вузы должны были заполняться организациями, имеющими право командирования в вузы в пределах, предоставленных им по разверстке (сегодня было бы правильнее написать «по разнарядке». – *Авт.*) центральных организаций; в остальные вузы командирование должно было производиться без всяких количественных ограничений, но с обязательным соблюдением принципа классового приема и районирования; при командировке обязательно нужно было иметь заверенную анкету; как командировки, так и анкеты были действительны только за двумя подписями ответственных руководителей губернских организаций; выдача командировок организациями должна была производиться до определенного срока с тем расчетом, чтобы получившие их сумели бы представить все требуемые документы с командировками не позже 5 августа в вуз, поскольку заявления, поступившие после указанного срока, не рассматривались и подавшие их теряли право поступления в текущем учебном году; командировки были действительны лишь в том учебном заведении, которое

указывалось в документе (отмена командировки в данный вуз и замена ее в другой производилась исключительно командирующей организацией); поступление в вузы, которые не отвечали желаниям командируемых, считалось недопустимым (было возможно лишь заменить один вуз на другой по той же специальности); наличие командировки не гарантировало обязательности зачисления в вуз; организациям следовало считаться с переполнением вузов Москвы и Петрограда; необходимо было иметь в виду, что из числа пользующихся бесплатным обучением только часть могла быть взята на государственное обеспечение; рекомендовалось предоставление месячного отпуска с сохранением содержания для подготовки к испытанию (экзамену) всем командируемым [2. Д. 252. Л. 163].

24 июля 1923 г. в Чувашию поступила разрядка для командировки соискателей на 1923/24 учебный год – 3 места в Московские вузы и 4 места – в Петроградские [2. Д. 252. Л. 164]. Будущих студентов рекомендовалось командировать из числа крестьян и крестьянок, иногда допускалось командирование и беспартийных. Рабочих командировали профсоюзы по разверстке, получаемой ими особо. Беспартийные крестьяне получали путевки исключительно по комсомольским и партийным спискам. При командировании на рабочие факультеты ЦК ВКП(б) рекомендовал использовать профсоюзную разверстку. Командированные на рабфаки в счет комсомола должны были получать командировочные удостоверения от комсомола. Каждый командируемый на рабфак на месте должен был заполнить опросный лист в двух экземплярах по образцу, присланному из Москвы, документ должен был быть заверен Чувашским ОК РКП(б).

Командированные в Петроградские рабфаки должны были направляться местными организациями непосредственно в Петроград, снабжаться средствами до Петрограда и прибывать по назначению не ранее 15 августа и не позднее 25 августа, командируемые же в Московские рабфаки должны были прибывать по назначению не ранее 1 августа и не позднее 15 августа.

Командирование на 2-й и 3-й курсы рабфака в счет разверстки ни в коем случае не допускалось. Все будущие студенты, прибывающие в Московские рабфаки, регистрировались в ЦК РКСМ, прибывающие в Петроградские – в Петроградском Комитете комсомола. Условия приема на рабфаки были опубликованы в «Правде» от 1 мая 1923 г. Материалы к исполнению данных требований были разосланы на места от имени Секретаря ЦК РКСМ П.И. Смородина и получены в Чувашской автономной области 11 июля 1923 г. [2. Д. 252. Л. 169].

13 июля 1922 г. Чувашский облисполком признал необходимым оказывать систематическую помощь студентам, обучающимся за пределами области. Для них установили единый размер стипендии: для вузов Москвы и Петрограда – 30 пудов хлеба и для обучающихся в остальных высших учебных заведениях – 20. В этот период численность студентов вузов из Чувашии увеличилась: в 1923/24 учебном году – 373 человека, в 1924/25 – 430, 1925/26 – 660, 1926/27 – 716, 1927/28 – 829. С апреля 1926 г. для них была установлена денежная форма стипендии, которая составляла для провинциальных вузов 17 руб., столичных – 23 руб. [1. Л. 45].

Таким образом, в изучаемый период руководство государства вело большую и целенаправленную работу по защите интересов несовершеннолетних, привлекая общественность (профсоюзы, комсомол, женотделы, благотворительные организации, служителей Церкви, активистов, просто неравнодушных граждан). Вместе с тем следует отметить, что излишняя волокита с документами и бюрократизм тормозили живое дело, вследствие чего самые благие начинания иногда оставались такими только на бумаге. Некоторый формализм в делах был характерен для общественных организаций Чувашии.

Выводы. Деятельность государственных и партийных органов, комсомольской организации по защите прав подрастающего поколения на труд, здравоохранение и образование в Чувашии можно считать достаточно эффективной. Несовершеннолетние граждане молодой советской республики в кратчайшие сроки получили возможность обучаться, в том числе и профессии, лечиться, быть защищенным в трудовой сфере.

Литература и источники

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп. 7. Д. 212.
2. ГАСИ ЧР. Ф. 6.
3. Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1957. Т. 1. 625 с.
4. *Дзержинская С.С.* Большой друг детей. В годы великих боев. М.: Мысль, 1975. 326 с.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1989). Т. 2. 1917–1922. М.: Политиздат, 1970. 606 с.
6. *Левитин С.А.* Основные принципы единой трудовой школы. От Государственной комиссии по просвещению 16 октября 1918 г. // Народное образование. 1999. № 10. С. 40–47.
7. *Сергеев Т.С.* Ликвидация неграмотности // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 2: Ж–Л. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 445 с.
8. *Сергеев Т.С.* Рабочие факультеты // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 3: М–Се. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 535 с.
9. Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1982. 1600 с.
10. *Федосеев А.С., Данилишина Е.И.* Охрана здоровья детей и подростков в первые годы Советской власти // Гигиена и санитария. 1986. № 9. С. 42–44.

СОКОЛОВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Sokolova-cheb@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-1482>).

ЕВДОКИМОВА АНЖЕЛИКА НИКОЛАЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (savelika76@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9030-7732>).

АНДРЕЕВ ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (olevasandr@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3057-2525>).

Valentina I. SOKOLOVA, Anzhelika N. EVDOKIMOVA, Oleg V. ANDREEV
SOCIAL AND LEGAL PROTECTION OF THE YOUNGER GENERATION
IN THE FIRST DECADE OF THE SOVIET POWER
(based on the materials of the Chuvash ASSR)

Key words: *social and legal protection, the younger generation, the Chuvash Autonomous Region, the Chuvash ASSR, the Soviet government, health care, education, right to work, the homeless, the neglected, teenagers, state, society.*

In modern reality, the issue of social protection of various categories of the population, especially the youth, is extremely acute, since the future of the country, the Russian civilization and preservation of the moral potential of the Homeland largely depend on its upbringing and education. In this regard, the experience of the Soviet past is important. The study of social and legal protection of the younger generation is important scientifically and practically, since the activities of the state and the society to protect the rights of the youth to labour, health and education in the early years of Soviet power left a certain positive experience that representatives of legislative and executive authorities, as well as public organizations, need to borrow in modern conditions.

The purpose of the study is to examine the activities carried out by state bodies and public organizations of the Chuvash ASSR in the field of social and legal protection of the younger generation, to determine the effectiveness of work in engaging adolescents in labour activity, exercise of the rights to health and education.

Materials and methods. Among the research methods used are historical-comparative, historical-genetic, statistical ones. The article is based on historical sources and literature. The main source base of the research was laws published in various publications, resolutions of the party and the government, regulatory and departmental materials, as well as unpublished

documents and materials stored in the State Archive of Modern History of the Chuvash Republic, and literature.

Research results. Based on the analysis of all available materials, the role of the state, party bodies, and youth organizations in overcoming the negative consequences of the Civil War is shown. Homelessness, social diseases, low literacy rate, lack of necessary practical skills and work experience were given prominence among acute social problems requiring early resolution. The state tried to cope with the tasks set. The militia, the criminal Investigation Department, and the State Political Department were engaged in accounting for street children. The Commission for the Improvement of Children's Lives and the Children's Social Inspectorate, the "Children's Friend" Society were created, which worked together with the departments of public education and social education under the executive committees of the Soviets. These institutions also identified street children and sick children and sought to educate them through a network of factory schools and work schools created everywhere. The Komsomol of Chuvashia was called upon to ensure control over compliance with the labor legislation of minors in particularly problematic areas of the hand-crafted-artisanal economy of Chuvashia and to facilitate their higher education in the capital's universities. An effective measure to protect the rights of young people was the opportunity of saving a teenager's workplace and availability of special youth labor exchanges, mandatory medical examination when applying for a job. Among the measures to support the younger generation, collection of funds and clothes for special children's funds is given prominence.

Conclusions. The Soviet state paid the closest attention to implementing various forms and methods of social protection of the younger generation in the conditions of Soviet power formation, and national regions were no exception. Despite difficult post-revolutionary years, the party and state bodies, youth organizations paid the closest attention to elimination of illiteracy among the younger generation, to employment of adolescents, disease prevention and the fight against homelessness.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoy istorii Chuvashoi Respubliki. Fond 1. Opis' 7. Delo 212 [State Archives of Modern History of the Chuvash Republic. Archive 1, Anagraph 7, Document 212].
2. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoy istorii Chuvashoi Respubliki. Fond 6. Opis' 1 [State Archives of Modern History of the Chuvash Republic. Archive 6, Anagraph 1].
3. *Dekrety sovetskoj vlasti* [Decrees of Soviet power]. Moscow, Politizdat Publ., 1957, vol. 1, 625 p.
4. Dzerzhinskaya S.S. *Bol'shoi drug detei. V gody velikikh boev* [Great friend of children. During the years of great battles]. Moscow, Mysl' Publ., 1975, 326 p.
5. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK (1898–1989)* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1989)]. Moscow, Politizdat Publ., 1970, vol. 2, 606 p.
6. Levitin S.A. *Osnovnye printsipy edinoi trudovoi sholy. Ot gosudarstvennoi komissii po prosveshcheniyu 16 oktyabrya 1918 g.* [Basic principles of a unified labor school. From the State Education Commission on October 16, 1918]. *Narodnoe obrazovanie*, 1999, no. 10, pp. 40–47.
7. Sergeev T.S. *Likvidatsiya negramotnosti* [Elimination of illiteracy]. In: *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash Encyclopedia: 4 vols.]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2009, vol. 2, 445 p.
8. Sergeev T.S. *Rabochie fakul'tety* [Working faculties]. In: *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash Encyclopedia: 4 vols.]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2009, vol. 3, 535 p.
9. *Sovetskiiy Encyclopedicheskiy slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1982, 1600 p.
10. Fedoseev A.S., Danilishina E.I. *Okhrana zdorov'ya detei i podrostkov v pervye gody Sovetskoi vlasti* [Health protection of children and adolescents in the first years of Soviet power]. *Gigiena i sanitariya*, 1986, no. 9, pp. 42–44.

VALENTINA I. SOKOLOVA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (Sokolova-cheb@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-1482>).

ANZHELIKA N. EVDOKIMOVA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (savelika76@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9030-7732>).

OLEG V. ANDREEV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (olevasandr@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3057-2525>).

Формат цитирования: Соколова В.И., Евдокимова А.Н., Андреев О.В. Социально-правовая защита подрастающего поколения в первое десятилетие Советской власти (на материалах Чувашской АССР) // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 146–156. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-146-156.

DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-157-167

УДК 329.78(091)(470.343)«1920-1930»

ББК Ф.75(2)93(2Рос. Мар.)2

В.И. СОКОЛОВА, А.Н. ЕВДОКИМОВА, Д.А. ЯЛТАЕВ

МАРИЙСКАЯ ОБЛАСТНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В 1920–1930 ГОДАХ: ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИОННОГО СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: РКСМ, РЛКСМ, ВЛКСМ, комсомол, Марийская автономная область, комсомольские организации, съезды, конференции, кантоны, районы, ответственный секретарь.

Изучение опыта становления и развития молодежного движения актуально в научном и практическом отношении, так как от молодежи зависит будущее любого государства. Формированию различных организаций молодежи сегодня уделяется самое пристальное внимание со стороны как государства, так и общества.

Цель исследования – определить место и роль молодежи Марийской автономной области в преобразованиях страны и региона в первое десятилетие после создания области, показать успехи и трудности роста рядов комсомола и выявить их причины.

Материалы и методы. Статья основана на принципе историзма, объективности, всестороннего анализа проблем юношества, проведенного на уровне отдельного региона РСФСР. Опорными источниками послужили материалы государственных архивов Республики Марий Эл, Чувашской Республики, привлечены источники из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории.

Результаты исследования. Разрозненные начальные формы молодежных объединений и кружков на территории современной Республики Марий Эл впервые приобрели организационные черты с 1919 г. с образованием комсомола, который занял монопольное положение в 1924 г. Численность этой организации стала активно увеличиваться с 1923 г. после завершения трудных лет революции и голода, а максимального численного состава достигла в годы индустриализации и начала коллективизации. Приоритетными задачами организованной молодежи ставились: борьба с голодом, поддержка большевиков в годы Гражданской войны, в мирное время – политучеба, организация спорта. Общесоюзные программы развития реализовывались через комсомол – создание молодежных бригад ударников, организация соцсоревнования, деятельность агитбригад при создании колхозов. При этом часть комсомольцев отказалась вступать в колхозы и проявляла слабую активность в физкультурном движении. Особенностью движения была его организация в лесном районе с большими расстояниями между населенными пунктами, где проживало по большей части нерусское крестьянское население. В 1929 г. марийский комсомол включился в международную деятельность – установил контакты с югославским молодежным движением.

Выводы. Молодежь внесла существенный вклад в восстановление народного хозяйства и налаживание мирной жизни в регионе. Комсомольцам пришлось проявить активность в условиях голода и разрухи, решать вопросы достижения равенства разных групп населения, развития аграрных технологий, борьбы с безграмотностью и на основе новых для той эпохи политических идеологических задач.

Введение. Современные политические и социальные системы ориентированы на активное сотрудничество всех поколений, возрождение советских моделей детских и молодежных организаций на основе осовремененных принципов и достижений в форме волонтерского движения, активизации студенческих стройотрядов. При этом особое внимание уделяется патриотическому воспитанию на основе государственного патриотизма, учитывающего духовные и творческие устремления современной молодежи.

Цель исследования – определить место и роль молодежи Марийской автономной области (далее – МАО) в преобразованиях страны и региона в первое десятилетие после создания области, показать успехи и трудности роста рядов комсомола и выявить их причины.

Объектом статьи выступает молодежь области, предметом – участие молодых людей в переустройстве общества на новый лад в рядах комсомола. В статье рассматривается период с 1920 по 1930 г., однако логика исследования требует освещения некоторых событий после октября 1917 г. Географические рамки охватывают территорию МАО. Для сравнения приводятся сведения из соседнего региона – Чувашии, а также страны в целом.

Материалы и методы. Основной базой исследования являются опубликованные в различных изданиях и неопубликованные документы и материалы, хранящиеся в Государственном архиве Республики Марий Эл, Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве социально-политической истории, Государственном архиве современной истории Чувашской Республики, другие источники и литература. В контексте историографии проблемы можно обозначить работу В.Э. Мальцева «Красной нитью прошитое время. Марийский комсомол: летопись славных дел» [7] и коллективный труд «Очерки истории Марийской организации ВЛКСМ» [8]. Некоторые сведения о комсомольцах МАО можно найти в статье Г.Ю. Романовой «Марийские комсомольцы на помощь флоту» [9], Е.В. Вахитовой «Материалы комсомольской организации в фондах Музея истории города Йошкар-Ола» [1].

Результаты исследования. До революции 1917 г. организаций молодежи среди марийцев не имелось. Были кое-где, как в Унже (Моркинский кантон), в годы революции 1905–1907 гг. Тогда учащаяся молодежь принимала некоторое участие в распространении листовок, брошюр, переводила их на марийский язык, но это носило случайный характер. Правда, в 1916 г. в г. Козьмодемьянске возник союз учащейся молодежи, даже издававший свой журнал, но основной задачей коллектив ставил культурно-просветительные цели [2. Д. 357. Л. 1].

После победы большевиков в стране 29 октября 1918 г. в г. Москве состоялся I Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи. Съезд принял Программу и Устав союза и наименование Коммунистический, избрал руководящий орган – Центральный Комитет Российского коммунистического союза молодежи. Председателем президиума (бюро) был избран Оскар Рывкин [10. Л. 13–14].

Руководитель страны В.И. Ленин выдвинул и обосновал положение о руководстве молодежным движением со стороны марксистской партии как главным условии его успешного развития. На III съезде РКСМ В.И. Ленин указал, что комсомол должен руководствоваться директивами партии, а главной задачей молодежи определил необходимость учиться коммунизму [6. С. 1–32].

Ленинские положения легли в основу решений партии, определивших пути развития юношеского движения в стране. В резолюциях VI съезда «О союзах молодежи» (июль 1917 г.), циркулярном письме ЦК РКП(б) «Об организации коммунистического союза молодежи» (ноябрь 1918 г.), в резолюциях VIII, X, XI съездов РКП(б) и ряде других документов были четко определены цели и задачи комсомола, его роль в советском обществе как помощника и резерва Коммунистической партии [5. С. 75, 591–592].

Февральская революция дала некоторый импульс к объединению молодых людей, в первую очередь среди учащейся молодежи. В марте 1917 г. в г. Козьмодемьянске организовался кружок политобразования, в мае – союз (социалистический комитет) учащейся молодежи в г. Царевококшайске (впоследствии – Краснококшайск, Йошкар-Ола). Однако судьба этих союзов была предreshена Октябрьской революцией, они распадаются. Союз учащихся в Царевококшайске

в начале 1918 г. на собрании по вопросу выбора правления раскалывается на «лапотников» (в основном воспитанники учительской семинарии и часть высшего начального училища) и «маменькиных сынков» (учащиеся мужской и женской гимназий). Вскоре «маменькины сынки» распались, а «лапотники» осенью 1918 г. при учительской семинарии организовали первую в марийском регионе ячейку сочувствующих большевикам. Эта ячейка, состоящая из 15–18 человек, 27 июня 1919 г. объединилась в Краснококшайскую организацию РКСМ (Российского коммунистического союза молодежи). В начале 1919 г. возникает Конганурская ячейка комсомола Сернурского района (позже – кантона), 15 июня 1919 г. – г. Козьмодемьянска [2. Д. 357. Л. 1].

Революционная волна постепенно начала охватывать марийскую молодежь. Городские ячейки стали распространять свое влияние на окружающие районы. Росли городские, возникали деревенские ячейки. Одновременно велась работа по вовлечению девушек. Стали создаваться специальные комитеты для девушек. К осени 1919 г. появилась целая сеть таких коллективов в Козьмодемьянском и Краснококшайском кантонах (Пайгусовская, Арбанская, Моркинская, Хохрякова, Красный Стекловар и др.). Это дало возможность осенью 1919 г. оформить уездные организации и уездные комитеты РКСМ [2. Д. 357. Л. 2].

В этот период в стране шла Гражданская война. В 1919 г. руководство РКСМ мобилизует комсомольцев на борьбу с дезертирством и ставит задачу помощи Красной армии. Десятки активных членов РКСМ и сочувствующих большевикам отправляются на фронт. Одновременно мобилизация явилась и чисткой комсомольских рядов от малоустойчивых элементов, так как многие в это время вышли из состава РКСМ. В конце 1920 г., после проведенной «Недели Красной армии», при Краснококшайском укомоле для руководства марийской частью молодежи создается марийская секция [2. Д. 357. Л. 2].

Вопросы роста рядов комсомола никогда не сходили с повестки дня РКП(б) – ВКП(б) и руководства советской страны. 4 ноября 1920 г. была образована Марийская автономная область в составе РСФСР, 5 декабря 1936 г. преобразована в Марийскую АССР [11. С. 759]. Для сравнения, Чувашская автономная область была образована в июне 1920 г. также в составе РСФСР, в апреле 1925 г. преобразована в Чувашскую АССР [11. С. 1492]. С обособлением области стали проводиться особые региональные съезды (табл. 1).

Таблица 1

**Областные конференции РКСМ–РЛКСМ–ВЛКСМ
(первые 8 назывались съездами) МАО [3. Д. 3. Л. 55]**

Дата	Количество ячеек	Численность комсомольцев
I – 16–20 мая 1921 г.	49	731
II – декабрь 1921 г.	54	742
III – 21–23 сентября 1922 г.	65	642
IV – 19–21 марта 1923 г.	65	702
V – 1–4 июня 1924 г.	66	1011
VI – 10 января – 4 февраля 1925 г.	179	2188
VII – 18–22 февраля 1926 г.	218	3828
VIII – 12–16 марта 1927 г.	244	4479
IX – 24–29 марта 1928 г.	263	4317
X – 2–3 августа 1929 г.	269	5021
XI – 25 ноября 1930 г.	286	5301

Полномасштабную картину происходивших событий в молодежном движении региона после создания Марийской автономной области характеризует I Областной съезд комсомола, который состоялся с 16 по 20 мая 1921 г. в г. Краснококшайске. До этого, с 5 по 10 мая, проводились кантонные съезды комсомольцев, на которых были избраны делегаты на предстоящий форум. Съезд открыл ответственный секретарь Временного областного комитета РКСМ Марийской области Иван Горский. Заседание началось пением Интернационала. Далее с приветственной речью к делегатам съезда обратились: от имени Временного комитета РКП(б) Маробласти Александр Болодурин, Временного ревкома – Иван Петров. Продолжили выступления: представитель ЦК РКП(б) Бычков, Марийского областного отдела народного образования Стрелков, профсоюзов МАО – Гаев, частей Красной армии, дислоцированных в области, – Бутенин, а также официальные лица от Краснококшайского, Сернурского, Козьмодемьянского кантонов (в 1921 г. территория Маробласти была разделена на три кантона, через 3 года – на девять; позже названия кантонов и их количество менялось, окончательно они были переименованы в районы в 1932 г.) (определить инициалы названных лиц не удалось. – *Авт.*).

Почетным Председателем I съезда РКСМ Маробласти был избран Вильгельм Мюнценберг (немецкий коммунист, организатор Межрабпома (Международной рабочей помощи), активный участник Коминтерна и международного молодежного движения). Приветственная телеграмма от делегатов съезда была послана в ЦК РКСМ, в Центральное Бюро Маробласти при ЦК РКП(б), Вятскому губкомолу, руководителю комсомола страны Лазарю Шацкому. Пением похоронного марша делегаты почтили память павших в борьбе за дело революции. Заседание закрылось исполнением Юношеского интернационала [2. Д. 3. Л. 1–2].

На 1 октября 1921 г. в областной организации РКСМ Марийской области состояли 693 комсомольца, из них 588 юношей и 105 девушек. По социальному составу картина выглядела следующим образом: крестьян – 305, рабочих – 38, учащихся – 186, служащих – 164. Всего ячеек по области было зарегистрировано 54: из них фабрично-заводских – 1, при советских учреждениях – 2, при школах – 7, деревенских – 44 (в других источниках указано, что в 1921 г. имелось 49 ячеек комсомола. Причиной такого несоответствия может служить тот факт, что в начале 1920-х гг. ячейки то возникали, то распадались). Для сравнения приведем данные о членах РКП(б) в Маробласти – численность членов и кандидатов РКП(б) в 1921 г. (до чистки) составляла 128 человек [2. Д. 3. Л. 22]. Интересна и познавательна характеристика делегатов I съезда РКСМ МАО, зарегистрированных 16 мая 1921 г., по национальному признаку: марийцев – 44, русских – 26, татар – 8, белорусов – 1; по полу – юношей – 70, девушек – 11 (двое не присутствовали в первый день, поэтому их национальность не указана) [2. Д. 12. Л. 79].

Для работы с молодежью на съезде был избран обком РКСМ Маробласти. В его состав вошли: А. Эшкинин – ответственный секретарь, П. Андреев – заведующий организаторско-инструкторским отделом, С. Кожевников – заведующий экономически-правовым отделом, С. Юшкан – заведующий политпросветом, И. Лоскутов – заведующий военно-спортивным отделом, И. Михайлов – заведующий печатью, И. Соколов – уполномоченный для работы в Краснококшайском кантоне, И. Сильверстов – в Козьмодемьянском, А. Рыбаков – в Сернурском (вместо убывшего из области И. Горского) [2. Д. 12. Л. 22].

Год образования МАО стал годом небывалого недорода в регионе. Голод особенно сильно задел районы Поволжья, до 30 млн людей были обречены на голод. Комсомольцы проводили мобилизацию членов на охрану продовольственных грузов, отправляли отряды комсомольцев на своевременную доставку продовольствия нуждающимся, организовывали отправку молодежи и детей в хлебные районы страны. Например, при активном участии комсомольцев до 500 человек были отправлены в г. Ташкент [2. Д. 357. Л. 3–4].

Разруха, голод, пожары создали благоприятную почву для развития бандитизма. В 1921–1922 гг. в МАО на всех главных трактах орудовали люди с низкой социальной ответственностью, преступники. В первые ряды борьбы с бандитизмом были привлечены комсомольцы. В результате больших усилий правоохранительных органов и активных комсомольцев была разбита шайка бандита Шаронова (определить инициалы не удалось. – *Авт.*). В 1922 г. голод еще полностью не был изжит. Поэтому доставка семян нуждающимся крестьянам, охрана, использование по назначению были главными приоритетами в деятельности членов РКСМ в эти годы. Десятки комсомольцев отправлялись за пределы области в поисках работы и хлеба. Если к концу 1921 г. в рядах комсомола состояли 786 человек, то к началу 1922 г. – 400, к концу 1922 г. осталось только 286 человек. В молодежных коллективах текучесть кадров была высокой [2. Д. 357. Л. 3–4].

Начиная с 1923 г. усилия руководства области и ЦК РКСМ начали давать некоторые положительные результаты – численность комсомольцев региона стала расти и к весне 1923 г. достигла 702 человек [3. Л. 55] (табл. 2).

Таблица 2

Рост численности комсомольцев МАО в 1924–1930 гг. [2. Д. 357. Л. 9]

Год	Всего	Юноши	Девушки	Марийцы	Русские
1924	703	631	82	348	329
1925	1805	1623	192	813	949
1926	3905	2882	1023	1687	1584
1927	4453	3727	726	2390	1946
1928	4227	3457	770	2278	1810
1929	5170	4144	1026	2786	2230
1930	5708	4536	1172	3057	2468

Примечание. Все сведения даны на 1 января текущего года, разделение по полу и национальному признаку не всегда совпадают с общей численностью, указанной во втором столбце.

В 1921 г. на X съезде РКП(б) был взят курс на реализацию новой экономической политики, который предполагал перейти с методов «военного коммунизма» на новые рельсы социально-экономического и политического развития страны. Продовольственная разверстка была заменена продналогом. НЭП был соткан из противоречий. Недопонимание этого, недооценка хозяйственного союза рабочего класса с крестьянством, недовольство НЭПом имело место и в молодежной среде, поэтому руководству области нужно было мобилизовать комсомольцев на разъяснение политики правящей партии. В этот период стали распространяться политкружки антикоммунистического направления, усилилась активность мелкобуржуазной части молодежи, особенно учащихся. Несоюзные организации молодежи стремились противопоставить себя комсомолу. Поэтому в МАО в учебных заведениях стали проводить чистки контингента воспитанников, для разъяснения политики Коммунистической партии

и советского государства в школы командировались обществоведы и партийные работники. Было принято решение в престижные учебные заведения направлять преимущественно батрацко-бедняцкую часть молодежи. Основной задачей партии всегда оставалась борьба за влияние на молодежь. Особенно острая фаза противостояния началась после X съезда РКП(б). В эти годы между различными группировками в руководстве страны шла ожесточенная война за влияние на молодежь. В 1923 г. был выдвинут лозунг «Фронтов нет – а опасность есть». Большое внимание обращалось на ликвидацию технической и политической неграмотности среди призывников. В то же время появился и провокационный лозунг – «Пресечь тягу к учебе» [2. Д. 22. Л. 35]. Это можно объяснить тем, что новое часто с трудом внедряется в жизнь, случаются ошибки и перегибы. Комсомолу как главному помощнику и резерву партии было поручено шефство над пионерами, организации которых стали возникать в 1922 г. В 1923 г. в МАО появились первые два десятка пионеров в Козьмодемьянском и Краснококшайском кантонах [2. Д. 357. Л. 3–4].

На 1 октября 1923 г. в Маробласти имелось: укомов – 3, райкомов – 0, ячеек РКСМ – 57, в них юношей – 501 человек, девушек – 85 (соответственно 87,2 и 12,8%). Для сравнения приведем данные о членах комсомола в Чувашии. В Чувашской автономной области: укомов – 4, райкомов – 1, ячеек – 148, юношей – 1 591, девушек – 146 (соответственно 91,5 и 8,5%). В целом по СССР: укомов – 696, райкомов – 242, ячеек – 18 844, юношей – 279 197, девушек – 53 417 (соответственно 83,9 и 16,1%) [2. Д. 22. Л. 80]. Приведенные сведения позволяют сделать вывод о том, что в целом по СССР девушки в общественной жизни были активнее, чем в Марийском и Чувашском регионах (материалы архивов зачастую не совпадают, что свидетельствует об уровне ведения документации в названные годы) [2. Д. 22. Л. 80].

В эти годы в МАО также проводились районные (местные волостные), кантонные конференции несоюзной молодежи с вопросом о задачах КСМ, политработы и др. Отдельно проводились и беспартийные конференции девушек. Только к 1924 г. альтернативные комсомолу организации молодежи потерпели поражение и исчезли (в некоторых случаях ушли в тень) с политической арены страны.

Комсомол постепенно стал главной движущей силой преобразований в молодежной среде. В МАО, как и по всей стране в целом, активизировалась общественно-политическая и социально-экономическая жизнь. Проводились мероприятия, которые оказывали влияние на все сферы жизни населения, особенно молодого поколения. Например, было объявлено, что спорт как оздоровление физической природы человека при социалистическом строе находится под охраной самого государства, так как оздоровление человека непосредственно влияет на выполнение производственной работы. Девиз буржуазии «Спорт ради спорта» был заменен на девиз революционного пролетариата «Спорт как средство борьбы трудовых масс за существование». Комсомол стал руководить физкультурными кружками. Спортивные секции организовывались только при ячейках комсомола, для подготовки кадров проводились трехмесячные курсы руководителей физкультуры.

В МАО особенно тяжелые условия были в водных видах спорта. Можно сказать, что ситуация здесь к 1921 г. создалась катастрофическая. В связи с этим руководством области перед комсомолом и военкоматом была поставлена задача активизации таких видов спорта и организации морской допризывной подготовки молодежи (централизованная допризывная подготовка молодежи в армию к этому времени была налажена) [2. Д. 12. Л. 22].

В области в клубах появились лекторы (тогда назывались беседчиками), устраивавшие «красные посиделки» при ячейках комсомола, организовывавшие кружки по рукоделию (особое развитие получили в среде сельских девушек), открывались «Красные уголки» при избах-читальнях. Вся эта работа непосредственно увязывалась с политической подготовкой молодых людей. Политучеба стала непременным спутником идеологической работы. Там прорабатывались решения партии, создавались кружки текущей политики, где разъяснялись решения партии и правительства. Большую роль в этом деле сыграла совпартшкола, в которой слушателями были сплошь молодые люди. Комсомольцы вели борьбу с самогоноварением, с социальными болезнями (особенно с трахомой, чесоткой), проводили агитацию за здоровый образ жизни, за чистоту и порядок в быту. «Отдельное полотенце для каждого члена семьи» – такой девиз был выдвинут в 1920-х гг. [2. Д. 357. Л. 6].

В период восстановления народного хозяйства и хозяйственно-культурного строительства в годы индустриализации и коллективизации проводилось производственное кооперирование крестьянства, получила развитие потребительская кооперация. Вовлечение молодежи в хозяйственные реформы в стране и регионе стало первейшей целью Марийского областного комитета комсомола. С участием молодых людей появились десятки новых товариществ, в состав которых вливались сотни новых членов.

Комсомольцы внесли немалый вклад в работу по переводу отсталого сельского хозяйства на многополье, развитию травосеяния, организации сельхозкружков. Объявленная борьба с неграмотностью и социальными болезнями шла очень тяжело. Характерным для этого периода стали политическое образование и интернациональное воспитание юношества. «Ни одного комсомольца вне политкружка, вне политшколы, кружка текущей политики» – под таким лозунгом разворачивалась работа. Одновременно комсомол работал над созданием ячеек МОПР и других многочисленных добровольных обществ в области. Привлекая бедняков, батраков, организации Комитетов бедноты, комсомол боролся с «классово чуждыми элементами» (так называли тогда лиц непролетарского происхождения) за проведение генеральной линии правящей Коммунистической партии. Только в период между VII и VIII конференциями (съездами) Марийского ОК ВЛКСМ в 1927 г. были исключены из комсомола юноши и девушки области с формулировкой: за нарушение дисциплины, Программы и Устава – 120 человек (51,50%); как чуждые элементы – 6 (2,57%); за хулиганство, пьянство и картежную игру – 65 (27,9%); за воровство и уголовные преступления – 9 (3,86 %); за исполнение религиозных обрядов – 9 (3,86%); прочие причины – 24 (10,3%) [2. Д. 94. Л. 34]. В 1928 г. проводилась чистка в Йошкар-Олинской городской, Козьмодемьянской и Сернурской кантонных организациях ВЛКСМ [2. Д. 357. Л. 6].

Следует отметить, что в выполнении директивных указаний партии в области развития промышленности в большинстве предприятий МАО комсомольцы были застрельщиками применения методов социалистического труда, ударничества. Например, комсомольская организация Марийского кожтреста организовала 7 молодежных бригад. Все они стали ударниками труда и явились примером соцсоревнования для других бригад. Члены ВЛКСМ механического, котельного и хозяйственного цехов завода «Красный Волгарь» на 100% охватили соцсоревнованием Звениговскую комсомольскую организацию, провели ряд субботников по ликвидации недоработок в ремонте судов. Йошкар-

Олинская ячейка комсомола провела несколько суббот по ликвидации отставания в выполнении плана на кирпичном заводе. Комсомольцы активно участвовали в тушении пожаров, которые часто случались в регионе. Однако в ряде предприятий транспорта не все комсомольцы были включены в ударные темпы борьбы за выполнение промфинплана.

На ликвидацию отставания в выполнении плана лесозаготовок были мобилизованы 1 082 комсомольца. Карамасская ячейка комсомола Моркинского кантона организовала несколько ударных бригад. Горно-Марийская ячейка довела выработку до девяти кубических метров в день. Звениговская организация несколько субботников посвятила проведению сплава, мобилизовав 157 комсомольцев [2. Д. 357. Л. 3–4].

Члены ВЛКСМ активно участвовали в проведении коллективизации и проведении посевной кампании. На 1 октября 1929 г. в Маробласти было коллективизировано 4% единоличных хозяйств, на 5 мая 1930 г. – 11,8% бедняцко-средняцких хозяйств [2. Д. 128. Л. 236]. За зиму 1930 г. и весну 1931 г. были организованы десятки бригад, где участвовали 710 членов ВЛКСМ в агитбригадах, они пропагандировали колхозное строительство, разъясняли значение коллективизации. В этот период руководством Марийского ОК ВЛКСМ было проведено 30 районных конференций молодежи об участии населения в посевной кампании. Силами комсомольцев были организованы 182 колхоза, 14 поселковых товариществ, 48 инициативных групп. Торьяльская и Сернурская организации заключили договор на лучшее проведение весеннего сева. Комсомольцы Турекского кантона организовали 16, а Сернурского – 18 обозов по сортировке семян. По инициативе комсомола было проведено 15 пробных выездов в поле. В перевыборной кампании Советов и других мероприятиях комсомол являлся активным борцом за выполнение поставленных партией и правительством задач [2. Д. 128. Л. 236].

Особо необходимо остановиться на подготовке молодых кадров для области. При активном участии ОК ВЛКСМ были организованы курсы по подготовке в вузы, ШКМ (Школы крестьянской молодежи). Однако лозунг «100% охвата политучебой» в 1930 г. не был выполнен. Учебой было охвачено только 45% комсомольцев. Лозунг «Технику – в массы!» не выполнялся. Взятое в 1930 г. обязательство обучить к 1931 г. 6 000 человек неграмотных тоже не было претворено в жизнь, обучалось только 3 500 человек. Вместо 400 культармейцев работали только 200. Слабым участком являлась и военно-физкультурная и антирелигиозная работа. Решение IX съезда комсомола, что «Каждая ячейка организует колхоз и каждый комсомолец – колхозник», не было претворено в жизнь. Руководство Марийского ОК ВЛКСМ не добились стопроцентного участия комсомольцев, рабочей молодежи и колхозников в социалистическом строительстве [2. Д. 357. Л. 8].

Итоги работы промышленности по выполнению промфинплана за первое полугодие 1930 г. также были неутешительными: Стеклотрест выполнил план на 59,9%, Кожтрест – 49,1%, завод «Коммунист» – 24,5%, промкомбинат – 28,9%. В целом по всей промышленности МАО годовой план был выполнен на 46,3%. Плановые задания по основным показателям были выполнены только единственным заводом «Мариец» [2. Д. 128. Л. 242].

Молодежь принимала участие в работе МОПР (Международная организация помощи борцам революции), которая была создана в конце 1922 г. по инициативе IV Конгресса Коминтерна. По масштабам деятельности и численности

членов МОПР стала одной из самых массовых добровольных организаций в СССР после профсоюзов. Деятельность МОПР строилась на ожидании мировой революции и подготовке к ней [4. Л. 19].

23 февраля 1929 г. Марийский областной комитет комсомола получил директивное указание из Москвы. Секретариат ЦК ВЛКСМ утвердил новые прикрепления к зарубежным союзам. В письме было написано: «Согласно этого прикрепления вам предназначено шефствовать над югославским комсомолом. Интернациональная комиссия ЦК постановляет провести кампанию помощи югославскому комсомолу во всех шефствующих организациях ВЛКСМ. Вызвано это тем, что в связи с реакционным переворотом в Югославии без того тяжелые условия работы союза еще более усугубились» [2. Д. 128. Л. 298]. Марийцы наладили контакты с югославскими комсомольцами: вели переписку, проводили сбор средств им в помощь, что стало актуально после государственного переворота 6 января 1929 г., установления диктатуры югославского короля, запрета всех партий и разгрома Союза коммунистической молодежи Югославии. Некоторые письма или выдержки из них стали помещать в областных газетах «Марийская деревня» и «Йошкар Кэчэ» [2. Д. 128. Л. 313].

Выводы. Приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что молодежная политика в советской стране осуществлялась всеми государственными органами и общественными организациями. Комсомолу приходилось решать задачи, связанные с голодом, разрухой, экономической отсталостью области, темнотой, безграмотностью и невежеством населения, неравноправным положением женщины и бедноты. Может быть, поэтому большое значение придавалось росту организации, когда при приеме учитывалось все: социальное положение, пол, возраст, национальность, образование, партийность, принадлежность к профсоюзу и др. В Марийской автономной области большую часть территории занимали леса, вследствие чего населенные пункты располагались далеко друг от друга. Иногда комсомольцам приходилось за 7 или 10 верст ходить на собрания. Это тормозило рост рядов комсомола, ячейки то возникали, то распадались. Тем не менее анализ документов и материалов свидетельствует, что молодежь как социальная группа, наиболее подготовленная к масштабным изменениям, оказалась надежным союзником государства в его преобразующей деятельности.

Литература и источники

1. *Вахитова Е.В.* Материалы комсомольской организации в фондах Музея истории города Йошкар-Ола // Музейный вестник: ежегодный сборник. Йошкар-Ола, 2019. Вып. 13. С. 61–65.
2. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П-9. Оп. 1.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9. Оп. 1. Д. 3.
4. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 6. Оп. 1. Д. 279.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 1. (1898–1917). М.: Политиздат, 1986. 638 с.
6. *Ленин В.И.* Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде РКСМ 2 октября 1920 г. М.: Мол. гвардия, 1985. 32 с.
7. *Мальцев В.Э.* Красной нитью прошитое время. Марийский комсомол: летопись славных дел. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2021. 400 с.
8. Очерки истории Марийской Организации ВЛКСМ / сост. В.А. Ерошкин, И.В. Петров. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. 217 с.
9. *Романова Т.Ю.* Марийские комсомольцы на помощь флоту // Марийский архивный ежегодник. Йошкар-Ола, 2019. Вып. 1. С. 92–97.
10. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М-6. Оп. 1. Д. 1.
11. Советский энциклопедический словарь. М., 1982. 1599 с.

СОКОЛОВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (sokolova-cheb@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-1482>).

ЕВДОКИМОВА АНЖЕЛИКА НИКОЛАЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (savelika76@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9030-7732>).

ЯЛТАЕВ ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dmru@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1016-2092>).

Valentina I. SOKOLOVA, Anzhelika N. EVDOKIMOVA, Dmitriy A. YALTAEV

THE MARI REGIONAL KOMSOMOL ORGANIZATION IN THE 1920–1930s:
THE EXPERIENCE OF ORGANIZATIONAL EVOLVEMENT AND DEVELOPMENT

Key words: the RCYL, the RLCYL, the AULYCL, the Mari Autonomous Region, Komsomol organizations, congresses, conferences, cantons, districts, executive secretary.

Studying the experience of the formation, evolution and development of the youth movement is relevant in scientific and practical terms, since the future of any state depends on youth. Currently the closest attention from both the state and the society is paid to formation of various youth organizations.

The purpose of the study is to determine the place and the role of the youth of the Mari Autonomous Region in the transformations which took place in the country and the region in the first decade after the region's formation, to show the successes and difficulties of the growth of the Komsomol ranks and to find out their causes.

Materials and methods. The article is based on the principle of historicism, objectivity, and a comprehensive analysis of the youth's problems conducted at the level of an individual region of the RSFSR. The reference sources were materials from the state archives of the Republic of Mari El, the Chuvash Republic, and sources from the funds of the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Archive of Socio-Political History were used.

Research results. The disparate initial forms of youth associations and circles in the territory of the modern Republic of Mari El first acquired organizational features in 1919 with the formation of the Komsomol, which took a monopoly position in 1924. The numerical strength of this organization began to increase actively since 1923 when the difficult years of revolution and famine ended, and reached its maximum strength during the years of industrialization and the beginning of collectivization. The priority tasks of the organized youth were: famine relief, support for the Bolsheviks during the Civil War, in peacetime – political education, organization of sports. The All-Union development programs were implemented through the Komsomol – organizing youth shock workers; brigades, organization of social competition, the activities of propaganda teams during creation of collective farms. At this, some Komsomol members refused to join collective farms and showed little activity in the physical culture movement. A feature of the movement was its organization in a forest area with large distances between settlements, where mostly the non-Russian peasant population lived. In 1929, the Mari Komsomol became involved in international activities and established contacts with the Yugoslav youth movement.

Conclusions. The youth made a significant contribution to the national economy restoration and establishment of peaceful life in the region. Komsomol members had to be active in conditions of famine and devastation, to solve issues of achieving equality of different population groups, the development of agricultural technologies, the fight against illiteracy on the basis of new political ideological tasks for that era.

References

1. Vakhitova E.V. *Materialy komsomol'skoi organizatsii v fondakh Museya istorii goroda Yoshkar-Ola* [Materials of the Komsomol organization in the funds of the Museum of the History of the city of Yoshkar-Ola]. In: *Muzeinyi vestnik: ezhegodnyi sbornik. Vyp. no. 13*. [Museum Bulletin: annual collection. Issue 13]. Yoshkar-Ola, 2019, pp. 61–65.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mariy El. Fond P-9. Opis' 1* [State Archives of the Republic of Mari El. Archive P-9. Anagraph 1].
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 9. Opis' 1. Delo3* [State Archives of the Russian Federation. Archive 9. Anagraph 1. Document 3].

4. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoy istorii Chuvashoi Respubliki. Fond 6. Opis' 1. Delo 279* [State Archives of Modern History of the Chuvash Republic. Archives 6. Anagraph 1. Document 279].
5. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. Moscow, Politizdat, 1986, vol. 1, 638 p.
6. Lenin V.I. *Zadachi soyuzov molodezhi. Rech' na III Vserossiiskom s'ezde RKSM 2 oktyabrya 1920 g.* [Tasks of youth unions. Speech at the III All-Russian Congress of the RKSM on October 2, 1920]. Moscow, 1985, 32 p.
7. Mal'tsev V.E. *Krasnoi nit'yu proshitoe vremya. Mariiskii komsomol: letopis' slavykh del* [Red thread stitched time. Mari Komsomol: Chronicle of glorious deeds]. Yoshkar-Ola, Mari Book Publ., 2021, 400 p.
8. Eroshkin V.A., Petrov I.V., comp. *Ocherki istorii Mariiskoi organizatsii VLKSM* [Essays on the history of the Mari Organization of the Komsomol]. Yoshkar-Ola, Mari Publ. House, 1964, 217 p.
9. Romanova T.Yu. *Mariiskie komsomol'tsy na pomoshch' frontu* [Mari Komsomol members to help the fleet]. In: *Mariiskii arkhivnyi vestnik: Ministerstvo kultury pechati po delam natsionalnoy Respubliki Marii El.* Vyp. 1 [Mari archival yearbook: Ministry of Culture of the Press for Nationalities of the Republic of Mari El. Issue 1]. Yoshkar-Ola, 2019, pp. 92–97.
10. *Rossiiskii Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. Fond M-6. Opis' 1. Delo 1* [Russian State Archives of Socio-Political History. Archive M-6. Anagraph 1. Document 1].
11. *Sovetskii Encyclopedicheskiy slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1982, 1599 p.

VALENTINA I. SOKOLOVA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (sokolova-cheb@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-1482>).

ANZHELIKA N. EVDOKIMOVA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (savelika76@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9030-7732>).

DMITRIY A. YALTAEV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (dmru@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1016-2092>).

Формат цитирования: Соколова В.И., Евдокимова А.Н., Ялтаев Д.А. Марийская областная комсомольская организация в 1920–1930 годах: опыт организационного становления и развития // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 157–167. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-157-167.

УДК 821.161.1
ББК Ш33(2=411.2)6

С.В. СТАРИКОВ

**РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 ГОДОВ
В ОЦЕНКАХ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ А.А. ТИХОНОВА-ЛУГОВОГО
(по материалам «Дневника свободного человека»
и литературных произведений)**

Ключевые слова: революция, писатель, общественное движение, император, Россия, манифест, власть, общество.

Отношение русской писательской интеллигенции к революционным событиям в России в начале XX в. остается актуальной проблемой российской историографии. Во многом это связано с вовлечением в научный оборот новых историко-литературных материалов, воспоминаний, свидетельств, позволяющих более обстоятельно рассмотреть диапазон мнений, оценок русских писателей о революционных процессах в стране.

Цель исследования – изучение взглядов и оценок на события Первой русской революции 1905–1907 гг. русского писателя А.А. Тихонова-Лугового на основе написанных им «Дневника свободного человека» и ряда литературных произведений, отражавших особенности и специфику той революционной эпохи.

Материалы и методы. Источниками послужили публикации писателя начала XX в., прежде всего изданный им единственный номер литературно-публицистического сборника «Маяк», где был опубликован «Дневник свободного человека», а также драматическая поэма в стихах «Максимилиан – император мексиканский» и ряд литературных произведений писателя. Основными методами стали историзм, объективность, анализ и синтез материалов из литературных источников и публицистики.

Результаты исследования. Русская писательская интеллигенция всегда откликнулась на происходящие в стране события. При этом русские писатели стремились постичь внутренние истоки и причины событий и процессов, психологическую и нравственную подоплёку принятия решений, позиций власти и общественных сил. А.А. Тихонов-Луговой отличался тем, что в своём творчестве как никто другой стремился определить глубинные социально-психологические характеристики «героев освободительного движения» и один из немногих предупредил о том, что бескомпромиссная борьба власти и общественного движения может привести страну к катастрофе. Писатель призывал к диалогу между властью и обществом. В умении общественных сил поддержать прогрессивную волю императора и постепенно обустроить Россию на благо и государства, и общества он видел залог дальнейшего благополучного и прогрессивного развития страны.

Выводы. Несмотря на здравые позиции ряда общественных деятелей, включая русскую писательскую интеллигенцию, вектор общественного движения склонялся к резкому противостоянию власти и «освободительного движения», что в конечном счете привело страну к революции.

Введение. В отечественной историографии роли и значению писательской интеллигенции в общественном движении в России в начале XX в. отводится крайне незначительное место. Однако уже тогда в литературе, публицистике не только ставились и обсуждались многие аспекты общественно-политической борьбы на рубеже XIX–XX вв., но и звучали призывы избежать революционного насилия, найти рациональные пути взаимодействия разных течений, организаций, партий, общественного движения во имя России, её будущего, её народов. К когорте таких деятелей принадлежал русский писатель А.А. Тихонов-Луговой. Его творчество было забыто после революции 1917–1918 гг. и сегодня вновь возвращается к нам. За последние 15 лет появились первые монографические исследования его творчества [8, 9], хотя общественно-политическая сторона его деятельности пока не стала предметом изучения.

Целью исследования является изучение взглядов и оценок на события Первой русской революции 1905–1907 гг. русского писателя А.А. Тихонова-Лугового на основе написанных им «Дневника свободного человека» и ряда литературных произведений, отразивших особенности и специфику той революционной эпохи.

Материалы и методы. Источниками для данной статьи стали литературно-публицистические заметки писателя, в том числе «Дневник свободного человека», некоторые его литературные произведения, написанные в годы Первой русской революции, а также отзывы и заметки литературных критиков, писателей, представителей русской общественности на высказывания и предложения А.А. Тихонова-Лугового.

Результаты исследования. Алексей Алексеевич Тихонов-Луговой (1853–1914) был известным русским писателем конца XIX – начала XX в. Уроженец города Варнавина Костромской губернии, детские и юношеские годы будущий писатель провел в городе Царевококшайске Казанской губернии, где его отец владел винокурным заводом в 1860 – начале 1870-х гг. Получив прекрасное домашнее образование и большое наследство от отца, Алексей Луговой (таким псевдонимом он подписывал свои произведения) оставил предпринимательскую деятельность и уехал в Санкт-Петербург, чтобы попробовать себя на поприще литературного труда. Он писал стихи, драматические произведения, повести, рассказы. Писательское признание пришло к нему в начале 1890-х гг. Он стал писателем большого таланта, всегда стремился постичь сложные струны психологии человека, понять мотивы его поступков, был истинным патриотом своего Отечества, свидетелем многих событий на переломе двух столетий, когда Российская империя переживала сложные времена, вступая в новую эпоху.

События Первой русской революции 1905–1907 гг. не оставили писателя равнодушным. В январе 1905 г. он жил в Петербурге и был очевидцем событий 9 января. В своих заметках, особенно в «Дневнике свободного человека», опубликованном в сборнике «Маяк» (1906 г.), он отзывался о них, как о сложном периоде в жизни страны. В политику он не вмешивался. В поисках истины и правды, независимых от политических предубеждений и толкований, он прошел тернистый путь, и всё его творчество проникнуто этими поисками. В это время он напряженно работал над своей объемной политической трагедией в стихах «Максимилиан – император мексиканский», поскольку события в этой стране очень перекликались с обстановкой в России. А. Луговой горел желанием представить свой труд русской общественности в целях анализа обстановки и учета уроков политической борьбы и общественного движения в ближайшем будущем.

В своей трагедии об императоре Максимилиане Луговой видел если не идеального правителя, то такого главу государства, который учитывал интересы своих граждан, разных политических сил, стремился быть справедливым, не допускать противостояния и войны, анархии и диктатуры. Наделяя своего героя, Максимилиана, этими ценностными принципами, Луговой вкладывает в его уста такое заключение:

«Республику я уважать готов,
Пока ещё республика она,
А не анархия. Но для меня
Республика, какая-б ни была,
Всегда подобна Вавилонской башне:
Придет пора, строители её

Вдруг перестанут понимать друг друга
И разбредутся врозь. Потом наступит
Анархия, и кончится всё тем,
Чем уж сто раз кончалось: диктатурой
Иль теократией. По мне-ж,
Монархия – единственная форма
Правления, к которой все народы
Должны прийти в конце концов. Она,
На самых низших ступенях культуры,
В быту патриархальном возникает,
Она-ж цивилизации вершину
В веках ещё грядущих увенчает» [3. С. 81].

На претензии мексиканца Терана о том, что его стране нужна свобода и независимость, император Максимилиан ответил:

«Монархия вам даст и то, и это.
Синонимы монархия с свободой,
Как я, по-своему, их понимаю...
Но я, конечно, разумею здесь
Монарха идеального на троне.
Я идеальную республику –
Утопией считаю; а монархи
Стать идеалами, конечно, могут –
Их положение им даёт возможность
Действительно святыми быть, как боги» [3. С. 83].

Конечно, подобная гармония пока не достижима, но нужно к ней стремиться. Максимилиан заявил, что он вовсе не противник конституций и готов дать Мексике самую «либеральнейшую» конституцию и стать её гарантом. И даже если:

«По правде, наш парламентский режим
Немножко на качель походит, где,
Поочередно, партии то вниз,
Спускаются, то вверх опять взлетают.
Но это не беда, когда качель
Подвешена на перекладине
Надёжного и честного закона.
И я своей задачей поставил
Дать Мексике законы лучшие,
Какие только есть иль прежде были
У самых просвещённых народов...» [3. С. 84].

Император Максимилиан процарствовал в Мексике три года и семь дней. В 1867 г. он был расстрелян по приказанию президента Мексиканской республики Бенито Хуареса. В предисловии к своей политической трагедии А. Луговой писал, что сегодня Европа подзабыла это событие. Он отметил, что большое влияние на него произвела картина французского художника Ж.П. Лоранса «Последние минуты императора Максимилиана в Керетаро», экспонировавшаяся на выставке французских художников в 1880-е гг. Эта картина была куплена П.М. Третьяковым для своей галереи. В начале XX в. она часто воспроизводилась на почтовых открытках. «Когда я увидел эту картину на выставке, в памяти воскресло всё, что мне приходилось слышать в мои юношеские годы,

вспомнилось всё, что волновало тогда наше общество...» [3. С. 87]. Эта картина, по выражению Лугового, «навела меня на мысль изобразить в драматической форме эту мексиканскую трагедию». Он стал собирать исторический материал. «Я убеждался, – писал Луговой, – что это не просто интересный драматический сюжет, – это богатейшая канва, драгоценнейший материал для разработки вечных вопросов, «проклятых вопросов», волнующих всё человечество с древнейших времён и до наших дней, вопросов, которые для многих, вероятно, ещё долго останутся нерешёнными» [3. С. 6–7]. В произведении ожидалось около 30 отдельных действий и около 140 действующих лиц. В сборнике «Маяк» была опубликована лишь малая часть трагедии – два действия. При этом Луговой подчеркивал, что он писал своё произведение «с чисто художественной объективностью, с беспристрастием художника, которому одинаково дороги и император Максимилиан, и президент республики Хуарес» [3. С. 7]. Луговой признавался: «Я положил на неё два года непрерывного труда» [5. С. 117]. Максимилиан погиб потому, как считал Луговой, что принял на себя благородную, но самую опасную, самую невыгодную роль – примирителя всех партий. Он был монархом по титулу и республиканцем в своих действиях. Эта трагедия так и не была полностью напечатана.

События в далекой Мексике были действительно созвучны с положением в России, где шла острая борьба оппозиционных сил общественного движения с императорской властью, исход которой также трудно было предвидеть. Однако Луговой, оценивая реформаторскую деятельность императора Николая II, в том числе его политические шаги в 1905–1906 гг., отчетливо осознавал их значимость в постепенной мирной и эволюционной трансформации России к парламентаризму с сильной центральной властью. Это был шанс, который Россия не должна была упустить. В этом смысле деятельность императора Максимилиана и российского самодержца в чём-то перекликались. Наверное, именно поэтому Луговой столько сил приложил к этому произведению, чтобы достучаться до русских сердец в период революционной смуты. Но компромисса во имя России не состоялось. Более того, пропасть между властью и общественно-политическими силами только углублялась. Россия – страна крайностей – двигалась к революции. Мысли и образы, высказанные в политической трагедии Лугового, оказались весьма пророческими. Судьба последнего российского императора также оказалась трагической, а Россия оказалась свергнута в бездну Гражданской войны.

Трагедию Лугового высоко оценил писатель и литературный критик Е.А. Ляцкий, отметив, что он работал над ней «с необыкновенным воодушевлением, с глубоким и вдумчивым изучением исторического материала». Живой язык, умелая постановка сюжетной канвы, наличие сильных сцен отличали эту драму в стихах Лугового. Правда, по мнению Е.А. Ляцкого, трагедия появилась не совсем вовремя – в разгар «размаха освободительной борьбы». В 1906 г. на трагедию общество не обратило надлежащего внимания [7. С. 258–254]. О многолетней работе А. Лугового над поэтической драмой свидетельствовал искусствовед И.Э. Грабарь, отмечая, что писатель не раз делился с ним её содержанием и рассказывал о новых задуманных им сценах. Закончив поэму, Луговой собрал всех главных театральных деятелей, членов театрального комитета, своих друзей и устроил читку. Однако на многих эта трагедия, по мнению Грабаря, не произвела «того потрясающего впечатления, на которое рассчитывал сам автор». Выступавшие не знали, что сказать, и поэтому ограничились классическим в таких случаях выражением «с одной стороны – с другой стороны».

Фактически они не вникли в глубинную идею произведения. Правда, Грабарь заметил, что «сочувствие автора лежало определённно на стороне Максимилиана» [2. С. 110].

В «Дневнике свободного человека» Луговой подробно описывает свои впечатления о дне 9 января 1905 г. в Петербурге. Он всё хотел увидеть своими глазами. Накануне, пишет он, в городе многие знали, что готовится шествие рабочих к Зимнему дворцу. Известно было и то, что шествию хотят преградить дорогу войска. На всех улицах были расклеены объявления градоначальства о возможных последствиях этой акции, предлагалось не примыкать к толпе. Но все проявляли любопытство и не обращали внимание на эти предупреждения. «Была уверенность в мирном характере демонстрации, – свидетельствовал Луговой, – верилось и в её благополучный исход» [4. С. 196].

Однако писатель с супругой выехали из дома только в два часа дня и, проезжая по центру города, по Литейному и Невскому проспектам, заметили только у Мариинской больницы толпы людей, которые говорили о раненых; мужчин, одетых в праздничную одежду; мальчишек возле здания городской думы на Невском, которые ругали солдат. На Дворцовой площади уже никого не было, правда, вдоль дворца ещё стояли солдаты, видны были ружья в козлах, горящие костры и пара пушек. И в голову не приходило, что здесь была какая-то драма. Никаких следов крови на снегу Луговой с супругой не заметили. «Когда я вспоминаю теперь об этом, – писал он, – я вижу по себе, насколько далеки были петербуржцы в их огромном большинстве от того, чтобы считать не только неизбежным, но и просто даже возможным какое-либо серьёзное кровавое столкновение в этот день» [4. С. 199]. Из разговоров в толпе Луговой понял, что рабочие говорили, что царь должен был взять петицию от них, а ответить сразу его никто не просил. «А то наось – стрелять! За что, – спрашивается!» Два часа поездки по городу и на небольшом морозе, по выражению писателя, «возымели действие: застыли ноги». Боясь простуды, они вернулись домой. «Всё оказалось настолько спокойным, как бывает при разводе войск по окончании царского парада». Никаких потрясающих впечатлений не было [4. С. 202–203].

На следующий день, 10 января, страсти нарастали. Впечатления от рассказов очевидцев, по выражению Лугового, «стали нагромождаться». Слухи и рассказы – частью верные, частью ложные – попадали в газеты. Стало ясно, что манифестация носила мирный характер. Большое число пострадавших было со стороны любопытных зрителей, которые пытались пробить полицейские заслоны. Говоря о числе пострадавших, Луговой писал, что нельзя определить это число хотя бы приблизительно. Он заметил, что сегодня говорят о тысяче убитых и раненых, завтра число их вырастет в пять тысяч, послезавтра – в двенадцать тысяч. Конечно, тогда официальные данные ещё не были опубликованы, и Луговой писал только о том, что слышал. «Что ни день, то новые рассказы», – признавался он, делая вывод о том, что «при всём желании сомневаться, не смеешь больше оставаться глухим, чувствуешь, как нарастает в душе величайшее негодование» [4. С. 207]. Социал-демократическая пресса заявляла о тысячах убитых и раненых. Луговой отмечал, что недоверчиво относился как к официальным документам, так и к их опровержениям. «Только история в более или менее близком будущем установит более или менее точные цифры...». Он привёл данные «Правительственного вестника», где говорилось о 96 убитых и 333 раненых. Следует отметить, что эти цифры были близки к истине. От ран и давки в событиях 9 января погибло 93 человека.

Луговой посетил Обуховскую больницу, разговаривал с ранеными и вынес заключение, что демонстрация была исключительно мирной и, по мнению Лугового, «не было ни малейшей надобности прибегать не только к выстрелам, но и просто к грубой физической силе». Луговой назвал Гапона «истинным народным героем». Может быть, считал он, в этой массе рабочих и были «отдельные озлобленные личности» и даже «сознательные провокаторы», всё равно в общем светлом настроении этой массы сквозило стремление найти правду, а революционеры, как полагал Луговой, «понимали, что всякое покушение на особу царя в такую минуту могло бы только повредить делу свободы и оттолкнуть доверчивую толпу от её случайных вожakov. Эту ошибку самые безумные фанатики из революционеров никогда не могли бы сделать – так ясно это всем и каждому» [4. С. 218]. Поэтому Луговой считал, что ошибку сделали власти, и их действия нельзя оправдать. По мнению Лугового, в этот день могло произойти единение царя с народом. Правда, писатель ошибался. Императора в этот день в Петербурге не было. А революционерам важно было не царевубийство, а убийство веры в царя. Первые выстрелы прозвучали со стороны демонстрантов. Стреляли провокаторы-революционеры, которым надо было спровоцировать бойню, и Гапон был связан с эсерами-боевиками. Только когда пролилась кровь полицейских, огонь был открыт по толпе правительственными силами. Что касается Николая II, то он был очень удручён произошедшим в столице. Семьям пострадавших была оказана материальная поддержка. Но престиж государя и власти в глазах очень многих был серьёзно поколеблен.

Луговой оценивал происходящее как «ожидание наступления новой жизни», как обновление, как «роды свободы» [4. С. 209]. Его настроение было мрачным. «Расстрелянием мирной толпы в этот день была убита и поругана старая Русь, – заключал он. – Пусть кто хочет говорит, что с точки зрения успеха революционного движения – “это даже к лучшему”. Но я чувствовал, что мне в моей любви к родине, со всеми её сильными и слабыми сторонами, нанесён тяжёлый удар; и боль, которую я теперь испытывал, была сильнее отвлечённых соображений, что именно на этом кровавом событии воздвигается здание будущей свободы» [4. С. 214]. Луговой подчеркивал, что величие и слава Родины ему всегда были дороги, «но внимательное изучение окружающей меня жизни заставляло меня всё более и более убеждаться, что под трёхцветным знаменем “православия, самодержавия и народности” неумелые или недобросовестные руководители ведут русский народ к потере и международного его положения, и к физическому вырождению, и к духовной нищете... Но я не был революционером и в особенности не верил в водворение правды на земле и просвещения в умах путём насилия. Я не забывал, что насилие вызывает ответное насилие» [4. С. 215].

Луговой приветствовал манифест Николая II от 17 октября 1905 г. о введении демократических свобод, хотя и считал, что это была неизбежная уступка общественному мнению. «Всё, что было на Руси угнетённого или просто недовольного, все, кто свыклись со своим и общим бесправным положением, все вострепнулись, все подняли головы... Не раздумывая о том, откуда и как она идёт, радостно встретили они новую весть о свободе верить, мыслить, говорить, действовать. Веками укреплялась в них вера в могучий, недосыгаемый источник всех чаемых и ожидаемых на земле благ, и теперь, “воздавая Божие Богови, а кесарево кесарю”, они телом и духом поклонились своему

царю. Это для них раздалось царское слово» [6. С. 79]. Но те же, кто боролись за эту свободу всю жизнь, оценили царский манифест только как «брешь в неприступной стене». И в этом взаимном непонимании, по мнению Лугового, родилась «великая трагедия». Писатель предвидел, что царское послание не будет оценено должным образом, что оппозиция не использует возможность мирной трансформации России в демократическое государство и ещё туже завяжет клубок противоречий русской жизни. Луговой оказался прав. Так оно и произошло. И тем не менее в письме к известному юристу А.Ф. Кони Луговой назвал этот документ «первой победой русской интеллигенции над тёмными силами». Закончил письмо Луговой восклицанием: «Да здравствует свобода и все, кто так или иначе боролся за неё!» [9. С. 97].

События 1905–1907 гг. не могли не найти отражения в художественных произведениях писателя. Повесть «Наши дни. Семейная история» (1907) [6] рассказывала об одной семье во время революционных событий 1905–1906 гг., оценила ею совершавшихся событий. И хотя критика отмечала, что в повести прозвучала авторская позиция на события, и она, по мнению либеральной прессы, не отражает подлинную расстановку сил, но «дело не в объяснениях, а в вопросах, возбуждаемых повестью. Они интересны, художник подходит к ним с искренним желанием посылить их и этим одним уже завоёвывает симпатию читателя» [1. С. 364].

В этой повести А. Луговой показал себя блестящим мастером анализа внутреннего мира человека, который покидает свою социальную среду и становится на совершенно новый для него путь – революции. Психологические зарисовки писателя очень интересны и о многом могут поведать читателю, интересующемуся данной проблемой.

В центре повести – обычная дворянская семья Кукурановых, владеющая имением, доходы от которого ещё позволяют жить безбедно. Но уже прежние темпы потеряны; и кризис ощущается во всём, включая отношения с крестьянством. Молодое поколение уже мыслит другими категориями. Молодые люди – сын барина Всеволод и его друг Сергей Савельев – примкнули к революционному движению. В диалоге с сестрой Машей Всеволод рассказывает ей о своих революционных убеждениях, открывает ей своё решение уйти навсегда из дома и стать рабочим. Он убеждает сестру в том, что настала пора всей революционной интеллигенции не просто пропагандировать идеи социальной справедливости, а сделать решительный шаг к слиянию с рабочим классом. Только этот путь позволит реализовать цели революции. Все возражения Марии о том, что это деградация, что таким путём нельзя добиться свободы и справедливости, что в «сказочном царстве» не может измениться природа человека, Всеволод парировал тем, что в новом строе изменится сам характер труда и принцип распределения материальных и духовных благ. Не будет смысла сохранять и копить капиталы. Люди будут проживать то, что они создают. Каждый будет пользоваться благами всех, в том числе и достижениями культуры, и создавать их для всех. Поэтому, заключал Всеволод, «чем больше будет в рядах нового строя людей, которые подобно мне сознательно и добровольно отреклись от старого, тем легче, с меньшими болями, совершатся роды нового строя» [6. С. 29]. Его товарищ, Сергей, высказывал ещё более радикальные мысли о том, что нельзя будет обойтись и без уничтожения многих красивых сторон самой культуры, созданной на «торжестве сильных и бессердечных». «Пусть гнивает и гинет весь старый строй с его красотой!».

Всеволод открылся не только сестре, но и своей матушке, Софье Петровне. Она не понимала своего сына, менявшего карьеру и достаток на жизнь какого-то мастерового. В её голосе звучал страх за судьбу сына. Лучше бы он был картёжником и пьяницей, чем пропагандистом. Она даже намекнула на то, что сдаст его жандармам. Всеволод пытался убедить мать, что он наконец-то станет человеком, а не слугой режима.

Столкновения начались и с зятем Андреем Фёдоровичем, который вместе с матушкой затеял спор о роли евреев в истории России. Сторонникам «живодовского заговора» против России «пропагандист» противопоставил известную версию революционеров о роли евреев в русском освободительном движении, называя их «святыми мучениками за правду». А. Луговой достаточно подробно обрисовал позиции спорящих сторон, вовсе не отдавая предпочтение какой-то одной из них. В этом проявился объективный авторский подход писателя к тому, что было в действительности.

Всеволод и Сергей выехали на юг. Тем временем в имении Кукурановых начался крестьянский бунт. Крестьяне выступили против барских покосов на той земле, которая до реформы 1861 г. использовалась крестьянским обществом. После реформы крестьян оттеснили на болота. Мужики начали с порубки барского леса. Дальше – больше. Толпа появилась у господских хлебных амбаров, взломала замки, и закипела горячая работа. «Таскали кадками, мерами, ведрами, таскали в мешках, в подолах, мальчишки таскали в шапках и всё ссыпали в привезённые на телегах полога... Всё совершалось без заранее обдуманного намерения, без плана. Так вода, выступив из берегов и не имея определённого русла, растекается во все стороны» [6. С. 70–71].

Стихийный беспощадный бунт разливался всё шире. Начался грабёж барского дома, имущества из комнат, запасов из погребов. Снимали даже медные печные дверки, отвинчивали ручки у дверей и рам. Многие напивались барским вином и горланили песни. Софья Петровна и управляющий имением пытались бежать в город, чтобы вызвать отряд солдат и расстрелять толпу восставших, но оказались совершенно обескуражены всем совершающимся. Только через посыльных удалось довести до сведения губернатора о бунте, и вскоре отряд солдат уже подошёл к имению.

Сестра Всеволода, Зина, учившаяся в питерской гимназии, тоже испытывала на себе влияние новых революционных веяний. Она общалась с гимназистками, выходцами из низших сословий, и не без влияния брата стала всё больше тяготиться своим социальным происхождением, старалась быть вместе с униженными, оскорблёнными и обездоленными. Она пока не умела вести разговоров на революционную тему, не видела разницы между партиями эсеров и эсдеков, но в душе, в тайных помыслах она с каждым днём всё больше и больше горела нетерпением осуществить все те желанные свободы, речами о которых был насыщен, кажется, сам воздух Петербурга.

Софья Петровна, испуганная потерей сына, дрожала теперь за судьбу дочери, но крутые меры против её своеволия принимать не решалась. Мать никак не могла понять, как воспитанная под её опекой дочь могла заразиться таким революционным духом. Да и Зина до поры до времени не давала повода матери. Дочь испытывала какое-то двойственное настроение. С одной стороны, все её помыслы, всё сочувствие было на стороне тех, кто желает разрушить старый мир со всеми его атрибутами, с другой – она всё ещё боялась разрушить свой семейный очаг, рассеять иллюзии любящей её матери. Но революционное

начало усиливалось, особенно после общения с подружкой, готовой пойти на любое дело по приказу партии эсеров. Она сказала Зине: «В решительный момент, когда я сознала бы, что от моего выбора между спокойствием матери и будущностью целого народа зависит удача или неудача какого-нибудь массового выступления, я бы, конечно, ни на минуту не задумалась, что мне делать» [б. С. 93]. Эти слова были сказаны эсеркой без всякого пафоса, но с такой твёрдостью убеждения, что Зина точно застыла, когда та замолчала. Поцеловав подругу, Зина сказала ей: «Да!»

В октябрьские дни 1905 г. Зина попала на партийное собрание, где впервые услышала партийных пропагандистов. Каждый говорил о гнёте труда капиталом и страстно призывал с оружием в руках добыть желанную свободу. Зина слилась с единым потоком борцов за свободу. Она многое не понимала, не могла понять, чем национализация отличается от социализации, но она верила в то, что эти люди говорят искренно и проникновенно, на их стороне настоящая правда. Устроить всеобщее счастье – разве может быть что-то более важное и значительное?! Зина готова была в эту минуту пойти на какой угодно подвиг, чтобы осуществить тот земной рай, который был обещан ораторами, в наступлении которого не могло быть никаких сомнений. Это были герои, которые прокладывали своей грудью дорогу в «царство свободы». Зина чувствовала только одно: куда бы ни пошла сейчас эта толпа, она пойдёт за ней. «Ей рисовался в далёком грядущем какой-то неопределённый мираж без ясных очертаний, без красок, мираж чего-то светлого, радостного, звучащего ей гармонией, веющего на неё чистым дыханием горных вершин» [б. С. 99]. А. Луговой в образе Зины воспроизвёл тот революционный ореол, который витал в сердцах и душах многих молодых людей, окунувшихся в горнило революционной бездны. При этом, как показывает писатель, преобладала вера в свободу и революцию как единственное средство искупления, а конкретные шаги к этому и, главное, как построить «царство свободы», никто не знал. Чувство преобладало над разумом.

17 октября 1905 г. вышел царский манифест. Зина узнала о нём дома от горничной. Она обрадовалась, прочитав текст манифеста в «Правительственном вестнике», поскольку там говорилось о свободе и правах граждан. Приехав к подружке в радостном настроении, Зина увидела, что у той не радость, а скорее раздражение и тревога. Подруга заговорила о манифесте, и Зина вдруг почувствовала себя неграмотной. Как она не смогла разобраться в том, что так ясно говорила её подружка. Она всё время подчёркивала, что это уловка царя, что никакой свободы не будет, надо продолжать борьбу, объединяться и вступать в сражение с властями. Зина не знала этого пути, но какой-то внутренний голос ей подсказывал, что надвигаются важные события и она будет вместе с ними.

В Питере начались стихийные демонстрации. Зина с подружкой оказалась в числе революционных демонстрантов, которые с пением «Марсельезы» двигались на Невский, призывая к вооружённому восстанию. И вдруг по толпе раздалась выстрелы. Но это не остановило демонстрантов. Зина не боялась выстрелов и шла в первых рядах. Готовность пожертвовать собой овладела всем её сознанием. Грянули новые выстрелы. Зазвенели стёкла фонаря. Мёртвым упал студент, а затем и Зина опустилась бездыханной на асфальт. Большинство демонстрантов в панике расходились и разбежались кто куда.

Заключительная глава повести представляет собой откровения революционеров Всеволода Кукуранова и Сергея Савельева, которые возвращались

с Дона и Кавказа, где выполняли революционные задания. Оба оказались на пароходе «Общества по Волге», «Боярыня», и следовали из Царицына: один – до Саратова, другой – до Нижнего. Любуясь красотами весенней Волги, они мало говорили, не обменивались мнениями о своих действиях. Оба чувствовали, что у них нет прежнего энтузиазма, прежней уверенности в себе, в своих теориях и представителях своей партии. Однако под воздействием развёртывавшихся с борта парохода картин великой реки России товарищи перешли к откровенному разговору. Студент Савельев первым заявил, что своими действиями мы разрушаем культуру старого строя вместо того, чтобы приспособить её к себе и самим приспособиться к ней, так как ещё вопрос, что дадим взамен её, что построит «новый царь мира – пролетариат». Всеволод сначала ничего не ответил, но, наблюдая за проходящими пароходами с именами русских писателей, признался: «На Волге я всегда чувствую себя страшно русским». Савельев был участником московского вооружённого восстания 1905 г., и перед ним всплывали трагические картины произошедшего. Он вспоминал, с каким хладнокровием революционные комитеты посылали боевые дружины на бойню, а правительственные войска беспощадно избивали восставших. «Как могли мы подумать, что войска будут на нашей стороне?! Террор правительственный, – рассуждал Савельев, – питает революцию, террор революционный истощает её. О, как хотелось бы чего-то другого, светлого, умиротворяющего! Наши революционные стратеги оказались плохими психологами. Если революция на нелепый террор правительства не может ответить ничем, кроме террора, её дело сведётся к нулю» [б. С. 132–133]. Всеволод тоже думал о насилии, вспомнил о судьбе своей сестры, Зины. Стоявший на палубе рядом молодой человек, представившись приказчиком лесопромышленника и перегонявший плоты по Волге до Царицына, услышав их разговор, деликатно намекнул, что революция в России делается неправильно, «по-мужицки», по принципу «лес рубят – щепки летят». А если бы эту революцию взяли в свои руки люди практичные, торговые, то всё пошло бы по-другому. С умом всё делать надо, на пользу отечества. Сергей и Всеволод, выслушав собеседника, пришли к общему выводу: «А ведь он прав! Нельзя западные теории, в том числе и социалистические, сколь привлекательными бы они не являлись, брать на вооружение и бездумно внедрять в жизнь. Но как теперь быть? Отречься от всего того, чем занимались, что проповедовали?» Товарищи согласились, что события 1905 г. имели и свою положительную сторону. Русское общество встряхнулось, совершился подъём народного духа, что все стали другими. Но в успех этой революции они не верят. «На Руси ещё невозможно сейчас осуществить социальные теории чрез народ. У русской революции не хватало диктатора... В этом – её народное величие, но в этом же её слабость... Безумно стремиться к недостижимому. Партиям пора заключить общий мир. Третьейским судом станет Дума или свободная печать. Кровавая борьба с той и с другой стороны бесцельна. Остановитесь! Вот что иногда хочется сказать и чужим, и своим» [б. С. 152–153].

Пароход причалил к саратовской пристани. Выйдя на берег, Сергей и Всеволод были арестованы полицией. Пока на пароходе они решали судьбы России, их судьба уже была решена наблюдениями за ними двух агентов тайной полиции. Пристав, арестовавший товарищей и изъявший у Савельева пистолет, не вступал с ними ни в какие разговоры. Но его взгляд без слов говорил им: «Теперь на нашей улице праздник!».

Выводы. Алексею Алексеевичу Тихонову-Луговому не удалось увидеть исход всей этой непримиримой борьбы. Он отошёл в мир иной в октябре 1914 г. Россия пережила смуту 1905–1907 гг., но впереди была Великая российская революция, за которой неизбежно последовала кровопролитная Гражданская война. Но всё, о чем писал и говорил писатель в начале XX в., оказалось пророческим. Через личные впечатления и художественные образы, навеянные событиями 1905–1907 гг., А. Луговой поведал русскому читателю драматическую историю неизбежности того «русского бунта», который опрокинет Россию в бездну. Выход из неё он видел в диалоге между властью и обществом, в умении общественных сил поддержать прогрессивную волю императора и постепенно обустроить Россию на благо и общества, и государства.

Литература и источники

1. *Вл. Кр.* Критика и библиография: Луговой А. Наши дни. Семейная история. СПб., 1910; Луговой А. Девичье поле. Повесть. СПб., 1910 // Современный мир. 1911. № 1. С. 363–364.
2. *Грaбарь И. Э.* Моя жизнь. Автобиография. М.; Л.: Искусство, 1937. 375 с.
3. *Луговой А.* Максимилиан – император мексиканский. Политическая трагедия. Пролог. Картины 1-я и 2-я // Маяк. Литературно-публицистический сборник. СПб., 1906. С. 1–165.
4. *Луговой А.* Дневник свободного человека // Маяк. Литературно-публицистический сборник. СПб., 1906. С. 185–239.
5. *Луговой А. А.* Листки из автобиографии // Нива. 1909. № 6. С. 114–117.
6. *Луговой А.* Наши дни. Семейная история. СПб., 1910. 158 с.
7. *Ляцкий Е. А.* Памяти А. А. Лугового // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1914. № 12. С. 258–264.
8. *Стариков С. В.* Русские писатели Алексей Луговой и Владимир Тихонов (Историко-литературные очерки о знаменитых царевкокшайцах). Йошкар-Ола: ООО ИПФ «Стринг», 2022. 404 с.
9. *Хрисанфов В. И.* Лужский затворник. Страницы жизни русского писателя А. А. Тихонова-Лугового. СПб.: «Скифия-принт», 2009. 240 с.

СТАРИКОВ СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (sv.starikov@yandex.ru).

Sergey V. STARIKOV

THE REVOLUTION OF 1905–1907

IN THE ASSESSMENTS OF THE RUSSIAN WRITER A.A. TIKHONOV-LUGOVOY
(based on the materials of the «Diary of a Free Man» and literary works)

Key words: *revolution, writer, social movement, emperor, Russia, manifesto, government, society.*

The attitude of the Russian literary intelligentsia to the revolutionary events in Russia at the beginning of the XX century remains an urgent problem of Russian historiography. This is largely due to the introduction in scientific circulation of new historical and literary materials, memoirs, and testimonies, which enable to examine in a more detailed way the range of opinions and assessments made by the Russian writers concerning the revolutionary processes in the country.

The purpose of the research is to study the views and assessments of the events of the First Russian Revolution of 1905–1907 made by a Russian writer A.A. Tikhonov-Lugovoy based on the «Diary of a Free Man» written by him and a number of literary works that reflected the features and specifics of that revolutionary era.

Materials and methods. *The sources were the writer's publications of the early XX century, first of all, the only issue of the literary and journalistic album «Mayak» published by him, where the «Diary of a Free Man» was published, as well as a dramatic poem in verse «Maximilian – the Emperor of Mexico» and a number of literary works of the writer. The main methods were historicism, objectivity, analysis and synthesis of materials from literary sources and social and political essays.*

Research results. The Russian literary intelligentsia has always responded to the events taking place in the country. At the same time, Russian writers sought to comprehend the inner sources and causes of events and processes, the psychological and moral background of decision-making, positions of the power and social forces. A.A. Tikhonov-Lugovoy was distinguished by the fact that in his work, like no other, he sought to determine the deep socio-psychological characteristics of «the liberation movement heroes» and was one of the few who warned that an uncompromising struggle between the government and the social movement could lead the country to disaster. The writer called for a dialogue between the government and the society. He saw the key to further prosperous and progressive development of the country in the ability of public forces to support the progressive will of the emperor and gradually equip Russia for the benefit of both the state and the society.

Conclusions. Despite the sound positions of a number of public figures, including the Russian literary intelligentsia, the vector of the social movement tended to sharply oppose the government and the «liberation movement», which ultimately led the country to revolution.

References

1. VI. Kr. *Kritika i bibliografiya: Lugovoi A. Nashi dni. Semeinaya istoriya*. St. Petersburg, 1910; *Lugovoi A. Devich'e pole. Povesť*. St. Petersburg, 1910 [Criticism and bibliography: A. Lugovoy. Our days. Family history. St. Petersburg, 1910; A. Lugovoy. Maiden field. Novella. St. Petersburg, 1910], *Sovremennyi mir*, 1911, no 1, pp. 363–364.
2. Grabar' I. E. *Moya zhizn'. Avtomonografiya* [My life. Autobiography]. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1937, 375 p.
3. Lugovoi A. *Maksimilian – imperator meksikanskii. Politicheskaya tragediya. Prolog. Kartiny 1-ya i 2-ya* *Mayak. Literaturno-publitsisticheskii sbornik* [Maximilian – Emperor of Mexico. A political tragedy. The prologue. Paintings 1st and 2nd]. St. Petersburg, 1906, pp. 1–165.
4. Lugovoi A. *Dnevnik svobodnogo cheloveka* [Diary of a free man]. *Mayak. Literaturno-publitsisticheskii sbornik*. St. Petersburg, 1906, pp. 185–239.
5. Lugovoi A.A. *Listki iz avtobiografii* [Sheets from autobiography]. *Niva*, 1909, no 6, pp. 114–117.
6. Lugovoi A. *Nashi dni. Semeinaya istoriya* [Our days. Family history]. St. Petersburg, 1910, 158 p.
7. Lyatskii E.A. *Pamyati A.A. Lugovogo* [In Memory of A. A. Lugovoy]. *Golos minuvshogo. Zhurnal istorii i istorii literatury*, 1914, no. 12, pp. 258–264.
8. Starikov S.V. *Russkie pisateli Aleksei Lugovoi i Vladimir Tikhonov (Istoriko-literaturnye ocherki o znamenitkh tsarevokokshaysakh)* [Russian writers Alexey Lugovoy and Vladimir Tikhonov (Historical and literary essays on the famous tsarevokokshaysy)]. *Yoshkar-Ola*, 2022, 404 p.
9. Khrisanfov V.I. *Luzhskii zatvornik. Stranitsy zhizni russkogo pisatelya A.A. Tikhonova-Lugovogo* [The Luga recluse. Pages of the life of the Russian writer A.A. Tikhonov-Lugovoy]. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2009, 240 p.

SERGEY V. STARIKOV – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola (sv.starikov@yandex.ru).

Формат цитирования: Стариков С.В. Революция 1905–1907 годов в оценках русского писателя А.А. Тихонова-Лугового (по материалам «Дневника свободного человека» и литературных произведений) // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 168–179. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-168-179.

УДК 271-9

ББК 86.372-24-3,8

Л.А. ТАЙМАСОВ

О МИССИОНЕРСКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕПИСКОПА АНДРЕЯ (А.А. УХТОМСКОГО) В КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ

Ключевые слова: епископ Андрей (А.А. Ухтомский), Казанская епархия, архипастырское служение, миссионерское просветительство, новокрещенные народы.

Среди епископов Русской православной церкви, внесших значительный вклад в дело утверждения православия в Волго-Уральском регионе, обращает на себя особое внимание личность А.А. Ухтомского.

Цель исследования – изучить жизненный путь и дать оценку миссионерско-просветительской деятельности епископа Андрея, его вклада в сохранение системы Н.И. Ильминского в практике христианского просвещения новокрещенных народов Казанской епархии.

Материалы и методы. Исследование осуществлялось на основе анализа литературы и источников. Изучены монографии, научные статьи, публикации самого А.А. Ухтомского в периодических изданиях и брошюрах, мнения и суждения о нем, его деятельности официальных лиц, просветителей, священнослужителей, обывателей. В качестве источников использованы отдельные архивные документы из фондов Синода Российской государственного исторического архива (РГИА), фондов Н.В. Никольского, Д.Ф. Филимонова Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН), сведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи и др. Применялись общенаучные и специальные методы научного анализа, прежде всего хронологический, институциональный и культурно-антропологический. Хронологический метод позволил осветить этап из жизнедеятельности А.А. Ухтомского на фоне сложных общественно-политических и социально-экономических процессов начала XX в. Институциональный подход использовался для описания религиозной политики царизма и Русской православной церкви. Культурно-антропологический подход применялся при рассмотрении взглядов архиерея на проблемы взаимодействия государства, церкви и общества, христианского просвещения народов Казанской епархии, а также его использование дало возможность показать отношение многонациональной паствы к архипастырю.

Результаты исследования. А.А. Ухтомский происходил из старинного дворянского рода и был первым ребенком в большой семье. Окончив Рыбинскую мужскую гимназию, поступил в Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус. После его окончания под влиянием праведного Иоанна Кронштадтского выбрал путь духовного служения. В 1891–1895 гг. обучался в Московской духовной академии. Его становление как миссионера-просветителя происходило в Казани, где он провел шестнадцать лет результативной деятельности. Опыт, полученный в период служения в Среднем Поволжье, он использовал при управлении Сухумской и Уфимской епархиями. Его судьба в годы революции, Гражданской войны и советских преобразований была тернистой и завершилась трагически: архиепископ Андрей многократно подвергался арестам и ссылкам, а в 1937 г. был расстрелян в Рыбинске Ярославской области. Научное значение исследования заключается в расширении научно-теоретической базы для дальнейшего изучения этноконфессиональных процессов, оценки роли епископа Андрея (А.А. Ухтомского) в утверждении православия в полиэтничном регионе на рубеже XIX–XX вв.

Выводы. Казанский период служения епископа Андрея (Ухтомского) стал временем формирования его взглядов на вопросы религиозной политики, практики христианского просвещения новокрещенных народов, когда в правительственных кругах и в среде церковного руководства возобладали идеи прямой русификации «инородцев». Непреклонная позиция архипастыря относительно продолжения использования системы Н.И. Ильминского позволила развивать национальные культуры на христианско-православной основе. В годы служения в Казанской губернии он являлся членом Казанского общества трезвости, руководил Братством святителя Гурия, учредив при нем «Кружок сестер-сотрудниц Братства святителя». Епископ Андрей инициировал и поддержал создание православных монастыря и общины крещеных татар. Опыт управления полиэтничной паствой, обретенный в Казанской епархии, он применял в последующем при возглавлении Сухумской (1911–1914), а позже Уфимской епархий (1914–1921).

Введение. Рост интереса к истории религии и церкви является результатом возвращения традиционных духовных ценностей, имеющих особенное значение для формирования и сохранения духовно-нравственной основы многонационального российского общества. Большинство россиян исповедуют православие, однако его утверждение в разных регионах страны имело существенные различия и особенности. Территорию бывшей Казанской епархии помимо православных населяли приверженцы иных христианских конфессий, ислама, народных верований. Современная этноконфессиональная структура населения региона близка к состоянию начала XX в., поэтому исследование миссионерско-просветительской деятельности казанских предстоятелей позволяет лучше понять религиозные процессы не только прошедших эпох, но и современные.

Цель исследования – на основе анализа научной литературы, архивных и опубликованных документов изучить миссионерско-просветительскую деятельность А.А. Ухтомского (епископа Андрея) в казанский период его служения в качестве преподавателя, публициста, руководителя и члена ряда просветительских организаций, епископа Мамадышского.

Материалы и методы. Работа написана на основе анализа литературы и источников. Изучены монографии, научные статьи, публикации самого А.А. Ухтомского в периодических изданиях и брошюрах, мнения и суждения официальных лиц, просветителей, священнослужителей, обывателей о нем, его деятельности. По делам из фонда 796 (канцелярия Синода) Российского государственного исторического архива (далее – РГИА) ознакомились с отчетами казанских архиепископов за соответствующие годы, журналами заседаний комиссий при Синоде по разработке вопросов, подлежащих рассмотрению поместного собора. В рукописных собраниях Н.В. Никольского, Д.Ф. Филимонова, хранящихся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН), выявили сведения о связях чувашских просветителей с епископом Андреем. Этноконфессиональную ситуацию в Казанской епархии на рубеже XX–XXI вв. отражают данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи.

Достижению намеченной цели способствовали применение общенаучных и специальных методов научного анализа, прежде всего хронологический, институциональный и культурно-антропологический. Хронологический метод позволил осветить этап жизнедеятельности А.А. Ухтомского в Казани на фоне сложных общественно-политических и социально-экономических процессов в начале XX в. Опора на институциональный подход дала возможность показать религиозную политику правительства и церкви. С помощью культурно-антропологического подхода рассмотрены взгляды епископа Андрея на проблемы взаимодействия государства, церкви и общества, христианское просвещение народов Казанской епархии, а также на его основе раскрывалось отношение многонациональной паствы к своему архипастырю.

Результаты исследования. Епископ Андрей (Ухтомский) известен как видный деятель Русской православной церкви, служение которого пришлось на начало XX в., период масштабных общественно-политических процессов, революционных и военных потрясений. Судьба его тесно переплелась с Волго-Уральским регионом: на Волге он родился, служил в Казани, Уфе и после долгих лет гонений на своей родине в Рыбинске принял мученическую смерть. Научное значение исследования заключается в расширении научно-теоретической базы для дальнейшего изучения этноконфессиональных процессов,

оценки роли епископа Андрея (А.А. Ухтомского) в утверждении православия в полиэтническом регионе на рубеже XIX–XX вв.

Епископ Андрей, начав с преподавательской деятельности в Казанском духовном училище, поднялся до архиепископа Уфимского и Мензелинского, стал одним из влиятельных архиереев Русской православной церкви. Его формирование в качестве миссионера-просветителя началось в Казани, где провел шестнадцать лет результативной деятельности. Опыт архипастырского служения в Казани им в последующем использован при управлении Сухумской и Уфимской епархиями.

Существует ряд публикаций, посвященных его многогранной жизни и деятельности [8, 9, 17]. В данной статье мы затрагиваем одно из направлений казанского периода церковного служения епископа Андрея, представленного в научной литературе эпизодически [1, 2, 12]¹. Для раскрытия заявленной темы нами привлечены архивные документы, публикации в периодических изданиях, информация с сайтов Русской православной церкви.

В 1872 г. в семье потомка знатного дворянского рода Ухтомских Алексея Николаевича и его супруги Антонины Федоровны родился сын Александр. После окончания Рыбинской классической гимназии по воле отца он поступил в Нижегородский кадетский корпус. Несомненно, из него вышел бы талантливый полководец, но судьба или провидение свели его с Иоанном Кронштадтским. Встреча произошла случайно на пароходе, когда Александр с братом Алексеем, воспитанником того же военного учебного заведения, вместе с матерью из Нижнего Новгорода возвращались домой – в Рыбинск [9. С. 6–7]. Беседа с известным сподвижником православия протоиереем Иоанном кардинально изменила жизненные планы братьев Ухтомских: они выбрали путь духовного служения.

Окончив кадетский корпус, Александр Ухтомский, а позже и его младший брат Алексей поступили в Московскую духовную академию. В период учебы Александра ректором академии являлся молодой тогда 27-летний архимандрит Антоний (А.П. Храповицкий). Учебу Александр завершил в 1895 г. со степенью кандидата богословия и с учетом мнения выпускника был определен учителем русского языка в Казанское духовное училище. Предполагаем, что выбор Казани был обусловлен и тем, что туда же ректором Казанской духовной академии перевели его наставника по Московской академии Антония (Храповицкого). Он, в частности, поддерживал миссионерскую направленность академии. Следует отметить, что в Казани началось и архипастырское служение Антония в качестве епископа Чебоксарского викария Казанской епархии (1897–1899 гг.) [6].

2 декабря 1895 г. Александр Ухтомский принял монашеский постриг с именем Андрей и был зачислен в иеродиаконья и иеромонахи Казанского архиерейского дома. 23 июля 1899 г. его назначили наблюдателем миссионерских курсов при Казанской духовной академии, а вскоре архиепископом Арсением (Брянцевым) он был возведен в сан архимандрита. Продвижению его по службе, несомненно, способствовали знатность происхождения, социальный статус, связи с влиятель-

¹ Отдельные вопросы данной темы частично освещены в следующих публикациях автора: *Таймасов Л.А.* Монастырское движение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. 240 с.; *Таймасов Л.А., Петренко Н.Н.* Католики и протестанты в конфессиональной структуре Казанской епархии в XVIII–XIX веках // Вестник Чувашского университета. 2023. № 3. С. 140–150; *Таймасов Л.А.* Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 524 с.

ными лицами церкви. Однако следует признать, что основой его успешной служебной карьеры стали прежде всего высокие человеческие качества, превосходная общенаучная и профессиональная подготовка [9. С. 6–7].

С первых же дней церковного служения Андрей (Ухтомский) помимо преподавания в духовном училище вел активную общественную и просветительскую деятельность. Так, он стал активным участником движения за здоровый образ жизни, которое осуществлялось в те годы под управлением Казанского общества трезвости (КОТ), распространявшего свое влияние не только на Казанскую губернию, но и другие регионы страны. В январе 1901 г. архимандрита Андрея избрали членом комитета КОТ. Общество трезвости объединяло многих государственных и религиозных деятелей, являлось площадкой обсуждения и продвижения прежде всего монархических идей. Такая тенденция усилилась после учреждения в 1905 г. Казанского отдела Русского собрания (КОРС). Рупором КОТ являлся журнал «Деятель», на страницах которого был опубликован ряд статей архимандрита Андрея [9. С. 7–8].

С первых дней церковного служения в качестве основного направления деятельности он выбрал миссионерское просветительство «казанских инородцев». В Русской православной церкви Казанская епархия относилась к наиболее сложным в этноконфессиональном плане. К концу XIX в. православные представляли в ней подавляющее большинство – 1 496 597 человек, помимо того, здесь проживали около 20 000 старообрядцев, 3 000 католиков, лютеране, армяно-григориане, а также небольшое число реформатов и христианских сектантов. Значительную конфессиональную группу составляли мусульмане – 633 024 человек. Кроме того, губернию населяли иудеи и лица иных нехристианских исповеданий. Среди православных доминировали русские – 809 304 (47%), далее следовали чуваша – 495 113 (33%), марийцы – 119 319 (8%), татары – 42 680 (3%), мордва – 22 304 (1,5%), удмурты – 7 405 (0,2%) [15. С. 49].

Учитывая сложность религиозной ситуации в Казанской епархии, особенно после провозглашения свободы совести, правительство и церковь стремились укрепить в ней управленческую структуру православной церкви. В частности, помимо Чебоксарского и Чистопольского викариатств учредили кафедру третьего викарного епископа – Мамадышскую, во главе которой назначили Андрея (Ухтомского). Важнейшим направлением деятельности нового викариатства определялась активизация христианского просвещения новокрещеных народов. Ему же подчинили Казанские миссионерские курсы, также он стал настоятелем Свято-Преображенского монастыря.

На динамику утверждения православия в среде многонациональной паствы положительное влияние оказала система Н.И. Ильминского. Ее использование в практике христианского просвещения привело к существенному сдвигу религиозной ориентации новокрещеных народов от традиционализма к православию, развитию образования, профессиональной культуры и т.д. В их среде становилось больше ревностных христиан, которые перенимали обычаи и образ жизни русских. Так, священник В.Я. Смелов писал, что чуваша его прихода по мере усвоения христианства стараются во всем походить на русских: «По их убеждению, чтобы вполне избавиться от киремети, необходимо быть во всем русским, иначе-де, как ни живи по-христиански, киреметь, лишь только слышит чувашскую речь, завидит чувашскую одежду, и подцепит» [14. С. 28–29]. Данные о грамотности населения также могут служить косвенным аргументом для определения лиц, знающих основы христианского учения, так как во всех учебных заведениях преподавался Закон Божий. Грамотных

чувашей было 35 341, что составляло лишь 7,1% крещеных, у марийцев, в основном у жителей «горной стороны», этот показатель равнялся 12 083 (10,1%), у татар – 5 116 (11,9%), у мордвы – 1 845 (8,2%), удмуртов – 592 (7,9%) [15. С. 49]. Епископ Андрей меры утверждения православия в многонациональном регионе со стороны гражданской и церковной администрации считал недостаточными и порой даже ошибочными. По его мнению, мусульмане оказывали огромное воздействие на новокрещеных, о чем свидетельствовали многочисленные отпадения в ислам [4. С. 3–6].

Епископ Андрей, основательно изучив опыт деятельности православной миссии в Волго-Уральском регионе, опираясь на теоретическое наследие предшественников и собственные наблюдения, стал активным сторонником миссионерско-просветительской системы Н.И. Ильминского. На рубеже XIX–XX вв. в практике православного миссионерства возобладали идеи прямой русификации, что было обусловлено как объективными, так и субъективными причинами. Развитие национальных движений, рост революционных настроений в обществе и стремление стабилизировать социальные отношения заставляли правительство, с одной стороны, принимать меры для сохранения межконфессионального мира, с другой – ускорить русификацию новокрещеных народов. В руководстве церковных и светских учреждений оказались противники Н.И. Ильминского, считавшие его идеи вредными для самодержавия, так как, по их мнению, развитие христианского просвещения выходцами из народа на основе родного языка ведет к национализму и сепаратизму в среде новокрещеных. В Казанской епархии русификаторское направление последовательно выражали попечители Казанского учебного округа С.П. Спешков, А.Н. Деревицкий, Н.К. Кульчицкий [18. С. 216–226].

В реализации мер христианского просвещения важную роль играло Братство св. Гурия. При жизни Ильминского оно превратилось в миссионерско-просветительский центр Казанской губернии. Однако к началу XX в. братство потеряло свои былые статус и влияние. Причины были разные. Так, еще в 1883 г. с подачи архиепископа Казанского Палладия (Раева) была внесена поправка о назначении председателем братства викарного епископа, в то время как раньше эта должность являлась выборной. Тогда это решение не вызвало особого беспокойства у его членов, однако в последующем при сворачивании системы Ильминского привело к кризису организации. В 1898 г. в устав Братства внесли существенные изменения, касающиеся назначения председателя, а также 5 из 11 членов совета казанским архиепископом [17. С. 8]. Представители духовенства епархии в обязательном порядке вступали в организацию. Эти новшества способствовали тому, что руководителями братства становились люди, не заинтересованные «инородческим» вопросом. Большинство викарных епископов, как правило, непродолжительное время занимавших свои должности, не успевало вникать в дела братства, а другие совершенно не проявляли интереса к его деятельности. Например, в 1903–1904 гг. общее собрание братства даже не проводилось [13. С. 14].

В отличие от многих предшественников епископ Андрей, возглавив братство, взялся за его оживление. В 1907 г. в «Известиях по Казанской епархии» он опубликовал обращение к общественности, в котором отметил его славное прошлое и современное кризисное состояние. Владыка надеялся, что «любовь к Христу и к страждущей меньшей братии Его объединит... всех и воскресит первоначальное Братское одушевление» [4. С. 1272]. Он просит не допускать закрытия школ, «братчикам» вспомнить о своих обязанностях, внести просроченные

членские взносы, богомольцев Спасского монастыря просит вступить в число членов, духовенство, особенно «инородческих» приходов, а также читателям газеты оказывать помощь в восстановлении братства. Епископ Андрей учредил и возглавил «Кружок сестер-сотрудниц Братства святителя Гурия», организовал работу педагогического совета Казанских женских богословских курсов. По его инициативе началось издание миссионерского журнала «Сотрудник Братства святителя Гурия» [9. С. 8–9]. Все эти меры вдохнули новые жизненные силы в ослабевшую организацию, и она начала заявлять о себе как центральной в миссионерско-просветительской системе Волго-Уральского региона.

В начале XX в. развернулась широкая дискуссия о будущем РПЦ. Являясь сторонником преобразований церкви соответственно потребностям общества и церкви, епископ Андрей смело излагал свои мысли и идеи в печати. Например, в работе «О нормальном положении православия в Православном Русском Царстве» он отмечал, что при объявлении закона о свободе вероисповедания в России совершенно обойден вопрос, «как гражданская власть должна относиться к православию?». По его мнению, Православная церковь оказалась «приниженной» по сравнению с «иноверием», что подтверждает примером ущемления прав церкви и православных в Осетии. Подобные случаи он отмечает и в Казанской епархии. Например, когда в с. Апазово сгорел храм, что, как он полагал, было следствием поджога, и татары отказывались его тушить, к тому же они распространяли слухи о подобной участи для других деревянных церквей [5. С. 6].

По мнению Андрея (Ухтомского), мусульмане проявляли активность в распространении своего учения среди окружавшего православного населения, которое испытывало, как он считал, «явные гонения за веру» [5. С. 7]. В то же время замечает совершенное отсутствие миссионерских устремлений у христиан. Он предлагал церковной и светской власти принять меры для ограждения церковного имущества и верующих «от всяких иноверных преступных нападений» [5. С. 7]. Существующие законы были направлены на защиту православия и церкви, но подобный подход вызывал недовольство иноверцев. Епископ Андрей писал, что необходимы не законы, преследующие «иноверие», а законы, способствующие усилению православия [5. С. 8]. Свою мысль он объяснил опытом преследования марийской секты «Кугу сорта» (Большая свеча). По его мнению, наказание сектантов ссылкой в Сибирь не только не изменило их религиозных воззрений, а, наоборот, расширило круг ее приверженцев, и считал, что гораздо больше было бы пользы от распространения в среде марийцев школьного преподавания Закона Божия [5. С. 9]. На рассмотрение Миссионерского съезда предлагал вынести вопрос о православных, проживающих в среде «иноверцев» и «терпящих притеснения от магометан», чтобы Совет Министров уравнил их в правах на переселение, которыми в тот период пользовались малоземельные крестьяне.

Андрея (Ухтомского) заботило и состояние школ среди православных, которые явно проигрывали мусульманским мектебам и медресе. Считал, что предстоящий Миссионерский съезд в Казани (состоялся в 1910 г.) должен просить правительство, чтобы оно «не допускало замены школ христианских русских школами магометанскими, уже совсем не русскими и очень часто – открыто антирусскими» [5. С. 13]. Он критиковал отсутствие порядка в подготовке и распределении кадров. Приводил примеры, когда выпускники миссионерского отдела Казанской духовной академии, владеющие восточными языками, получали направление в епархии с русским населением и совершенно отстранялись от миссионерской деятельности, поэтому полагал, что наведение порядка в этом вопросе будет способствовать укреплению пастырского воздействия

на новокрещеное и «иноверное» население, а также увеличению числа студентов миссионерского отделения [5. С. 15].

Рассуждая о составе будущего Миссионерского съезда, епископ Андрей предлагал пригласить туда как можно больше деятелей, «имеющих соприкосновение с магометанством» [5. С. 15]. Он дает высокую оценку деятельности Н.И. Ильминского, который, по его мнению, не был понят и оценен духовным ведомством и был вынужден перейти на службу в Министерство народного просвещения, на своих плечах вынес дело христианского просвещения «инородцев» [5. С. 8].

В мае 1909 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась статья епископа Андрея «Лихолетье в жизни православия среди приволжских инородцев». Ее публикация, по мнению автора, была обусловлена ростом прошений крещеных татар об отчислении от православия, что вело к увеличению рядов мусульман и укреплению мысли о «Тюркистане». Усиление влияния ислама в регионе Андрей считал результатом ошибок как внутренней, так и внешней политики правительства, которое «занимается только тем, что «поступило» в соответствующую канцелярию, а что делается ныне в жизни, какие она делает шаги в своем развитии, об этом плохо даже и знают, о жизни же магометан и вовсе не знают» [3. С. 7].

Епископ Андрей остро критиковал манифест 17 октября 1905 г., приведшего, как он полагал, к «великому всероссийскому смятению» [3. С. 7]. Результатом такой политики считал появление в среде духовенства типа политических «орателей» вроде Гапона, а враги церкви и государства разрушали религиозный быт православного населения [3. С. 10]. Андрей на рассмотрение Казанского миссионерского съезда выдвигал следующие основные задачи: 1) в будущем ни в коем случае не рассчитывать на полицейскую помощь, а всецело руководствоваться средствами и способами «спасения душ человеческих»; 2) русская администрация должна руководствоваться национальными, а не интернациональными интересами, пресекать устройство незаконных мечетей, препятствовать клевете на православие; 3) светской и духовной властям действовать «по строго продуманному и определенному плану» [3. С. 11].

Ссылаясь на конкретные примеры, владыка Андрей пишет о случаях отпадения в ислам и отатаривания целых селений крещеных татар, чувашей, маришцев и др. Он снова с прискорбием отмечает фанатичность мусульман в проповедовании своей веры и полное безразличие православных в продвижении и отстаивании христианства. В связи с тем, что в 1905–1907 гг. десятки тысяч крещеных отпали в ислам, епископ Андрей заявлял, что лиц, подверженных воздействию ислама, необходимо срочно спасать, и задавался вопросом: «Что значит спасти инородцев для России? Неужели принятие магометанства в отношении к русскому делу имеет такие последствия?» Сам же отвечает, что «принятие ислама неизбежно ведет к гибели национального быта, отречению от языка, платья и т.д.» [3. С. 14].

Епископ Андрей обратил особое внимание на понятия *обрусеть* и *обрусить*. В первом случае *обрусение* писалось через *ъ*, являлось производным от глагола *обрусеть*, т.е. сделаться русским, привыкнуть к русскому языку и быту. Во втором случае «*обрусение*» – через *і*, от слова *обрусить*, т.е. «насиленно кого-либо сделать русским, искусственно произвести русификацию» [3. С. 23]. Подобные мысли высказывались еще Н.И. Ильминским, понимавшим под обрусением прежде всего изменение конфессиональной ориентации новокрещеных, которая

в последующем могла привести к трансформации их этнокультурного статуса. Он писал о необходимости внутреннего религиозного перерождения человека посредством усвоения «русского идеала», основой которого являлось православие. «Коль скоро инородец усвоил себе православие сознательно и убежденно, умом и сердцем, он уже обрусел» [11. С. 204], – писал Н.И. Ильминский. Однако не все представители церковной и светской администрации соглашались с таким мнением. О средствах и мерах русификации еще при жизни Ильминского велись дискуссии, в ходе которых его сторонники одерживали верх.

В начале XX в. укрепились ряды противников системы Ильминского, поэтому снова оживились споры о перспективах русификации нерусского населения империи. В «Известиях по Казанской епархии» за 1904 г. был опубликован критический отзыв о статье бывшего руководителя православной миссии в Корею. Касаясь понятия *обрусение*, Н.А. Бобровников замечал, что автор статьи возводит его к глаголу *обрусить*, что подразумевает насильственное прямое обрусение. Далее пишет: «Мы, носители идей Ильминского, желающие осуществлять его систему, чем попрекает нас автор, хотим “обрусения” – от глагола “обрусеть”. Мы хотим, чтобы инородцы пришли к нам сами по любви» [7. С. 1484]. Епископ Андрей придержывался таких же взглядов. На обвинения в следовании системе Ильминского он писал, что святая православная Русь может быть сильна и нравственно здорова, если будет искренне предана православию и святой Церкви. Поэтому в отношении «инородцев» важно решить задачу их воцерковления. Как и Ильминский, владыка считал, что православные «инородцы», говоря на своих языках, могут быть русскими патриотами, гораздо более убежденными, чем русские политические партийные дельцы.

К числу грубых ошибок церковной администрации епископ Андрей относил отход от системы Н.И. Ильминского и стремление обрусить «инородцев». Практику заставить новокрещена «говорить по-русски, носить русский пиджак, забыть родной язык и т.д.», а священника превратить из духовного отца в политического деятеля он называл «греховным... делом нелепого русификатора» [3. С. 15]. Сравнивая мусульманскую общину с православным приходом, находил первую более устойчивой к разным воздействиям. Новокрещеные, оказавшись в среде мусульман, поддавались их религиозному воздействию. Особую опасность владыка видел в отатаривании чувашей, наиболее многочисленного народа Волго-Уральского региона [3. С. 20]. Изменение сложившейся ситуации Андрей видел в восстановлении приходской жизни. На вопрос: какой же способ слияния «инородцев» с русскими, отвечал: «Да существует. Этот способ и называется в общей сложности инородческим просвещением по системе Н.И. Ильминского» [3. С. 24]. В последующем, в годы служения в Сухуми и Уфе, епископ Андрей оставался верен идеям Ильминского. Видный просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев в своих воспоминаниях писал, что даже тогда, когда некоторые архиереи стали игнорировать указ Синода о разрешении совершать в чувашских храмах богослужение на чувашском языке, «архиепископ Уфимский Андрей и теперь исполняет этот указ, допуская по отношению к инородцам смешение языков при богослужении» [19. С. 214].

Епископ Андрей уделял большое внимание миссионерским монастырям. Изучив опыт учреждения марийских и чувашских обителей, он, будучи еще архимандритом, в 1903 г. в Лаишевском уезде основал Трехсвятительский скит Спасо-Преображенского монастыря. 24 июля 1905 г. при огромном стечении народа состоялась официальная церемония учреждения новой обители.

Утром в церкви с. Байтеряково была совершена литургия, после ее завершения архимандрит Андрей возглавил крестный ход с песнопениями до будущей обители, расположенной в отдалении пяти верст, и, прибыв на место, совершил торжественный молебен. 20 декабря 1906 г. освятил деревянный храм во имя Трех Святителей Казанских. В 1911 г. скит благодаря поддержке епископа Андрея обрел статус монастыря.

В 1908 г. на участке земли площадью 108 десятин в Мамадышском уезде, пожертвованном матерью епископа Андрея княгиней Антониной Федоровной Ухтомской, была основана Покровская просветительная крещенотатарская женская община. Владыка с вниманием и любовью относился к своим детищам, часто посещал их, помогал в материальном и духовном становлении. Их деятельность способствовала укреплению православия среди местных народов. Важное значение имело издание религиозно-просветительских выпусков и оттисков статей, в том числе на крещенотатарском языке. Он мечтал превратить обители в центры религиозно-духовного просвещения крещеных татар [16. С. 1043].

Совершенно неожиданной для епархиального руководства и казанской паствы стала весть о переводе епископа Андрея в Сухумскую епархию. 17 августа 1911 г. на прощальном собрании Братства святителя Гурия он, в частности, сказал следующее: «Я только из газет узнал о своем удалении из Казани, и никто не объяснил мне, за что меня оторвали от моей духовной семьи. Если я здесь работал с пользой для дела, почему я должен его покинуть, ведь здесь так мало законченного, а только все начато...» [16. С. 1034–1035]. Известно периодическое перемещение архиереев на разные кафедры, однако в данном случае перевод был больше похож на ссылку. Многие бывшие влиятельные наставники, единомышленники и соратники епископа Андрея профессора Е.А. Малов, М.А. Машанов ушли на заслуженный отдых, в 1909 г. скончался праведник Иоанн Кронштадтский, который являлся для него духовным отцом и учителем, через год не стало архиепископа Казанского Никанора, оказывавшего ему поддержку в миссионерско-просветительской деятельности. Можем предположить, что сужение круга его покровителей повлияло на решение светского и церковного начальства отправить епископа Андрея в Сухуми. Данный вопрос, несомненно, нуждается в специальном изучении. Многонациональная паства и священство, которые прониклись уважением и даже любовью к своему владыке, переживали весьма болезненно предстоящее расставание, о чем свидетельствуют многочисленные письма в различные инстанции с просьбой оставить его в Казани. Но вопрос был решен на высшем уровне, и 29 августа епископ Андрей выехал на место будущей службы – в Сухуми.

Выводы. Таким образом, служение в Казанской епархии является одним из важных этапов в жизнедеятельности одного из видных архиереев Русской православной церкви. Формирование взглядов А. Ухтомского на христианское просвещение казанских «инородцев» происходило под воздействием учителей и наставников – праведного Иоанна Кронштадтского, Антония (А.П. Храповицкого), Арсения (А.Д. Брянцева), соратников и учеников Н.И. Ильминского – И.А. Износкова, М.А. Машанова, Н.А. Бобровникова, В.Т. Тимофеева, Н.В. Никольского, И.Я. Яковлева, А.В. Рекеева и др. Будучи преподавателем духовного училища, наблюдателем миссионерских курсов, председателем Братства святителя Гурия, затем осуществляя архипастырское служение, проявил себя как защитник и продолжатель идей Н.И. Ильминского. Епископ Андрей своими

трудами на ниве христианского просвещения народов Среднего Поволжья, отеческим отношением к пастве заслужил уважение многонационального православного населения. В частности, отношение епископа Андрея к чувашам отражено в публикации священника Т. Земляницкого о посещении архипастыря с. Хыр-Касов Козьмодемьянского уезда [10].

Критика действующей светской и церковной властей в осуществлении религиозной политики, которая звучала не только в проповедях и выступлениях архипастыря, но и в его публикациях, вызывала негативную реакцию некоторых высокопоставленных чиновников и духовных лиц, поэтому перевод епископа Андрея в отдаленную Сухумскую епархию был воспринят ими с чувством удовлетворения, в то время как священство и паства инородческих приходов, с глубоким уважением и почтением относившиеся к своему архипастырю, встретили весть о его переводе встревоженно. Они не хотели с ним расставаться, пытались даже повлиять на решение властей с надеждой на его отмену. В частности, были обращения от крещеных татар и чувашей, однако оно осталось в силе, и епископ Андрей очень трогательно попрощался со своей многонациональной паствой. Так, прощаясь со священством и паствой Казанской епархии, он попросил у них прощения и пожелал верного служения: «Усердно прошу всех, кто доселе трудился на пользу миссии, не покидать ее и в будущем, и тем доставите мне единственное утешение в предстоящей разлуке с Казанью... Да благословит же Господь всех нас на все доброе, где бы мы ни были; а меня ныне простите и отпустите с миром» [16. С. 1040].

Литература

1. *Алексеев И.Е.* Смиранный бунтарь: к вопросу о мировоззрении архиепископа Андрея (князя Ухтомского) // Былые годы. 2010. № 1(15). С. 27–37; № 3(17). С. 19–30; № 4(18). С. 21–32.
2. *Алексеева Л.В.* Из истории создания Покровской просветительной крещенотатарской женской общины Мамадышского уезда Казанской губернии [Электронный ресурс]. URL: <https://rusk-line.ru/analitika/2008/04/05> (дата обращения: 02.06.2024).
3. *Андрей (Ухтомский)*. Лихолетье в жизни православия среди приволжских инородцев. Казань: Типолитография Имп. ун-та, 1908. 64 с.
4. *Андрей (Ухтомский)*. О будущей деятельности Братства св. Гурия // Известия по Казанской епархии. 1907. № 41. С. 1271–1273.
5. *Андрей (Ухтомский)*. О нормальном положении православия в Православном Русском Царстве. Казань: Типолитография И.С. Перова, 1908. 18 с.
6. *Антоний (Храповицкий Алексей Павлович)* // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/116026.html> (дата обращения: 02.06.2024).
7. *Бобровников Н.А.* К вопросу о переводах на инородческие языки // Известия по Казанской епархии. 1904. № 44. С. 1482–1486.
8. *Дехтярев Г.Г.* Жизненный путь и мировоззрение архиепископа Андрея (Ухтомского) в революционный период // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9, № 4(49). С. 417–424.
9. *Зеленогорский М.Л.* Жизнь и деятельность архиепископа Андрея. М.: Терра, 1991. 334 с.
10. *Земляницкий Т.* Посещение преосвященным Андреем, епископом Мамадышским села Хыр – Касов Козьмодемьянского уезда // Известия по Казанской епархии. 1909. № 41. С. 1175–1176.
11. *Знаменский П.В.* На память о Н.И. Ильминском: к двадцатипятилетию Братства святителя Гурия. Казань, 1892. 402 с.
12. *Исхаков Р.Р.* Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 222 с.
13. *Машанов М.А.* Ответ на доклад «Чрезвычайной ревизионной комиссии Братства св. Гурия». Казань: Цент. типпрогр., 1905. 18 с.
14. *Никольский Н.В.* Родной язык как орудие первоначального просвещения инородцев. Казань: Типолитография Имп. ун-та, 1904. 36 с.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 14. Казанская губерния. М.: Изд. центр. Статист. комитета МВД, 1903. 308 с.

16. Прощание православных казанцев с преосвященным Андреем, бывшим епископом Мамадышским // Известия по Казанской епархии. 1909. № 41. С. 1029–1069.

17. Устав «Братства святителя Гурия» при Казанском кафедральном соборе, 1898 г. Казань, 1899. 21 с.

18. Яковлев И.Я. Из переписки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 320 с.

19. Яковлев И.Я. Моя жизнь. М.: Республика. 1997. 697 с.

ТАЙМАСОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (taymasov@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3301-5682>).

Leonid A. TAIMASOV

**ON THE MISSIONARY AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF
BISHOP ANDREY (A.A. UKHTOMSKY) IN THE DIOCESE OF KAZAN**

Key words: *Bishop Andrey (A.A. Ukhtomsky), the Diocese of Kazan, head pastor's ministry, missionary educational activities, newly baptized peoples.*

Among the bishops of the Russian Orthodox Church, who made a significant contribution to the establishment of Orthodoxy in the Volga-Ural region, special attention is drawn to the personality of A.A. Ukhtomsky.

The purpose of the study is to study the life path and evaluate the missionary and educational activities of Bishop Andrey, his contribution to preserving N.I. Ilminsky system in the practice of Christian education of the newly baptized peoples of Kazan diocese.

Materials and methods. *The research was carried out on the basis of literature and sources analysis. The study covered monographs, scientific articles, and publications of A.A. Ukhtomsky himself in periodicals and pamphlets, opinions and judgments about him, his activities given by officials, educators, clergymen, ordinary people. Individual archival documents from the funds of the Synod of the Russian State Historical Archive (RSHA), the funds of N.V. Nikolsky, D.F. Filimonov, the Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities (SA of ChSIH), information from the First General Population Census of the Russian Empire, etc. were used as sources. General scientific and special methods of scientific analysis were used, primarily chronological, institutional, and cultural-anthropological ones. The chronological method made it possible to shed light on a stage in the life of A.A. Ukhtomsky against the background of complex socio-political and socio-economic processes of the early XX century. The institutional approach was used to describe the religious policy of tsarism and the Russian Orthodox Church. The cultural-anthropological approach was applied when considering the views of the bishop on the problems of interaction between the state, the church and the society, Christian education of the peoples of Kazan diocese, and its use made it possible to show the attitude of the multinational flock to the archpastor.*

Research results. *A.A. Ukhtomsky came from an ancient noble family and was the first child in a large family. After graduating from Rybinsk Men's Gymnasium, he entered the Nizhny Novgorod Count Arakcheev cadet corps. After graduation, under the influence of the righteous John of Kronstadt, he chose the path of spiritual ministrations. In 1891–1895 he studied at Moscow Theological Academy. His formation as a missionary educator took place in Kazan, where he spent sixteen years of productive activity. He used the experience gained during his ministry in the Middle Volga region in the management of Sukhumi and Ufa dioceses. His fate during the revolution, the Civil War and the Soviet transformations was thorny and ended tragically: Archbishop Andrey was repeatedly arrested and exiled, and in 1937 he was shot in Rybinsk, Yaroslavl region. The scientific significance of the study is to expand the scientific and theoretical base for further studying ethno-confessional processes, assessing the role of Bishop Andrey (A.A. Ukhtomsky) in the establishment of Orthodoxy in a multiethnic region at the turn of the XIX–XX centuries.*

Conclusions. *The Kazan period of Bishop Andrey (Ukhtomsky)'s ministry became a time of his views formation on the issues of religious policy, the practice of Christian education of newly baptized peoples, when the ideas of direct Russification of "members of national minorities" prevailed in government circles and among the church leadership. The adamant position of the archpastor regarding the continued use of the N.I. Ilminsky's system enabled to develop national cultures on a Christian-Orthodox basis. During his years of ministering in Kazan province, he was a member of Kazan Temperance Society, headed the Brotherhood of St. Gurius, having established the «Circle of Sisters-employees of the Saint's Brotherhood».*

Bishop Andrey initiated and supported the creation of an Orthodox monastery and a community of baptized Tatars. He subsequently applied the experience of managing a multiethnic flock acquired in Kazan diocese when he headed Sukhumi (1911–1914) and later Ufa dioceses (1914–1921).

References

1. Alekseev I.E. *Smirenniy buntar': k voprosu o mirovozzrenii arkhiepiskopa Andrey (knyazya Ukhtomskogo)* [Humble rebel: on the worldview of Archbishop Andrei (Prince Ukhtomsky)]. *Bylye gody*, 2010, no. 1(15), pp. 27–37; no. 3(17), pp. 19–30; no. 4(18), pp. 21–32.
2. Alekseeva L.V. *Iz istorii sozdaniya Pokrovskoi prosvetitel'noi kreshcheno-tatarskoi zhenskoi obshchiny Mamadyshskogo uezda Kazanskoj gubernii* [From the history of the creation of the Pokrovskaya educational baptized Tatar women's community of the Mamadysh district of the Kazan province]. Available at: <https://ruskline.ru/analitika/2008/04/05> (Access Date: 2024, June 2).
3. Andrei (Ukhtomskii). *Likholet'e v zhizni pravoslaviya sredi privolzhskikh inorodtsev* [Hard times in the life of Orthodoxy among the Volga foreigners]. Kazan, 1908, 64 p.
4. Andrei (Ukhtomskii). *O budushchei deyatelnosti Bratstva sv. Guriya* [On the future activities of the Brotherhood of St. Guria]. *Izvestiyakh po Kazanskoj eparkhii*, 1907, no. 41, pp. 1271–1273.
5. Andrei (Ukhtomskii). *O normal'nom polozenii pravoslaviya v Pravoslavnom Russkom Tsarstve*. [On the normal position of Orthodoxy in the Orthodox Russian Kingdom]. Kazan, 1908, 18 p.
6. Antonii (Khrapovitskii Aleksei Pavlovich). In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/116026.html> (Access Date: 2024, June 2).
7. Bobrovnikov N.A. *K voprosu o perevodakh na inorodcheskie yazyki* [On the issue of translations into foreign languages]. *Izvestiya po Kazanskoj eparkhii*, 1904, no. 44, pp. 1482–1486.
8. Dekhtyarev G.G. *Zhiznennyi put' i mirovozzrenie arkhiepiskopa Andrey (Ukhtomskogo) v revolyutsionnyi period* [The life path and worldview of Archbishop Andrei (Ukhtomsky) during]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*, 2019, vol. 9, no. 4(49), pp. 417–424.
9. Zelenogorskii M.L. *Zhizn' i deyatelnost' arkhiepiskopa Andrey (Ukhtomskogo)* [The Life and Work of Archbishop Andrei]. Moscow, Terra Publ., 1991, 334 p.
10. Zemlyanitskii T. *Poseshchenie preosvyashchennym Andreem episkopom Mamadyshskim sela Khyr-Kasov Koz'modem'yanskogo uezda* [The Visit of His Grace Andrei, Bishop of Mamadysh, to the Village of Khyr-Kasov, Kozmodemyansk District]. *Izvestiya po Kazanskoj eparkhii*, 1909, no. 41, pp. 1175–1176.
11. Znamenskii P.V. *Na pamyat' o N.I. Il'minskom: k dvadtsatipyatiletiiu Bratstva svyatitelya Guriya* [In Memory of N.I. Il'minsky: on the Twenty-Fifth Anniversary of the Brotherhood of St. Guria]. Kazan, 1892, 402 p.
12. Iskhakov R.R. *Missionerstvo i musul'mane Volgo-Kam'ya (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX v.)*. [Missionary Work and Muslims of the Volga-Kama Region (Last Third of the 18th – Early 20th Century)]. Kazan, 2011, 222 p.
13. Mashanov M.A. *Otvet na doklad «Chrezvychainoi revizionnoi komissii Bratstva sv. Guriya»* [Response to the report of the "Extraordinary Auditing Commission of the Brotherhood of St. Guria"]. Kazan, 1905, 18 p.
14. Nikol'skii N.V. *Rodnoi yazyk kak orudie pervonachal'nogo prosveshcheniya inorodtsev* [Native language as atoll for the initial education of foreigners]. Kazan, 1904, 36 p.
15. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoi imperii. T. 14. Kazanskaya guberniya*. [The first general census of the Russian Empire. Vol. 14: Kazan province]. Moscow, 1903, 308 p.
16. *Proshchanie pravoslavnykh kazantsev s preosvyashchennym Andreem, byvshim episkopom Mamadyshskim* [Farewell of Orthodox Kazan residents to His Grace Andrei, former Bishop of Mamadysh]. *Izvestiya po Kazanskoj eparkhii*, 1909, no. 41, pp. 1029–1069.
17. *Ustav «Bratstva svyatitelya Guriya» pri Kazanskom kafedral'nom sobore, 1898 g.* [Charter of the "Brotherhood of St. Guria" at the Kazan Cathedral]. Kazan, 1899, 21 p.
18. Yakovlev I.Ya. *Iz perepiski*. [From Correspondence]. Cheboksary, 1989. 320 p.
19. Yakovlev I.Ya. *Moya zhizn'* [My life]. Moscow, Respublika Publ., 1997, 697 p.

LEONID A. TAIMASOV – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Regional History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (tymasov@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3301-5682>).

Формат цитирования: Таймасов Л.А. О миссионерско-просветительской деятельности епископа Андрея (А.А. Ухтомского) в Казанской епархии // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 180–191. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-180-191.

DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-192-201

УДК 796.062:061.23«Труд»(470.344)«198»:796.814

ББК Ч547.641«Труд»(2Рос.Чув)63:Ч571.167

А.Н. УРМАЕВ, А.А. ДАНИЛОВ, А.И. ОРЛОВ

ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ САМБО В ДОБРОВОЛЬНОМ СПОРТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ «ТРУД» ЧУВАШСКОЙ АССР

Ключевые слова: добровольно-спортивное общество «Труд», самбо, факторы и условия развития, Чувашская АССР.

Российское физкультурно-спортивное движение за многолетнюю историю прошло долгий путь в своем развитии, и немаловажную роль в этом сыграло образование ведомственных добровольных спортивных обществ (ДСО). Одними из первых в различных отраслях народного хозяйства стали создаваться спортивные объединения, имеющие общее название «Труд» и реорганизованные в 1957 г. во всесоюзное добровольное спортивное общество, ставшее самым многочисленным спортивным объединением со сложившимися традициями, обусловившими достижение членами общества самых высоких спортивных результатов. Данное обстоятельство определяет актуальность выявления факторов и условий, способствовавших становлению и развитию видов спорта в ДСО «Труд».

Цель исследования – выявить факторы и условия развития самбо в республиканском ДСО «Труд» в Чувашской АССР.

Материал и методы исследования. В исследовании использовались общенаучные методы: анализ, обобщение и интерпретация данных государственного исторического архива Чувашской Республики, государственного архива современной истории Чувашской Республики, научно-методической литературы и публикаций в периодической печати.

Результаты исследования. В ходе изучения исторических документов и периодической печати было установлено, что летоисчисление республиканского ДСО «Труд» в Чувашской Республике начинается с 28 ноября 1957 г. Одно из ведущих мест в структуре культивируемых обществом видов спорта занимает борьба самбо, в настоящее время признанное приоритетным видом спорта и национальным достоянием России. Выявлены основоположники самбо в республиканском ДСО «Труд», а также их сподвижники, оказавшие существенное влияние на динамичное развитие самбо, показана динамика численности занимающихся самбо, перечислены выдающиеся спортсмены, достигшие высоких спортивных результатов. Подчеркивается важность личностного и управленческого факторов, повлиявших на динамичность и интенсивность развития самбо в республиканском ДСО «Труд».

Выводы. На основе анализа и обобщения архивных данных и публикаций в периодической печати были выявлены личностный и управленческий факторы, которые обеспечили активное развитие самбо.

Введение. Спортивные общества при различных образовательных учреждениях, предприятиях промышленного и аграрного секторов начали создаваться на рубеже 20–30-х гг. XX столетия [8]. Вслед за созданием в 1923 г. физкультурно-спортивного общества «Динамо» в различных отраслях народного хозяйства с 1925 г. стали организовываться спортивные общества «Труд» [20]. 30 октября 1957 г. произошло их объединение во всероссийское добровольное спортивное общество (ДСО) «Труд» [18], ставшее со временем одним из крупнейших спортивных обществ в Советском Союзе, в котором культивировались разнообразие виды спорта.

В Чувашии в те же годы также были образованы первые добровольные спортивные общества, которые появились в городах Чебоксары и Алатырь. Анализ архивных данных показывает, что в Чувашии наиболее массовым среди республиканских ДСО стало общество «Труд», объединившее спортсменов, занимавшихся различными видами спорта. Его образование связано

с Постановлением Президиума Чувашского областного совета профсоюзов от 28 ноября 1957 г., на основе которого было создано организационное бюро Чувашского областного совета ДСО «Труд» [2. Д. 3. Л. 4–6]. Первым председателем общества был назначен Александр Игнатьевич Соколов, который проработал на этой должности до марта 1966 г. [16].

После выхода Постановления Президиума Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) от 20 февраля 1987 г. № 216 «О мерах по совершенствованию руководства физкультурным движением», в целях оптимизации управления физкультурно-спортивным движением в стране, было принято решение о реорганизации ДСО различного ведомственного подчинения во Всесоюзное добровольное физкультурно-спортивное общество (ДФСО) профсоюзов. В Чувашии также решением областного совета профсоюзов от 14 мая 1987 г. № 5 были упразднены областные советы ДСО «Труд», «Спартак», «Буревестник», «Урожай» и на их базе образован Чувашский областной совет ДФСО профсоюзов [3. Д. 1798. Л. 1].

За долгие годы своего развития республиканское ДСО «Труд», как самое многочисленное, внесло весомый вклад в физкультурно-спортивное движение Чувашской Республики, что проявилось как в покорении высоких спортивных вершин членами общества, так и в расширении имеющихся и строительстве новых спортивных сооружений. Из всего многообразия видов спорта, культивируемых в обществе, по праву следует выделить самбо. Многие его представители заслуженно составляют спортивную гордость Чувашии. В связи с этим видится актуальным выявление факторов и условий, способствовавших динамичному развитию самбо в республиканском ДСО «Труд». Следует полагать, что их конкретизация может стать ориентиром в принятии управленческих решений в дальнейшем развитии физкультурно-спортивного движения в рамках республиканского ДФСО профсоюзов.

Цель исследования – выявить факторы и условия развития самбо в республиканском ДСО «Труд» в Чувашской АССР.

Материал и методы исследования. В исследовании использованы общенаучные методы, такие как анализ, обобщение и интерпретация данных Государственного исторического архива Чувашской Республики, Государственного архива современной истории Чувашской Республики, научно-методической литературы и публикаций в периодической печати.

Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что в нем выявлены и конкретизированы условия, обусловившие динамичное развитие самбо в республиканском ДСО «Труд» в Чувашской АССР.

Результаты исследования. Из анализа основных материалов исследования следует, что начало культивирования борьбы самбо в республиканском ДСО «Труд» связано с именами уроженцев республики – выпускников Горьковского политехнического института П.Г. Михайлова, М.В. Давыдова, Б.П. Лесных и А.А. Долгова [16]. Во время учебы в институте они приобщились к данному виду единоборства и всемерно отдались своему увлечению. Участвуя в соревнованиях, они неоднократно становились чемпионами и призерами Горьковской области, входили в ее состав и выезжали на соревнования в другие регионы Советского Союза. В 1965 г., вернувшись на малую родину, они продолжали занятия самбо, попутно привлекая к ним рабочую и учащуюся молодежь [9. С. 22]. Так, осенью 1965 г. М.В. Давыдов свою тренерскую деятельность начинал с организации секционных занятий в цокольных (полуподвальных) помещениях Чебоксарского завода тракторных запчастей (ныне – Чебоксарский агрегатный

завод), где трудился мастером производства в механическом цехе [6. С. 2]. По его инициативе в помещении секции тяжелой атлетики был размещен борцовский ковер для занятий самбо. Будучи энтузиастом борьбы самбо, он прикладывал немало усилий по его популяризации и развитию среди заводских любителей спорта. Однако в силу ряда объективных причин его планы не были реализованы. С его слов «... предприятие еще только развивалось, строилось, на все просто не хватало средств. Была мода на футбол, и команда “Трактор” поглощала все ассигнования, выделенные на спорт. Убедившись, что с открытием секции самбо на заводе ничего не получается, я подался в “Динамо”, а там нашел поддержку у бывшего тогда Министра внутренних дел И. Григорьева и заместителя Председателя спортобщества А. Харитонов. Вскоре энтузиаст тяжелой атлетики, фанат штанги, начальник СВУ А. Евдокимов открыл под инструментальным цехом зал тяжелой атлетики, и мы перебрались из “Динамо” в свое родное гнездо завода...» [6. С. 2].

В последующие годы самбо стало приобретать все большую популярность. По инициативе энтузиастов борьбы в одежде в ДСО «Труд» стали последовательно организовываться секции во Дворце культуры текстильщиков хлопчатобумажного комбината (ныне – Дворец культуры имени П.П. Хузангая), где занятия проводились под руководством П.Г. Михайлова, во Дворце культуры Чебоксарского электроаппаратного завода, где тренерскую деятельность начинал А.А. Долгов, а затем продолжил его соратник Б.П. Лесных, и в тресте «Спецстроймеханизация», руководителем которой был П.Г. Стачи [16].

Исследуя становление борьбы самбо в республиканском ДСО «Труд», необходимо признать, что оно, как и по стране в целом, испытывало определенные трудности, присущие послевоенному этапу возрождения народного хозяйства и последующему периоду решения проблем социально-культурного характера. Безусловно, их решение требовало выделения значительных материальных средств [10].

Наряду с трудностями материально-технического снабжения физкультурно-спортивного движения в республике в период 1960-х гг. в развитии самбо дополнительно проявлялась сложность в кадровом обеспечении тренировочного процесса. В своем выступлении на пленуме Чувашского Совета ДСО «Труд», состоявшемся 13 декабря 1968 г., судья по борьбе самбо А.И. Александров, трудившийся на тот период времени на Чебоксарском заводе тракторных запчастей, обратил внимание присутствующих на то, что «... молодые рабочие хотят заниматься новым для них видом спорта, но нет возможности, нет платных тренеров. Есть на общественных началах один инженер, который работает в одну смену, а в другую тренирует, а в ту смену, в которую он работает, он уже не может тренировать. ... спортсмены не имеют формы, куртки слабые – рвутся. Я хотел просить, чтобы обеспечили хотя бы инвентарем» [2. Д. 198. Л. 23]. Следует отметить, что поднятый А.И. Александровым вопрос о необходимости внесения в штатное расписание ДСО тренеров по самбо поднимался не впервые. В публикациях республиканской периодической печати и заводских малотиражек также неоднократно отмечалось, что тренировочные занятия по самбо с рабочей молодежью в основном проводятся энтузиастами на общественных началах, которые также трудились на данных предприятиях. Причем тренировочные занятия, как правило, проводились в вечернее время после работы или учебы в вечерней школе. При этом зачастую они проводились в малоподготовленных помещениях [2. Д. 188. Л. 3–4].

Несмотря на некоторые сложности в организации работы первых секций по самбо в ДСО «Труд», оно динамично развивалось, что сказалось на достижении

спортивных результатов членов общества. Так, по результатам первенства Центрального совета ДСО «Труд» 1967 г., состоявшегося 2–4 октября в г. Калуге, А.А. Долгов и Б.П. Лесных выполнили норматив мастеров спорта СССР, став первыми «мастерами» по самбо не только в спортивном обществе «Труд», но и в Чувашии в целом [11. С. 4]. Во второй половине 1960-х гг. с целью подготовки спортивного резерва в секциях борьбы самбо в ДСО «Труд» организуются спортивные секции для юных самбистов. Осенью 1968 г. были проведены первые матчевые встречи юношеских команд «Автобаза» и «ХБК», относившихся к ДСО «Труд», с юными самбистами общества «Динамо» [4. Д. 324. Л. 42–54]. Согласно статистическим данным, численность занимающихся борьбой самбо к 1969 г. возросла до 216 человек [5. Д. 15. Л. 27].

Одним из ярких и талантливых представителей спортивного общества являлся Владимир Белов. 1970-е гг. были началом его пути в «большой спорт». В 1974 г. после службы в Советской армии он, серьезно занявшись самбо, уже к 1976 г. выполнил норматив мастера спорта СССР, а в 1978 г. стал мастером спорта СССР международного класса. За свою спортивную карьеру он дважды становился чемпионом СССР (1978 г., 1982 г.) и дважды бронзовым призером (1981 г., 1983 г.). В 1983 г. стал чемпионом VIII Спартакиады народов СССР. Дважды становился обладателем Кубка СССР (1979 г., 1982 г.), а 1983 г. – третьим призером Кубка. Еще два раза (1977 г., 1983 г.) в составе команды РСФСР стал обладателем командного Кубка СССР. Самый большой успех пришелся на 1982 г., когда он завоевал серебряную медаль Чемпионата мира в Париже (Франция) [22. С. 199]. В.А. Белов первый в истории самбо Чувашской Республики стал чемпионом Советского Союза и призером Чемпионата мира. Следует отметить, что за всю историю чувашского самбо он единственный, кто был чемпионом СССР [5. Д. 1357. Л. 16].

Старания энтузиастов самбо в Чувашии привели к появлению новых имен среди победителей и призеров международных турниров самого высокого ранга. Так, например, первым из чувашских самбистов дорогу на международный «ковер» проложил представитель Чувашского областного совета ДСО «Труд» Анатолий Солдатов, принявший участие в международном турнире, прошедшем в марте 1977 г. в Баку. В 1978 г. новочебоксарец Анатолий Петров, будучи членом республиканского ДСО «Труд», стал победителем международного турнира, проходившего с 24 по 26 марта там же в г. Баку, тем самым первым из чувашских самбистов выполнил норматив мастера спорта СССР международного класса [5. Д. 850. Л. 72].

О динамичном развитии самбо в ДСО «Труд» в период 1970-х гг. свидетельствует и то, что единоборство в спортивном обществе являлось профилирующим видом и к 1979 г. численность занимающихся в обществе увеличилась до 1 063 человек [5. Д. 896. Л. 13].

Ознакомление с документами архивов Чувашской Республики и с публикациями в периодической печати дает основание констатировать, что именно стараниями тренеров-энтузиастов преодолевались все трудности этапа становления и развития самбо в Чувашской Республике. При этом необходимо отметить, что они достаточно критично относились к результатам своей деятельности, о чем можно судить по публикациям в периодической печати. Так, в статье «Пятое место в зоне» (что является неплохим результатом) завуч и тренер детской юношеской спортивной школы (ДЮСШ) Чебоксарского электроаппаратного завода Савелий Галкин отмечает, что, несмотря на успешное

выступление на соревнованиях различного уровня, тренировочному процессу присущ ряд недочетов, проявляющихся в неумении самбистов-электроаппаратчиков грамотно вести борьбу на краю ковра. Для увеличения соревновательного опыта автор обращает внимание на необходимость организации и проведения большего количества матчевых встреч между командами различных коллективов физической культуры и спортивных обществ республики. Однако главная проблема видится в создании условий для тренировок в зале борьбы во Дворце культуры ЧЭАЗ, который не в полной мере соответствует санитарным нормам [1. С. 2].

Результаты педагогической деятельности тренеров-самбистов ДСО «Труд» неоднократно по достоинству оценивались республиканскими органами государственной власти. Многие из них в различные годы по итогам социалистических соревнований становились его победителями и призерами. Так, в 1972 г. Б.П. Лесных был признан лучшим тренером Чувашской АССР за подготовку победителя (В. Степанова) и серебряного призера (С. Малова) первенства СССР [15. С. 174]. В марте 1974 г. за подготовку чемпиона СССР А. Пушницы С.Е. Галкин был награжден почетной грамотой Спорткомитета СССР и золотой медалью [14. С. 4]. В 1980 г. в соцсоревновании среди тренеров Чувашской АССР по видам спорта третье место занял Е.В. Селиванов [5. Д. 1040. Л. 44]. Двумя годами позже за подготовку призера Чемпионата мира, чемпиона СССР, обладателя Кубка СССР, мастера спорта СССР международного класса В. Белова его тренер Н.Н. Алексеев, трудившийся в ДЮСШ Чебоксарского производственного объединения «Химпром», был награжден почетной грамотой Спорткомитета Чувашской АССР и ценным призом стоимостью 30 руб. [5. Д. 1359а. Л. 19]. По итогам соцсоревнования среди тренеров 1984 г. третье место заняла бригада тренеров ДЮСШ Чебоксарского электроаппаратного завода в составе Е.В. Селиванова, А.Е. Ясмакова, А.Б. Рыбакова, М.А. Конюхова и И.Р. Стахеева. Они были награждены грамотами спорткомитета Чувашской АССР [5. Д. 1650. Л. 5].

В будущем, уже после упразднения областных советов ДСО и образования Всесоюзного ДФСО профсоюзов в 1987 г., тренеры-«выходцы» из ДСО «Труд» за достигнутые результаты были удостоены ряда почетных званий. К их числу можно отнести заслуженного работника физической культуры и спорта Чувашской Республики, заслуженного тренера Чувашской Республики, мастера спорта СССР по самбо А.Е. Ясмакова. В качестве признания заслуг в развитии республиканского самбо в январе 2001 г. президенту Республиканской федерации самбо и дзюдо, мастеру спорта СССР международного класса А.И. Трофимову за огромный вклад в развитие спорта в республике было вручено удостоверение заслуженного работника физической культуры и спорта Чувашской Республики. В 2005 г. заслуженному тренеру России Е.В. Селиванову было присвоено звание «Заслуженный работник физической культуры и спорта Российской Федерации», а Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина в 2018 г. за большой вклад в развитие и популяризацию самбо он был награжден орденом Дружбы. Главному тренеру сборной Чувашии по самбо Сергею Малову в 2022 г. присвоено звание «Заслуженный тренер России». За подготовку победителей и призеров всероссийских и международных соревнований в 2012 г. С.В. Пегасову, а в 2014 г. Г.А. Ильину были присвоены звания «Заслуженный тренер Чувашской Республики» [7].

Отмечая роль пионеров самбо в ДСО «Труд», их учеников и последователей, добившихся определенных вершин на тренерском поприще, следует

отметить, что их достижения в значительной мере были обусловлены поддержкой со стороны государственных и местных органов самоуправления. Анализ архивных источников показывает, что уже к 1970-м гг. в республике сложилась определенная система взаимодействия государственных органов власти, районных спорткомитетов, тренерского состава и административных работников ДСО, в том числе с ДСО «Труд». Итогом функционирования данной системы взаимодействия явилось принятие целого ряда грамотных управленческих решений, направленных как на развитие, так и нивелирование некоторых негативных моментов, которые могли бы отрицательно сказаться на поступательном движении вперед [5. Д. 720. Л. 1–2]. Создавались новые спортивные базы для занятий самбо и обеспечивались условия организации соревнований всесоюзного и международного масштабов. Так, в марте 1981 г. на республиканской спортивной базе ДСО «Труд» впервые состоялся юношеский турнир с участием команд союзных республик. Осознавая необходимость развития юношеского самбо в Чувашии, спортивным комитетом Ленинского района г. Чебоксары, председателем которого являлся В.С. Гаврилов, совместно с федерацией борьбы самбо и дзюдо Чувашской АССР, а также ДЮСШ Чебоксарского электроаппаратного завода, был учрежден и впоследствии проведен Всесоюзный турнир среди юношей на призы Героя Советского Союза Ф.Н. Орлова. В командном зачете победу одержали представители ДЮСШ Чебоксарского электроаппаратного завода. Призы победителям вручал легендарный летчик, уроженец Ядринского района, Герой Советского Союза Федот Никитич Орлов [23. С. 4]. Чуть позже, 14–16 мая 1981 г., в чебоксарском спортивном зале Дворца культуры Чебоксарского электроаппаратного завода было организовано и проведено Первенство Центрального совета ДСО «Труд» среди юниоров. В нем принимал участие 171 спортсмен из 24 краев, областей и автономных республик [2. Д. 898. Л. 1–5]. Отдельно следует упомянуть проведенные в Чебоксарах летом 1988 г. первые Всесоюзные командные комплексные соревнования на призы военно-спортивного клуба ЦК ВЛКСМ «Самбист» среди юношей, организованные при непосредственном участии тренерского состава на спортивной базе республиканского ДСО «Труд». В турнире принимали участие команды из всех 15 союзных республик, городов Москвы и Ленинграда. РСФСР представляли 5 команд, в том числе команда из г. Чебоксары. На комплексные соревнования по инициативе военно-спортивного клуба ЦК ВЛКСМ «Самбист» были также приглашены самбисты из Народной Республики Болгария. Программа соревнований помимо поединков на борцовском ковре включала состязания по общей физической подготовке (ОФП): бег 100 м, 3000 м, подтягивание на перекладине, плавание 100 м, а также клубная работа и демонстрация бросковой техники (ныне – «Демосамбо»). Заключительные финальные соревнования по самбо состоялись в г. Новочебоксарск на сцене Дворца культуры «Химик». В комплексном зачете первое место завоевали спортсмены Башкирской АССР. Чебоксарская команда в общекомандном зачете заняла пятое место [17. С. 4].

Подводя промежуточный итог сказанному выше, можно констатировать, что если под фактором (от лат. *factor* – *делающий, производящий*) понимать причину, движущую силу какого-либо процесса, определяющую его характер или отдельные его черты [19], то можно говорить о существенном влиянии личностного фактора, определившего направление и динамичность развития самбо в республиканском ДСО «Труд». Однако полное его раскрытие было возможным только при выстраивании системы взаимодействия государственных

органов власти, районных спорткомитетов, тренерского состава и административных работников ДСО, что может быть трактовано как управленческий фактор. Только взаимодействие данных факторов детерминировало поступательное и динамичное развитие самбо в ДСО «Труд».

Развивая мысль о факторах, определяющих интенсивность и динамичность развития того или иного вида спорта, следует отметить, что, как и любой процесс, он протекает при определенных условиях, в философской литературе трактуемых как то, от чего зависит нечто другое, но при этом не является его содержанием и является внешним по отношению к предмету или процессу [21]. В контексте проводимого исследования к числу условий, обусловивших динамичность развития самбо в республиканском ДСО, следует отнести открытие в 1969 г. в Чувашском государственном педагогическом институте имени И.Я. Яковлева факультета физического воспитания, по праву ставшего кузницей тренерских кадров. Без него, бесспорно, не могло бы идти речи об открытии новых спортивных секций по самбо и увеличении числа занимающихся в них. За первое десятилетие функционирования факультета число занимающихся самбо в республиканском ДСО «Труд» увеличилось в 4,92 раза. По нашему мнению, данное условие явилось неким катализатором проявления личностного фактора.

Еще одним условием, способствующим динамичному развитию самбо в республиканском ДСО «Труд», можно отнести географическую близость Чувашской Республики с г. Кстово, который уже к 1980-м гг. становится одним из центров развития самбо в СССР. Это обстоятельство связано с именем М.Г. Бурдикова. Анализ материалов исследования дает основание сделать вывод о том, что успехи чувашских самбистов в определенной мере связаны с тем, что они имели возможность более часто встречаться с самбистами из г. Кстово на региональных соревнованиях и совместных учебно-тренировочных сборах, что благоприятным образом сказалось на росте их спортивного мастерства. Именно в данный период времени произошел рост числа самбистов республиканского ДСО «Труд», выполнивших норматив мастеров спорта СССР международного класса. К их числу можно отнести А. Петрова и В. Белова. С учетом того, что еще в публикации 1972 г. С. Галкиным обращалось внимание на необходимость увеличения встреч между командами различных коллективов физической культуры и спортивных обществ с целью повышения спортивного мастерства самбистов общества «Труд», данное условие можно отнести как к обстоятельству, способствующему более полному раскрытию упомянутого выше управленческого фактора.

Выводы. Резюмируя изложенное в статье и опираясь на анализ и обобщение материалов исследования, мы приходим к заключению, что к числу основных факторов, обусловивших развитие самбо в республиканском ДСО «Труд», следует отнести личностный и управленческие факторы. Причем их системное взаимодействие определили динамичность поступательного развития самбо, признанного в настоящее время национальным достоянием России [12] и приоритетным видом спорта [13]. А в качестве условий, катализирующих проявление названных факторов, считаем допустимым рассматривать открытие факультета физического воспитания и географическую близость одного из ведущих центров самбо в нашей стране, что грамотно было использовано административными кадрами республиканского ДСО «Труд». Проведенное исследование дополняет региональную историю данными о персоналиях, внесших существенный вклад в поступательное и динамичное развитие самбо в исследуемом спортивном обществе. Полученные результаты исследования могут

быть использованы при составлении курса истории физической культуры и спорта Чувашской Республики, а также учтены при разработке ряда управленческих решений, направленных на дальнейшее обеспечение динамичности развития самбо как вида спорта.

Перспективы исследования видятся в том, что полученные результаты могут быть положены в основу организации последующих аналогичных исследований по выявлению факторов и условий, детерминировавших развитие тех или иных видов спорта в республиканских ведомственных ДСО. По их итогам появится возможность осуществления сравнительного анализа полученных результатов с целью получения новых исторических сведений.

Литература

1. *Галкин С.* Пятое место в зоне // *Электрик*. 1972. 14 янв.
2. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф.Р. 2766/1877. Оп. 1.
3. ГАСИ ЧР. Ф.Р. 2772/1916. Оп. 1.
4. ГАСИ ЧР. Ф.Р. 2775/1819. Оп. 1.
5. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф.Р. 1238. Оп. 3.
6. *Давыдов М.* Мы – самбисты 60-х // *Рабочая жизнь*. 2005. 30 июня.
7. Детско-юношеская спортивная школа олимпийского резерва имени А.И. Трофимова: сайт. URL: <http://sambo.csr.ru/organization.aspx> (дата обращения: 15.04.2024).
8. Добровольные спортивные общества СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://ratnik.tv/articles/sport/dobrovolnye-sportivnye-obshchestva-sssr/> (дата обращения: 15.04.2024).
9. *Егоров А.* Отец самбо. Зачинателю чувашского самбо исполнилось 65 лет // *Ведомости Чувашской Республики*. 2005. № 30, 26 июля – 1 авг.
10. *Котова Т.П.* История физической культуры и спорта Башкортостана (60-е – начало 90-х годов): дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1997. 304 с.
11. *Наташкин Л.* Турнир самбистов // *Советская Чувашия*. 1968. 14 февр.
12. О мерах по поддержке и развитию самбо в Российской Федерации: распоряжение Президента РФ от 16.11.2018 г. № 338-рп. [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов: сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201811160023> (дата обращения: 15.04.2024).
13. О состоянии и мерах по развитию самбо в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.sambo.spb.ru/history/goskomsport/gks_3_3_sambo2003.htm (дата обращения: 15.04.2024).
14. *Самарский В.* Золотая медаль – тренеру // *Советская Чувашия*. 1974. 26 марта.
15. *Скородумов Н.Г.* Физическая культура и спорт в Чувашии (XX в.). Чебоксары, 1994. 383 с.
16. *Скородумов Н.Г.* Чувашская спортивная энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 398 с.
17. *Талдыкин В.* Победила дружба // *Советская Чувашия*. 1988. 15 июля.
18. *Труд* // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов. М., 2016. Т. 32. С. 586.
19. *Фактор* // Новый энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия: РИПОЛ классик, 2000. С. 938.
20. *Федоренко З.А.* «Труд» (спорт. общество) [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/B/bse-bse/boljshaya-sovetskaya-enciklopediya-tr/791> (дата обращения: 15.04.2024).
21. *Философский энциклопедический словарь* / ред.-сост. Е.Ф. Губский и др. М.: ИНФРА-М, 2009. 569 с.
22. *Чувашская энциклопедия*: в 4 т. Т. 1. А–Е. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. 590 с.
23. *Ясмаков А.* На призы земляка-героя // *Советская Чувашия*. 1981. 27 марта.

УРМАЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ – старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (urmaev.alexandr@yandex.ru).

ДАНИЛОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (daniilov.andrey@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7083-417X>).

ОРЛОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (san-04@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1286-1097>).

Alexandr N. URMAEV, Andrey A. DANILOV, Andrey I. ORLOV
FACTORS AND CONDITIONS OF SAMBO DEVELOPMENT
IN THE VOLUNTARY SPORTS SOCIETY «TRUD»
OF THE CHUVASH ASSR

Key words: voluntary sports society «Trud», sambo, factors and conditions of development, the Chuvash ASSR.

The Russian physical culture and sports movement has come a long way in its development over its long history, and formation of departmental voluntary sports societies (VSS) played an important role as its part. One of the first sports associations in various sectors of the national economy began to be created, which had the common name «Trud» and was reorganized in 1957 into the All-Union Voluntary Sports Society, which became the largest sports association with established traditions that led to the achievement of the highest sports results by members of the society. This circumstance determines the relevance of identifying the factors and conditions that contributed to the formation and development of sports in the VSS «Trud».

The purpose of the study is to identify the factors and conditions for sambo development in the republican VSS «Trud» in the Chuvash ASSR.

Material and methods. The study uses general scientific methods: analysis, generalization and interpretation of data from the State Historical Archive of the Chuvash Republic, the State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic, scientific and methodological literature and publications in periodicals.

Research results. In the course of studying historical documents and periodicals, it was established that the chronology of the republican voluntary sports society «Trud» in the Chuvash Republic begins on November 28, 1957. The founders of sambo in the republican voluntary sports society «Trud» are identified, as well as their associates who had a significant impact on the dynamic development of sambo, the dynamics of the number of sambo practitioners is shown, outstanding athletes who have achieved high sports results are listed. The importance of personal and managerial factors that influenced the dynamism and intensity of the development of sambo in the republican voluntary sports society «Trud» is emphasized.

Conclusions. Based on the analysis and generalization of archival data and publications in the periodicals, personal and managerial factors were identified that ensured the active development of sambo.

References

1. Galkin S. *Pyatoe mesto v zone* [Fifth place in the zone]. *Elektrik*, 1972, Jan. 14.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond R-2766/1877. Opis' 1* [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive R-2766/1877. Anagraph 1].
3. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond R-2772/1916. Opis' 1* [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive R-2772/1916. Anagraph 1].
4. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond R-2775/1819. Opis' 1* [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive R-2775/1819. Anagraph 1].
5. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-1238. Opis' 3* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive R-1238. Anagraph 3].
6. Davydov M. *My – sambisty 60-kh* [We are sambo wrestlers of the 60s]. *Rabochaya zhizn'*, 2005, June 30.
7. *Sait detsko-yunosheskoj sportivnoj shkoly olimpijskogo rezerva imeni A.I. Trofimova: sait* [Website of the children's and youth sports school of the Olympic reserve named after A.I. Trofimov]. Available at: <http://sambo.cap.ru/organization.aspx> (Access Date: 2024, Apr. 15).
8. *Dobrovol'nye sportivnye obshchestva SSSR* [Voluntary sports societies of the USSR]. Available at: <https://ratnik.tv/articles/sport/dobrovolnye-sportivnye-obshchestva-sssr/> (Access Date: 2024, Apr. 15).
9. Egorov A. *Otets sambo. Zachinatelyu chuvashskogo sambo ispolnilos' 65 let* [Father of Sambo. The founder of Chuvash sambo turns 65]. *Vedomosti Chuvashskoi Respubliki*, 2005, no. 30, July 26 – Aug. 1.
10. Kotova T.P. *Istoriya fizicheskoi kul'tury i sporta Bashkortostana (60-e – nachalo 90-kh godov): dis. ... kand. ist. nauk* [History of physical culture and sports of Bashkortostan (60s – early 90s): Cand. Diss.]. Ufa, 1997, 304 p.
11. Natashkin L. *Turnir sambistov* [Sambo tournament]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 1968, Febr. 14.
12. *Rasporyazhenie Prezidenta Rossijskoi Federatsii ot 16 noyabrya 2018 g. № 338-rp. «O merakh po podderzhke i razvitiyu sambo v Rossijskoi Federatsii»* [Order of the President of the Russian Federation of November 16, 2018 No. 338-rp. "On measures to support and develop sambo in the Russian Federation"].

Available at: [Ofitsial'noe opublikovanie pravovykh aktov Official publication of legal acts]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201811160023> (Access Date: 2024, Apr. 15).

13. *O sostoyanii i merakh po razvitiyu sambo v Rossiiskoi Federatsii* [On the state and measures for the development of sambo in the Russian Federation]. Available at: http://www.sambo.spb.ru/history/goskomsport/gks_3_3_sambo2003.htm (Access Date: 2024, April 15).

14. Samarskii V. *Zolotaya medal' – treneru* [Gold medal – coach]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 1974, March 26.

15. Skorodumov N. G. *Fizicheskaya kul'tura i sport v Chuvashii (XX v.)* [Physical culture and sports in Chuvashia (20th century)]. Cheboksary, 1994, 383 p.

16. Skorodumov N.G., ed. *Chuvashskaya sportivnaya entsiklopediya* [Chuvash sports encyclopedia]. Cheboksary, ChuvashPubl. House, 2007, 398 p.

17. Taldykin V. *Pobedila družba* [Friendship won]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 1988, July 15.

18. Osipov S. «TRUD» [“WORK”]. In: *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya: v 35 t.* [Great Russian Encyclopedia. 35 vols]. Moscow, 2016, vol. 32, p. 586.

19. Prokhorov A.M. *Faktor* [Factor]. In: *Novyi entsiklopedicheskii slovar* [New encyclopedic dictionary]. Moscow, RIPOL classic Publ., 2000, p. 938.

20. Fedorenko Z.A. «Trud» (*sport. obshchestvo*) [«Trud» (sports society)]. Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/B/bse-bse/boljshaya-sovetskaya-enciklopediya-tr/791> (Access Date: 2024, Apr. 15).

21. Gubskii E.F., eds. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ., 2009, 569 p.

22. *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t. T. 1. A–E* [Chuvash Encyclopedia. 4 vols. Vol. 1: A–E]. Cheboksary, ChuvashPubl. House, 2006, 590 p.

23. Yasmakov A. *Na prizy zemlyaka-geroya* [For the prizes of a fellow countryman]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 1981, March 27.

ALEKSANDR N. URMAEV – Senior Lecturer, Department of Physical Culture and Sports, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (urmaev.alexandr@yandex.ru).

ANDREY A. DANILOV – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Journalism, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (daniilov.andrey@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7083-417X>).

ANDREY I. ORLOV – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Physical Culture and Sports, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (san-04@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1286-1097>).

Формат цитирования: Урмаев А.Н., Данилов А.А., Орлов А.И. Факторы и условия развития самбо в добровольном спортивном обществе «Труд» Чувашской АССР // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 192–201. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-192-201.

УДК 930.1:630.9(470.4)
ББК Т2(2)+ПЗ(235.54)

А.А. ФИЛОНОВ

**К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
(на материалах журнала «Лесопромышленный вестник»)**

Ключевые слова: лесное хозяйство, Среднее Поволжье, «Лесопромышленный вестник», Казанская губерния, Симбирская губерния, лес, лесоматериалы, лесные торги, лесопромышленное предпринимательство, Козьмодемьянская лесная ярмарка.

Среди разнообразных письменных источников по изучению лесной истории несомненную ценность представляют материалы периодической печати. Одним из известных периодических лесохозяйственных изданий был «Лесопромышленный вестник», выходивший в 1899–1917 гг.

Целью исследования является рассмотрение наиболее важных аспектов развития лесного хозяйства Среднего Поволжья конца XIX – начала XX в., нашедших отражение на страницах этого журнала.

Материалы и методы. Проведенная работа базируется на изучении материалов «Лесопромышленного вестника», хранящихся в фонде Российской национальной библиотеки. Журнал являлся первым лесопромышленным периодическим изданием в России. Исследование основано на принципах историзма, объективности и системности с использованием идеографического, историко-генетического и сравнительно-исторического методов.

Результаты исследования. «Лесопромышленный вестник» издавался практически еженедельно в течение 19 лет. Каждый год выходило по 52 выпуска. В этом журнале опубликованы важные данные о состоянии лесов, организации лесопользования, лесовозобновления вырубленных участков и борьбы с лесными пожарами. В «Лесопромышленном вестнике» представлены сведения о производстве дубовой клепки и других лесоматериалов в Присурье, отправке их на внутренний рынок и за границу. Значительный объем информации посвящен использованию лесов Среднего Поволжья преимущественно казенным ведомством путем продажи лесных участков с регулярно проводившихся торгов для заготовки сплошной или выборочной рубкой. «Лесопромышленный вестник» также содержит огромный пласт материала, отражающий развитие в Среднем Поволжье лесопромышленного предпринимательства отдельных лиц или торгово-промышленных фирм. Большое внимание на страницах журнала уделено обзору внутренних лесных рынков, в том числе всероссийской Козьмодемьянской лесной ярмарки.

Выводы. Таким образом, в «Лесопромышленном вестнике» нашли отражение отдельные аспекты, связанные с развитием лесного хозяйства Среднего Поволжья конца XIX – начала XX в., в том числе лесного предпринимательства местного населения и иногородних лесопромышленников, активно участвовавших в разработке лесных богатств исследуемого региона.

Введение. Среди различных письменных источников по изучению лесной истории несомненный интерес представляют материалы периодической печати. Одним из крупнейших периодических лесохозяйственных изданий был журнал «Лесопромышленный вестник» (полное название – «Лесопромышленный вестник: журнал лесного хозяйства, лесной промышленности и торговли лесом»), выходивший в 1899–1917 гг. Изначально редакция этого журнала находилась в одном из зданий на Васильевском острове в Санкт-Петербурге, но уже с середины февраля 1900 г. место нахождения редакции было перенесено в Москву. Основателем журнала и его бессменным редактором-издателем являлся Н.С. Нестеров (1860–1926) – уроженец Вятской губернии, выдающийся русский лесовод, профессор Петровской земледельческой и лесной академии.

Необходимость появления этого журнала объяснялась активным развитием в России лесной промышленности, продукция которой шла на удовлетворение не только местного спроса, но и предназначалась для вывоза за границу. Издание журнала было направлено на решение ряда важных задач: публикация практических сведений по всем отраслям лесного дела, полезных для лесничих, лесовладельцев, промышленников, торговцев и других лиц; распространение лесотехнических знаний, составлявших основу развития лесной промышленности и использования лесных богатств России; содействие правильному распределению торгового обмена лесными материалами на внутренних рынках для удовлетворения потребностей страны в лесных товарах; ознакомление русских промышленников с ходом лесоторговых дел в иностранных государствах для развития заграничной торговли России [33. С. 4].

В структурном отношении журнал включал в себя семь разделов. В первом из них, «Лесное хозяйство», содержались сведения о лесоуправлении, лесовозобновлении, защите лесных ресурсов, приводилось описание лесов. Второй раздел, «Лесная промышленность», был посвящен заготовке леса и деревообработке, положению лесной промышленности, характеристике технических свойств древесины и условий транспортировки леса. В третьем разделе, «Лесная торговля», приводился обзор внутренних лесных рынков, раскрывались операции акционерных обществ и товариществ, внешняя лесная торговля, цены на лесные товары, продажа леса с торгов. В четвертом разделе публиковались правительственные распоряжения и судебные решения в сфере лесного хозяйства. Пятый раздел включал различные сообщения о лесных пожарах, нарушениях Лесного устава, а также происшествиях на сплавных и судоходных реках – авариях белян, баржей т.п. В шестом разделе, «Библиография», публиковались сведения о выходе новых книг и брошюр по лесоводству. В «Справочном отделе» (седьмой раздел журнала) представлены объявления о торгах на продажу леса и лесоматериалов из казенных, удельных и других лесных дач [68].

В издании журнала принимали участие известные деятели отечественной лесохозяйственной науки и практики: профессора Ф.К. Арнольд, П.Н. Вереха, Н.К. Генко, Г.Ф. Морозов, М.М. Орлов, В.Т. Собичевский, М.К. Турский, В.А. Тихонов, Л.И. Яшнов, инженер-технолог Н.А. Филиппов, инженер-механик И.М. Бирюков и другие [33. С. 4]. В то же время немало опубликованных заметок и статей остались анонимными.

Определение источниковедческой ценности «Лесопромышленного вестника» в контексте изучения истории лесного хозяйства России и ее регионов нашло некоторое отражение в работах ученых [46; 47; 48. С. 193].

Целью исследования является рассмотрение наиболее важных аспектов развития лесного хозяйства Среднего Поволжья конца XIX – начала XX в., представленных на страницах этого журнала. Территориальные рамки работы охватывают Казанскую и Симбирскую губернии, обладавшие схожими природно-географическими и экономическими условиями развития лесного хозяйства.

Материалы и методы. Работа базируется на изучении материалов «Лесопромышленного вестника», хранящихся в фонде Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург). Журнал являлся первым лесопромышленным периодическим изданием в России. Он выходил практически еженедельно в течение 19 лет. Каждый год издавалось по 52 выпуска. В одном номере в среднем насчитывалось около 20 заметок, статей и других небольших

по объему публикаций. Проведенное исследование основано на принципах историзма, объективности и системности с использованием идеографического, историко-генетического и сравнительно-исторического методов.

Результаты исследования. В «Лесопромышленном вестнике» опубликованы некоторые данные о состоянии лесов Симбирской губернии, организации здесь лесопользования и лесовозобновления вырубок. Например, в конце XIX в. в Симбирском и Алатырском удельных округах Симбирской губернии числилось около 750 тыс. дес. леса. Заготовка древесины производилась сплошной черезполосной (кулисной) рубкой. На лесовозобновление вырубок оказывали влияние почвенные и климатические условия, ширина лесосек, их направление и применявшиеся вспомогательные меры (оставление на вырубках семенников, молодого подроста и др.). Наблюдалась общая тенденция, что сплошные вырубки хвойного леса в основном покрывались лиственными породами деревьев, и только спустя некоторое время появлялась примесь хвойной древесной породы. Что касается участка с преобладанием лиственных деревьев, береза, осина и ольха успешно возобновлялись от поросли. Вырубки в дубовых насаждениях также возобновлялись порослью при низких оборотах рубки (60–80 лет). При высоких оборотах (120 и более лет) результаты были невысокие: лесосеки покрывались орешником, ивой, осиной, и среди них местами встречалась поросль от старых дубовых пней. Впоследствии эта дубовая поросль выходила из сорной растительности, но представляла собой плохо сомкнутые молодняки с извилистыми стволами [70. С. 241–242].

Крайне негативное влияние на состояние лесов оказывали пожары, упоминания о которых периодически встречаются в «Лесопромышленном вестнике». Например, летом 1901 г., когда в течение длительного времени стояла очень жаркая и сухая погода, корреспонденции из разных мест постоянно приносили известия о страшных лесных пожарах. В большинстве случаев они возникали вследствие неосторожного обращения с огнем. На значительном пространстве горели казенные леса в Царевококшайском уезде Казанской губернии. В начале августа 1901 г., по информации из Симбирска, возникший от искры железнодорожного локомотива пожар распространился в удельной лесной даче Буинского уезда Симбирской губернии, охватив около трех квадратных верст. От пожаров пострадали и удельные леса в Алатырском уезде той же губернии. Впоследствии из лесов удельного ведомства пожар перешел на соседние казенные и частновладельческие леса [32. С. 517]. Вопрос о борьбе с лесными пожарами обсуждался в 1901 г. на губернском съезде лесных чинов Казанской и Симбирской губерний. Предписывалось устройство пожарных вышек и назначение на летние месяцы дополнительной конной пожарной стражи [2. С. 682]. Исходя из материалов, опубликованных в «Лесопромышленном вестнике», видно, что тяжелая пожароопасная ситуация сложилась также в 1911 г. По сообщению из Казани от 21 июля этого года, в Царевококшайском и Чебоксарском уездах горели несколько тысяч десятин казенных лесов. В тушении пожаров участвовали около 1 000 человек [31]. С целью более эффективной борьбы с лесными пожарами в казенных лесничествах Царевококшайского и Козьмодемьянского уездов Казанской губернии предполагалось проведение телефонной сети на протяжении 434 верст [50].

В «Лесопромышленном вестнике» представлены сведения о производстве дубовой клепки и других лесоматериалов в Присурье, отправке их на внутренний рынок и за границу. Например, зимой 1903–1904 гг. в бассейне реки Суры были

разработаны и подготовлены к отправке весной 1904 г. по Суре и Волге следующие лесоматериалы: 560 тыс. шт. русской дубовой клепки 9 четвертовой длины; 1 250 000 шт. донника и мелкой клепки длиной от 16 до 20 вершков; 2 800 000 шт. французской и немецкой дубовой клепки длиной от 16 до 26 вершков; 100 тыс. шт. пиленой липовой дощечки; 2 100 дубовых кряжей; 33 тыс. шт. пиленого дубового бруса и буферов; 80 тыс. дубовых шпал; 900 пятериков дубовых дров. В этот подсчет не вошли изделия, имевшие в торговле небольшое значение: обод, полоз, спица, ступица и др. В итоге в навигацию 1904 г. русская клепка в основном была отправлена в низовья Волги (Саратов, Царицын, Астрахань) и частично вверх по Волге – в Нижний Новгород и Ярославль. Французская и немецкая клепка были доставлены за границу. Дубовые кряжи, брусья и буферы поступили на сормовские заводы. Все дубовые дрова были отправлены в Саратов, Царицын и Астрахань [4. С. 658].

Значительный объем информации, содержащейся на страницах «Лесопромышленного вестника», посвящен использованию лесов Среднего Поволжья преимущественно казенным ведомством путем продажи лесных участков с регулярно проводившихся торгов для заготовки сплошной или выборочной рубкой. Обратимся к наиболее типичным примерам. Так, на состоявшихся 16 сентября 1898 г. в Вараксинском волостном правлении торгах на продажу леса из казенных дач Сретенского лесничества Царевококшайского уезда Казанской губернии была предъявлена к продаже 231 торговая единица на сумму по оценочным данным в 89 232 руб., в том числе 6 единиц для заготовки с учетом по пням, 26 единиц с учетом по количеству материалов, а остальные 199 – с учетом по площади. В результате 127 покупателями было заторговано 185 единиц, оцененных в 62 966 руб., за сумму 71 795 руб., т.е. с надбавкой в 14%, в том числе 155 участков сплошной рубки елового леса площадью 195,40 дес. В основном покупки были мелкие, произведенные крестьянами [54. С. 11]. Надбавка на торгах определялась качеством леса, а также расстоянием его вывозки до пристаней и удобством лесосплава.

25 сентября 1898 г. состоялись торги в Посадско-Сотниковском волостном правлении на продажу леса из казенных дач Кокшайского лесничества Чебоксарского уезда Казанской губернии. К продаже были предъявлены 318 торговых единиц для сплошной рубки на площади 699,20 дес. в Больше-Липшинской, Кокшайско-Нужьяльской, Кужмарской сборной и Кужмарско-Красноярской лесных дачах на сумму по оценке в 162 187 руб. В итоге 19 лесопромышленников приобрели 143 торговые единицы (44,9% от общего числа) площадью 339,00 дес. на сумму 106 521 руб. Не совсем удачный исход этих торгов объяснялся незначительным промежутком времени (1 день) между торгами по Кокшайскому и Звениговскому лесничествам, вследствие чего многие лесопкупатели не успели прибыть на вышеупомянутые торги [54].

10 сентября 1902 г. в Юхмачинском волостном правлении Спасского уезда Казанской губернии начались торги на продажу леса для сплошной рубки с учетом по площади и выборочной рубки перестойного дуба с учетом по пням. Эти торги продолжались три дня. В них приняли участие около 400 лиц преимущественно из крестьян. Они в большинстве своем приобретали лес на сумму от 100 до 500 руб. Такое значительное количество участников торгов объяснялось спецификой Юхмачинского лесничества со сбытом леса исключительно для удовлетворения потребностей окрестного населения и обширностью района, который это лесничество при своей площади в 60 тыс. дес. обслуживало [3].

В целом в журнале имеются десятки примеров организации и результатов торгов по различным казенным лесничествам Казанской и Симбирской губерний [6; 55; 56. С. 607; 60; 63; 65; 66]. Эти сведения позволяют составить некоторое представление о масштабах и формах использования лесных ресурсов Среднего Поволжья казенным ведомством.

«Лесопромышленный вестник» также содержит огромный пласт материала, отражающего развитие в Среднем Поволжье лесопромышленного предпринимательства отдельных лиц или торгово-промышленных фирм. Крупными лесопромышленниками в этом регионе были известные астраханские купцы И.И. и А.И. Губины, которые основали в городе Козьмодемьянске свой торговый дом. Они вели лесозаготовки на территории казенных лесничеств Козьмодемьянского, Царевококшайского, Чебоксарского и других уездов Казанской губернии, Макарьевского уезда Нижегородской губернии, а также в частновладельческих лесных дачах [29. С. 860; 41. С. 26; 42; 43; 52; 57; 60; 64. С. 98]. Например, в начале сентября 1901 г. братья Губины приобрели с торгов в Кумьинском лесничестве Козьмодемьянского уезда лес на сумму 34 629 руб., в Коротненском лесничестве того же уезда – на 23 480 руб., в Мадарском лесничестве – на 32 770 руб., в Ардинском лесничестве – на 68 876 руб. [6]. Торговый дом «Братья И. и А. Губины», пользовавшийся большим авторитетом в Поволжье, осуществлял крупные поставки шпал для железных дорог. В частности, в течение 1903–1904 гг. лесопромышленники Губины обязывались доставить около 600 тыс. шпал для Среднеазиатской железной дороги [5; 35]. Поставка шпал продолжалась и в последующие годы. Выработка их велась исключительно из лесов, произрастающих в непосредственной близости от Волги, Ветлуги, Керженца, Кокшаги, Илети и Рутки, так как лес в этих местах полностью соответствовал техническим требованиям для производства шпал [40].

Материалы «Лесопромышленного вестника» позволяют утверждать, что лесным предпринимательством активно занимался нижегородский купец В.И. Шуртыгин, который в конце XIX – начале XX в. был тесно связан с уездным городом Козьмодемьянском. Приобретая лес с торгов в казенных лесничествах Казанской, Нижегородской и других губерний или в частновладельческих лесных дачах, Шуртыгин организовывал его сбыт в необработанном виде или в переработанном на шпалы, подтоварник и другие лесоматериалы преимущественно в Царицын и Астрахань. Доставка лесных грузов производилась в белянах, баржах и других судах [29. С. 860–861; 37; 41; 43; 44; 53; 69. С. 97]. В 1902 г. В.И. Шуртыгиным с Ветлуги была сплавлена самая большая из числа зафиксированных к тому времени белян длиной 55 сажень (117 м) и грузоподъемностью около 1 млн пудов [49. С. 252]. Как и братья Губины, Шуртыгин занимался производством и доставкой железнодорожных шпал, отличавшихся высоким качеством [35]. В 1910 г. для приобретения, разработки и сплава леса, торговли лесными материалами, устройства лесопильных и других заводов было учреждено «Товарищество лесопромышленности и торговли Василия Ивановича Шуртыгина» [51]. За третий операционный год этой фирмой было получено 73 775 руб. прибыли при валовом доходе в 1 998 130 руб. и расходе в 1 924 355 руб. [39. С. 18].

Судя по данным «Лесопромышленного вестника», масштабами лесного предпринимательства в Поволжье выделялся астраханский купец П.П. Вейнер. 12 сентября 1898 г. производились торги на продажу леса из 4-й Ардинской сборной дачи Мадарского лесничества Козьмодемьянского уезда Казанской

губернии, на которых Вейнер приобрел для разработки 78 участков площадью 365,82 дес. на сумму 82 319 руб. [52]. Его доверенное лицо С.В. Жаковский 16 сентября 1898 г. на торгах в Вараксинском волостном правлении заторговал в Сретенском отрезе Сретенского лесничества Царевококшайского уезда Казанской губернии для выборочной рубки с учетом по пням 13 264 дерева, из которых 10 072 сосновых и 3 192 еловых на общую сумму 48 173 руб. С торгов 25 сентября 1898 г. Вейнер приобрел в Больше-Липшинской, Кокшайско-Нужьяльской, Кужмарской сборной и Кужмарско-Красноярской дачах Кокшайского лесничества Чебоксарского уезда Казанской губернии 15 участков площадью 33,70 дес. за 12 575 руб. [54]. В дальнейшем лесопромышленная деятельность П.П. Вейнера постоянно расширялась вплоть до 1903 г., когда после смерти купца фирма его наследников перенесла лесные операции из волжского и ветлужского районов в верховья рек Камы и Вятки [6; 8; 57; 59; 60].

В «Лесопромышленном вестнике» содержатся некоторые сведения о предпринимательской активности в сфере лесной промышленности чебоксарских купцов П.Е. Ефремова [14. С. 318; 34], С.И. Хлебникова [44; 53; 56. С. 607; 59]; козьмодемьянских купцов В.А. Камерилова [6; 52; 57], А.А. Дерябина [6; 44; 53; 57], казанских купцов В.П. Шмелева [58; 59], И.В. Ратманова [60; 63], а также крестьян д. Савино Вараксинской волости Царевококшайского уезда И.В. и Т.В. Чулковых [64. С. 98; 67] и др. Эта информация в основном касается приобретения ими казенного леса с торгов и его последующего сбыта. Нередко крестьяне покупали небольшие участки леса и использовали его для удовлетворения потребностей домашнего хозяйства или в качестве сырья для ведения кустарного производства. К числу таких крестьян относились Яков Киртаев из д. Негодяево Петриковской волости Царевококшайского уезда, Алексей Романов из д. Ярамор Сотнурской волости того же уезда, Терентий Волков из д. Малое Шигаево Посадско-Сотниковской волости Чебоксарского уезда, Мартын Захаров, Герасим Гурьянов из с. Яндашево Алымкасинской волости Чебоксарского уезда и другие [61–63; 64. С. 98].

Другой ценный блок информации, содержащейся в «Лесопромышленном вестнике», касается занятия населения Казанской и Симбирской губерний кустарным рогожным промыслом. В Казанской губернии он получил наибольшее распространение среди крестьян Чебоксарского, Козьмодемьянского и Царевококшайского уездов. Работали зачастую на дому всей семьей, включая женщин и детей, за небольшую плату. В начале XX в. три человека могли заработать с раннего утра и до позднего вечера 60 коп. в день. Работа велась в основном по заказам более состоятельных людей [36. С. 113]. Например, купцы, торговавшие рогожами, закупали мочало на Нижегородской ярмарке или в других местах, развозили его в сентябре по деревням и раздавали крестьянам, которые к установленному сроку изготавливали из него рогожи и кули [38. С. 268]. По данным «Лесопромышленного вестника», рогожный кустарный промысел в Симбирской губернии был особенно развит в д. Новой Александровке. Здесь кустари ежегодно вырабатывали более 50 тыс. рогож на сумму около 6 тыс. руб. [45. С. 176]. Со временем вследствие истребления лесов и повышения цен на мочало рогожное производство стало сокращаться [38. С. 268].

Большое внимание на страницах «Лесопромышленного вестника» уделено обзору внутренних лесных рынков. В пределах территории Среднего Поволжья особое значение имела всероссийская Козьмодемьянская лесная ярмарка. В журнале представлены цифровые показатели относительно количества

сплавляемого на ярмарку леса за различные годы. Так, в 1903 г. сюда для продажи было доставлено с Ветлуги 2 700 однорядных плотов, в 1904 г. – 2 350 плотов, в 1905 г. – 1 200, в 1906 г. – 1 400, в 1907 г. – около 2 600 плотов, в 1908 г. – 1 734 плота-однорядка, в 1910 г. – 2 400 плотов или около 1 350 000 деревьев, в 1911 г. – 2 900 плотов [10. С. 438; 13. С. 298; 15; 17; 26. С. 287; 27; 30. С. 269]. Этот лес в основном вырабатывался в частновладельческих лесных дачах и принадлежал крупным лесовладельцам и предпринимателям Лугинину, Ефремову, Базилевскому, Бердникову и др. [14. С. 318]. Здесь необходимо отметить, что это был только лес, доставленный с Ветлуги в однорядных плотах. Кроме него на ярмарку сплавлялись в большом количестве лесоматериалы в грузовых плотах из нескольких рядов бревен, белянах, баржах и других судах [1; 19; 21; 24; 25]. В продаже также регулярно были якоря, снасти, лодки и другие товары [30. С. 269].

Сроки проведения ярмарки не являлись постоянными и менялись в зависимости от уровня воды в сплавных реках. Обычно торговля здесь начиналась в конце мая и продолжалась до конца июля – середины августа [7; 12. С. 279; 18; 22; 24]. Однако, как указано в журнале, в 1904 г. ярмарка затянулась до конца августа – начала сентября [11]. Схожая картина наблюдалась и в 1911 г. [20]. К сожалению, «Лесопромышленный вестник» не позволяет проследить динамику объема товарооборота Козьмодемьянской лесной ярмарки в денежном выражении. Однако в одном из номеров журнала отмечено, что в 1907 г. по приблизительным подсчетам оборот ярмарки составил 4,5–5 млн руб. [16]. Цены на продаваемый лес и лесоматериалы в течение 1,5–2 месяцев, когда проводилась ярмарка, часто менялись [7; 9; 10; 15; 23; 28. С. 333]. Это в значительной степени определялось спросом на лес и другими сопутствующими обстоятельствами. Например, в 1900 г. сосновые бревна длиной 6–8 сажений и 6 вершков в диаметре в начале ярмарки стоили 6–7 руб. за дерево, а в середине июля – 4 руб. 90 коп. – 5 руб. 50 коп. в зависимости от их качества [23].

Выводы. Таким образом, журнал «Лесопромышленный вестник» является ценным источником по истории лесного хозяйства Средневолжского региона конца XIX – начала XX в. В нем представлены данные о состоянии лесов, организации здесь лесопользования, состоянии внутренних лесных рынков, в том числе всероссийской Козьмодемьянской лесной ярмарки, а также развитии лесного предпринимательства среди местного населения и иногородних лесопромышленников, активно участвовавших в разработке лесных богатств Среднего Поволжья изучаемого периода.

Литература

1. Ветлужский лесной караван // Лесопромышленный вестник. 1905. № 20. С. 235.
2. Воронцов В. О некоторых вопросах, обсуждавшихся на губернском съезде лесных чинов Казанской и Симбирской губерний в 1901 году // Лесопромышленный вестник. 1902. № 39. С. 680–684.
3. Воронцов В. Торги по Юхмачинскому лесничеству Казанской губернии // Лесопромышленный вестник. 1902. № 50. С. 908–909.
4. Заготовка леса в бассейне р. Суры // Лесопромышленный вестник. 1904. № 43. С. 658–659.
5. Из района Лысково-Козьмодемьянск // Лесопромышленный вестник. 1903. № 2. С. 30.
6. Козьмодемьянск // Лесопромышленный вестник. 1901. № 38. С. 632.
7. Козьмодемьянск // Лесопромышленный вестник. 1902. № 40. С. 708.
8. Козьмодемьянск // Лесопромышленный вестник. 1903. № 51. С. 961.
9. Козьмодемьянск // Лесопромышленный вестник. 1904. № 28. С. 410–411.
10. Козьмодемьянск // Лесопромышленный вестник. 1904. № 30. С. 437–438.

11. Козьмодемьянск // Лесопромышленный вестник. 1904. № 39. С. 591.
12. Козьмодемьянск // Лесопромышленный вестник. 1905. № 24. С. 279–280.
13. Козьмодемьянск // Лесопромышленный вестник. 1905. № 26. С. 298–299.
14. Козьмодемьянск // Лесопромышленный вестник. 1905. № 28. С. 317–318.
15. Козьмодемьянск // Лесопромышленный вестник. 1906. № 25. С. 233.
16. Козьмодемьянск // Лесопромышленный вестник. 1907. № 27. С. 220.
17. Козьмодемьянск // Лесопромышленный вестник. 1907. № 30. С. 244.
18. Козьмодемьянск // Лесопромышленный вестник. 1908. № 31. С. 288.
19. Козьмодемьянск // Лесопромышленный вестник. 1910. № 19. С. 204–205.
20. Козьмодемьянск // Лесопромышленный вестник. 1911. № 38. С. 419.
21. Козьмодемьянск // Лесопромышленный вестник. 1915. № 20. С. 174.
22. Козьмодемьянская лесная ярмарка // Лесопромышленный вестник. 1900. № 28. С. 377–378.
23. Козьмодемьянская лесная ярмарка // Лесопромышленный вестник. 1900. № 30. С. 407.
24. Козьмодемьянская лесная ярмарка // Лесопромышленный вестник. 1909. № 26. С. 257.
25. Козьмодемьянская лесная ярмарка // Лесопромышленный вестник. 1909. № 27. С. 272.
26. Козьмодемьянская лесная ярмарка // Лесопромышленный вестник. 1910. № 27. С. 286–287.
27. Козьмодемьянская лесная ярмарка // Лесопромышленный вестник. 1911. № 30. С. 329.
28. Козьмодемьянская ярмарка и навеянные ею думы // Лесопромышленный вестник. 1907. № 39. С. 332–334.
29. *Лепковский Л.* Результаты торгов по казенным лесничествам Нижегородской губернии // Лесопромышленный вестник. 1902. № 48. С. 858–861.
30. Лесная ярмарка в Козьмодемьянске // Лесопромышленный вестник. 1908. № 29. С. 268–269.
31. Лесные пожары // Лесопромышленный вестник. 1911. № 30. С. 330.
32. Лесные пожары в разных местах // Лесопромышленный вестник. 1901. № 32. С. 517–518.
33. Наши задачи // Лесопромышленный вестник. 1899. № 1. С. 1–4.
34. Нижний Новгород // Лесопромышленный вестник. 1900. № 50. С. 726.
35. Нижний Новгород // Лесопромышленный вестник. 1904. № 6. С. 95–96.
36. Нижний Новгород // Лесопромышленный вестник. 1904. № 7. С. 112–113.
37. Нижний Новгород // Лесопромышленный вестник. 1904. № 8. С. 127–128.
38. Нижний Новгород // Лесопромышленный вестник. 1904. № 17. С. 267–268.
39. Операции товарищества В.И. Шуртыгина // Лесопромышленный вестник. 1915. № 2. С. 18–19.
40. Поставка шпал в Поволжье // Лесопромышленный вестник. 1911. № 51. С. 569.
41. Продажа казенного леса по Нижегородской губернии // Лесопромышленный вестник. 1899. № 2. С. 25–26.
42. Продажа леса из дачи наследников В.П. Шереметева // Лесопромышленный вестник. 1902. № 41. С. 725.
43. Результаты лесных торгов по Нижегородской губернии // Лесопромышленный вестник. 1899. № 41. С. 515.
44. Результаты торгов по продаже леса на сруб из Куминского, Ардинского и Коротненского лесничеств Казанской губернии // Лесопромышленный вестник. 1904. № 39. С. 593.
45. Рогожный промысел в Симбирской губернии // Лесопромышленный вестник. 1905. № 15. С. 176–177.
46. *Рожнов В.П.* «Лесной журнал» и «Лесопромышленный вестник» как источники по изучению лесной промышленности Чувашии в период капитализма // Вопросы истории Чувашии. 1977. Вып. 73. С. 134–142.
47. *Рыбалкин А.И.* Источники и историография лесного дела в Российской империи. Воронеж: Воронежский гос. агр. ун-т им. императора Петра I, 2013. 206 с.
48. *Рыбалкин А.И.* Периодическая лесная печать в дореволюционной России // Лесной вестник. 2005. № 2. С. 186–195.
49. С Ветлуги // Лесопромышленный вестник. 1904. № 16. С. 252–253.
50. Телефонная сеть в казенных лесничествах Казанской губернии // Лесопромышленный вестник. 1911. № 26. С. 292.
51. Товарищество лесопромышленности и торговли // Лесопромышленный вестник. 1910. № 17. С. 185.
52. Торги на продажу леса в Казанской губернии // Лесопромышленный вестник. 1899. № 2. С. 25.
53. Торги на продажу леса из казенных дач Казанской губернии // Лесопромышленный вестник. 1905. № 38–39. С. 432.
54. Торги на продажу леса по Казанской губернии // Лесопромышленный вестник. 1899. № 1. С. 10–11.

55. Торги по Алгашиному лесничеству Симбирской губернии // Лесопромышленный вестник. 1902. № 3. С. 43.
56. Торги по Ардинскому лесничеству Казанской губернии // Лесопромышленный вестник. 1904. № 40. С. 607–608.
57. Торги по Кумьинскому лесничеству Казанской губернии // Лесопромышленный вестник. 1899. № 49. С. 638–639.
58. Торги по Кучкинскому лесничеству Казанской губернии // Лесопромышленный вестник. 1902. № 9. С. 159.
59. Торги по Липшинскому лесничеству Казанской губернии // Лесопромышленный вестник. 1900. № 6. С. 74–75.
60. Торги по Лушмарскому лесничеству Казанской губернии // Лесопромышленный вестник. 1900. № 42. С. 595–596.
61. Торги по Мариинско-Посадскому лесничеству Казанской губернии // Лесопромышленный вестник. 1901. № 9. С. 137.
62. Торги по Мариинско-Посадскому лесничеству Казанской губернии // Лесопромышленный вестник. 1902. № 20. С. 351.
63. Торги по Сотнурскому лесничеству Казанской губернии // Лесопромышленный вестник. 1901. № 5. С. 71.
64. Торги по Сретенскому лесничеству Казанской губернии // Лесопромышленный вестник. 1900. № 8. С. 98–99.
65. Торги по Тархановскому лесничеству Симбирской губернии // Лесопромышленный вестник. 1902. № 39. С. 685.
66. Торги по Тетюшскому лесничеству Казанской губернии // Лесопромышленный вестник. 1903. № 28. С. 516–517.
67. Торги по Царевококшайскому лесничеству // Лесопромышленный вестник. 1902. № 51. С. 932.
68. Указатель статей и заметок, помещенных в журнале «Лесопромышленный вестник» в 1899 году. СПб., 1900. 8 с.
69. Фрахты на Волге // Лесопромышленный вестник. 1904. № 6. С. 96–98.
70. Яшнов Л. Съезд удельных лесничих // Лесопромышленный вестник. 1899. № 19. С. 241–244.

ФИЛОНОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (fil88meat@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1433-4015>).

Aleksander A. FILONOV

**ON THE ISSUE OF FORESTRY DEVELOPMENT IN THE
MIDDLE VOLGA REGION OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY
(based on the materials of the journal «Lesopromyshlennyy Vestnik»)**

Key words: forestry, the Middle Volga region, «Lesopromyshlennyy Vestnik», Kazan governorate, Simbirsk governorate, forest, timber, forest auctions, timber industry, Kozmodemyansk forest fair.

Among various written sources on the study of forest history, the materials of the periodical press are of undoubted value. One of the well-known periodical forestry publications was «Lesopromyshlennyy Vestnik», published in 1899–1917.

The purpose of the study is to consider the most important aspects in the development of forestry in the Middle Volga region of the late XIX – early XX centuries, reflected in the pages of this journal.

Materials and methods. The work carried out is based on the study of the materials of «Lesopromyshlennyy Vestnik», stored in the fund of the Russian National Library. The journal was the first timber industry periodical in Russia. The research is based on the principles of historicism, objectivity and consistency using ideographic, historical-genetic and comparative-historical methods.

Research results. «Lesopromyshlennyy Vestnik» was published almost weekly during 19 years. 52 issues were published each year. This journal contains important data on the state of forests, organization of forest management, reforestation of felled areas and the fight

against forest fires. «*Lesopromyshlennyi Vestnik*» provides information on the production of oak riveting and other timber in the Sura region, sending them to the domestic market and abroad. A significant amount of information is devoted to the use of forests in the Middle Volga region mainly by the government department through the sale of forest plots from regular auctions for harvesting by continuous or selective cutting. «*Lesopromyshlennyi Vestnik*» also contains a huge layer of material reflecting the development of timber industry entrepreneurship in the Middle Volga region by individuals or commercial and industrial firms. Much attention is paid on the pages of the journal to the review of domestic forest markets, including the All-Russian Kozmodemyansk forest fair.

Conclusions. Thus, «*Lesopromyshlennyi Vestnik*» reflects certain aspects related to the development of forestry in the Middle Volga region of the late XIX – early XX centuries, including forestry entrepreneurship of the local population and nonresident timber producers who actively participated in the development of forest resources in the region under study.

References

1. *Vetluzhskii lesnoi karavan* [Vetluzhsky forest caravan]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1905, no. 20, p. 235.
2. Vorontsov V. O nekotorykh voprosakh, obsuzhdavshikhsya na gubernskom s"ezde lesnykh chinov Kazanskoi i Simbirskoi gubernii v 1901 godu [On some issues discussed at the provincial congress of forest officials of the Kazan and Simbirsk provinces in 1901]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1902, no. 39, pp. 680–684.
3. Vorontsov V. Torgi po Yukhmachinskomu lesnichestvu Kazanskoi gubernii [Auctions at the Yukhmachinsky forestry of the Kazan province]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1902, no. 50, pp. 908–909.
4. *Zagotovka lesa v basseine Sury* [Logging in the Sura river basin]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1904, no. 43, pp. 658–659.
5. *Iz raiona Lyskovo-Koz'modem'yansk* [From the Lyskovo-Kozmodemyansk area]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1903, no. 2, p. 30.
6. *Koz'modem'yansk* [Kozmodemyansk]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1901, no. 38, p. 632.
7. *Koz'modem'yansk* [Kozmodemyansk]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1902, no. 40, p. 708.
8. *Koz'modem'yansk* [Kozmodemyansk]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1903, no. 51, p. 961.
9. *Koz'modem'yansk* [Kozmodemyansk]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1904, no. 28, pp. 410–411.
10. *Koz'modem'yansk* [Kozmodemyansk]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1904, no. 30, pp. 437–438.
11. *Koz'modem'yansk* [Kozmodemyansk]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1904, no. 39, p. 591.
12. *Koz'modem'yansk* [Kozmodemyansk]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1905, no. 24, pp. 279–280.
13. *Koz'modem'yansk* [Kozmodemyansk]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1905, no. 26, pp. 298–299.
14. *Koz'modem'yansk* [Kozmodemyansk]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1905, no. 28, pp. 317–318.
15. *Koz'modem'yansk* [Kozmodemyansk]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1906, no. 25, p. 233.
16. *Koz'modem'yansk* [Kozmodemyansk]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1907, no. 27, p. 220.
17. *Koz'modem'yansk* [Kozmodemyansk]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1907, no. 30, p. 244.
18. *Koz'modem'yansk* [Kozmodemyansk]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1908, no. 31, p. 288.
19. *Koz'modem'yansk* [Kozmodemyansk]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1910, no. 19, pp. 204–205.
20. *Koz'modem'yansk* [Kozmodemyansk]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1911, no. 38, p. 419.
21. *Koz'modem'yansk* [Kozmodemyansk]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1915, no. 20, p. 174.
22. *Koz'modem'yanskaya lesnaya yarmarka* [Kozmodemyansk forest fair]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1900, no. 28, pp. 377–378.
23. *Koz'modem'yanskaya lesnaya yarmarka* [Kozmodemyansk forest fair]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1900, no. 30, p. 407.
24. *Koz'modem'yanskaya lesnaya yarmarka* [Kozmodemyansk forest fair]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1909, no. 26, p. 257.
25. *Koz'modem'yanskaya lesnaya yarmarka* [Kozmodemyansk forest fair]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1909, no. 27, p. 272.
26. *Koz'modem'yanskaya lesnaya yarmarka* [Kozmodemyansk forest fair]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1910, no. 27, pp. 286–287.
27. *Koz'modem'yanskaya lesnaya yarmarka* [Kozmodemyansk forest fair]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1911, no. 30, p. 329.
28. *Koz'modem'yanskaya yarmarka i naveyannye eyu dumy* [Kozmodemyansk fair and the thoughts inspired by it]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1907, no. 39, pp. 332–334.
29. Lepkovskii L. *Rezultaty torgov po kazennym lesnichestvam Nizhegorodskoi gubernii* [The results of the auction for the state forestry of the Nizhny Novgorod province]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1902, no. 48, pp. 858–861.
30. *Lesnaya yarmarka v Koz'modem'yanske* [Forest fair in Kozmodemyansk]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1908, no. 29, pp. 268–269.

31. *Lesnye pozhary* [Forest fires]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1911, no. 30, p. 330.
32. *Lesnye pozhary v raznykh mestakh* [Forest fires in different places]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1901, no. 32, pp. 517–518.
33. *Nashi zadachi* [Our tasks]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1899, no. 1, pp. 1–4.
34. *Nizhnii Novgorod* [Nizhny Novgorod]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1900, no. 50, p. 726.
35. *Nizhnii Novgorod* [Nizhny Novgorod]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1904, no. 6, pp. 95–96.
36. *Nizhnii Novgorod* [Nizhny Novgorod]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1904, no. 7, pp. 112–113.
37. *Nizhnii Novgorod* [Nizhny Novgorod]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1904, no. 8, pp. 127–128.
38. *Nizhnii Novgorod* [Nizhny Novgorod]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1904, no. 17, pp. 267–268.
39. *Operatsii tovarishchestva V.I. Shurtygina* [Operations of the V.I. Shurtygin Partnership]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1915, no. 2, pp. 18–19.
40. *Postavka shpal v Povolzh'e* [Supply of sleepers in the Volga region]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1911, no. 51, p. 569.
41. *Prodazha kazennogo lesa po Nizhegorodskoi gubernii* [Sale of state-owned timber in Nizhny Novgorod province]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1899, no. 2, pp. 25–26.
42. *Prodazha lesa iz dachi naslednikov V.P. Sheremeteva* [Sale of timber from the forest area of V.P. Sheremetev's heirs]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1902, no. 41, p. 725.
43. *Rezultaty lesnykh torgov po Nizhegorodskoi gubernii* [Results of forest auctions in Nizhny Novgorod province]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1899, no. 41, p. 515.
44. *Rezultaty torgov po prodazhe lesa na srub iz Kum'inskogo, Ardinskogo i Korotnenskogo lesnichestv Kazanskoi gubernii* [The results of the auction for the sale of timber for log cabins from the Kumyinsky, Ardinsky and Korotnensky forest areas of the Kazan province]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1904, no. 39, p. 593.
45. *Rogozhnyi promysel v Simbirskoi gubernii* [The matting industry in the Simbirsk province]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1905, no. 15, pp. 176–177.
46. Rozhnov V.P. «*Lesnoi zhurnal*» i «*Lesopromyshlennyy vestnik*» kak istochniki po izucheniyu lesnoi promyshlennosti Chuvashii v period kapitalizma [«Forest Magazine» and «Timber Industry Bulletin» as sources for the study of the forest industry of Chuvashia during the period of capitalism]. *Voprosy istorii Chuvashii*, 1977, no. 73, pp. 134–142.
47. Rybalkin A.I. *Istochniki i istoriografiya lesnogo dela v Rossiiskoi imperii* [Sources and historiography of forestry in the Russian Empire]. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet imeni imperatora Petra I Publ., 2013, 206 p.
48. Rybalkin A.I. *Periodicheskaya lesnaya pechat' v dorevolutsionnoi Rossii* [Periodical forest printing in pre-revolutionary Russia]. *Lesnoi vestnik*, 2005, no. 2, pp. 186–195.
49. *S Vetlugi* [From Vetluga]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1904, no. 16, pp. 252–253.
50. *Telefonnaya set' v kazennykh lesnichestvakh Kazanskoi gubernii* [Telephone network in the state forestry of the Kazan province]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1911, no. 26, p. 292.
51. *Tovarishchestvo lesopromyshlennosti i torgovli* [Timber Industry and Trade Association]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1910, no. 17, p. 185.
52. *Torgi na prodazhu lesa v Kazanskoi gubernii* [Auction for the sale of forests in the Kazan province]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1899, no. 2, p. 25.
53. *Torgi na prodazhu lesa iz kazennykh dach Kazanskoi gubernii* [Auction for the sale of timber from state-owned forest areas of the Kazan province]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1905, no. 38–39, p. 432.
54. *Torgi na prodazhu lesa po Kazanskoi gubernii* [Auction for the sale of forests in the Kazan province]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1899, no. 1, pp. 10–11.
55. *Torgi po Algashinskomu lesnichestvu Simbirskoi gubernii* [Auction for the Algashinsky forestry of the Simbirsk province]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1902, no. 3, p. 43.
56. *Torgi po Ardinskomu lesnichestvu Kazanskoi gubernii* [Auction for the Ardinsky forestry of the Kazan province]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1904, no. 40, pp. 607–608.
57. *Torgi po Kum'inskomu lesnichestvu Kazanskoi gubernii* [Auction for the Kumyinsky forestry of the Kazan province]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1899, no. 49, pp. 638–639.
58. *Torgi po Kuchkinskomu lesnichestvu Kazanskoi gubernii* [Auction for the Kuchkinsky forestry of the Kazan province]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1902, no. 9, p. 159.
59. *Torgi po Lipshinskomu lesnichestvu Kazanskoi gubernii* [Auction for the Lapshinsky forestry of Kazan province]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1900, no. 6, pp. 74–75.
60. *Torgi po Lushmarskomu lesnichestvu Kazanskoi gubernii* [Auction for the Lushmar forestry of the Kazan province]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1900, no. 42, pp. 595–596.
61. *Torgi po Mariinsko-Posadskomu lesnichestvu Kazanskoi gubernii* [Auction for the Mariinsko-Posadsky forestry of the Kazan province]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1901, no. 9, p. 137.
62. *Torgi po Mariinsko-Posadskomu lesnichestvu Kazanskoi gubernii* [Auction for the Mariinsko-Posadsky forestry of the Kazan province]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1902, no. 20, p. 351.

63. *Torgi po Sotnurskomu lesnichestvu Kazanskoj gubernii* [Auction for the Sotnursky forestry of the Kazan province]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1901, no. 5, p. 71.
64. *Torgi po Sretenskomu lesnichestvu Kazanskoj gubernii* [Auction for the Sretensky forestry of the Kazan province]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1900, no. 8, pp. 98–99.
65. *Torgi po Tarkhanovskomu lesnichestvu Simbirskoj gubernii* [Auction for the Tarkhanovsky forestry of the Simbirsk province]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1902, no. 39, p. 685.
66. *Torgi po Tetyushskomu lesnichestvu Kazanskoj gubernii* [Auction for the Tetyush forestry of the Kazan province]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1903, no. 28, pp. 516–517.
67. *Torgi po Tsarevokokshaiskomu lesnichestvu* [Auction for the Tsarevokokshaysky forestry]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1902, no. 51, p. 932.
68. *Ukazatel' statei i zametok, pomeshchennykh v zhurnale «Lesopromyshlennyi vestnik» v 1899 godu* [Index of articles and notes published in the «Timber Industry Bulletin» in 1899]. St. Petersburg, 1900, 8 p.
69. *Frakhty na Volge* [Freight on the Volga]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1904, no. 6, pp. 96–98.
70. Yashnov L. *S"ezd udel'nykh lesnichikh* [Congress of foresters of the specific department]. *Lesopromyshlennyi vestnik*, 1899, no. 19, pp. 241–244.

ALEKSANDER A. FILONOV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola (fil88meat@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1433-4015>).

Формат цитирования: Филонов А.А. К вопросу о развитии лесного хозяйства Среднего Поволжья конца XIX – начала XX века (на материалах журнала «Лесопромышленный вестник») // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 202–213. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-202-213.

DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-214-222

УДК 94(47).084.9-055.2(470.343)

ББК ТЗ(2Рос.Мар)622-445

А.Б. ФИЛОНОВА, А.Г. ИВАНОВ, А.А. ФИЛОНОВ

**УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН МАРИЙСКОЙ АССР
В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ФРОНТУ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(на материалах периодической печати военных лет)**

Ключевые слова: Великая Отечественная война, женщины Марийской АССР, патриотическое движение, помощь фронту, сбор теплой одежды, сбор денежных средств, фонд обороны.

Изучение истории Великой Отечественной войны и проблемы вклада всего многонационального советского народа, в том числе женщин Марийской АССР, в приближение Победы в течение продолжительного времени является одной из актуальных тем в отечественной историографии. Особую важность освещение событий военных лет и итогов войны приобретает в современных реалиях, когда идут агрессивные попытки искажения исторической правды.

Цель исследования – проанализировать участие женщин Марийской АССР в патриотическом движении по оказанию помощи фронту в годы Великой Отечественной войны.

Материалы и методы. В исследовании использованы как общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение), так и специально-исторические (историко-сравнительный, историко-генетический). В основе данного исследования преимущественно лежат материалы периодической печати республики военных лет. Также были использованы опубликованные источники и научная литература по рассматриваемой проблематике.

Результаты исследования. В статье представлены результаты анализа материалов периодической печати военных лет, содержащие в себе уникальную информацию об участии женщин Марийской АССР в патриотическом движении по оказанию всесторонней помощи фронту. Сбор, обработка опубликованных в газетах статей и выдержек позволили авторам выявить ценную информацию о широком вовлечении женщин в движение по сбору теплых вещей для бойцов Красной армии, средств и продовольствия в фонд обороны страны, на строительство боевой техники и подарков для солдат, а также об их причастности к донорскому движению по республике.

Выводы. Полученные в ходе исследования сведения имеют ценное значение, поскольку в научный оборот были введены уникальные данные о причастности женщин республики к всенародному движению по оказанию помощи фронту. Исследование показало, что несмотря на материально-бытовые трудности, имеющиеся среди населения, женщины всех районов республики по мере своих возможностей стремились всячески поддерживать братьев, мужей, что стало одним из главных факторов приближения Победы в Великой Отечественной войне.

Введение. Изучение проблемных вопросов истории Великой Отечественной войны в современных условиях приобретает особую актуальность в связи с активизацией ее фальсификации. Важную ценность в сохранении и приумножении правды представляет периодическая печать, содержащая богатый фактический материал, доказывающий причастность каждого к Победе над врагом.

В настоящее время в рамках проведения специальной военной операции освещение проблематики оказания всесторонней помощи фронту является важным для сохранения безопасности и суверенитета нашего многонационального государства, поскольку широкая вовлеченность населения, в том числе женщин Марийской АССР, в различные движения по оказанию помощи фронту в годы Великой Отечественной войны является примером патриотизма и сильной гражданской позиции для общества на современном этапе его развития.

Не следует забывать и о том, что именно единение фронта и тыла стало одним из ключевых факторов Победы над врагом и отстаивания своего права на существование независимого и самостоятельного государства.

Вопрос об участии женщин Марийской АССР в Великой Отечественной войне является актуальным и получил широкое освещение как в историко-краеведческой литературе, так и в опубликованных источниках¹ [11. С. 217–220; 15. С. 169–171; 22. С. 9–15].

Особое внимание среди источников военных лет занимает периодическая печать. В годы Великой Отечественной войны газета стала одним из важнейших средств разъяснения населению текущего положения на фронте, политической обстановки в стране и на международной арене. В начале войны в Марийской АССР издавались две газеты республиканского значения – «Марийская правда» и «Марий коммуна», 18 районных газет («Социализм корно» Йошкар-Олинского района, «Колхозная правда» Килемарского и Куженерского районов, «Коммунизмга» Параньгинского района, «Ленин корны» Горномарийского района, «Большевик корны» Еласовского района, «Стахановец» Юринского района, «Сталин корно» Пектубаевского района, «Волжская правда» Волжского района, «Путь Сталина» Косолаповского района, «Большевик» Сотнурского района, «Путь Ленина» Мари-Турекского района, «Социализм верч» Ронгинского района, «Коммунар» Сернурского района, «Коммунизм верч» Моркинского района, «Ударник» Новоторъяльского района, «За большевистские колхозы» Оршанского района, «Сталинец» Звениговского района), а также две заводские многотиражки – «Марийский бумажник» и «Бутяковец». Республиканская газета «Марийская правда» издавалась на русском языке и продолжает издаваться в настоящее время; «Марий коммуна» выходила на марийском языке. Формат районных газет, как и республиканских, был установлен в две полосы. Из 18 газет четыре выпускались на марийском языке, три – на русском, одна газета – на татарском и русском языках. Оставшиеся 11 газет содержали статьи как на русском, так и на марийском языках. В среднем периодичность выхода газет составляла два раза в неделю.

С началом войны вышеперечисленные газеты, как республиканского, так и районного значения, перестраивали свою работу на всестороннее освещение событий, происходивших на фронтах Великой Отечественной войны. Особое значение имели публикации, посвященные трудовым будням колхозного крестьянства, работников промышленных предприятий, а также участию тылового населения в патриотическом движении по оказанию всесторонней помощи фронту. В Марийской АССР, как и в других тыловых регионах страны, большую часть тылового населения составляли женщины, дети и престарелые люди, которые несли ответственность за обеспечение фронта сельскохозяйственной продукцией, сырьем, оказывали всяческую помощь воюющим.

Научная новизна представленного исследования состоит в том, что в нем впервые были приведены уникальные сведения о причастности женщин республики к приближению Победы путем оказания помощи фронту.

¹ См. также в работах авторов статьи: *Иванов А.Г., Сануков К.Н.* История Марий Эл. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2015. С. 268–270; *Сануков К.Н., Филонова А.Б.* Женщины Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (по материалам газеты «Марийская правда») // Вестник Чувашского университета. 2018. № 4. С. 143–151; *Филонова А.Б., Иванов А.Г.* Женщины Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2021. С. 119–134.

Цель исследования – на основе материалов периодической печати военных лет Марийской АССР проанализировать всестороннее участие женского населения республики в патриотическом движении по оказанию помощи фронту, как один из самых значимых примеров проявления единства фронта и тыла.

Материалы и методы. В исследовании использованы как общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение), так и специально-исторические (историко-сравнительный, историко-генетический). В основе данного исследования преимущественно лежат материалы периодической печати республики военных лет. Также были использованы опубликованные источники и научная литература по рассматриваемой проблематике.

Результаты исследования. В Марийской АССР волна патриотического движения пришла на осень 1941 г. и началась со сбора теплых вещей для солдат Красной армии. Одними из первых с патриотическим призывом ко всем колхозникам и колхозницам республики обратились члены сельскохозяйственной артели «Рвезе коммунар» Больше-Акашевского сельсовета Йошкар-Олинского района. В своем обращении они акцентировали внимание на том, что работа мастериц по пошиву теплой одежды быстрее обеспечит стране победу над врагом. Трудящиеся республики массово выходили на митинги и призывали громить врага всяческой поддержкой, в том числе организовав сбор теплых вещей на нужды фронта. С подобным призывом 15 сентября 1941 г. на антифашистский митинг вышли 150 женщин села Кокшайск Звениговского района. Примечательно, что по сбору теплых вещей для Красной армии в республике было создано 2 690 комиссий, из них в колхозах – 1 885. На склад республиканской комиссии от районов поступали и отправлялись в Красную армию сотни полушубков, тысячи пар валенок, значительное количество теплых фуфаяк, курток, шапок и многие другие вещи. Так, на страницах газет Пектубаевского, Новоторьяльского, Косолаповского районов были выявлены примеры сбора работниками и работницами теплых вещей для последующей отправки их на фронт. Имеются публикации, содержащие обращение от жен, матерей, сестер солдат Красной армии ко всему населению с просьбой поддержать страну своим трудом, в первую очередь – сбором теплых вещей [8. С. 2; 13. С. 2; 17. С. 1; 18. С. 1].

Не отставало в этом направлении и население других районов республики. По данным районной газеты «Колхозная правда» Куженерского района, к 15 сентября 1941 г. для бойцов Красной армии по району было собрано 143 пары варежек, более 171 кг шерсти, валенки, овчины и другие теплые вещи [2. С. 2]. Согласно данным, представленным в Килемарской районной газете «Колхозная правда», только за первые 17 дней января 1942 г. в районную комиссию поступило 57 кг 600 г шерсти, 62 овчины, 4 пары валенок, 11 пар варежек и ряд других вещей [23. С. 1]. Всего к началу февраля 1942 г. колхозники, рабочие, служащие и домашние хозяйки Килемарского района сдали для Красной армии более 1 700 предметов теплой одежды. Образцом может служить семья объездчика Кундышского лесничества данного района Л.Я. Мартянова, который вместе со своей женой-домохозяйкой внес по паре валенок и шапку-ушанку [6. С. 1].

С началом войны швейные мастерские республики перестраивали свою работу на военный лад. Главной задачей для них стало участие в движении по пошивке теплых вещей на нужды фронта. С этой целью в республике разворачивались социалистические соревнования между работниками швейных мастерских.

В свою очередь, портнихи республики показывали высокие результаты. Так, в Куженерском районе работницы В.З. Одинцова, В.Н. Михеева, Н.Г. Белавина ежедневно норму выполняли на 150% и выше [27. С. 2]. Девушки отдела технического контроля Марийского бумажного комбината ко дню 26-й годовщины Красной армии также активно проводили работу по пошивке носовых платков, вязке кисетов для отправки на фронт [4. С. 2].

Комсомольские организации Марийской АССР в дни войны самостоятельно изготавливали и собирали носки, рукавицы, шерсть, овчины. В качестве примера можно привести 125 девушек-комсомолок колхоза «Броневи́к» Кибеевской неполной средней школы и других организаций, которые принимали самое активное участие в данном движении [24. С. 1]. В то же время имелись и различные трудности. Так, в содержании некоторых статей районных газет отмечаются отдельные колхозы, трудящиеся которых слабо участвовали в сборе теплой одежды. На наш взгляд, подобного рода информация выносилась на всеобщее обозрение в связи с необходимостью повышения активности среди населения в этом деле [6. С. 1].

Сбор теплой одежды имел важное государственное значение. Уже к началу 1942 г. трудящиеся Марийской АССР внесли для Красной армии 4 500 полушубков, более 16 000 пар валенок, 8 500 шапок, 1 500 меховых жилетов, свыше 26 000 варежек и носков и др. Только трудящимися республики было внесено и отправлено на фронт более 125 000 различных теплых вещей [11. С. 217–218].

Массовый характер приняло патриотическое движение по сбору продовольственных подарков. Богат в этом отношении информационный потенциал газет районов республики. Активную позицию заняли работницы и домохозяйки Куженерского района Марийской АССР. Н.П. Мошкина из колхоза «Новая Деревня» Аганурского сельсовета в начале июля 1941 г. сдала 7 кг мяса [20. С. 2]. Содержание газет республики насыщено подобными фактическими данными. Следует отметить, что наибольший сбор продовольственных подарков приходился на праздники. Так, на 1 мая 1942 г. от трудящихся Марийской АССР было послано на фронт 15 т мяса, 2 350 кг битой птицы, 3 413 кг пельменей, 31 500 кг муки, 2 450 кг крупы, 3 400 кг кондитерских изделий, 3 800 кг варенья и фруктового сахара, 1 360 кг масла и 2 350 кг меда [11. С. 217–218].

Реализация государственных военных займов и билетов денежно-вещевой лотереи стала одним из источников пополнения государственного бюджета в военные годы. Учитывая непростое экономическое положение в целом в стране, в том числе в Марийской АССР, даже незначительные суммы, вносимые населением, существенно способствовали укреплению фронта. Содержание статей районных газет свидетельствуют о том, что в подобных патриотических движениях особую сознательность, активность и жертвенность проявляли жены и матери мобилизованных на фронт мужчин. Так, жена красноармейца, труженица колхоза «Смычка» Васенеевского сельсовета Килемарского района Л.П. Лопатина подписалась на 300 руб. и полностью внесла сумму подписки в апреле 1942 г. Приведем ее слова: «Подписываясь на Государственный военный заем, мы ускоряем разгром немецких оккупантов, помогаем нашими деньгами своим мужьям, братьям, сыновьям громить фашистские банды, ведь наши деньги государство обратит в новые тысячи танков, самолетов, орудий». В это же время член колхоза «Пограничник» данного района, жена красноармейца Н.М. Субботина полностью внесла всю сумму подписки

в 400 руб. [7. С. 1]. Жительница деревни Русская Сенда Мари-Турекского района В.И. Щеклеина в июле 1941 г. рассчиталась с государством по страхованию при вручении страховых свидетельств. При этом она заявила: «Мой сын находится в рядах Красной Армии. Сейчас, когда на нашу страну напал подлый враг, мы должны мобилизовать все средства и силы на полное уничтожение врага. Я полностью рассчиталась с государством и призываю последовать примеру всех трудящихся района» [1. С. 2]. Подобные заявления матерей и жен мобилизованных на фронт мужчин свидетельствуют об их готовности оказать всяческую поддержку и помощь стране.

В 1944 г. в стране началось проведение четвертой денежно-вещевой лотереи, в которой приняли участие и жители Марийской АССР, в том числе женщины. Свою лепту в это важнейшее движение внесли и работницы различных предприятий республики. Так, на четвертую денежно-вещевую лотерею на 30–35% подписались работники отдела технического контроля Марийского целлюлозно-бумажного комбината. Внося денежные средства, работница данного отдела Меньшова подчеркивала, что в таких условиях, когда Красная армия сражается уже на территории врага, необходимо усилить поддержку бойцам.

Общеизвестно, что многие труженики тыла сами оказывались в сложных материально-бытовых условиях, но продолжали оказывать поддержку солдатам Красной армии. Так, в непростой ситуации оказалась работница Марийского целлюлозно-бумажного комбината Бурова, у которой на фронте сражались сын и дочь, а на иждивении у нее находились два человека. Тем не менее на реализацию четвертой денежно-вещевой лотереи она отдала 300 руб. [25. С. 1]. Подобных примеров по республике насчитывалось немало количество, однако именно высокая сознательность населения во многом способствовала единению фронта и тыла и обеспечивала приближение Победы.

Взносы по подписке трудящихся республики на государственные военные займы составили за 1941–1945 гг. около 300 млн руб. От реализации денежно-вещевых лотерей государство получило от Марийской АССР свыше 54 млн руб. [11. С. 270; 12. С. 190–191].

Следует особо отметить вносимые населением денежные средства в фонд обороны страны. 70-летняя работница колхоза «Друзья» Иван-Солинского сельсовета Куженерского района А.Х. Дрягина в августе 1941 г. внесла деньги в фонд обороны со словами: «Я в любую минуту окажу помощь Родине, чем только могу, чтобы быстрее уничтожить гитлеровскую банду» [14. С. 1]. Не остались в стороне и домохозяйки республики, внося небольшие суммы, по 10–15 руб., они подчеркивали их готовность всячески помочь тем, кто воюет на фронте [21. С. 1].

Жена заслуженного врача РСФСР А.Д. Смирнова Мария Ивановна в августе 1941 г. почтой отправила в фонд обороны 200 руб. и написала письмо, в котором говорилось, что ее муж и сын воюют на фронте и вносимые средства способствуют укреплению положения страны. Ее примеру следовали многие, уже к 17 августа 1941 г. всего по Куженерскому району в фонд обороны было внесено 5 563 руб. [19. С. 1].

Работники здравоохранения республики также стремились вносить средства в фонд обороны. К примеру, медицинские работники Куженерского района к концу сентября 1941 г. сдали облигации займов на 7 025 руб., а заведующая районным отделом здравоохранения Рахимова лично внесла 1 000 руб. [9. С. 2].

Педагогические работники республики принимали активное участие в сборе средств в фонд обороны. Особо следует отметить учителей Килемарской средней школы, которые к ноябрю 1941 г. сдали облигаций государственных займов на сумму 4 325 руб., а отдельные учителя – Н.И. Штельтер и З.И. Зотина – сдали по 700 и 400 руб. каждая [3. С. 1]. Студенты Мари-Билиморского педагогического училища ответственно подошли к выпуску военного займа. В первый же день опубликования постановления правительства они внесли внушительную сумму, которая составила 26 580 руб. Обучающаяся первого курса Л. Городилова подписалась на 500 руб., из них 100 руб. внесла наличными [5. С. 1].

В годы Великой Отечественной войны среди всего многонационального советского народа развернулось патриотическое движение по сбору средств на строительство боевой техники. Жители Марийской АССР присоединились к данному движению под лозунгами «Построим авиационную эскадрилью “Марийский колхозник” а в 1944 г. – танковую колонну “Марийский богатырь”». В качестве примера можно привести трудящихся Мари-Турекского района. Колхоз «Социализм» и его председатель К.И. Айглов на личные средства решили заказать самолет Красной армии и внести для этой цели 100 тыс. руб., за что в 1942 г. получили личную благодарность от И.В. Сталина [11. С. 220]. Колхоз «Новая жизнь» на строительство танковой колонны «Марийский богатырь» в 1944 г. внес 11 тыс. руб. Среди активистов следует отметить и женщин. Так, кладовщица Е. Рябчикова вышеназванного колхоза подписалась на 500 руб. [26. С. 1]. Материалы районных газет республики позволяют утверждать, что жители республики, в том числе женщины, внесли свой вклад в развитие данного патриотического движения.

В годы Великой Отечественной войны развернулось движение и по сбору металлолома для дальнейшего изготовления снарядов. В Марийской АССР в это движение активно включались учащиеся школ. Комсомолки Саберской начальной школы Куженерского района И.А. Лоскутова, Т.А. Лоскутова и другие собирали изношенные детали машин, обрезки труб, негодные в хозяйстве чайники. Следует отметить, что общими усилиями школы было собрано 809 кг лома [10. С. 1].

Донорство стало одним из самых жертвенных примеров оказания помощи со стороны тылового населения раненым солдатам Красной армии. Данное движение получило широкое распространение среди советского народа. Трудящиеся республики не стали исключением. Материалы как районных, так и республиканских газет содержат множество фактов сдачи крови населением Марийской АССР. На станцию переливания крови в Йошкар-Олу практически ежедневно приезжали доноры, от которых поступало значительное количество крови для солдат, получивших ранение в ходе боевых действий. Среди патриотически настроенных доноров можно отметить бесчисленное количество как женщин, так и мужчин. Республиканская газета «Марийская правда» отмечает Т.Э. Левтееву, которая сразу же после эвакуации в Йошкар-Олу начала сдавать свою кровь; санитарку Д.И. Шевнину, портниху А.И. Черных и др. Кроме того, станция сумела открыть в районах республики пять пунктов переливания крови, что способствовало расширению донорского движения среди местного населения [16. С. 2].

Выводы. Таким образом, материалы периодической печати военных лет Марийской АССР содержат уникальную информацию о вкладе женщин республики

в приближение Победы. Вместе со всем многонациональным советским народом они приняли самое активное участие в различных патриотических движениях по оказанию помощи фронту. Женщины усиленно вовлекались в движение по сбору теплых вещей для солдат Красной армии, сдавали и шили сами сотни полушубков, валенки, варежки и многие другие необходимые бойцам вещи. В фонд обороны страны поступали денежные средства, женщины подписывались на государственные военные займы и приобретали денежно-вещевые лотереи, тем самым пополняя государственный бюджет. Кроме того, женщины, как и остальное население страны, собирали средства и металлолом на строительство боевой техники, продовольственные подарки солдатам Красной армии, становились донорами. Ежедневный труд и патриотический настрой женщин республики, их стремление оказать помощь во многом способствовали достижению Победы.

Литература

1. Белков Е. Выполняют финплан // Путь Ленина. 1941. 9 июля. С. 2.
2. Бурков П. Теплые вещи – бойцам Красной Армии // Колхозная правда. 1941. 18 сент. С. 2.
3. В фонд обороны // Колхозная правда. 1941. 7 нояб. С. 1.
4. Васильева Н. Готовим подарки для бойцов // Марийский бумажник. 1944. 22 янв. С. 2.
5. Вишнев Н. В займы государству // Путь Ленина. 1944. 11 мая. С. 1.
6. Дадим Красной Армии больше теплых вещей // Колхозная правда. 1942. 9 февр. С. 1.
7. Досрочная оплата подписки // Колхозная правда. 1942. 19 апр. С. 1.
8. Женский митинг в Кокшайске // Сталинец. 1941. 21 сент. С. 2.
9. Заем в фонд обороны // Колхозная правда. 1941. 24 сент. С. 2.
10. Ивуш Г. Металлом по фашистам! // Колхозная правда. 1941. 7 авг. С. 1.
11. История Марий Эл с древнейших времен до наших дней. Т. 2. История Марий Эл с 1917 года до начала XXI века. Йошкар-Ола: Мар. НИИ ЯЛИ им. В.М. Васильева, 2020. 575 с.
12. История Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. Т. 2. 326 с.
13. Колхозники готовят для фронта теплую одежду // Путь Сталина. 1941. 13 сент. С. 2.
14. Мамаев В., Лоскутов М. В фонд обороны страны // Колхозная правда. 1941. 7 авг. С. 1.
15. Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. 454 с.
16. Стали донорами // Марийская правда. 1941. 12 окт. С. 2.
17. Новоселова У. Теплые вещи бойцам Красной Армии // Путь Сталина. 1941. 15 окт. С. 1.
18. Опалев В. Тепло одеть красных воинов // Путь Сталина. 1941. 15 окт. С. 1.
19. Паймаков Г. Народный фонд обороны // Колхозная правда. 1941. 17 авг. С. 1.
20. Петропавловский Н. Красную Армию обеспечим всем необходимым // Колхозная правда. 1941. 5 июля. С. 2.
21. Полушина М. В фонд обороны Родины // Колхозная правда. 1941. 14 авг. С. 1.
22. Стариков С.В. «Все – для фронта, все – для Победы!»: Марийская АССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Марийский археографический вестник. 2015. Вып. 25. С. 5–17.
23. Теплые вещи доблестным бойцам Красной Армии // Колхозная правда. 1942. 2 февр. С. 1.
24. Участие комсомольцев в сборе теплой одежды для бойцов Красной Армии // Колхозная правда. 1941. 5 дек. С. 1.
25. Фролов Н. Усилим помощь фронту // Марийский бумажник. 1944. 28 окт. С. 1.
26. Шмарова В. Построим танковую колонну «Марийские богатыри» // Путь Ленина. 1944. 16 марта. С. 1.
27. Шьют полушубки // Колхозная правда. 1941. 18 окт. С. 2.

ФИЛОНОВА АЛИНА БОРИСОВНА – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (alina.filonova.92@mail.ru).

ИВАНОВ АНАНИЙ ГЕРАСИМОВИЧ – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (anani@marsu.ru).

ФИЛОНОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (fil88meat@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1433-4015>).

Alina B. FILONOVA, Ananii G. IVANOV, Aleksander A. FILONOV
PARTICIPATION OF WOMEN OF THE MARI ASSR
IN THE PATRIOTIC MOVEMENT TO ASSIST THE FRONT
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(based on the materials of the periodical press of the war years)

Key words: the Great Patriotic War, women of the Mari ASSR, patriotic movement, assistance to the front, collection of warm clothes, fund raising, defense fund.

Studying the history of the Great Patriotic War and the problem of the contribution made by the entire multinational Soviet people, including the women of the Mari ASSR, to approaching the Victory has been one of the highly topical issues in Russian historiography for a long time. Coverage of the war years events and the results of the war is of particular importance in modern realities, when aggressive attempts are made to distort the historical truth.

The purpose of the study is to analyze the participation of women of the Mari ASSR in the patriotic movement to help the front during the Great Patriotic War based on the materials of the periodical press of the war years.

Materials and methods. The research used both general scientific methods (analysis, synthesis, comparison) and special historical methods (historical-comparative, historical-genetic). This research is mainly based on the materials of the periodical press of the Republic of the war years. Materials from published sources and scientific literature on the issues under study were also used.

Research results. The article presents the results of the analysis of the materials published in the periodical press of the war years, which contain unique information about the participation of women of the Mari ASSR in the patriotic movement to provide comprehensive assistance to the front. Collecting and processing of articles and excerpts published in newspapers gave the authors the opportunity to identify valuable information about the widespread involvement of women in the movement to collect warm clothes for Red Army soldiers, funds and food for the country's defense fund, for the construction of military equipment and gifts for soldiers, as well as their involvement in the donor movement in the republic.

Conclusions. The information obtained in the course of the study is of valuable importance, since unique data on the involvement of women of the republic in the national movement to help the front were introduced into scientific circulation. The study showed that despite the material and everyday difficulties for the population, women from all regions of the republic, to the best of their abilities, sought to support their brothers and husbands in every possible way, which became one of the main factors in approaching the Victory in the Great Patriotic War.

References

1. Belkov E. *Vypolnyayut finplan* [Execute financial plan]. *Put' Lenina*, 1941, Aug. 9, p. 2.
2. Burkov P. *Teplye veshchi – boitsam Krasnoi Armii* [Warm clothes for the soldiers of the Red Army]. *Kolkhoznaya pravda*, 1941, Sept. 18, p. 2.
3. *V fond oborony* [To the defense fund]. *Kolkhoznaya pravda*, 1941, Nov. 7, p. 1.
4. Vasil'eva N. *Gotovim podarki dlya boitsov* [We are preparing gifts for soldiers]. *Mariiskii bumazhnik*, 1944, Jan. 22, p. 2.
5. Vshivtsev N. *V zaimy gosudarstvu* [In loans to the state]. *Put' Lenina*, 1944, May 11, p. 1.
6. *Dadim Krasnoi Armii bol'she teplykh veshchei* [Let's give the Red Army more warm clothes]. *Kolkhoznaya pravda*, 1942, Feb. 9, p. 1.
7. *Dosrochnaya oplata podpiski* [Early subscription payment]. *Kolkhoznaya pravda*, 1942, Apr. 19, p. 1.
8. *Zhenskii miting v Kokshaiske* [Women's rally in Kokshaysk]. *Stalinets*, 1941, Sept. 21, p. 2.
9. *Zaem v fond oborony* [Defense Fund Loan]. *Kolkhoznaya pravda*, 1941, Sept. 24, p. 2.
10. Ivush G. *Metallom po fashistam!* [Metal against the Nazis!]. *Kolkhoznaya pravda*, 1941, Aug. 7, p. 1.
11. *Istoriya Marii El s drevneishikh vremen do nashikh dnei. T. 2. Istoriya Marii El s 1917 goda do nachala XXI veka* [History of Mari El from ancient times to the present day. Vol. 2: History of Mari El from 1917 to the beginning of the 21st century]. Yoshkar-Ola, 2020, 575 p.
12. *Istoriya Mariiskoi ASSR* [History of the Mari Autonomous Soviet Socialist Republic]. Yoshkar-Ola, Mari Book Publ. House Publ., 1987, vol. 2, 326 p.
13. *Kolkhozniki gotovyat dlya fronta tepluyu odezhdu* [Collective farmers prepare warm clothes for the front]. *Put' Stalina*, 1941, Sept. 13, p. 2.
14. Mamaev V., Loskutov M. *V fond oborony strany* [To the country's defense fund]. *Kolkhoznaya Pravda*, 1941, Aug. 7, p. 1.
15. *Mariiskaya ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: Sbornik dokumentov i materialov* [Mari ASSR during the Great Patriotic War of 1941–1945: Collection of documents and materials]. Yoshkar-Ola, Mari Book Publ. House Publ., 1967, 454 p.

16. *Stali donorami* [Became donors]. *Mariiskaya Pravda*, 1941, Oct. 12, p. 2.
17. Novoselova U. *Teplye veshchi boitsam Krasnoi Armii* [Warm clothes for the soldiers of the Red Army]. *Put' Stalina*, 1941, Oct. 15, p. 1.
18. Opalev V. *Teplo odet' krasnykh voynov* [Warmly dress the red warriors]. *Put' Stalina*, 1941, Oct. 15, p. 1.
19. Paimakov G. *Narodnyi fond oborony* [People's Defense Fund]. *Kolkhoznaya pravda*, 1941, Aug. 17, p. 1.
20. Petropavlovskii N. *Krasnuyu Armiyu obespechim vsem neobkhodimym* [We will provide the Red Army with everything necessary]. *Kolkhoznaya pravda*, 1941, July 5, p. 2.
21. Polushina M. *V fond oborony Rodiny* [To the Motherland Defense Fund]. *Kolkhoznaya Pravda*, 1941, Aug. 14, p. 1.
22. Starikov S. V. «Vse – dlya fronta, vse – dlya Pobedy!»: *Mariiskaya ASSR v period Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [Everything is for the front, everything is for Victory!]: Mari Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Mariiskii arkhograficheskii vestnik*, 2015, no. 25, pp. 5–17.
23. *Teplye veshchi doblestnym boitsam Krasnoi Armii* [Warm clothes for the valiant soldiers of the Red Army]. *Kolkhoznaya pravda*, 1942, Feb. 2, p. 1.
24. *Uchastie komsomol'tsev v sbore teploi odezhdy dlya boitsov Krasnoi Armii* [Participation of Komsomol members in collecting warm clothes for Red Army soldiers]. *Kolkhoznaya pravda*, 1941, Dec. 5, p. 1.
25. Frolov N. *Usilim pomoshch' frontu* [Let's increase assistance to the front]. *Mariiskii bumazhnik*. 1944, Oct. 28, p. 1.
26. Shmarova V. *Postroim tankovuyu kolonnu «Mariiskie bogatyri»* [Let's build a tank column "Mari heroes"]. *Put' Lenina*, 1944, March 16, p. 1.
27. *Sh'yut polushubki* [They sew sheepskin coats]. *Kolkhoznaya pravda*, 1941, Oct. 18, p. 2.

ALINA B. FILONOVA – Candidate of Historical Sciences, Lecturer, Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola (alina.filonova.92@mail.ru).

ANANII G. IVANOV – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola (anani@marsu.ru).

ALEKSANDER A. FILONOV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola (fil88meat@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1433-4015>).

Формат цитирования: Филонова А.Б., Иванов А.Г., Филонов А.А. Участие женщин Марийской АССР в патриотическом движении по оказанию помощи фронту в годы Великой Отечественной войны (на материалах периодической печати военных лет) // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 214–222. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-214-222.

УДК 93:323.3

ББК 63.3

О.А. ХАБИБРАХМАНОВА

РАБОЧИЕ ФАКУЛЬТЕТЫ КАЗАНСКИХ ВУЗОВ 1920-х ГОДОВ – ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ИЛИ ТРЕБОВАНИЕ ВРЕМЕНИ?

Ключевые слова: интеллигенция вузов, рабочие факультеты, образование, Казанский университет, Правление университета, идеология.

Беспрецедентные шаги советской власти по трансформации высшего образования стали началом титанических преобразований всей системы образования в стране. В связи с этим особенно интересен опыт создания и функционирования рабочих факультетов, призванных стать «пионерами» в деле выстраивания нового образовательного пространства. Функции рабочих факультетов были четко определены советским правительством и сформулированы в многочисленных постановлениях. Но все ли предписания новой власти неукоснительно соблюдались на местах? Какую роль в деле развития рабочих факультетов играли участники образовательного процесса?

Цель исследования – изучение позиции вузовской интеллигенции по отношению к созданию и функционированию рабочих факультетов.

Материалы и методы. В исследовании использовались документальные источники, свидетельствующие о появлении новых форм организации учебного процесса в высших учебных заведениях страны. Использованный комплекс архивных документов позволил раскрыть назначение и функции рабочих факультетов. История становления рабочих факультетов реконструирована посредством анализа социально-культурных практик представителей профессорско-преподавательской корпорации Казанского университета. На основе изучения дневниковых записей, докладов ученых на конференциях, различного рода заседаниях, а также на основе анализа вузовской протокольной документации, были реконструированы взгляды вузовской интеллигенции на реформы в системе высшего образования, в частности на устройство рабочих факультетов.

Результаты исследования. Весьма неоднозначные позиции профессоров и преподавателей Казанского университета, выявленные в ходе исследования, раскрыли как сложности, так и специфику процесса формирования нового советского образования. Изучение социально-культурных практик вузовской интеллигенции показало всю многослойность, полифоничность протекающих процессов. Вузовская интеллигенция, в силу специфики восприятия меняющегося социально-культурного (академического) пространства, не склонна была однозначно «принимать» или «отвергать» советские нововведения. Столкновение разных социально-культурных практик, тех, что приобретались в дореволюционном образовательном пространстве, практик маргинализованного характера и, наконец, практик революционного толка, рождало иные культурные ориентиры, разрушая привычный некогда культурно-образовательный ландшафт. Как следствие, менялись и первоначальные замыслы и взгляды властей на устройство высшего образования.

Выводы. Анализ документальных источников показывает, что уже к концу 1930-х гг. рабочие факультеты, выполнив свою, в первую очередь идеологическую, функцию по пролетаризации высших учебных заведений страны, оказались ненужным образовательным элементом в системе высшего образования. Со временем социальные практики профессоров и преподавателей вузов доказали и ненужность наводнения вузов пролетарской молодежью, доля которых в конце 1930-х гг. стала стремительно снижаться.

Введение. Уникальному, по сути, явлению – созданию рабочих факультетов и их активному внедрению в систему трансформирующегося высшего образования советской России 1920-х гг. – посвящено внушительное число исследований. Историки задаются вопросами изучения места и роли рабочих факультетов как в жизни отдельных вузов, так и страны в целом. Исследователи

Казанского университета описали историю создания, функционирования и влияния рабочих факультетов на культурную, академическую и повседневную жизнь университета [1]. Внимание других ученых было сосредоточено на изучении национальных рабочих факультетов [13], степени их влияния на формирование национального высшего образования [9], изучении рабочих факультетов отдельных регионов [2]. В своих работах историки реализовали целый ряд методологических подходов, рассмотрели специфику поведенческих практик студентов-пролетариев – непосредственных участников образовательного процесса на рабочих факультетах, выявили особенности обучения и другие аспекты [10].

Вместе с тем участниками образовательного процесса являлись и преподаватели рабочих факультетов, чья роль в организации учебного процесса была едва ли не самой важной. Следует принять во внимание, что во многом от позиции профессорско-преподавательского состава зависит/зависела судьба любого образовательного начинания. Создание рабочих факультетов стало невиданным образовательным экспериментом, изменившим не только студенческую жизнь. Рабочие факультеты становились неотъемлемой частью академической, а порой и повседневной жизни преподавателей. Их изучение позволяет в значительной степени дополнить картину истории развития советского образования 1920-х гг., внести необходимые штрихи в тот самый сложный трансформационный процесс, охвативший высшее образование раннего советского периода.

Цель исследования – изучение позиции вузовской интеллигенции по отношению к созданию и функционированию рабочих факультетов, выявление некоторых специфических моментов социально-культурных практик вузовской интеллигенции, оказавших прямое влияние на работу советских рабочих факультетов.

Материалы и методы. В работе были использованы материалы и архивные документы, раскрывающие историю рабочих факультетов Казанского государственного университета. Следует отметить, что документация о деятельности рабочих факультетов вузов г. Казани находится в специальных фондах Национального архива Республики Татарстан. В частности, наибольший интерес для изучения представляет фонд 4882, хранящий документы, связанные с деятельностью рабочего факультета Казанского государственного университета. Дополнили картину исследования архивные фонды Казанского государственного университета и Казанского государственного педагогического института. Изучение позиции вузовской интеллигенции требовало, наряду с историко-системным подходом, позволившим раскрыть феномен социальных практик вузовской интеллигенции, и культурно-антропологического подхода, который позволил изучить изменения, происходящие в высшей школе через оценку этих явлений вузовской интеллигенцией.

Результаты исследования. Задуманная реформаторами демократизация высшей школы мыслилась в первую очередь как стремительная пролетаризация высших учебных заведений, необходимо было в кратчайшие сроки наполнить вузовские аудитории пролетарской молодежью, а за преподавательские кафедры поставить «советских» или лояльных власти преподавателей. Если проблема пролетаризации научных кадров не могла быть решена стремительно, то пролетаризация студенчества решалась по-революционному. Уже 2 августа 1918 г. Декрет Совнаркома определял, что все граждане республики, достигшие 16-летнего возраста, вне зависимости от национальности, происхождения, пола и имеющегося образования могли быть приняты в высшие

учебные заведения. Кроме того, В.И. Ленин предложил принимать в вузы в первую очередь трудящихся и предоставлять им значительные льготы: «На первое место, безусловно, должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии» [11. С. 34].

Согласно новым правилам поступления в вузы, принятым советской властью, в вузах должны были обучаться преимущественно студенты-пролетарии. Однако фактически сразу профессорско-преподавательский состав вузов и администрация высших учебных заведений столкнулись с серьезными сложностями. Проблемы стали возникать в связи с низкой подготовленностью студентов-пролетариев, порой не способных освоить самые элементарные требования учебной программы. Тем не менее сами студенты-пролетарии, воодушевленные грандиозными переменами, оценивали ситуацию иначе. Порой компенсируя недостаток знаний революционным оптимизмом, на многочисленных собраниях того времени звучали целые высказывания-лозунги: «Быть может очень рабочим не по зубам? Но два года революции сделали свое дело; рабочий, который способен понимать доклады на митингах, для которого слушать два-три часа подряд – обычное дело, в десять раз лучше любого гимназиста, привыкшего к зубрежке, поймет лекции профессора. Некоторых наук мы не знаем, запаса знаний у нас нет. Не беда, для чего существует тогда профессор, если он не может быть понятым?» [3. Д. 30. Л. 75]. Вместе с тем ситуация оказалась непростой и с низкой грамотностью пролетариев нужно было что-то делать. В этих условиях было принято решение организовать дополнительные курсы и ликвидировать академические пробелы. Мера оказалась недостаточной, вопрос необходимо было, как и все другие проблемы, решать по-революционному, незамедлительно. Тогда было принято решение создать рабочий факультет при Московском институте народного хозяйства. Опыт оказался удачным, и уже 11 сентября 1919 г. Наркомпрос издал постановление «Об организации Рабочих факультетов при университетах» [14. С. 643]. Вскоре, к 1 ноября, рабфаки открылись повсеместно, не только в университетах, но и во всех институтах страны. Законодательно деятельность рабфаков была закреплена декретом Совета Народных Комиссаров «О Рабочих факультетах» и подписана В.И. Лениным 17 сентября 1920 г. [6. С. 675].

Однако самым острым оказался вопрос подбора профессорско-преподавательских кадров для рабочих факультетов. Здесь могли работать только лояльно настроенные по отношению к советской власти преподаватели. Рабочие факультеты создавались при вузах, и, по логике, к преподаванию на рабфаках должны были привлекаться научно-педагогические кадры кафедр вуза. Не все преподаватели с энтузиазмом приняли предложение стать преподавателем рабочего факультета. Низкий уровень подготовки пролетарского студенчества вызывал трудности в деле преподавания, пугала непривычность работы с выходцами из пролетарской среды. Настораживала и вменяемая рабфакам идеологическая функция. В одном из своих докладов директор казанского рабфака М.К. Корбут заявил, что «Рабочий факультет не просто учебное заведение, но и политическая организация, проводящая в жизнь определенную идеологию – идеологию рабочего класса» [4. Д. 20. Л. 9]. «По воспоминаниям Игнатович В.Д., преподававшей историю на рабфаке Казанского университета с 1919 года по 1937 год, когда она пришла в канцелярию подготовительных курсов (они создавались в качестве эксперимента до Рабочих факультетов)

и обратилась к секретарю с предложением работать на курсах, та посмотрела на нее с радостью и сказала: «Вы не можете себе представить, как будет рад Евгений Иванович Зарницын! Он никак не может найти преподавателей, чтобы открыть курсы. Никто не идет!» [8. С. 268]. Для того чтобы исправить ситуацию и привлечь преподавательские кадры на рабфаки, Совет Народных Комиссаров в июне 1924 г. принял специальное положение о преподавателях рабфаков. В положении указывалось, что преподавателями рабочих факультетов могут быть «все лица, обладающие достаточной научно-теоретической подготовкой, определяемой независимо от наличности русских или иностранных дипломов, ученой степени или звания, на основании как собственных работ, так и отзывов соответствующих учреждений и отдельных специалистов» [7. С. 567].

Согласно постановлению СНК РСФСР от 15 января 1928 г., обучение рабфаковцев могли вести преподаватели вузов, ассистенты по рекомендации руководства партийной организации высших и средних учебных заведений [16. С. 89]. К чести Казанского рабфака следует отметить, что в списки преподавателей факультета входили такие известные деятели, как В.В. Адоратский, П.Г. Архангельский, М.Д. Бушмакин, М.К. Корбут, М.В. Нечкина, Н.Н. Фирсов [8. С. 268].

Новая образовательная структура – рабочие факультеты – призвана была внести серьезные изменения не только в структуру вузов, наполнить их пролетарским студенчеством, но и стать флагом в деле наводнения вузов советской идеологией. Как следствие, рабочие факультеты с настороженностью принимались профессорско-преподавательским составом вузов и администрацией, часто поддерживающей старые порядки. Довольно часто случалось, что члены Правления Казанского университета «забывали» приглашать на свои собрания представителей рабфака. Рабфак негодовал, в адрес Правления сыпались многочисленные заявления: «Большинство членов Правления, должно быть, забывает, что в составе университета не два факультета, а три. Президиум Рабочего факультета просит, чтобы на заседания Правления, на которых разбираются вопросы и в которых заинтересован Рабочий факультет, приглашались, с правом совещательного голоса, представители от рабфака» [3. Д. 59. Л. 5]. Не менее сложной была ситуация и в Совете университета, где из 155 голосов 51 принадлежал рабфаку [3. Д. 30. Л. 66]. В результате наблюдались неоднократные конфликты, происходящие прямо в заседаниях. Заведующий рабочим факультетом М.К. Корбут неоднократно отмечал, что Правление университета «желает сорвать доклад рабфака в заседании Совета» [3. Д. 59. Л. 57]. В ответ Правление университета пыталось отделаться отписками, вмешавшийся в конфликт ректор Казанского университета Н.Г. Чеботарев парировал: «Товарищ Корбут не раз в заседании Правления пытался делать нападки на Правление за якобы недостаточное внимание его к рабфаку, но ректор университета всякий раз опровергал, на основании конкретного фактического материала, все подобные обвинения и призывал товарища Корбута к спокойной, солидной работе, указывая, что интересы рабфака одинаково дороги всем, без исключения, членам Правления. И только, несомненно, болезненная психика товарища Корбута усматривала в этом преднамеренное недоброжелательное отношение к рабфаку» [3. Д. 59. Л. 57]. Тем не менее гонения рабочего факультета не прекращались, порой звучали и оскорбления: «рабфаки вредят общему делу университета», «Вносят разруху в стены его» [3. Д. 59. Л. 81].

Рабочие факультеты вызвали отторжение, воспринимались как чуждый высшему образованию элемент, конфликты разгорались по самым разным поводам. Весьма показателен пример, детали которого сохранились в архивных документах, собранных в фонде Казанского университета. Проблема возникла из-за нехватки учебных помещений. Следует отметить, что материально-технические трудности были характерным явлением в условиях масштабного расширения вузов. На этот раз Правление университета ни под каким предлогом не желало расставаться с одной из комнат и передать ее в распоряжение рабфака. Доводы приводились простые: «кабинет перегружен работающими студентами-медиками» [3. Д. 30. Л. 64], комната занята «в настоящий момент складом общества естествоиспытателей» [3. Д. 30. Л. 69]. В ответ рабфак пошел на угрозы, требуя немедленно удовлетворить право факультета на наличие учебной комнаты: «Подотдел Рабочего факультета извещает Вас, что Рабочий факультет пользуется всеми правами факультета и университет должен удовлетворить потребности факультета в помещении, кабинетах, лабораториях и представить их в таковых размерах, которые обеспечили бы самое широкое развитие деятельности Рабочего факультета» [3. Д. 30. Л. 64]. Однако на все требования «настойчивым образом передать комнату» [3. Д. 30. Л. 70], Правление университета слало отписки: «Принять к сведению» [3. Д. 30. Л. 64], «Вопрос, поднятый в заседании Правления, большинством голосов решен отрицательно». Только вмешательство ректора университета помогло избежать эскалации конфликта, он резонно заметил: «Ни один только Рабочий факультет переживает острую нужду в помещениях. Да иначе и быть не может...» [3. Д. 30. Л. 70]. Тогда рабочему факультету так и не удалось заполучить в свое распоряжение несколько квадратных метров учебного помещения.

Не могли остаться в стороне и представители профессорско-преподавательского состава вузов и не вмешаться в грандиозные изменения академической жизни вуза. Весьма философски к появлению рабфаков относился профессор механики и ректор Казанского университета Евгений Александрович Болотов. «Старый порядок не мог сохраниться, когда власть перешла в руки прежде обездоленных классов. Немедленно были сделаны героические усилия с целью увеличения числа школ и приближения их к населению. Однако ликвидация наследия старого режима в деле научного образования является далеко не столь простым делом, чтобы сразу можно было уничтожить следы его и достигнуть общедоступности образования». «Особенно трудно при этом решается вопрос о подготовке к университету тех лиц пролетарского происхождения, которые не учились с детства систематически. При таких условиях совершенно несостоятельной является необходимость принятия экстренных мер, которые позволили бы поступить в вуз...». Профессор задается вопросом: «Почему Рабочие факультеты, представляя по существу средние подготовительные школы, устроены при университетах, а не являются просто школами со специальным контингентом учащихся?» [4. Д. 17. Л. 23].

Архивные документы донесли до нас многочисленные свидетельства недовольства устройством рабочих факультетов профессоров и преподавателей вузов. Слабая подготовка пролетарских студентов-рабфаковцев вынуждала преподавателей снижать темпы работы, снижать академические требования к рабфаковцам. Ученые констатировали: «студенты не смогут пройти установленных программ» [5. Д. 88. Л. 33об]. Причинами такого явления преподаватели называли низкое социальное происхождение студентов-рабфаковцев. «Рабочие и крестьяне, которые в буржуазном государстве могли бы

в лучшем случае занимать в высшей школе места курьеров, служителей, сторожей, дворников, – ныне, волею рабоче-крестьянской власти, являются полноправными студентами» [4. Д. 14. Л. 60].

Вместе с тем революционный романтизм, охвативший студенческую молодежь, коснулся и преподавателей. Часть из них искренне верила в начинания советской власти в деле создания рабочих факультетов, в возможности студентов-пролетариев. Преподаватель земледения рабфака Казанского университета Б.Н. Вишневецкий тепло отзывался о своих слушателях: «В занятиях выражается вдумчивость, старательность, отсутствие разгильдяйства, столь выгодно отличающие занятия на рабфаке от современной школы [4. Д. 17. Л. 37]. Другой преподаватель делился впечатлениями о работе младшей группы рабочего факультета: «Такой интерес к делу, столько желаний учиться. Разве не удивительно, разве не отдых заниматься с такой благодарной аудиторией», однако несколько иронично добавлял: «Не думал встретиться с такой милой публикой» [5. Д. 88. Л. 35]. В одном из воспоминаний ученого осталась запись: «Смотришь на мозолистые руки, суровые молодые лица своей аудитории и невольно вспоминаешь слова Карла Пирсона. Глубоко прав этот ученый, считая интеллигенцию “позвоночным столбом нации”, еще более прав ученый-социалист, указывая на необходимость пополнения трудовой интеллигенции – мозга народа – выходцами из толщи народной...» [4. Д. 17. Л. 35].

Профессора и преподаватели, поставленные перед фактом существования рабочих факультетов, пытались не столько противостоять их влиянию, сколько использовать их в своих целях. Свообразным инструментом влияния на власть стали рабочие факультеты для Н.Н. Парфентьева. Член Совета рабочего факультета, он неоднократно пользовался своим положением для давления на советскую администрацию. В 1919 г., когда в Совете Казанского университета решался вопрос о закрытии целого ряда факультетов, было принято решение делегировать в Москву представителей профессуры для рассмотрения вопроса и сохранения факультетов. В поддержку факультетов выступил и профессор Н.Н. Парфентьев. «Ввиду распространения слухов о возможности закрытия ряда факультетов: Физико-математического, Историко-филологического и факультета Общественных дисциплин – старейшему рассадику знаний, надлежит отвратить это мероприятие. Оно никакими доводами оправдано быть не может...» [5. Д. 2. Л. Зоб.]. Далее профессор замечает, что и юный рабочий факультет заинтересован в сохранении этих факультетов. Поэтому он предлагает рабочему факультету присоединиться к делегации, отправляющейся в Москву [5. Д. 2. Л. Зоб.]. Наличие в составе делегации представителей от рабочего факультета могло обеспечить положительное решение вопроса, на что и рассчитывал профессор.

Рабочие факультеты, задуманные советской властью как инструменты демократизации высшего образования, выполнили свою главную функцию. Уже к 1924 г. рабочие, крестьяне и их дети, обучавшиеся в Казанском университете, составляли свыше 47% от всего числа студентов университета против 6–10% в 1905–1915 гг. [12. С. 16]. Благодаря проведенной властями политике пролетаризации в Татарии в 1931 г. более 50% студентов закончили рабфаки и краткосрочные курсы [12. С. 16].

Выводы. Пролетаризация высшей школы дала возможность рабочим и крестьянам поступить в высшие учебные заведения. Она же послужила причиной снижения качества образования, о чем неоднократно предупреждали представители

профессорско-преподавательской корпорации. Действия преподавателей высших учебных заведений, болеющих душой за свое дело, безусловно, оказали влияние на ход преобразований. Упорное сопротивление ученых имело свои результаты. Начиная с середины 1930-х гг. рабочие факультеты постепенно сворачивали свою работу, а функции по подготовке неграмотного пролетарского населения к учебе в высших учебных заведениях перешли в компетенцию средней школы. С 1935 г. власти отменили ограничения при зачислении в вузы, связанные с социальным положением и происхождением поступающих. В 1938/39 учебном году сеть рабочих факультетов сократилась по сравнению с 1933/34 учебным годом почти в два раза, а число учащихся – более чем в 2,5 раза [15. С. 82]. Безусловно, изученные социально-культурные практики оказались не единственной причиной прекращения деятельности рабочих факультетов. Тем не менее анализ и интерпретация действий вузовской интеллигенции стали еще одним важным звеном на пути осмысления сложнейших трансформационных практик в области высшего образования 1920-х гг.

Литература

1. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань: Казан. гос. ун-т, 2005, 498.
2. Горбушина Е.И. К истории развития рабочих факультетов в Волго-Вятском регионе в 1920-1930-е гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 3-4. С. 123–128.
3. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р.1337. Оп. 1.
4. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р.1487. Оп. 1.
5. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р.4882. Оп. 1.
6. Декрет Совета Народных Комиссаров. О Рабочих Факультетах // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г., статья № 381, отдел первый. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1943. 818 с.
7. Декрет Совета Народных Комиссаров. Положение о преподавателях рабочих факультетов // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1924 г., № 47-72, отдел первый. М.: Народный комиссариат юстиции, 1924. 794 с.
8. Ермолаев И.П. История Казанского университета. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 656 с.
9. Иванова Т.Н. Роль Казанского университета в формировании образовательного пространства Чувашии: три портрета // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, № 3. С. 240–254.
10. Кривоножко А.Ф. Деятельность рабочего факультета Петроградского университета в 1919–1920 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2012. № 4. С. 166–171.
11. Ленин В.И. О приеме в высшие учебные заведения РСФСР // Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1969. Т. 42. 748 с.
12. Надеева З.М. Развитие высшего образования в советской Татарии (1917–1940). Казань: [Б.и.], 1974. 28 с.
13. Панин Е.В. Становление системы национальных рабфаков в Советской России // Известия Московского государственного технического университета. 2013. № 1(15). С. 113–116.
14. Постановление Народного Комиссариата Просвещения. Об организации рабочих факультетов при университетах // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г., статья № 443, отдел первый. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1943. 886 с.
15. Сафразьян Н.Л. Борьба КПСС за строительство советской высшей школы (1921–1927). М.: Моск. гос. ун-т, 1977. 158 с.
16. Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы (1917–1938 гг.). Уфа: Башк. кн. изд-во, 1973. 472 с.

Olga A. HABIBRAHMANOVA

**WORKERS' FACULTIES OF KAZAN UNIVERSITIES OF THE 1920s –
A SCHOOL OF POLITICAL EDUCATION OR IMPERATIVE OF THE TIME?**

Key words: university intelligentsia, workers' faculties, education, Kazan University, University Board, ideology.

The unprecedented steps taken by the Soviet government to transform higher education were the beginning of titanic transformations of the entire education system in the country. In this regard, the experience of creating workers' faculties intended to become "pioneers" in building a new educational space and their functioning is especially interesting. The functions of the workers' faculties were clearly defined by the Soviet Government and formulated in numerous resolutions. But were all the regulations of the new government strictly observed on the ground? What role did the participants of the educational process play in the development of the workers' faculties?

The purpose of the study is to study the position of the university intelligentsia in relation to creation of workers' faculties and their functioning.

Materials and methods. The study used documentary sources indicating the emergence of new forms in organizing the educational process in higher educational institutions of the country. The used set of archival documents made it possible to reveal the purpose and functions of workers' faculties. The history of workers' faculties formation was reconstructed by analyzing the socio-cultural practices of representatives of Kazan University faculty corporation. Based on the study of diary entries, reports of scientists at conferences, various meetings, as well as on the basis of the analysis of university protocol documentation, the views of the university intelligentsia on reforms in the higher education system, in particular on the establishment of workers' faculties, were reconstructed.

Research results. Very ambiguous positions of professors and teachers of Kazan University, revealed in the course of the study, showed both the difficulties and the specifics of the process of forming a new Soviet education. Studying the socio-cultural practices of the university intelligentsia showed the multi-layered, polyphonic character of processes. Due to the specifics of perceiving the changing socio-cultural (academic) space, the university intelligentsia was not inclined to unequivocally "accept" or "reject" Soviet innovations. The clash of different socio-cultural practices, those that were acquired in the pre-revolutionary educational space, practices of a marginalized nature and, finally, practices of a revolutionary nature, gave rise to other cultural landmarks, destroying once familiar cultural and educational landscape. As a consequence, the initial intentions and views of the authorities on the structure of higher education also changed.

Conclusions. The analysis of documentary sources shows that by the end of the 1930s, the workers' faculties, having fulfilled their primarily ideological function of proletarianizing the country's higher education institutions, turned out to be an unnecessary educational element in the higher education system. Time, or rather the social practices of university professors and teachers, proved the uselessness of flooding universities with proletarian youth, whose share began to decline rapidly in the late 1930s.

References

1. Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. *Terra Universitatis: dva veka universitetskoi kul'tury v Kazani* [Terra Universitatis: two centuries of university culture in Kazan]. Kazan, Kazan University Publ., 2005, 498 p.
2. Gorbushina E.I. *K istorii razvitiya rabochikh fakul'tetov v Volgo-Vyatskom regione v 1920-1930-e gg.* [On the history of the development of workers' faculties in the Volga-Vyatka region in the 1920th and 1930th]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 3-4, pp. 123–128.
3. *Gosudarstvennyi arkhiv respubliki Tatarstan. F. R.1337. Op. 1* [The State Archives of the Tatar Republic. Archives 1337. Anagraph 1].
4. *Gosudarstvennyi arkhiv respubliki Tatarstan. F. R.1487. Op. 1* [The State Archives of the Tatar Republic. Archives 1487. Anagraph 1].
5. *Gosudarstvennyi arkhiv respubliki Tatarstan. F. R.4882. Op. 1* [The State Archives of the Tatar Republic. Archives 4882. Anagraph 1].
6. *Dekret Soveta Narodnykh Komissarov. O Rabochikh Fakul'tetakh* [Decree of the Council of People's Commissars. About the Working Faculties]. In: *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva za 1920 g., stat'ya № 381, otdel pervyi* [Collection of laws and orders of the Government for 1920, Article No. 381, Department of the First]. Moscow, 1943, 818 p.
7. *Dekret Soveta Narodnykh Komissarov. Polozhenie o prepodavatelyakh rabochikh fakul'tetov* [Decree of the Council of People's Commissars. Regulations on teachers of working faculties]. In: *Sobranie uzakonenii*

i rasporyazhenii pravitel'stva za 1924 g., № 47-72, otdel pervyi [Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government for 1924, No. 47-72, Department One]. Moscow, 1924, 794p.

8. Ermolaev I.P. *Istoriya Kazanskogo universiteta* [The history of Kazan University]. Kazan, Kazan University Publ., 2004, 656 p.

9. Ivanova T.N. *Rol' Kazanskogo universiteta v formirovanii obrazovatel'nogo prostranstva Chuvashii: tri portreta* [The role of Kazan University in the formation of the educational space of Chuvashia: Three portraits]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2015, vol. 157, no. 3, pp. 240–254.

10. Krivonozhko A.F. *Deyatel'nost' rabocheho fakul'teta Petrogradskogo universiteta v 1919–1920 gg.* [The activity of the Working Faculty of Petrograd University in 1919–1920]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, 2012, no. 4, pp. 166–171.

11. Lenin V.I. *O prieme v vysshie uchebnye zavedeniya RSFSR* [On admission to higher educational institutions of the RSFSR]. In: *Poln. sobr. soch.: v 55 t.* [Complete collection of works: 55 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., 1969, vol. 42, 748 p.

12. Nadeeva Z.M. *Razvitie vysshego obrazovaniya v sovetskoj Tatarii (1917–1940)* [The development of higher education in Soviet Tatarstan (1917–1940)]. Kazan, 1974, 28 p.

13. Panin E.V. *Stanovlenie sistemy natsional'nykh rabfakov v Sovetskoj Rossii* [The formation of the system of national labor unions in Soviet Russia]. *Izvestiya Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2013, no. 1(15), pp. 113–116.

14. *Postanovlenie Narodnogo Komissariata Prosveshcheniya. Ob organizatsii rabochikh fakul'tetov pri universitetakh* [Postanovlenie Narodnogo Komissariata Prosveshcheni Aluca. The organization rabochi fakul'tetov]. In: *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva za 1919 g., stat'ya № 443, otdel pervyi* [Collection of Laws and Orders of the Government for 1919, Article No 443, Section One]. Moscow, 1943, 886 p.

15. Safraz'yan N.L. *Bor'ba KPSS za stroitel'stvo sovetskoj vysshei shkoly (1921–1927)* [The struggle of the CPSU for the construction of a Soviet higher school (1921–1927)]. Moscow, Moscow State University Publ., 1977, 158 p.

16. Chanbarisov Sh.H. *Formirovanie sovetskoj universitetskoj sistemy (1917–1938 gg.)* [The formation of the Soviet university system. (1917–1938)]. Ufa, Bashkir Publ. House, 1973, 472 p.

OLGA A. HABIBRAHMANOVA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Sociology, Kazan State Medical University, Russia, Kazan (Olgaah@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6586-872X>).

Формат цитирования: Хабибрахманова О.А. Рабочие факультеты казанских вузов 1920-х годов – школа политического воспитания или требование времени? // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 223–231. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-223-231.

УДК 39+691.11
ББК 63.5+63.3(2)

З.Ф. ХАСАНОВА

МАГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ У БАШКИР*

Ключевые слова: башкиры, домашние животные, магия, обереги, амулеты.

Несмотря на нивелирование многих этнических особенностей в эпоху современности, у башкир сохраняется целый ряд религиозно-магических способов защиты, запретов, примет, связанных с домашними животными.

Целью исследования является изучение и анализ магических средств защиты домашних животных у башкир, проживающих на территории Республики Башкортостан в середине XX – начала XXI в.

Материалы и методы. В статье применены общенаучные методы: научного описания, анализа и систематизации эмпирического материала, а также сравнительно-исторический метод. При проведении полевых исследований использовались традиционные этнографические методы: глубинное интервью, наблюдение, фотофиксация. В основу статьи положены историко-этнографические исследования башкир и народов Урало-Поволжья, коллекции Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН, а также полевые материалы, собранные автором в 2017, 2019, 2023 гг. в южных, юго-восточных, западных, юго-западных, северо-восточных районах Республики Башкортостан.

Результаты исследования. Рассмотрены различные виды магических средств защиты домашних животных у башкир, проживающих на территории Республики Башкортостан. В начале XXI в. у башкир продолжают сохраняться традиционные способы магической защиты скота – использование оберегов животного и растительного происхождения, окуривание их травами и применение соли, над которой мулла прочитал молитву. Во многих башкирских деревнях в качестве оберегов продолжают использовать найденные на дороге металлические подковы, косы, вилы, которые вешают на стены сараев острием вверх в направлении Мекки, амулеты – «бетеге», представляющие собой записи аятов на арабском языке, помещенные в кожаные мешочки и т.д. Широко бытуют также обряды, заговоры и амулеты и т.д., источниками которых являются газеты, журналы и Интернет. Амулеты и обереги охотно приобретают в интернет-магазинах, у людей, считающих себя «магами», «знахарями». Существует поверье, что различные амулеты, «заряженные» на сохранность и увеличение поголовья домашних животных, действительно приносят в дом благополучие и достаток.

Выводы. Выявлено, что возникшие в глубоком прошлом магические предметы и обереги прочно укоренились в обрядовой практике башкир и не потеряли своей значимости вплоть до сегодняшнего дня. Как показали полевые материалы автора, собранные у разных территориальных групп башкир, в настоящее время они продолжают сохранять традиционные способы магической защиты скота. Кроме того, в последние десятилетия башкирами стали использоваться различные средства и амулеты, приобретенные в интернет-магазинах.

Введение. У башкир, которые в прошлом были кочевниками, существовал целый ряд религиозно-магических способов защиты, запретов, примет, связанных со скотоводством. Они были призваны обеспечить сохранность (*кот* – благополучие (*кот китмәһен өсән*)) и способствовать увеличению поголовья скота, а также отпугивать духов болезней и нечистую силу. Для этого башкиры использовали обереги (черепа лошадей, коров, баранов, медведей, волков, ветки можжевельника, рябины, душицы), природные камни. Верили также в обережное значение ярких лоскутов такни, которые вплетали в гриву лошади и пр.

* Исследование выполнено в рамках Государственного задания № 122041900118-5 ИЭИ УФИЦ РАН на 2021–2024 гг.

Несмотря на то, что в настоящее время имеет место значительное нивелирование многих этнических особенностей культуры у башкир, еще сохраняются многие магические способы защиты домашних животных.

Целью исследования является изучение и анализ магических средств защиты домашних животных у башкир, проживающих на территории Республики Башкортостан, в середине XX – начала XXI в.

Материалы и методы. Для решения поставленной задачи использованы общенаучные методы: научного описания, анализа и систематизации эмпирического материала, а также сравнительно-исторический метод. При проведении полевых исследований использовались методы традиционной этнографии: глубинное интервью, наблюдение, фотофиксация. Интервью проходило на башкирском языке, что позволило записать местные названия магических предметов, а также выявить локальные особенности для отдельных групп башкир.

Источниковой базой исследования послужили полевые материалы автора, собранные во время экспедиций в 2017, 2019, 2023 гг. в южных, юго-восточных, западных, юго-западных, северо-восточных районах Республики Башкортостан, а также материалы Научного архива УФИЦ РАН, где хранятся фотографии и отчеты экспедиционных выездов сотрудников ИИЯЛ УФИЦ РАН разных лет. Кроме того, были изучены экспонаты этнографических коллекций Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН, привезенные из разных районов Республики Башкортостан, Пермской, Курганской, Свердловской областей.

Результаты исследования. Магические средства защиты домашних животных у башкир описывались в монографиях башкирских этнографов и фольклористов – Ф.Г. Хисамитдиновой [25], М.Н. Сулеймановой [24], Ф.Ф. Илимбетова, А.Ф. Илимбетовой [6], а также в экспедиционных материалах отдела фольклора в ИИЯЛ УФИЦ РАН, изданных в виде сборников [27]. В одном из томов многотомного научного издания «Башкирское народное творчество» по обрядовому фольклору приводится небольшой раздел про обереги и народную магию [2]. В него вошли полевые материалы, собранные учеными, участниками экспедиций, а также рукописи фондов из научного архива г. Уфы. В данной статье автором обобщаются материалы о средствах традиционной магии у башкир, связанные с защитой домашних животных.

Обереги, имеющие животное происхождение, применяемые башкирами и в настоящее время, имеют древние корни. Они подтверждаются археологическими материалами, а также мифологическими представлениями и устным народным творчеством. По данным археологических раскопок на Южном Урале с бронзового века и до позднего Средневековья, в погребениях находят захоронения лошадей, частей конского снаряжения (стремена, псалии, костяные и металлические уздечки), амулеты из костей животных, а также металлические накладки на одежду с изображениями медведей, лошадей и других животных [1. С. 16–33]. В мифологических представлениях башкир лошадь, баран, корова, волк, медведь являются культовыми животными и обладают сверхъестественной силой [6, 25]. В устном народном творчестве сохранилось немало эпосов, легенд, сказок, где животные выступали покровителями и защитниками людей. Поэтому использование различных частей тела тотемных животных в качестве оберега является весьма логически оправданным явлением.

Обереги животного происхождения были распространены у многих групп башкир, проживающих на территории Республики Башкортостан и за ее пределами. Их применяли и тогда, когда скотина не плодилась, считая, что на животных действует дурное слово людей. В целях защиты скотины в хозяйстве

вешали кости домашних и диких животных. Для того чтобы был приплод (*мал-дар атрһын өсөн*), использовали череп лошади, коровы, барана [8]. Их устанавливали на жерди или изгородь, направляя в сторону двора (*кәртәгә карай*) [10]. У демских башкир череп ставили снаружи сарая для того, чтобы «взгляд» животного был направлен на тех, кто входит во двор: «*Бер үгеззең башын азбарға ингән ергә кағып куйзык. Ул баш тыш якка карап тора*» [11]. В юго-восточной части республики (Баймакский р-н) черепа животных направляли строго в сторону Каабы [9]. В отношении черепов баранов с рогами у башкир существовало следующее поверье: «Чем они купнее и больше завитков, тем надежнее» [12].

Череп животных применяли не только для защиты скота и хозяйства в целом, но и для защиты пасеки. Для защиты от дурного сглаза на колоду или улей клали черепа животных или вешали их на жерди.

В качестве магического средства защиты часто использовали голову барана с рогами или рога. Рога крепили на стены хозяйственных построек, на изгородь пасеки. У башкир на р. Инзер и р. Кызыл данный обычай существует до сих пор (рис. 1). Информаторы сообщают, что они это делают для того, чтобы благополучие (*кот*) не уходило со двора. При установке оберега мулла читает молитву [15, 17].

Рис. 1. Рога баранов, прибитые на стену хозяйственной постройки.
РБ, Белорецкий район, д. Габдюково.
Фото автора. 2010 г.

Магическим предметом, обладающим защитной функцией, сохраняющим благополучие, является также первый позвонок овцы или барана. Их вешали на стену хозяйственных построек или изгородь [8] (рис. 2). Эти кости используются до сих пор во многих районах республики. Так, демские башкиры говорят: «Его вешаем внутри амбара, иногда собирается по несколько штук. И на стену двора вешаем, они же благополучие охраняют» («*Азбарға муйын сөйәген тағабыз, бер нисәһен тәнкә кеүек тезәләр. Коймаға ла эләбез. Кот җаксысы ул*») [27. С. 88]. Северо-восточные башкиры считают, что данные предметы «желают, чтобы животные плодились и размножались, а на следующий год их можно было закалывать» («*Икенсе йылда ла ошо ерзә һуғымдың булуын*

теләп тора») [13]. Юго-восточные башкиры полагают, что позвонок животного «желает о том, чтобы беды обходили стороной» (*«салыу һөйәген элөп куйһаң, ауырыу килмәй»*) [15]. Были случаи, когда магическую вещь привязывали на шею скотины с помощью веревки (*«мин бәләкәй сакта бер һыйырзың муйынына муйын һөйәген таккандарын исләйем»*) [16]. По мнению автора, использование данного предмета в магических целях связано с тем, что именно на этом месте, по которому проходит линия жизни животного, производится надрез во время закола скотины. Возможно, поэтому первый позвонок оставляли в хозяйстве, чтобы душа животного оставалась и способствовала увеличению поголовья скота.

Рис. 2. Первый позвонок животного на стене сарая.
РБ, Абзелиловский район, с. Аскарково.
Фото автора. 2019 г.

У башкир до сих пор сохраняется трепетное отношение к костям домашних животных. По сей день их стараются не выкидывать, собирают и закапывают в землю. А в 40–90 гг. XX в. из них готовили хозяйственное мыло [22].

Чуваши Башкортостана также считали, что первый позвонок животного обладает мощной защитной силой. В качестве оберега его вешали на стену сарая или жилого дома¹. Аналогичная традиция была также характерна для народов Средней Азии – туркмен [4. С. 272] и узбеков [26. С. 42].

Кроме костей домашних животных в качестве оберегов башкиры применяли кости диких животных, прежде всего волка и медведя. Эти звери считались мифологизированными существами, воспринимались башкирами в качестве хозяев, покровителей охотников и домашнего скота и пр. К примеру, в эпосе «Урал-батыр» медведь имеет человеческое происхождение. Для того чтобы плодилась домашняя живность, на скотном дворе башкиры закапывали или вывешивали на столбах медвежий череп [25. С. 41]. Волчий хвост или волчью шерсть подвешивали в хлеву или в сарае для защиты скотины от нечистой силы. Череп волка, как и медведя, закапывали под порогом сарая или под воротами [25. С. 122]. В юго-восточной части республики в качестве оберега дома использовали кость ноги волка (от локтя) (*«Мейес башында ята ине атай өйөндө»*) [12].

¹ Из устного разговора с этнографом, кандидатом исторических наук И.Г. Петровым.

На пасеках башкиры в этих же целях выставляли или вывешивали череп медведя или волка, считая, что они отпугивают болезни пчел [25. С. 41].

Примечательно, что в виде голов животных (лошади, медведя), птиц (утки) или змеи башкиры изготавливали переднюю луку седла (рис. 3). По народным представлениям, они защищали как животное (лошадь), так и хозяина. Сейчас данная традиция практически утрачена и осталась только в воспоминаниях старожилов.

Рис. 3. Деревянное седло.

На передней луке выцарапано изображение лица человека.

РБ, Абзелиловский район, с. Аскарново.

Аскарровский историко-краеведческий музей.

Фото автора. 2019 г.

У башкир, как у многих народов России, издавна существует вера в магию металла. Металл символизирует силу, крепость, твердость и неуязвимость. Все железные предметы используются в охранительной и очистительной магии. Практически на всей территории республики для охраны домашнего скота и хозяйства башкирами и по сей день применяются острые железные предметы. Так, в стены сарая втыкаются ножи, топоры, обломки косы, вилы (без черенков), серпы. Иногда их кладут на порог помещения перед запираанием дверей на ночь. Сами информаторы это действие объясняют тем, что благодаря этому «черные силы» не подходят к домашнему скоту и не тревожат их в темное время суток. Особенно стараются оберегать коров перед отелом и после [17, 18]. Такая же традиция была у восточных славян: «Внося в теплое помещение новорожденных телят – кладут под порог железный предмет» [5. С. 44].

Для сохранения благополучия (*кот китмәһен өсөн*) предметы металла используют также башкиры юго-восточной части республики [9, 17]. Среди хозяйственных построек они специально устанавливают деревянную жердь высотой от 3 до 5 м, а на ней острием вверх прикрепляют бывшую в употреблении железную косу. Стараются сделать так, чтобы коса была направлена в сторону Мекки (рис. 4). Когда ее устанавливают, обязательно приглашают деревенского муллу, чтобы тот прочитал молитву (*аят*) из Священной книги Коран.

В этом действии прослеживается вера башкир в силу металла и силу молитвы. В Баймакском районе Республики Башкортостан считают, что железная коса защищает не только от «злых духов, но и Бабы Яги (*мәсекәй әбейзән*)». Существует поверье, что когда они ночью «прилетят» к дому и невзначай сядут на косу, то повредят себе «хвост» и спешно улетят [18].

Рис. 4. Коса, направленная в сторону Каабы.
РБ, Абзелиловский район, д. Хамитово.
Фото автора. 2019 г.

Об использовании косы и подковы для защиты домашних животных автору данных строк поведали и башкиры Ишимбайского района Республики Башкортостан: «В последние годы у меня лошади страдали от разных болезней. Я взял старую косу, подкову и пригласил муллу. Он прочитал молитву. После этого я повесил эти обереги и болезни ушли» (*«Бер йылы минең атым зыянлап тик торзо. Шунан мин даға, салғы укытып куйзым. Ауырыузар китте»*) [14].

Подковы, как правило, прибивают на пороге, у входа в скотный двор или над дверьми хозяйственных построек. При этом строго следили, чтобы подкова ранее использовалась по прямому назначению и когда-то находилась на копытах лошади: *«Ат дағасын тупсаға казаклайсың. Дағасы өйгә карап торорға тейеш. Юлда, ер өстөндә табылған булырға тейеш»* [27. С. 75]. Как замечают информаторы, подкова должна быть найдена на поверхности земли.

Необходимо также отметить, что когда башкиры прибивают подкову, то всегда приговаривают:

"Шайтан килмәһен өсөн, [Чтобы шайтан не пришел,]
Хәрәм кермәһен өсөн, [Чтобы недозволенное не проникло,]
Тел-теш баһмаһын өсөн, [Чтобы сплетни, пересуды не одолели,]
Бәрәкәт касмаһын өсөн! [Чтобы благополучие не покинуло!] [25. С. 145].

Вера в защитную функцию подковы у башкир бытует до сих пор. Если они не находят настоящую подкову, ее они заменяют похожим на нее металлическим предметом. В ходе этнографической экспедиции нам встретилось немало таких случаев. При этом башкиры верят в магическую силу данного предмета и считают, что он отпугивает болезни скота и нечистую силу, которые мучили скот, отбирали у коров молоко, убивали молодняк и т.д. (рис. 5).

Рис. 5. Имитация подковы на столбе.
РБ, Абзелиловский район, с. Бурангулово.
Фото автора. 2019 г.

У башкир сохранилась вера в обережное значение предметов, обладающих ярким цветом. Башкиры при этом исходили из того, что сглазить можно было не только людей, но и животных. Защищая от дурного глаза, в гриву лошадей вплетали яркие разноцветные лоскутки тканей, а перед отелом к хвосту коровы привязывали красную тряпку [15]. Северо-восточные башкиры использовали ткани из трех цветов [13], а юго-восточные башкиры – только одноцветную ткань: «привязываем на шею новорожденного животного красную тряпку, чтобы джин его не поменял на своего» [19]. Данная традиция является характерной для многих народов Урало-Поволжья, например удмуртов [7. С. 153].

Иногда только что родившемуся теленку, ягненку, жеребенку, как и детям, на середину лба ставят отметку с помощью сажи или угля. Принято считать, что «нехороший» взгляд задерживается на ней и теряет свою вредоносную силу.

Для защиты от болезней, бед и несчастий на рога крупного рогатого скота, а также на гриву лошадей башкиры привязывали *бетей* треугольной формы [20]. *Бетей* представляет собой запись молитв *аятов* (структурная единица Корана) на арабском языке.

Для изгнания нечистой силы со двора или хозяйственных строений башкиры применяли также магию звуков. Их извлекали при помощи ударов об металлическую посуду железным предметом. Для совершения ритуала необходимо было обойти вокруг двора и сделать несколько кругов, издавая шум. После этого все использованные железные предметы выбрасывали на свалку. Принято считать, что они уже «нечистые» и их нельзя применять в быту [21].

Ф.Г. Хисамитдинова и М.Н. Сулейманова отметили, что апотропейными свойствами наделялись также деревья и кустарники, прежде всего можжевельник и рябина. По поверьям башкир, рябина считается действенным средством против злых духов. К шерсти овец, коз приплетали рябиновые «пуговики» из высушенных ягод [24. С. 23]. Рябиновые веточки или высушенные ягоды привязывали и к стельным коровам и молодняку домашних животных [25. С. 276].

В целях защиты от злых духов ветки рябины развешивались в разных местах, на стенах сараев и хозяйственных построек. Кроме того, их от сглаза привязывали с помощью веревок к рогам коров и овец [22]. Такой же отгонной силой, по представлениям башкир, обладал можжевельник. Можжевельниковые ветки втыкали или прибивали к стенам скотных сараев. В Зилаирском районе Республики Башкортостан веткой можжевельника выгоняют скот и бьют молодняка. Цель – отвести подальше болезни и приостановить падеж скота [25. С. 80].

Можжевельниковую ветку в сочетании с различными травами или чагой применяют при окуривании дома, скотного двора и пастбищ. Особенно тщательно окуривали углы, так как считали, что именно там обитают «нечистые силы». Ф.Г. Хисамитдинова пишет, что окуривание применяется как способ очищения от нечистой силы и в лечебной магии [25. С. 55]. Поэтому от сглаза окуривают новорожденных жеребят, телят, ягнят дымом от тлеющей шерсти или тряпки. При болезнях домашних животных добывали «очистительный огонь» (кресалом) и им окуривали всех животных, помещения для скота [25. С. 55]. Сибирские татары рябину и можжевельник также считают кустарниками, обладающими магической силой [3].

От сглаза башкиры повсеместно использовали и соль, над которой мулла прочитал молитву. Соль предварительно растворяли в воде и потом брызгали на домашних животных, обмывали вымя дойных коров, которых «сглазили» и пр. [20]. В Бурзянском районе Республики Башкортостан растворенную в воде соль руками не трогают, а только брызгают на животного при помощи березового веника [23].

Для того чтобы не подхватить болезни и несчастья, башкиры оберегали также молочную продукцию. Раньше для защиты от них к подоюнику привязывали каменные амулеты. Такие артефакты хранятся в Музее археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН (ОФ № 888-5, 421-15, 420-40) (рис. 6). Это говорит о том, что башкиры с древнейших времен поклонялись камням и горам. Обращение к силе камня в качестве оберега является очень древней и устойчивой традицией народной магии башкир.

Рис. 6. Камень-оберег для защиты скота. Его привязывали веревкой к подоюнику. РБ, Зианчуринский район, д. Малое Байдавлетово. Музей археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН. № ОФ 888-5. Фото автора. 2023 г.

В настоящее время башкиры также в арсенал защитной или обережной магии включают нетрадиционные магические средства защиты: обряды, заговоры, взятые из газет, журналов, особенно из Интернета. В основном они носят

интернациональный характер. Они приобретают в интернет-магазинах, у людей, объявляющих себя «магами», «знахарями», различные амулеты, «заряженные» на сохранность и увеличение поголовья домашних животных и др.

Выводы. Таким образом, возникшие в глубоком прошлом магические предметы и обереги прочно укоренились в обрядовой практике башкир и не потеряли своей значимости вплоть до сегодняшнего дня. Как показали полевые материалы автора, собранные у разных территориальных групп башкир, в настоящее время они продолжают сохранять традиционные способы магической защиты скота. Используются обереги животного и растительного происхождения, применяется окуривание их травами. И часто используется соль, над которой мулла прочитал молитву. Широко использовались также предметы из металла – найденная на дороге подкова (иногда ее заменяли подобным металлическим предметом), косы, вилы и т.д. Излюбленным способом защиты от глаза и «нечистых сил» у башкир было использование амулетов – «бетуеу». В последние десятилетия башкиры стали приобретать различные средства и амулеты в интернет-магазинах.

Литература и источники

1. Археологическая карта Башкирии / О.Н. Бадер (отв. ред.), Н.А. Мажитов, А.П. Смирнов. М.: Наука, 1976. 263 с.
2. Башкирское народное творчество. Т. 12. Обрядовый фольклор. Уфа: Китап, 2010. 592 с.
3. *Валеев Ф.Т.* Обереги как пережитки доисламских верований у сибирских татар [Электронный ресурс]. URL: <http://Annales.info/sibir/small/valeev.htm> (дата обращения 05.10.2023).
4. *Винников Я.Р.* Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М.: Наука, 1969. 308 с.
5. *Журавлев А.Ф.* Домашний скот: в поверьях и магии восточных славян. М.: Индрик, 1994. 256 с.
6. *Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф.* Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: Гилем, 2012. 704 с.
7. *Миннихметова Т.* Традиционные обряды закамских удмуртов: Структура. Семантика. Фольклор. Тарту, 2003. 257 с.
8. Полевые материалы автора (далее – ПМА). 2019. Республика Башкортостан, Абзелиловский район, с. Аскарково. Записано у Нургалиной М.Ш. (1927 г.р.).
9. ПМА. 2023. Республика Башкортостан, Баймакский район, д. Верхнетагирово. Записано у Нургалиной С.Г. (1928 г.р.).
10. ПМА. 2023. Челябинская область, п. Аркаим. Записано у Давлеткулова И.И. (1956 г.р.).
11. ПМА. 2023. Республика Башкортостан, Альшеевский район, д. Идрисово. Записано у Муфтиевой Р.С. (1957 г.р.).
12. ПМА. 2023. Республика Башкортостан, Баймакский район, д. Аминеве. Записано у Баязитва С.А. (1955 г.р.).
13. ПМА. 2023. Республика Башкортостан, Дуванский район, д. Старохалилово. Записано у Хусаиновой М.Д. (1964 г.р.).
14. ПМА. 2023. Республика Башкортостан, Ишимбайский район, д. Кулгуново. Записано у Муштафина М.М. (1963 г.р.).
15. ПМА. 2023. Республика Башкортостан, Абзелиловский район, д. Сайткулово. Записано у Гималовой Ю.И. (1937 г.р.).
16. ПМА. 2023. Республика Башкортостан, Баймакский район, с. Темясово. Записано у Валеева С.Г. (1934 г.р.).
17. ПМА. 2023. Республика Башкортостан, Белорецкий район, с. Шигаево. Записано у Сальмановой (Галиуллиной) А.А. (1942 г.р.).
18. ПМА. 2023. Республика Башкортостан, Баймакский район, д. Кусеево. Записано у Латыповой В.Р. (1969 г.р.).
19. ПМА. 2023. Республика Башкортостан, Абзелиловский район, д. Сайткулово. Записано у Камаловой Я.Я. (1960 г.р.).
20. ПМА. 2019. Республика Башкортостан, Абзелиловский район, д. Утяганово. Абубакировой Х.Ш. (1943 г.р.).
21. ПМА. 2019. Республика Башкортостан, Баймакский район, д. Ишмухаметово. Записано у Бурановой А.Д. (1952 г.р.).

22. ПМА. 2023. Республика Башкортостан, Баймакский район, с. Тубинск. Записано у Гибадатова Г.М. (1957 г.р.).
23. ПМА. 2023. Республика Башкортостан, Бурзянский район, д. Абдулмамбетово. Записано у Усмановой (Шигаповой) Р.А. 1963 г.р.
24. Сулейманова М.Н. Доисламские верования и обряды башкир. Уфа: БашГУ, 2005. 146 с.
25. Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 418 с.
26. Шаниязов К.Ш., Исламов Х.И. Этнографические очерки материальной культуры узбеков конца XIX – начала XX в. Ташкент, 1981. 126 с.
27. Экспедиция материалдары – 2004: Өлшәй районы. – Өфө: БР ММ РУФМУ, 2006. 234 с.

ХАСАНОВА ЗИФА ФАРИТОВНА – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Россия, Уфа (Zifa.83@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3479-5804>).

Zifa F. KHASANOVA

MAGICAL MEANS TO PROTECT DOMESTIC ANIMALS IN THE BASHKIRS

Key words: *the Bashkirs, domestic animals, magic, charms, amulets.*

Despite leveling many ethnic characteristics in the modern era, the Bashkirs retain a number of religious and magical methods of protection, prohibitions, and signs associated with domestic animals.

The purpose of the research is to study and analyze magical means of protecting domestic animals among the Bashkirs in the territory of the Republic of Bashkortostan in the middle of the XX – beginning of the XXI century.

Materials and methods. The article uses general scientific methods: scientific description, analysis and systematization of the empirical material, as well as the comparative historical method. When conducting field research, traditional ethnographic methods were used: in-depth interviews, observation, and photo fixation. The article is based on historical and ethnographic studies on ethnography of the Bashkirs and peoples of the Ural-Volga region, the collections kept in the Museum of Archaeology and Ethnography of the Institute of Ethnological Studies of Ufa Federal Research Center under the Russian Academy of Sciences, as well as field materials collected by the author in 2017, 2019, 2023 in southern, southeastern, western, southwestern, northeastern regions of the Republic of Bashkortostan.

Research results. In the article, the author examines various types of magical means to protect domestic animals in the Bashkirs living in the Republic of Bashkortostan. At the beginning of the XXI century, the Bashkirs continue to preserve traditional methods of magical livestock protection – the use of amulets of animal and vegetable origin, fumigating them with herbs and the use of salt (over which the mullah said a prayer). In many Bashkir villages, metal horseshoes, scythes, pitchforks found on the road, continue to be used as amulets which are hung on the walls of sheds with the tip up in the direction of Mecca, amulets – “bemey”, which are records of ayats in Arabic, placed in leather bags, etc. Rituals, incantations and amulets, etc. are also widespread, the sources of which are newspapers, magazines and the Internet. Amulets and charms are readily purchased in online stores, from people who consider themselves “magicians”, “healers”. There is a belief that various amulets, “charged” for the safety and increase in the number of domestic animals, really bring well-being and prosperity to the house.

Conclusions. Magical objects and amulets that arose in the deep past are revealed to be firmly rooted in the ritual practice of the Bashkirs and not to lose their significance until today. As the author’s field materials collected from different Bashkir territorial groups have shown, they currently continue to preserve traditional methods of magical livestock protection. In recent decades, the Bashkirs have begun to use various tools and amulets borrowed from the Internet.

References

1. Bader O.N., Mazhitov N.A., Smirnov A.P. *Arkheologicheskaya karta Bashkirii* [Archaeological map of Bashkiria]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 263 p.
2. *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. T. 12. Obryadovyi fol'klor* [Bashkir folk art. Vol. 12: Ritual folklore]. Ufa, Kitap Publ., 2010, 592 p.
3. Valeev F.T. *Oberegi kak perezhitki doislamskikh verovanii u sibirskikh tatar* [Amulets as remnants of pre-Islamic beliefs among the Siberian Tatars]. Available at: <http://annales.info/sibir/small/valeev.htm> (Accessed Date: 2023, Oct. 5).

4. Vinnikov YA.R. *Khozyaistvo kul'tura i byt sel'skogo naseleniya Turkmenskoi SSR* [Economy, culture and life of the rural population of the Turkmen SSR]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 308 p.
5. Zhuravlev A.F. *Domashnii skot: v pover'yakh i magii vostochnykh slavyan* [Livestock: in the beliefs and magic of the Eastern Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 1994, 256 p.
6. Ilimbetova A.F., Ilimbetov F.F. *Kul't zhivotnykh v miforitual'noi traditsii bashkir* [The cult of animals in the mythological and ritual tradition of the Bashkirs.]. Ufa, Gilem Publ., 2012, 704 p.
7. Minniyakhmetova T. *Traditsionnye obryady zakamskikh udmurtov: Struktura. Semantika. Fol'klor* [Traditional rituals of the Trans-Kama Udmurts: Structure. Semantics. Folklore]. Tartu, 2003. 257 p.
8. Field materials of the author (hereinafter referred to as FMA). 2019. Republic of Bashkortostan, Abzelilovsky district, Askarovo. Informant: Nurgalina M.Sh. (1927 year of birth).
9. Field materials of the author. 2023. Republic of Bashkortostan, Baymasksy district, Verkhnetagirowo. Informant: Nurgalina S.G. (1928 year of birth).
10. Field materials of the author. 2023. Chelyabinsk region, Arkaim. Informant: Davletkulov I.I. (1956 year of birth).
11. Field materials of the author. 2023. Republic of Bashkortostan, Alsheevsky district, Idrisovo. Informant: Muftieva R.S. (1957 year of birth).
12. Field materials of the author. 2023. Republic of Bashkortostan, Baymasksy district, Aminevo. Informant: Bayazitva S.A. (1955 year of birth).
13. Field materials of the author. 2023. Republic of Bashkortostan, Duvansky district, Starokhalilovo. Informant: Khusainova M.D. (1964 year of birth).
14. Field materials of the author. 2023. Republic of Bashkortostan, Ishimbaysky district, Kulunovo. Informant: Mustafin M. M. (1963 year of birth).
15. Field materials of the author. 2023. Republic of Bashkortostan, Abzelilovsky district, Saitkulovo. Informant: Himalova Yu.I. (1937 year of birth).
16. Field materials of the author. 2023. Republic of Bashkortostan, Baymasksy district, Temyasovo. Informant: Valeev S.G. (1934 year of birth).
17. Field materials of the author. 2023. Republic of Bashkortostan, Beloretsky district, Shigaevo. Informant: Salmanova (Galiullina) A.A. (1942 year of birth).
18. Field materials of the author. 2023. Republic of Bashkortostan, Baymasksy district, Kuseevo. Informant: Latypova V.R. (1969 year of birth).
19. Field materials of the author. 2023. Republic of Bashkortostan, Abzelilovsky district, Saitkulovo. Informant: Kamalova Ya.Ya. (1960 year of birth).
20. Field materials of the author. 2019. Republic of Bashkortostan, Abzelilovsky district, Utyaganovo. Informant: Abubakirov. Sh. (1943 year of birth).
21. Field materials of the author. 2019. Republic of Bashkortostan, Baymasksy district, Ishmukhmetovo. Informant: Buranova A.D. (1952 year of birth).
22. Field materials of the author. 2023. Republic of Bashkortostan, Baymak district, Tubinsky. Informant: Gibadatov G. M. (1957 year of birth).
23. Field materials of the author. 2023. Republic of Bashkortostan, Burzyansky district, Abdulmambetovo. Informant: Usmanova (Shigapova) R.A. (1963 year of birth).
24. Suleimanova M.N. *Doislamskie verovaniya i obryady bashkir* [Pre-Islamic beliefs and rituals of the Bashkirs]. Ufa, RIO: BashGU Publ., 2005, 146 p.
25. Khisamitdinova F.G. *Slovar' bashkirskoi mifologii* [Dictionary of Bashkir mythology]. Ufa, IYAL UNC RAN Publ., 2011, 418 p.
26. Shaniyazov K.SH., Islamov Kh.I. *Ehtnograficheskie ocherki material'noi kul'tury uzbekov kontsa XIX nachalo XX v.* [Ethnographic essays on the material culture of the Uzbeks at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries]. Tashkent, 1981, 126 p.
27. *Materialy Ehkspeditsii – 2004: Al'sheevskii raion* [Materials of Expeditions – 2004: Alsheevsky district]. – Ufa: BR MM RUGMU Publ., 2006, 234 p.

ZIFA F. KHASANOVA – Candidate of Historical Sciences, Researcher of Ethnography Department, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia, Ufa (Zifa.83@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3479-5804>).

Формат цитирования: Хасанова З.Ф. Магические средства защиты домашних животных у башкир // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 232–242. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-232-242.

УДК 93/94(32.019.51)
ББК 63.3(2)6-3

А.А. ШМАКОВ, А.М. АБИДУЛИН

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА В СССР В 1920–1930-х ГОДАХ. ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда, пропаганда в СССР, антирелигиозные праздники, антирелигиозная печать в СССР.

Статья посвящена антирелигиозной пропаганде, развернутой в СССР в 1920–1930-х гг. Актуальность данного исследования очевидна и в современном многонациональном российском обществе, в котором религиозные убеждения и ценности не только оказывают заметное влияние на социальную и культурную сферы общественной жизни, но и находят свое отражение в политической деятельности государства. История антирелигиозной пропаганды в СССР напоминает нам об опасности использования идеологии для подавления веры и необходимости защищать и уважать свободу вероисповедания, а ее изучение позволит нам избежать повторения ошибок и осознанно подходить к вопросам строительства и сосуществования многоконфессионального общества.

Цель исследования заключается в раскрытии государственного подхода к решению вопросов борьбы с религией и систематизации основных методов и форм антирелигиозной пропаганды.

Материалы и методы. Основными материалами для исследования послужили сборники работ и научных трудов, актуальные научные статьи, сборники документов, книги и брошюры по исследуемой проблематике обозначенного периода. В ходе исследования применялся принцип историзма с использованием историко-системного и хронологического методов исторического исследования.

Результаты исследования. В результате исследования выявлены ключевые практики антирелигиозной пропаганды, включая законодательную деятельность, образовательную систему, массовую культуру, периодическую печать. Авторы отмечают многоплановость пропагандистских решений, их способность адаптироваться в соответствии с изменениями в социальной и политической жизни страны.

Выводы. В ходе исследования была выявлена руководящая роль государственного аппарата и централизованное управление по ведению антирелигиозной пропаганды в стране. Необходимо отметить, что антирелигиозная пропаганда оказала влияние на развитие внутренней политики, культуры, общественных настроений, мировоззрения советских граждан. Тем не менее вся антирелигиозная деятельность государства, спланированная и осуществляемая по единому замыслу, не смогла полностью ликвидировать религиозную составляющую в жизни страны, и если на законодательном уровне государство достигло определенных результатов, то на местном, житейском уровне, религиозная идентичность страны была сохранена и в недалеком будущем смогла возродиться.

Революционные события Октября 1917 г. стали причиной смены формы правления в государстве и привели к глубоким политическим и социальным преобразованиям, связанным, прежде всего, с внедрением новой государственной идеологии. Большевики, придя к власти и следуя идеологическим постулатам, стремились значительно ослабить или вообще устранить влияние религии в обществе. Центральным аспектом этой социальной трансформации была антирелигиозная пропаганда, ставшая составной частью общего процесса борьбы с религией и одной из самых масштабных кампаний государства пропагандистского характера в 1920–1930-х гг. Осмысление опыта, приобретенного в эпоху строительства самого могущественного государства, становится актуальным в настоящее время, в период становления сильной, обновленной России. Значимость данного исследования заключается в необходимости изучения механизмов религиозной трансформации, что позволит лучше понять

процессы формирования и развития советской государственной идеологии и избежать трагических ошибок прошлого.

Целью исследования является изучение деятельности государства в борьбе с религией и систематизация основных форм и методов антирелигиозной пропаганды.

Материалы и методы. Статья основана на принципе историзма, историко-системном и хронологическом методах исторического исследования. Основной источниковой базой научной работы послужили сборники работ и научных трудов, научные статьи, сборники документов, книги и брошюры по данной тематике. Из перечня источников и литературы, используемой в ходе исследования, можно выделить следующие: сборник законодательных актов и предписаний органов управления «Декреты советской власти» [8]; книгу Е.М. Лучшева «Антирелигиозная пропаганда в СССР: 1917–1941 гг.», в которой автор рассматривает становление и эволюцию атеистического воспитания в СССР с момента Октябрьской революции до начала Великой Отечественной войны [13]; сборник статей «Вопросы научного атеизма» по истории атеистического движения в СССР и научных исследованиях в этой области [11]; сборник статей «Труды Государственного музея истории религии», включающий статьи по проблемам религиоведения [15]; сборник научных трудов «Музеи в атеистической пропаганде», посвященный атеистическому воспитанию [21]; брошюру Д.Г. Юрова «Антирелигиозная работа школы с родителями и населением», раскрывающую вопросы одноименной деятельности [23]; работу С.А. Варакина, посвященную работе Союза воинствующих безбожников (далее – СВБ) в школе в 1930-х гг. [4].

Результаты исследования. В целях ослабления влияния церкви и борьбы с религиозностью общества, после Октябрьской революции 1917 г. в стране была развернута масштабная антирелигиозная пропаганда, представляющая собой идеологическое воздействие на население с целью устранения у него религиозных установок и выработки новых, атеистических взглядов.

Для осуществления антирелигиозной пропаганды требовалось комплексное законодательное регулирование, охватывающее не только сферу деятельности религиозных организаций, но и аспекты взаимоотношений между религиозными институтами и обществом, между церковью и человеком.

Практическая деятельность власти по нейтрализации влияния церкви началась буквально на следующий день после революции. Уже 26 октября 1917 г. принимается «Декрет о земле» [8. С. 17], на основании которого изымались земли, принадлежавшие церквям и монастырям, в декабре того же года принимаются «Декрет о расторжении брака» [8. С. 237–239] и «Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» [8. С. 247–249], отменяющие ограничения в вопросах заключения и расторжения браков. В начале февраля 1918 г. принимается знаковый Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» [8. С. 371–374], более известный нам как Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», определивший взаимоотношения государства и школы с церковью.

Представленные законодательные акты, на наш взгляд, являются наиболее важными, принятыми в рамках антирелигиозной деятельности в начальный период противостояния церкви и государства. Конечно, это были не единственные законодательные акты, и в последующие годы законотворческая деятельность в антирелигиозном направлении велась постоянно, в качестве

примера здесь можно указать Конституцию 1936 г., которая на законодательном уровне лишала права вести пропаганду религии. Однако, по нашему мнению, именно законы, принятые в начальный постреволюционный период, отражают цели, сущность и направление борьбы государства с религией. Исходя из смысла декретов, становится ясно, что антирелигиозная деятельность охватывала все сферы общественной жизни страны и затрагивала не только глубокие религиозные чувства граждан, но и их мировоззрение в целом, зачастую или меняя убеждения человека полностью, или вынуждая его в общественной деятельности скрывать свои убеждения, а в быденной жизни придерживаться религиозных традиций [17. С. 125–189]. В рамках нашего исследования интерес вызывают развитие антирелигиозной пропаганды в стране и основные направления борьбы государства с религией.

Вполне очевидно, что чем в более юном возрасте пропаганда начинает влиять на мировоззрение человека, тем раньше и проще происходит смена его установок на новые идеологические убеждения и представления, что может оказать значительное влияние на его будущее отношение, в том числе и к религии. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что антирелигиозная пропаганда в стране затрагивала все возрастные категории, и школьники здесь не являлись исключением.

В рамках борьбы с религией школа играла важную роль, осуществляя не только обучение, но и воспитание детей, нацеленное на разрушение влияния церкви и привитие определенных ценностей, направленных на создание «нового человека», прочно удерживающего коммунистические идеалы. В соответствии с этой задачей разрабатывались буквари и учебники, содержащие антирелигиозные материалы, иногда сопровождавшиеся иллюстрациями, оказывающими эмоциональное воздействие и способствующими глубокому усвоению материала учащимися. Важная роль при разработке учебных пособий отводилась структуре подаваемых материалов, их содержанию и расположению в учебниках [22. С. 28–40]. Были разработаны и внедрены в образовательный процесс новые учебные программы, в которых уделялось внимание повышению уровня научного сознания, критического мышления и отражались основные коммунистические идеи. Изменения, происходившие в системе образования в период 1920–1930-х гг., коснулись практически всех предметов обучения. История вообще была исключена из учебной программы до 1934 г. как нежелательный учебный предмет. В указанный период были пересмотрены учебные программы, учебники и пособия гуманитарных дисциплин – теперь они были наполнены идеологической составляющей, а соответствующие темы сопровождались антирелигиозными пояснениями описываемых событий или явлений. Учебные планы и программы включали негативные характеристики церкви, которая описывалась как «оплот идеологии крепостничества», «орудие запугивания и обмана трудящегося народа», «орудие разжигания национальной розни» и т.д. [24. С. 201–208].

Большое внимание уделялось внешкольной работе с детьми, родителями и учителями. В рамках этой работы создавались «уголки безбожников», организовывались «безбожные лотереи», готовились и заслушивались доклады, читались лекции, проходили вечера вопросов и ответов. В школах открывались антирелигиозные кружки, где обсуждались религиозные темы. Целью кружков было повышение знаний и подготовка юных активистов в борьбе с религией. Для атеистического воспитания предлагались темы: «Почему мы боремся с религией», «Религия и наука», «Как произошла вера в бога», «Христианство и его

происхождение», «Религия и быт», «Религия на службе капитализма» и т.д. В работе кружков особое внимание уделялось эмоциональному воздействию на учеников. Для этого руководитель кружка мог сначала с выражением, эмоционально прочитать антирелигиозные произведения, а затем поставить по этому произведению небольшую сценку, провести беседу, чтобы дети могли сделать соответствующие выводы. Кроме того, применялся экскурсионный метод, при котором ребятам организовывались посещения антирелигиозных и естественнонаучных музеев, бывших монастырей [4. С. 54–60].

Кроме работы, проводимой со школьниками, велась работа и с их родителями, так как семья и близкое окружение являлись препятствием в борьбе с религиозным мировоззрением детей. В брошюре «Антирелигиозная работа школы с родителями и населением» [23] рассматривались вопросы антирелигиозной работы среди родителей учащихся с целью максимально привлечь их к этой деятельности, предлагались варианты по привлечению родителей к участию в антирелигиозной работе школы вместе с детьми, организации антирелигиозных кружков для родителей, работе педагогов с семьями учащихся, массовой антирелигиозной работе с родителями.

Антирелигиозная деятельность с участием школьников и родителей проводилась на всей территории СССР. Практически во всех образовательных учреждениях Советского Союза создавались антирелигиозные кружки и активы, в библиотеках в достаточном количестве присутствовала антирелигиозная литература. Повсеместно организовались встречи и творческие вечера, читались лекции, направленные на осмысление и отказ от религиозных представлений. Ученики школ выезжали в населенные пункты для чтения лекций и представления театрализованных постановок с антирелигиозным смыслом, принимали активное участие в комсомольских Рождестве, Пасхе и других праздниках, сопровождавшихся антирелигиозными вечерами и демонстрациями [3. 249–263; 13. 141–145; 18. С. 956–973].

Большую роль в антирелигиозной работе играли комсомольская и пионерская организации, поддерживающие атеистическую позицию. Комсомольцы и пионеры, в абсолютной массе своей молодые и энергичные ребята, организовывали лекции, дискуссии, выставки, конкурсы, другие мероприятия, в ходе которых распространялась идеологическая и антирелигиозная информация. Кроме «комсомольской пасхи», «комсомольского рождества», организовывались «красные (комсомольские) елки», «красные колядки», антирелигиозные карнавалы [3. С. 249–263].

Пионерская организация считала распространение антирелигиозных взглядов среди пионеров важной задачей и принимала для этого активные меры. Пионерские издания публиковали соответствующие материалы с основными тезисами о том, что все пионеры «порвали» с религией и стало бы позором, если бы пионер «...поддержал...эти религиозные обычаи...», не говоря уже об участии в них [12. С. 151–160].

Вся антирелигиозная деятельность, проводимая в стране в рамках одноименной пропаганды, и не только в сфере образования, всегда находилась в центре внимания политического руководства, что оказывало существенную поддержку в реализации планов. В период 1920–1930-х гг. были не только приняты и исполнены законы, но и разработаны методы агитационно-пропагандистской работы, направленные на постепенное исключение религии из общественной жизни и разрушение религиозного сознания. Важной составляющей этого процесса было публичное разоблачение недостатков религии и активная

популяризация передовых научных достижений, которые широко внедрялись в образовательные и культурные учреждения, а также общественные организации для формирования атеистического мировоззрения. Множество учреждений просвещения, развернутых по всей стране, таких как избы-читальни, красные уголки, библиотеки, позволяли охватить антирелигиозной пропагандой всю страну.

Деятельность этого огромного государственного антирелигиозного механизма сопровождалась разработкой, изданием и распространением большого количества печатной продукции. В рассматриваемый период мощнейший импульс к развитию получает печатная пропаганда. Периодические издания, плакаты, брошюры, листовки, книги наполнялись материалами, которые освещали «недостатки» религии и поддерживали атеистическое мировоззрение, распространяя свое влияние среди широкой аудитории. Печатная продукция стала не только основой для просветительской работы в избах-читальнях, клубах, библиотеках, образовательных учреждениях, но и стимулом для обсуждений и дебатов, направленных на вытеснение религии из общественной жизни. Необходимо отметить, что параллельно с развитием антирелигиозной кампании в печатных изданиях осуществлялся процесс ликвидации церковных изданий. Все церковные публикации контролировались и подлежали специальной проверке. Религиозные журналы могли издаваться только в Москве, а рост их тиражей был категорически запрещен. Были запрещены религиозные отрывные календари, выпускались только настольные ограниченным тиражом, причем они должны были включать сведения о советских праздниках и не использовать старый стиль датирования. Под запретом были также церковные листовки и воззвания [9. С. 184–185].

Началом развития антирелигиозной периодической печати можно считать 1919 г. – в тираж вышел журнал «Революция и церковь» (1919–1924). На своих страницах журнал проводил разъяснительную работу и информировал население об исполнении Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В 1922 г. стали выходить ежемесячник «Наука и религия», газета «Атеист» и журнал «Вавилонская башня», однако они часто критиковались и их выпуск вскоре прекратился [14. С. 47]. В этом же, 1922 г., в тираж вышли первые выпуски газеты «Безбожник», с 1925 г. издавались журналы «Безбожник» и «Антирелигиозник». С 1923 г. начал выходить журнал «Атеист», с 1931 г. – журнал «Воинствующий атеизм» [5. С. 210–211].

Какие цели ставили перед собой периодические издания и о чем рассказывали своим читателям? Задачей газеты «Безбожник» являлось освещение церковных событий с точки зрения коммунизма, распространение идеологии научного материализма и противодействие религиозным предрассудкам. Газета была рассчитана на широкую целевую аудиторию и оставалась самой массовой газетой среди антирелигиозных изданий до 1941 г. [13. С. 121–122].

На страницах журнала «Безбожник» и подобных ему «Деревенский безбожник» (1928–1932) и «Безбожник у станка» (1923–1931) высмеивались религиозные чувства верующих, печатались инструкции по проведению антирелигиозных мероприятий, призывы к закрытию храмов, публиковались оскорбительные карикатуры на священнослужителей и церковные сцены [16].

Журнал «Воинствующий атеизм», издававшийся в январе–декабре 1931 г., содержал разделы «Социалистическое строительство и отмирание религии», «Классовая борьба, религия, церковь. Хроника антирелигиозного

движения в СССР и за рубежом» и др. Главной задачей редакция журнала определяла раскрытие «контрреволюционной сущности всякой религии» [16].

Журнал «Антирелигиозник», издававшийся с 1926 по июнь 1941 г., на своих страницах рассматривал вопросы идеологических основ антирелигиозной пропаганды. В журнал входили авторские статьи и разделы, посвященные антирелигиозному воспитанию в школе, методике антирелигиозной пропаганды. Журнал акцентировал внимание на «научном» обосновании атеизма и включал рецензии на книги и статьи антирелигиозной тематики [16].

Приведенные выше газеты и журналы являются лишь малой частью перечня антирелигиозных изданий того времени. Этот период характеризовался широким печатным разнообразием, включающим антирелигиозные газеты, журналы, книги, которые были доступны не только на русском, но и на других языках, используемых народами СССР. Всего в период с 1917 по 1929 г. было опубликовано более 2 000 наименований книг, брошюр и статей на русском языке, касающихся вопросов религии и антирелигиозной пропаганды [5. С. 210–211], а с июля 1930 по ноябрь 1932 г., т.е. всего лишь за два с небольшим года, было опубликовано 1 365 наименований антирелигиозного характера [6].

Особое место в пропаганде антирелигиозных взглядов рассматриваемого периода занимает общественная организация, образованная в 1925 г. и получившая название «Союз безбожников» (далее – СБ), а в 1929 г. СБ получает уже известное всем название «Союз воинствующих безбожников» (далее – СВБ). Следует отметить, что вышеупомянутые журналы («Антирелигиозник», «Безбожник», «Воинствующий атеизм») являлись печатными органами «Союза воинствующих безбожников».

Деятельность СБ–СВБ постоянно находилась под контролем партийного аппарата, а точнее, под контролем Антирелигиозной комиссии ЦК, что помогало решать организационные и финансовые вопросы [10. С. 49–54]. Размах деятельности этой общественной организации поистине впечатляет: к началу 1930-х гг. СВБ издавалась газета, несколько журналов, агитационная литература минимум на 12 языках, а объем изданий составлял 800 млн страниц. Численность самой организации превышала количество членов ВКП(б) и составляла 5,5 млн человек [1. С. 136–152]. Цели и задачи, которые ставились перед СВБ, определялись уставом организации. На примере устава СБ СССР 1925 г. мы можем констатировать, что основной целью Союза было «полное раскрепощение трудящихся от религиозного дурмана». Для достижения своей цели СВБ организовывал ячейки на фабриках и заводах, в селах, воинских частях, учебных заведениях, жилищных товариществах, где проводились разнообразные мероприятия антирелигиозной направленности, включая кружки, семинары, лекции, вечера, уголки и т.д. Осуществлялась широкая работа по изданию и распространению антирелигиозной, марксистской и естественнонаучной литературы. В рамках этой работы создавались читальни и библиотеки [20. С. 89–92]. Докладывая об итогах работы за десятилетие (в 1935 г. – *А.Ш.*), бессменный руководитель СВБ, Е.М. Ярославский отмечал, что в «результате систематической антирелигиозной пропаганды ... достигнуты громадные успехи... число безбожников СССР стало исчисляться миллионами, а ... около 1/2 населения полностью или частично порвало с религией» [19. С. 188–191].

В конце 1920-х гг. появились антирелигиозные университеты, игравшие важную роль в распространении научного атеизма и подготовке кадров. В университетах изучали вопросы религии и атеизма, готовили активистов антирелигиозной деятельности. Первый воскресный антирелигиозный университет был основан

в Москве в 1928 г. Вскоре такие университеты открылись в Саратове, Николаеве, Орле, Тбилиси. В 1929 г. начал работу ленинградский рабочий антирелигиозный университет имени И.И. Скворцова-Степанова. Общее число таких университетов быстро увеличивалось, и если в 1929/30 учебном году их было 35, то уже в 1931 г. число выросло до 84, включая три в колхозах [11. С. 76–77].

В ходе антирелигиозной кампании получает свое развитие и кинематограф, и не только в качестве искусства, но и как оружие в борьбе с религией, оружие массового применения и воздействия. Антирелигиозные фильмы критически отражали различные аспекты деятельности духовенства и Церкви. В них раскрывались лихоимство, жадность, лицемерие и разврат священнослужителей («За монастырской стеной», 1928), противодействие духовенства революционному движению в России и их участие в обмане народа («Кровавое воскресенье», 1925), осуждалась борьба религии с материалистической наукой («Саламандра», 1928) [7. С. 131–135].

При демонстрации антирелигиозных фильмов акцентировалось внимание на обмане населения религией, разврате и жажде обогащения у духовенства, на противодействии индустриализации и общественному развитию. Для повышения эффективности пропаганды в условиях неграмотности аудитории «помогали» совместить рассказ и экранный образ. Лектор подстраивался под уровень аудитории, читая антирелигиозные тексты и стихи. Кроме того, перед кинопоказом организовывались выставки с документами, афишами, лозунгами и фотографиями, а во время просмотра фильма проводились викторины, вечера вопросов и ответов. Такой формат демонстрации антирелигиозных фильмов оказывал сильное воздействие на массы, формируя образ церкви, духовенства и религии как главного врага социалистического общества и способствовал успеху антирелигиозной работы [7. С. 131–135].

Активная антирелигиозная пропаганда в 1920–1930-х гг. проводилась и в антирелигиозных музеях, экспонатами для которых становились изъятые церковные ценности. На эти музеи возлагалась задача по формированию у народных масс научного мировоззрения и отрицательного отношения к религии.

Антирелигиозные музеи и отделы в основном старались размещать в православных храмах, церквях или монастырях. В 1926 г. на антирелигиозном совещании при ЦК ВКП(б) было принято решение об организации Центрального антирелигиозного музея (открыт 1 мая 1929 г. в бывшем Страстном монастыре. – *А.Ш.*). В сентябре 1930 г. в бывшем Казанском соборе создается Музей истории религии [21. С. 22–30]. В Брянске окружной антирелигиозный музей открылся в Новопокровском соборе. Государственный антирелигиозный музей в Ленинграде был открыт в Исаакиевском соборе. В Улан-Удэ антирелигиозный музей открылся в Одигитриевском соборе, а в Ярославле – в церкви Ильи Пророка. В Софийском соборе Вологды и в Рождественской церкви в Архангельске были открыты антирелигиозные отделы [15. С. 195–226].

Краеведческие музеи также активно включались в антирелигиозную пропаганду. В них создавались специальные антирелигиозные отделы, где выставлялись предметы культа и материалы, связанные с историей религии. Это позволяло проводить антирелигиозную пропаганду в доступной и наглядной форме, постоянно привлекая посетителей.

На примере Государственного антирелигиозного музея Ленинграда можно оценить масштаб деятельности и сам замысел организации такого типа музеев. Музей был основан с целью борьбы с религиозными предрассудками и распространения научно-материалистического мировоззрения, по своей структуре он был разделен на отделы, посвященные различным аспектам антирелигиозности.

В экспозиции музея присутствовали материалы из истории атеизма, документы, подчеркивающие классовую сущность религии, иконостасы с изображениями святых покровителей царской династии, скульптуры, схожие по внешнему виду с членами царской семьи и т.д. Кроме экскурсий, музей занимался и научными исследованиями, изучая роль религиозных организаций в революционном движении, роль местных религиозных организаций и процессы отмирания религии среди различных социальных групп. Он осуществлял политико-просветительскую работу, охватывающую рабочих, колхозников, школьников и красноармейцев. Музей организовывал передвижные выставки, лекции, проводил культпоходы и помогал в создании антирелигиозных уголков [2. С. 5–7].

Несомненно, антирелигиозные музеи сыграли важную роль в системе антирелигиозной пропаганды, даже несмотря на некоторые недостатки. Следуя общей идеологической тенденции, музеи принимали активное участие в этом процессе, организовывая пропаганду естественнонаучных знаний и позиционируя церковь как опору господствующих классов.

Выводы. Антирелигиозная деятельность была важной частью политики государства в отношении религии. Для обеспечения этой деятельности менялось законодательство, организовывались антирелигиозные кампании и мероприятия на территории всей страны, была развернута широкая антирелигиозная пропаганда. Проводимая в разных формах и различными методами, пропаганда была направлена на искоренение религиозности в народе и формирование новой идеологической основы для построения социалистического общества. Безусловно, это была идеологическая борьба за новое общество, которая оказывала значительное влияние на общественное сознание и духовную жизнь нации. Искусственно создаваемое ограничение свободы вероисповедания приводило к зарождению уникальной формы человеческой двойственности: в зависимости от обстановки люди разделяли свои истинные убеждения и публичные высказывания. В повседневной жизни ограничения по части религии зачастую игнорировались, люди в частных разговорах обычно не поддерживали антирелигиозный курс власти, даже если они не выступали явно против него, но в то же время официальные выступления были наполнены одобрением действий властей страны.

В итоге эффект от принимаемых государством усилий в борьбе с религией также оказался двойственным: с одной стороны, существенно сократилось количество верующих, с другой – сохранилась религиозность на более тонком, бытовом уровне. Таким образом, антирелигиозная деятельность, действительно оказавшая сильное влияние в стране, не была эффективной в плане полного уничтожения религии и не достигла успеха в искоренении религиозного мировоззрения у населения страны.

Литература и источники

1. Апанасенок А.В. История Союза воинствующих безбожников в зеркале отечественных и зарубежных исследований // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История. 2023. № 3. С. 136–152.
2. Бутиков Г.П. К вопросу о роли музеев в коммунистическом воспитании // Музеи в атеистической пропаганде: сб. науч. тр. Л.: Лениздат, 1982. 116 с.
3. Валуев Д.В. «Используем наши рождественские колядки <...> преложив все это <...> через коммунистическую призму»: карнавалы как часть антирелигиозных кампаний 1920–1930-х гг. (на материалах Смоленской губернии и Западной области) // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2021. № 2021. С. 249–263.
4. Варакин С.А. «Школу нужно превратить в Маяк воинствующего безбожия...»: антирелигиозная работа Союза воинствующих безбожников в советской школе в начале 1930-х гг. (на материалах Нижегородского края) // Современная научная мысль. 2020. № 1. С. 54–60.

5. Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1. Антология отечественного религиоведения: сб. Ч. 3. Институт научного атеизма – Институт религиоведения АОН при ЦК КПСС / сост. и общ. ред. Ю.П. Зуева, В.В. Шмидта. М.: Изд-во РАГС, 2009. 524 с.
6. Глан Я.М. Антирелигиозная литература пооктябрьского периода 1930 (июль) – 1932 (ноябрь): аннотированный систематический указатель книг, брошюр и журнальных статей по вопросам религии и антирелигиозной пропаганды. М.: Безбожник, 1932. 212 с.
7. Гурьянов П.С. Антирелигиозная борьба большевиков в 1920–1930-е гг. при помощи кино // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8(52). С. 131–135.
8. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 1. 25 октября 1917 – 16 марта 1918. М.: Политиздат, 1957. 626 с.
9. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. 367 с.
10. Зотов В. Роль Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) в создании Союза воинствующих безбожников СССР в 20-е годы XX века // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2020. № 2(15). С. 49–54.
11. Коновалов Б.Н. Союз воинствующих безбожников // Вопросы научного атеизма. М.: Мысль, 1967. Вып. 4. С. 63–93.
12. Кривко Я.П. Особенности трансформации Рождественских детских праздников в праздник новогодней елки на страницах пионерской периодической печати в первой трети XX века // Наука и школа. 2023. № 4. С. 151–160.
13. Лучшее Е.М. Антирелигиозная пропаганда в СССР: 1917–1941 гг. СПб.: Информационно-техническое агентство Ритм, 2016. 364 с.
14. Метель А.В. Становление антирелигиозной периодической печати в СССР (1919–1941 гг.) // Вестник Омского университета. 2013. № 1(67). С. 43–47.
15. Мунькова Ю.В. Основные этапы становления и эволюции антирелигиозных музеев в СССР (1918–1941 гг.) // Труды Государственного музея истории религии. СПб.: Акционер и К°, 2020. Вып. 20. С. 195–226.
16. Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/> (дата обращения: 01.03.2024).
17. Слезин А.А. Антирелигиозное наступление советского государства в 1927–1929 гг // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 5. С. 125–189.
18. Слезин А.А. Дети в «антирелигиозном наступлении» на рубеже 1920–1930-х гг // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 4. С. 956–973.
19. Федирко О. Общественная организация «Союз безбожников» в СССР // Вестник Академии. 2011. № 2. С. 188–191.
20. Черкасов А.А. Устав Союза безбожников СССР // Русский архив. 2013. № 2(2). С. 89–92.
21. Шахнович М.И. Из прошлого музея истории религии академии наук СССР // Музеи в атеистической пропаганде: сб. науч. тр. Л.: Лениздат, 1982. С. 22–30.
22. Юдочкин Д.И. Антирелигиозная пропаганда в букварях и азбуках Советской России 1920–30-х гг.: структурный и смысловой анализ // Время науки. 2021. № 4. С. 28–40.
23. Юров Д.Г. Антирелигиозная работа школы с родителями и населением. М.: Госиздат, 1930. 74 с.
24. Яшина М.А. Антирелигиозные образование и воспитание в СССР в 1920-годы: уроки истории и современность // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2011. № 3. С. 201–208.

ШМАКОВ АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – доцент кафедры Военного учебного центра при Нижегородском государственном университете имени Н.И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород (Shmakov@vuc.unn.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3795-496X>).

АБИДУЛИН АЛИМ МАРАТОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород (abidulin@imomi.unn.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3322-0240>).

Aleksey A. SHMAKOV, Alim A. ABIDULIN
ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA IN THE USSR IN THE 1920s AND 1930s.
BASIC FORMS AND METHODS

Key words: *anti-religious propaganda, propaganda in the USSR, anti-religious holidays, anti-religious press in the USSR.*

The article is devoted to the anti-religious propaganda deployed in the USSR in the 1920s and 1930s. The relevance of this research is obvious in modern multinational Russian society, in which

religious beliefs and values not only have a noticeable impact on the social and cultural spheres of public life, but also find their reflection in the political activities of the state. The history of anti-religious propaganda in the USSR reminds us of the danger of using ideology to suppress the faith and the need to protect and respect religious freedom, and studying it will allow us to avoid repeating mistakes and to approach consciously the issues of building and coexistence of a multi-confessional society.

The purpose of the study is to reveal the state approach to solving issues of fight against religion and systematizing the main methods and forms of anti-religious propaganda.

Materials and methods. The main materials for the study were collections of works and scientific papers, presently topical scientific articles, collections of documents, books and brochures on the problems under study of the designated period. In the course of the study, the principle of historicism was applied using historical-systemic and chronological methods of historical research.

Research results. As a result of the study, key practices of anti-religious propaganda were identified, including legislative activities, the educational system, mass culture, and periodicals. The authors note the diversity of propaganda solutions, their ability to adapt in accordance with changes in the social and political life of the country.

Conclusions. The study revealed the leading role of the state apparatus and the centralized management of anti-religious propaganda in the country. It should be noted that anti-religious propaganda had an impact on the development of domestic politics, culture, public sentiments, and the worldview of Soviet citizens. Nevertheless, all the anti-religious activities of the state, planned and carried out according to a single plan, could not completely eliminate the religious component in the life of the country, and if the state achieved certain results at the legislative level, then at the local, everyday level, the religious identity of the country was preserved and was able to revive in the near future.

References

1. Apanasenok A.V. *Istoriya Soyuzo voinstvuyushchikh bezbozhnikov v zerkale otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniy* [The history of the Union of Militant Atheists in the Mirror of Domestic and Foreign Studies]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5. Istoriya*, 2023, no. 3, pp. 136–152.
2. Butikov G.P. *K voprosu o roli muzeev v kommunisticheskom vospitanii* [On the Question of the Role of Museums in Communist Education]. In: *Muzei v ateisticheskoi propagande: sb. nauch. trudov* [Museums in Atheistic Propaganda: Collection of Scientific Papers]. Leningrad, Lenuprizdat Publ., 1982, 116 p.
3. Valuev D.V. «Ispol'zuem nashi rozhdestvenskie kolyadki <...> prelozhiv vse eto <...> cherez kommunisticheskuyu prizmu»: karnavaly kak chast' antireligioznykh kampanii 1920-1930-kh gg. (na materialakh Smolenskoj gubernii i Zapadnoj oblasti) [We Use Our Christmas Carols <...> by Putting It All Together <...> Through the Communist Prism: Carnivals as Part of the Anti-Religious Campaigns of the 1920s–1930s (based on the materials of the Smolensk province and the Western region)]. *Kul'tura slavyan i kul'tura evreev: dialog, skhodstva, razlichiya*, 2021, no. 2021, pp. 249–263.
4. Varakin S.A. «Shkolu nuzhno prevratit' v Mayak voinstvuyushchego bezbozhnaya...»: antireligioznaya rabota Soyuzo voinstvuyushchikh bezbozhnikov v sovetskoj shkole v nachale 1930-kh gg. (na materialakh Nizhegorodskogo kraja) [The School Must Be Turned Into a Beacon of Militant Atheism: Antireligious Work of the Union of Militant Atheists in the Soviet School in the Early 1930s (Based on Materials from the Nizhny Novgorod Region)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, 2020, no. 1, pp. 54–60.
5. Zueva Yu.P., Shmidta V.V., comps. *Voprosy religii i religiovedeniya. Vyp. 1: Antologiya otechestvennogo religiovedeniya: sbornik. Ch. 3: Institut nauchnogo ateizma – Institut religiovedeniya AON pri TsK KPSS* [Anthology of Russian Religious Studies: Collection. Part 3: Institute of Scientific Atheism – Institute of Religious Studies of the CPSU]. Moscow, RAGS Publ., 2009, 524 p.
6. Glan Ya.M. *Antireligioznaya literatura pooktyabr'skogo perioda 1930 (iyul') – 1932 (noyabr')*: Annotirovannyi sistematičeskii ukazatel' knig, broshyur i zhurnal'nykh statej po voprosam religii i antireligioznoj propagandy [Antireligious Literature of the October Period 1930 (July)–1932 (November), An Annotated Systematic Index of Books, Pamphlets, and Journal Articles on Religion and Anti-Religious Propaganda]. Moscow, Bezbozhnik Publ., 1932, 212 p.
7. Gur'yanov P.S. *Antireligioznaya bor'ba bol'shevikov v 1920–1930-e gg. pri pomoshchi kino* [The anti-religious struggle of the Bolsheviks in the 1920s and 1930s through the lens of cinema]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2018. no. 8(52), pp. 131–135.
8. *Dekrety sovetskoj vlasti: v 18 t. T. 1. 25 oktyabrya 1917 – 16 marta 1918* [Soviet government decrees: in 18 volumes. Vol. 1: 25 October 1917 – 16 March 1918 (1957)]. Moscow, Politizdat Publ., 1957, 626 p.
9. Zhirkov G.V. *Istoriya tsenzury v Rossii XIX–XX vv* [The history of censorship in Russia in the 19th and 20th centuries]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2001, 367 p.
10. Zotov V. *Rol' Antireligioznoj komissii pri TsK VKP(b) v sozdanii Soyuzo voinstvuyushchikh bezbozhnikov SSSR v 20-e gody XX veka* [The Anti-Religious Commission under the Central Committee

of the CPSU (b) in the creation of the Union of Militant Atheists of the USSR in the 20s of the twentieth century]. *Vestnik Orenburgskoi dukhovnoi seminarii*, 2020, no. 2(15), pp. 49–54.

11. Kononov B.N. *Soyuz voinstvuyushchikh bezbozhnikov* [Union of militant atheists]. In: *Voprosy nauchnogo ateizma* [In questions of scientific atheism]. Moscow, Mysl' Publ., 1967, iss. 4, pp. 63–93.

12. Krivko Ya.P. *Osobennosti transformatsii Rozhdestvenskikh detskikh prazdnikov v prazdnik novogodnei elki na stranitsakh pionerskoi periodicheskoi pechati v pervoi treti XX veka* [Features of the transformation of christmas children's holidays into a new year tree holiday on the pages of the pioneer periodical press in the first third of the twentieth century]. *Nauka i shkola*, 2023, no. 4, pp. 151–160.

13. Luchshev E.M. *Antireligioznaya propaganda v SSSR: 1917–1941 gg* [Antireligious propaganda in the USSR: 1917–1941]. St. Petersburg, 2016, 364 p.

14. Metel' A.V. *Stanovlenie antireligioznoi periodicheskoi pechati v SSSR (1919–1941 gg.)* [The formation of the antireligious periodical press in the USSR (1919–1941)]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2013, no. 1(67), pp. 43–47.

15. Mun'kova Yu.V. *Osnovnye etapy stanovleniya i evolyutsii antireligioznykh muzeev v SSSR (1918–1941 gg.)* [The main stages of the formation and evolution of anti-religious museums in the USSR (1918–1941)]. In: *Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii religii* [Proceedings of the state museum of the history of religion]. St. Petersburg, 2020, iss. 20, pp. 195–226.

16. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The orthodox encyclopedia]. Available at: <https://www.pravenc.ru/> (Accessed Date: 2024, March 1).

17. Slezin A.A. *Antireligioznoe nastuplenie sovetskogo gosudarstva v 1927–1929 gg.* [The anti-religious offensive of the Soviet state in 1927–1929]. *NB: Problemy obshchestva i politiki*, 2013, no. 5, pp. 125–189.

18. Slezin A.A. *Deti v «antireligioznom nastuplenii» na rubezhe 1920–1930 gg.* [Children in the «anti-religious offensive» at the turn of the 1920s and 1930s]. *Noveishaya istoriya Rossii*, 2023, vol. 13, no. 4, pp. 956–973.

19. Fedirko O.P. *Obshchestvennaya organizatsiya «Soyuz bezbozhnikov» v SSSR* [Public organization «Union of atheists» in the USSR]. *Vestnik Akademii*, 2011, no. 2, pp. 188–191.

20. Cherkasov A. A. *Ustav Soyuza bezbozhnikov SSSR* [The charter of the union of atheists of the USSR]. *Russkii arkhiv*, 2013, no. 2(2), pp. 89–92.

21. Shakhnovich M.I. *Iz proshlogo muzeya istorii religii akademii nauk SSSR* [From the past of the museum of the history of religion at the USSR]. In: *Muzei v ateisticheskoi propagande. Sbornik nauchnykh trudov* [Academy of sciences. In museums in atheistic propaganda]. Leningrad, Lenuprizdat Publ., 1982, pp. 22–30.

22. Yudochkin D.I. *Antireligioznaya propaganda v bukvaryakh i azbukakh Sovetskoi Rossii 1920–30-kh gg.: strukturnyi i smyslovoy analiz* [Antireligious propaganda in p Books and alphabets of Soviet Russia during the 1920s and 1930s: Structural and semantic analysis]. *Vremya nauki*, 2021, no. 4, pp. 28–40.

23. Yurov D.G. *Antireligioznaya rabota shkoly s roditelyami i naseleniem* [Antireligious work of schools with parents and the population]. Moscow, Gosizdat Publ., 1930, 74 p.

24. Yashina M.A. *Antireligioznye obrazovanie i vospitanie v SSSR v 1920-gody: uroki istorii i sovremennost'* [Antireligious education and upbringing in the USSR during the 1920s: lessons from history and modernity]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2011, no. 3, pp. 201–208.

ALEKSEY A. SHMAKOV – Associate Professor, Military Training Center, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia, Nizhny Novgorod (Shmakov@vuc.unn.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3795-496X>).

ALIM A. ABIDULIN – Candidate of Historical Science, Associate Professor, Department of Oriental Languages and Linguoculturology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia, Nizhny Novgorod (abidulin@imomi.unn.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3322-0240>).

Формат цитирования: Шмаков А.А., Абидулин А.М. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1920–1930-х годах. Основные формы и методы // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 243–253. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-243-253.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Чувашского университета» просит авторов руководствоваться нижеприведенными правилами.

1. Авторские оригиналы представляются на бумажном и электронном носителях. Авторский текстовый оригинал должен быть пронумерован и подписан авторами на титульном листе с указанием даты.

2. К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

- 1) *заявление автора на имя главного редактора;*
- 2) *анкета авторов;*
- 3) *ходатайство научного руководителя (для авторов статей, не имеющих ученых степеней).*

3. Авторы должны указать рубрику, в которой следует поместить статью.

4. Структура статьи:

- 1) *классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), Библиотечно-библиографического классификатора (ББК);*
- 2) *инициалы и фамилия авторов;*
- 3) *название статьи;*
- 4) *ключевые слова;*
- 5) *аннотация статьи;*
- 6) *название статьи, инициалы и фамилия автора на английском языке;*
- 7) *ключевые слова на английском языке;*
- 8) *аннотация на английском языке;*
- 9) *текст статьи;*
- 10) *примечательный библиографический список;*
- 11) *транслитерированный библиографический список References;*
- 11) *сведения об авторе.*

Авторские оригиналы подготавливаются с помощью компьютера в среде Microsoft Word (файлы типа doc). Формат бумаги А4, поля: справа и слева 4 см, сверху 4,5 см, снизу 5,7 см, от края до верхнего колонтитула 3 см, красная строка 0,75 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman размера 11 пт через 1 интервал.

Текст статьи представляется в двух экземплярах с приложением файла в электронном виде.

5. Рисунки. Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Рисунки должны быть внедрены в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисовочные подписи выполняются шрифтом размера 9 пт.

6. Формулы и буквенные обозначения по тексту. Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер 11 пт, крупный индекс 7 пт, мелкий 5 пт. Латинские буквы набираются курсивом, буквы греческого алфавита и кириллицы – прямым шрифтом, обозначения матриц, векторов, операторов – прямым полужирным шрифтом. Формулы располагаются по центру страницы. Номер формулы ставится у правого края. Нумеруются лишь те формулы, на которые имеются ссылки. При выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. Таблицы. Текст в таблицах набирается шрифтом размером 9 пт, заголовки выделяются полужирным шрифтом. На таблицы должны быть ссылки.

8. Список литературы. Список строится по алфавиту, записи рекомендуются располагать сначала на языке издания, в которое включен список, затем на других языках. Источники набираются шрифтом Times New Roman размера 9 пт. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТом Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления». Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например [1], [1. С. 5].

9. Список References. Транслитерацию русского текста в латиницу следует производить в соответствии со стандартом BSI.

10. Сведения об авторах набираются полужирным шрифтом размера 10 пт **на русском и английском языках в именительном падеже** по следующей форме: *Фамилия, имя, отчество – ученая степень, должность, место работы, страна, город. Контактная информация (e-mail).*

11. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

12. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

13. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

СОДЕРЖАНИЕ

Бойко И.И., Муравьева И.В., Мясникова А.Б. Студенческая молодежь Чувашии о межэтнических отношениях в республике	5
Галиева Ф.Г. Целительская практика русских Южного Урала: прием «переноса» недуга от человека на другие объекты.....	12
Гасанова М.Н., Минеева Е.К. Академические центры Башкирского, Татарского и Чувашского наркоматов просвещения: основные направления и результаты деятельности	20
Корнилов Г.Е. О буртасах и буртасонимах Пензенского края (историко-этнологический аспект: спорное и бесспорное)	34
Кошкина О.А. Организация агитации и пропаганды в Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны	45
Кузнецов А.К. Формирование системы местного самоуправления в Российской Федерации в 1990-е годы: к историографии вопроса	54
Леонтьев А.П. О подлинных и подставных издателях-редакторах первой чувашской газеты «Хыпар»	70
Михайлова Е.М. Образование и деятельность Астраханского русского патриотического общества в начале XX века.....	84
Михайлова Е.М. Основные направления общественно-политической деятельности Астраханской народно-монархической партии (по материалам газеты «Русская правда»).....	92
Никонова Л.И., Трибушинина С.Д. Транспортные средства передвижения в свадебной обрядности мордвы: из истории традиций сельского быта	104
Петров И.Г. Похоронно-поминальная обрядность чувашей в научных исследованиях XX – начала XXI века: к историографии вопроса	117
Самылкин Н.О., Иванова Т.Н. В.И. Чапаев: мифы и реальность в свете анализа документов и воспоминаний	129
Семенова Т.В., Егорова О.В. Роль женщины в традиционных календарных праздниках и обрядах чувашей	139

Соколова В.И., Евдокимова А.Н., Андреев О.В. Социально-правовая защита подрастающего поколения в первое десятилетие Советской власти (на материалах Чувашской АССР).....	146
Соколова В.И., Евдокимова А.Н., Ялтаев Д.А. Марийская областная комсомольская организация в 1920–1930 годах: опыт организационного становления и развития	157
Стариков С.В. Революция 1905–1907 годов в оценках русского писателя А.А. Тихонова-Лугового (по материалам «Дневника свободного человека» и литературных произведений)...	168
Таймасов Л.А. О миссионерско-просветительской деятельности епископа Андрея (А.А. Ухтомского) в Казанской епархии	180
Урмаев А.Н., Данилов А.А., Орлов А.И. Факторы и условия развития самбо в добровольном спортивном обществе «Труд» Чувашской АССР	192
Филонов А.А. К вопросу о развитии лесного хозяйства Среднего Поволжья конца XIX – начала XX века (на материалах журнала «Лесопромышленный вестник»).....	202
Филонова А.Б., Иванов А.Г., Филонов А.А. Участие женщин Марийской АССР в патриотическом движении по оказанию помощи фронту в годы Великой Отечественной войны (на материалах периодической печати военных лет)	214
Хабибрахманова О.А. Рабочие факультеты казанских вузов 1920-х годов – школа политического воспитания или требование времени?	223
Хасанова З.Ф. Магические средства защиты домашних животных у башкир	232
Шмаков А.А., Абидулин А.М. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1920–1930-х годах. Основные формы и методы	243
Правила для авторов	254

CONTENTS

Boyko I.I., Muravyeva I.V., Myasnikova A.B. STUDENT YOUTH OF CHUVASHIA ON INTERETHNIC RELATIONS IN THE REPUBLIC	5
Galieva F.G. HEALING PRACTICE OF THE RUSSIANS OF THE SOUTHERN URALS: THE TECHNIQUE OF «TRANSFERRING» AN AILMENT FROM A PERSON TO OTHER OBJECTS.....	12
Gasanova M.N., Mineeva E.K. ACADEMIC CENTERS OF THE BASHKIR, TATAR AND CHUVASH PEOPLE'S COMMISSARIATS OF EDUCATION: MAIN DIRECTIONS AND RESULTS OF ACTIVITY ...	20
Kornilov G.E. ABOUT THE BURTAS AND BURTASONYMS OF PENZA REGION (historical and ethnological aspect: controversial and indisputable)	34
Koshkina O.A. ORGANIZATION OF AGITATION AND PROPAGANDA IN THE MARI ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.....	45
Kuznetsov A.K. FORMATION OF THE LOCAL GOVERNMENT SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE 1990s: TO THE HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE	54
Leontiev A.P. ABOUT THE REAL AND FAKE PUBLISHERS-EDITORS OF THE FIRST CHUVASH NEWSPAPER «KHYPAR»	70
Mikhailova E.M. FORMATION AND ACTIVITY OF ASTRAKHAN RUSSIAN PATRIOTIC SOCIETY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY	84
Mikhailova E.M. THE MAIN DIRECTIONS OF SOCIO-POLITICAL ACTIVITY OF ASTRAKHAN PEOPLE'S MONARCHIST PARTY (based on the materials of the «Russkaya Pravda» newspaper).....	92
Nikonova L.I., Tribushinina S.D. VEHICLES IN THE WEDDING CEREMONY OF THE MORDVINS: FROM THE HISTORY OF RURAL LIFE TRADITIONS	104
Petrov I.G. FUNERAL AND MEMORIAL RITES OF THE CHUVASH IN SCIENTIFIC RESEARCH WORKS OF THE XX – EARLY XXI CENTURY: TO THE HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM.....	117
Samilkin N.O., Ivanova T.N. V.I. CHAPAEV: MYTHS AND REALITY IN VIEW OF DOCUMENTS AND MEMORIES ANALYSIS	129

Semenova T.V., Egorova O.V. THE ROLE OF WOMEN IN TRADITIONAL CALENDAR FESTIVALS AND RITUALS OF THE CHUVASH	139
Sokolova V.I., Evdokimova A.N., Andreev O.V. SOCIAL AND LEGAL PROTECTION OF THE YOUNGER GENERATION IN THE FIRST DECADE OF THE SOVIET POWER (based on the materials of the Chuvash ASSR)	146
Sokolova V.I., Evdokimova A.N., Yaltaev D.A. THE MARI REGIONAL KOMSOMOL ORGANIZATION IN THE 1920–1930s: THE EXPERIENCE OF ORGANIZATIONAL EVOLVEMENT AND DEVELOPMENT	157
Starikov S.V. THE REVOLUTION OF 1905–1907 IN THE ASSESSMENTS OF THE RUSSIAN WRITER A.A. TIKHONOV-LUGOVOY (based on the materials of the «Diary of a Free Man» and literary works).....	168
Taimasov L.A. ON THE MISSIONARY AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF BISHOP ANDREY (A.A. UKHTOMSKY) IN THE DIOCESE OF KAZAN	180
Urmaev A.N., Danilov A.A., Orlov A.I. FACTORS AND CONDITIONS OF SAMBO DEVELOPMENT IN THE VOLUNTARY SPORTS SOCIETY «TRUD» OF THE CHUVASH ASSR	192
Filonov A.A. ON THE ISSUE OF FORESTRY DEVELOPMENT IN THE MIDDLE VOLGA REGION OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY (based on the materials of the journal «Lesopromyshlennyi Vestnik»)	202
Filonova A.B., Ivanov A.G., Filonov A.A. PARTICIPATION OF WOMEN OF THE MARI ASSR IN THE PATRIOTIC MOVEMENT TO ASSIST THE FRONT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (based on the materials of the periodical press of the war years).....	214
Habibrahmanova O.A. WORKERS' FACULTIES OF Kazan UNIVERSITIES OF THE 1920s – A SCHOOL OF POLITICAL EDUCATION OR IMPERATIVE OF THE TIME?	223
Khasanova Z.F. MAGICAL MEANS TO PROTECT DOMESTIC ANIMALS IN THE BASHKIRS.....	232
Shmakov A.A., Abidulin A.A. ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA IN THE USSR IN THE 1920s AND 1930s. BASIC FORMS AND METHODS.....	243
Rules for the Authors	254

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (16+)

Исторические науки

№ 3 2024

Редакторы *Т.В. Пенкина, В.Н. Антонова, Т.Н. Князева,*
М.В. Перцева, Г.В. Плотникова
Технический редактор *Н.Н. Иванова*

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-66541 от 21.07.2016 г.

Подписной индекс в каталоге Почты России «Подписные издания» ПМ983

Сдано в набор 01.04.2024. Подписано в печать 23.09.2024. Выход в свет 30.09.2024.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 21,13. Уч.-изд. л. 23,42. Тираж 200 экз. Заказ № 1091. Свободная цена.

Адрес редакции и издателя
428015, Чебоксары, Московский просп., 15

Типография Чувашского университета
428015, Чебоксары, Московский просп., 15